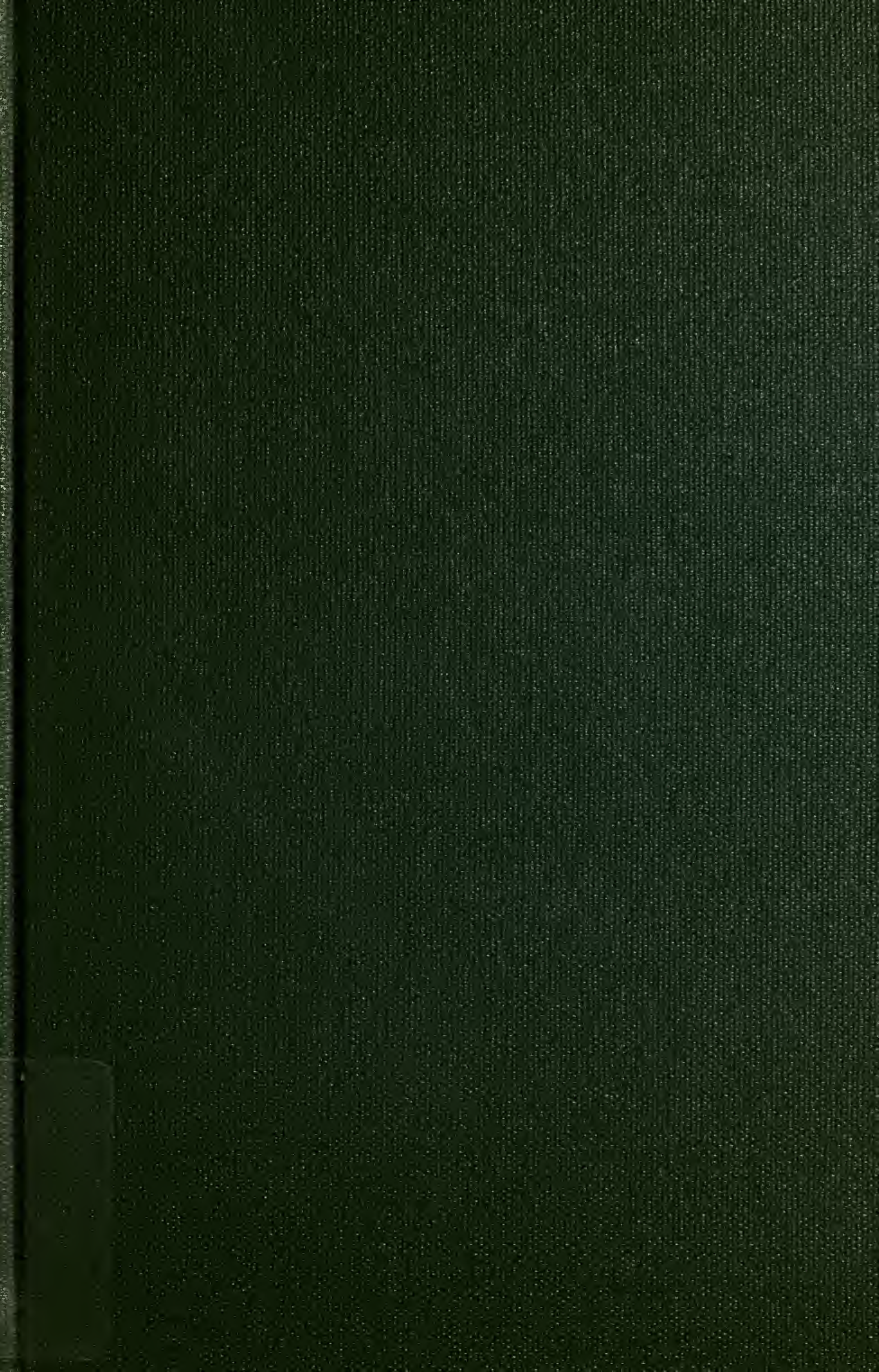

Berkeley
LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

ОТЪ НЬЮ-ІОРКА ДО САНЪ-ФРАНЦИСКО И ОБРАТНО ВЪ РОССІЮ

П. Огородникова

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе книгопродавцевъ Ѳ. Колесова и Ф. Михина
1872

Въ типографіи д-ра М. Хана. Греческій переулокъ, № 5.

ОТЪ НЬЮ-ІОРКА ДО САНЪ-ФРАНЦИСКО И ОБРАТНО ВЪ РОССІЮ.

Сегодня—6-е августа и 14-й день, какъ англійскій пароходъ «The Queen» отплылъ изъ Ливерпуля въ Америку. 13 дней пути по Атлантическому Океану,—дней туманныхъ и холодныхъ, и только сегодня — солнце тепло и весело пригрѣло нашъ засырѣвшій пароходъ, быстро приближающійся теперь къ Нью-Іорку.

— «Лонгъ-Айландъ»! *) крикнулъ одинъ изъ пассажировъ, указывая на едва-едва виднѣющійся вдали справа темный клочекъ земли.

Эта вѣсть мгновенно оживила прочихъ: рубка наполнилась засуетившимся людомъ 1-го класса, на палубѣ затолпились прочіе пассажиры. Достойнѣйшій докторъ, мистеръ Морицъ, неутомимо бѣгаетъ отъ одной группы первокласниковъ къ другой; то подбѣжитъ къ солидному и плотному капитану парохода, то къ матросамъ, то къ ирландскимъ эмигрантамъ; — вездѣ-то онъ броситъ два, три ловкихъ слова, пощелкаетъ по брюшку одного, другого потреплетъ по бородкѣ или по плечу, отовсюду въ отвѣтъ ему несется дружески-веселый смѣхъ и говоръ....

— «А, а!.... Слухай!....» кричитъ онъ, завидѣвъ меня,—«чы машъ сигаре»?.... Охотно угощаю я его сигарами, да и какъ не угостить такого милаго человѣка,

*) Длинный островъ, идущій отъ Нью-Іоркскаго залива вдоль береговъ штата „Конектикутъ“,

какъ м-ръ Морицъ? То займется онъ со мною—по самоучителю—англійскимъ языкомъ, то мелкою дробью наговоритъ онъ мнѣ много, много и объ Америкѣ, и о томъ, какъ мнѣ—подъ его руководствомъ—будетъ весело и дешево гостить въ Нью-Іоркѣ....

М-ръ Морицъ такъ общежителенъ, любезенъ, и столько оказалъ мнѣ мелкихъ услугъ, что я считаю себя обязаннымъ познакомить его съ вами. Прежде всего, м-ръ Морицъ—общій другъ всѣмъ пассажирамъ и служащимъ на пароходѣ «The Queen»; потомъ м-ръ Морицъ, между всѣми пассажирами — англичанами и ирландцами — только одинъ знаетъ нѣсколько словъ по польски, и говоритъ сносно по нѣмецки, слѣдовательно для меня, одинокаго русскаго, здѣсь м-ръ Морицъ полезнѣйшая случайность, благодаря чему я и сошелся съ нимъ съ перваго же дня пути по океану. По его разсказу, онъ родомъ познанскій нѣмецъ, по профессіи—докторъ; еще въ ранней молодости онъ годъ прожилъ въ Варшавѣ, гдѣ и научился нѣсколько говорить по польски. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ переселился въ Америку, въ Нью-Іоркъ,—аклиматизировался здѣсь, пріобрѣлъ практику и довольно хорошо устроился. Въ нравственномъ отношеніи онъ могъ бы служить типомъ объамериканившагося нѣмца; за малымъ исключеніемъ, это перерожденіе заключается въ томъ, что переселенцы изъ Германіи ко всѣмъ недостаткамъ и антипатичнымъ свойствамъ европейскаго нѣмца пріобрѣтаютъ здѣсь преимущественно однѣ только дурныя стороны янки (Iankee), но рѣдко—ихъ хорошія качества.... Теперь же м-ръ Морицъ возвращается въ Америку изъ Европы, куда онъ ѣздилъ на короткое время для свиданія съ родными. Пока довольно,—впослѣдствіи вы познакомитесь съ нимъ ближе.

— Ну, любезный мой докторъ, обратился я къ нему—

по польски—теперь время подумать и о гостинницѣ, гдѣ было бы удобно и недорого мнѣ, да кстати и поближе къ вамъ....

— Есть о чемъ думать?!... обиженно перебилъ меня онъ.—Я васъ устрою въ отличной гостинницѣ, гдѣ живетъ моя тетушка.... А поетъ-то, поетъ она какъ! въ Европѣ вы не услышите ничего подобнаго.... И богата-жъ,— 40,000 долларовъ золотомъ!.... Поймите — золотомъ!.... Тревожная дума легла тѣнью на лицо его.

— Но.....

— Все, все устрою: познакомлю васъ и съ русскими, и съ тетушкою. Я тамъ каждый день обѣдаю.... И покажу вамъ Нью-Іоркъ, все это вамъ ни гроша не будетъ стоить, бросалъ словами на ходу, опять прояснившійся м-ръ Морицъ, быстро направляясь къ одной группѣ англичанъ, откуда неслись громкій смѣхъ и говоръ Я догналъ его и попросилъ продиктовать мнѣ адресъ этой гостинницы.

А пароходъ между тѣмъ быстро несется впередъ, солнце привѣтливо озаряетъ праздничныя лица оживленныхъ пассажировъ, принарядившихся уже въ праздничные костюмы; а вотъ и дельфины игриво закувыркались у теплыхъ прибрежныхъ водъ: они вѣдь не любятъ безбрежнаго моря;—чайки, съ рѣзкимъ свистомъ, рѣжутъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ, да броненосный мониторъ пронесся куда-то вдаль...

Вправо длинною косой тянется Лонгъ-Айландъ, сопровождаемый песчаными, обнаженными отмелями; влѣво—цвѣтущій Губернаторскій островъ. Чудный видъ съ парохода на зеленью покрытый, гористый островокъ этотъ, по которому живописно раскинулись дачи и фермы, сады и рощи! Пушечными выстрѣлами, маханіемъ

платковъ и шляпъ привѣтствовали насъ жители береговъ его.

А тамъ, подальше, полукругомъ, въ густой зелени бѣлѣютъ Нью-Іоркъ, Броклинъ и Нью-Джерсей.

Вотъ съ береговъ Губернаторскаго острова отдѣлилась паровая лодка, на которой подъѣхали къ намъ два джентльмена—докторъ и таможенный чиновникъ. Нашъ пароходъ остановился. Нѣсколько сотенъ (до 300 человѣкъ) палубныхъ пассажировъ *), большею частью изможденныхъ трудомъ и лишеніями ирландцевъ съ ихъ женами и чахлыми дѣтьми,—столпились, по распоряженію капитана, у носовой части парохода. 4 матроса, подъ командою короткаго, толстенькаго помощника его, заперли эту толпу съ обѣихъ сторонъ барьерами, откуда по очереди выпускали ихъ проходить мимо доктора, который остался доволенъ своею ревизіею: заразительно больныхъ во 2-мъ классѣ не оказалось. Iankee былъ настолько любезенъ и разсудителенъ, что насъ, пассажировъ 1 класса не хотѣлъ подвергнуть тому же процессу,—и на своей паровой лодочкѣ удалился обратно. «The Queen» тронулся впередъ, таможенный приставъ остался провожать его.

Вотъ—вотъ и Нью-Іоркъ, какъ на ладони. Множество пароходовъ, судовъ и лодокъ пересѣкали намъ путь; ихъ пассажиры громкими криками привѣтствовали насъ,—

*) На англійскомъ пароходѣ „The Queen“ 2 пассажирскихъ класса: 1-й имѣетъ комфортабельно устроенную каютъ-компанію, отдѣльные кабинеты для каждыхъ двухъ пассажировъ и англійскій роскошный, изобильный столъ. 2-й же классъ—палубный, имѣетъ грязное помѣщеніе и также изобильное, но плохое продовольствіе. Отъ Ливерпуля до Нью-Іорка, первый классъ стоитъ 16 фунтовъ стерлинговъ, а 2-й классъ 12 ф. ст. По нынѣшнему курсу 1 фунтъ стоитъ 8 рублей.

мы отвѣчали имъ тѣмъ-же, а моя сосѣдка, плотная и краснощекая лэди, жена тощаго пастора N, восторженно заголосила національный гимнъ; сотни другихъ голосовъ подхватили его, и вышелъ далеко не гармоничный гимнъ. М-ръ Морицъ сперва размахивалъ въ тактъ руками, потомъ зажалъ себѣ уши и подошелъ ко мнѣ: «Чы машъ сигаре»? Не могу же я отказать милому мистеру въ сигарѣ! «Выпіе мы портеру, а»? Ну, какъ же съ достойнѣйшимъ докторомъ не выпить портеру,—и мы выпили; но расплатиться пришлось на мою долю.

— Въ Нью-Іоркѣ вамъ будетъ со мною хорошо, жизнь ни гроша не будетъ стоить:—вѣдь вы нашъ гость, фамильярно хлопалъ онъ меня по плечу.

— Слушайте, добавилъ онъ, немного помолчавъ—здѣсь на пароходѣ существуетъ обычай, по которому каждый пассажиръ 1 класса платитъ прислугѣ 1/2 фунта стерлинговъ (по курсу 4 руб.); дайте, я имъ передамъ.

— Ну, нѣтъ, на этотъ разъ я не намѣренъ послѣдовать этому обычаю.

— Этого нельзя! Вы—джентльменъ...

— Слушайте докторъ, перебилъ я его и разсказалъ ему, какъ не по джентльменски поступилъ со мной каютный, которому я далъ пришить пуговку къ моимъ, какъ русскія барышни выражаются—невыразимымъ, а онъ безсовѣстный не возвратилъ мнѣ ихъ.

— Передайте прислугѣ, что за этотъ поступокъ одного изъ нихъ, я никому изъ нихъ не дамъ ни гроша. При этомъ я посовѣтовалъ м-ру Морицу обозвать виновника «мошенникомъ».

— Что вы? что вы? Какія у васъ доказательства, что именно онъ укралъ ваши подштанники? У васъ ихъ

нѣтъ, такъ онъ за эту брань потянетъ васъ къ суду и вы дорого поплатитесь за это.

Докторъ, серьезничая, спустился въ каютъ-компанію для переговоровъ съ прислугою, и чрезъ нѣсколько минутъ вернулся ко мнѣ съ побѣдоноснымъ видомъ: «Не давайте имъ ничего! Вотъ еще!.. Я имъ разсказалъ все, и они согласились сами, что не заслуживаютъ отъ васъ благодарности. Знаете, что?» м-ръ Морицъ, нагнувшись къ моему уху, шепнулъ: «У-у, какъ я ихъ распекъ»! И онъ торжественно удалился отъ меня къ другимъ пассажирамъ.

Въ это время «The Queen» остановился, и къ нему подъѣхали 2 рѣчныхъ американскихъ парохода; на одинъ изъ нихъ пересѣли пассажиры 1 класса, на другой—палубные, и мы, сопровождаемые прощальными криками матросовъ и прислуги съ «The Queen», направились къ Нью-Іорку. Жена пастора затянула-было опять гимнъ, но поперхнулась, пассажиры шумно расхохотались, и вотъ мы въ Нью-Іоркѣ.

Пароходъ остановился у таможенной пристани, по маленькому огороженному плацу которой прохаживались два-три—какъ потомъ оказалось—фактора или агента разныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ, да одинъ длинный, худощавый янки—таможенный чиновникъ. Больше никого не было, да и во время прихода заграничныхъ пароходовъ постороннихъ сюда никого не пускаютъ, и вотъ почему: вслѣдъ за нами матросы втащили съ парохода наши вещи и разложили ихъ на открытомъ дворикѣ, что было бы неудобно при большомъ стеченіи любопытныхъ зрителей—не пассажировъ.

Морицъ, вѣроломный Морицъ куда-то невидимо для меня скрылся, и я остался въ затруднительномъ положеніи: что дальше мнѣ дѣлать? Слѣжу за прочими; ви

жу, что они берутъ у длиннаго Ianfee какіе-то бланки, съ которыми скрываются въ таможенное зданіе, черезъ короткое время снова появляются на плацу, и забравъ свои вещи, уѣзжаютъ. Я послѣдовалъ ихъ примѣру; вошелъ въ крошечную контору таможни, гдѣ вокругъ стола толпились пассажиры, вписывали что-то въ бланки и уходили съ ними. Спрашиваю по нѣмецки у Iankee и пассажировъ—въ чемъ суть? Никто не понимаетъ меня, жмутъ плечами и отвѣчаютъ по англійски; пробую распросы по французски и даже заикнулся было по русски—ничего не помогаетъ! Нечего дѣлать, отправляюсь къ саквояжу, достаю лексиконъ и самоучитель, съ помощію которыхъ кое-какъ объяснился по англійски съ таможеннымъ чиновникомъ, все время апатично жевавшимъ табакъ и съ азартомъ поплевывавшимъ на всѣ стороны. Формальность состояла въ томъ, чтобы на бланкѣ отмѣтить, сколько у васъ мѣстъ вещей (т. е. число отдѣльныхъ узловъ, саковъ, коробокъ и пр.), потомъ адресъ, гдѣ вы намѣрены остановиться и затѣмъ слѣдуетъ ваша подпись. Этотъ бланкъ показывается длинному Iankee на плацу, который, слегка осмотрѣвъ ваши вещи, отмѣчаетъ на нихъ мѣломъ крестъ, послѣ чего вы можете убираться куда вамъ угодно. Куда же и какъ убираться мнѣ отсюда? И я, сердечно выругавъ въ душѣ любезнаго м-ра Морица, измѣнившаго мнѣ на первомъ же шагу въ Нью-Іоркѣ, озабоченно поглядывалъ по сторонамъ, въ надеждѣ найдти выходъ изъ непріятнаго моего положенія; помощь не замедлила явиться въ лицѣ одного агента, и къ моему наивному удовольствію, агента нѣмецкаго происхожденія. Онъ вручилъ мнѣ нѣсколько объявленій отъ конторъ желѣзныхъ дорогъ и по моей просьбѣ привелъ ко мнѣ хозяина коча (кареты), тоже нѣмца съ свирѣпою физіономіею, который, взваливъ мои

вещи на плечи, привелъ меня къ экипажу и не торгуясь усадилъ въ него.

— Ну—хвала богамъ! покончилъ съ скучной вознею, думалось мнѣ.

— Дайте 5 долларовъ моихъ! раздался въ это время грубый голосъ надъ моимъ ухомъ. То былъ свирѣпый хозяинъ коча, съ блуждающими стеклянно-сѣрыми глазами и пропитанный насквозь табакомъ и водкою. Я возразилъ, что пять долларовъ дорого, но 2 доллара дамъ охотно.

— Мои 5 долларовъ дайте! еще свирѣпѣе зазвучала нѣмецкая рѣчь, а лице его побагровѣло.

— По таксѣ, какъ я слышалъ, вамъ слѣдуетъ 1$^1/_2$ доллара, а я даю 2 доллара, и больше не дамъ.

— Пять долларовъ, или слѣзайте долой! настойчиво шумѣлъ нѣмецъ.

Въ это время подошли къ намъ четыре моихъ пароходныхъ спутника и одна дама, и всѣ усѣлись ко мнѣ въ кочъ, который не больше нашихъ четырехъ-мѣстныхъ каретъ: тѣснота нестерпимая, а злодѣй нѣмецъ 5 долларовъ требуетъ! Я объяснился на этотъ счетъ съ сосѣдями, и они усовѣстили хищника на цѣлыхъ 2 доллара; по условію, я, по пріѣздѣ въ гостинницу, долженъ заплатить кучеру 3 доллара за разстояніе пути не больше какъ отъ одного до другого конца нашего Невскаго проспекта. Наконецъ кочъ двинулся; къ моему удовольствію, всѣ спутники мои вскорѣ слѣзли и я остался въ немъ одинъ.

Утомленный и взбѣшенный нѣмецкою грязью, выброшенною на берега свободной Америки, я былъ радъ радехонекъ пріѣзду въ гостинницу, противъ которой зеленѣлъ небольшой паркъ. Съ какимъ наслажденіемъ бросился я на роскошную кровать отведеннаго мнѣ нуме-

ра!... Но зачѣмъ же здѣсь валяется женская блуза, чья она и почему ее не убираютъ отсюда прочь? Можетъ быть эта комната уже занята какою-нибудь дамою, и за неимѣніемъ свободнаго помѣщенія, меня помѣстили изъ экономіи, и съ ея согласія, вмѣстѣ? Ну чтожъ, знакомство съ американкою—это не дурно, и я бережно швырнувъ блузу подальше,—уснулъ... но не крѣпокъ былъ сонъ...

Шорохъ женской юбки и тихій говоръ разбудили меня; открываю глаза, у кровати стоитъ молодая, прехорошенькая лэди съ большими черными глазами и пр. и пр., а на стулѣ развязно сидитъ невзрачный мальчишка лѣтъ 14-ти въ нахлобученной на затылокъ широкополой шляпѣ. Послѣдній былъ нумерной, а первая? Ну ктожъ бы была эта лэди въ черномъ платьѣ съ роскошными, своими собственными волосами?... Неужели шутливое воображеніе не обманываетъ меня, и я дѣйствительно помѣщенъ въ одной комнатѣ съ прекрасною дамой?...

— Вы проспали обѣдъ, заговорилъ, болтая ногами, развалившійся на стулѣ нумерной.

— Вы утомлены? отнеслась ко мнѣ милая лэди мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ, какимъ говорятъ женщины-кокетки, собирающіяся одурачить кого-нибудь изъ податливыхъ глупцовъ.

Я поблагодарилъ ее за любезное вниманіе ко мнѣ, и кое-какъ объяснилъ, что, благодаря сильной усталости, не жалѣю о потерянномъ обѣдѣ, но что съ удовольствіемъ выпилъ бы стаканъ чаю.

Собесѣдница и нумерной объяснили мнѣ, что по существующимъ порядкамъ гостинницы, не въ урочный часъ для ѣды достать здѣсь ничего нельзя; но все-таки добрая лэди на мои просьбы обѣщала немедленно похлопо-

тать сдѣлать для меня въ этомъ правилѣ исключеніе, и вышла.

— Кто эта лэди? спросилъ я у развязнаго нумернаго, закуривавшаго въ это время сигару.

— Экономка. Она чистую блузу принесла.

Я поинтересовался было узнать о владѣтельницѣ этой блузы, но онъ, заслышавъ чей-то женскій зовъ, торопливо вышелъ изъ комнаты, оставивъ меня на этотъ счетъ въ прежнемъ недоразумѣніи. Черезъ нѣсколько минутъ мальчикъ, въ сопровожденіи очаровательно-улыбающейся экономки, принесъ мнѣ подносъ съ чаемъ и закусками, а самъ удалился. Лэди осталась со мною одна, и я, разсказавъ ей, какъ попалъ въ эту гостинницу, спросилъ о тетушкѣ мистера Морица, и дѣйствительно-ли послѣдній ежедневно здѣсь бываетъ. Только что она усѣлась на край кровати и открыла ротъ отвѣчать мнѣ, какъ стрѣлой влетѣлъ къ намъ самъ мистеръ Морицъ совершеннымъ джентльменомъ, раздушенный, и прямо въ объятія ко мнѣ.

— Ба, дроги колега! Не правда-ли, какъ здѣсь все мило?—При этомъ онъ ловко подскочилъ къ лэди и звучно поцѣловалъ ей руку; она вышла, а милый докторъ скороговоркой продолжалъ: «Моя постоянная квартира не въ порядкѣ еще, и я тоже поселюсь здѣсь, вотъ рядомъ съ вами, намъ будетъ хорошо; здѣсь внизу моя тетушка живетъ, а голосъ-то, голосъ у ней!...

— Но куда вы скрылись съ парохода? перебилъ я его.

— Оставался на «Queen», — дѣла тамъ были... До свиданія... А неправда-ли, какая миленькая комната, и какъ дешево: со столомъ всего 3½ доллара въ день... До свиданія, бѣгу къ тетушкѣ... Я познакомлю васъ съ нею, а голосъ-то, голосъ у ней!... уже на бѣгу договаривалъ Морицъ, близкому сосѣдству котораго я сердеч-

но радовался: безъ него вѣдь трудно будетъ мнѣ въ Нью-Іоркѣ.

Уже вечерѣетъ, а Морица нѣтъ; онъ вѣрно теперь упивается голосомъ своей тетушки тамъ внизу, откуда до меня доходятъ звуки очаровательнаго пѣнія подъ акомпаниментъ фортепьяно; вѣроятно тетушка мистера Морица такъ же обворожительна, какъ и ея голосъ; нужно познакомиться съ нею. Одѣвшись, я спустился внизъ, да не въ ту дверь попалъ и пошелъ одиноко шататься; по улицамъ прохожихъ мало: отъ дневной бѣготни и работы—всѣ по домамъ, по трактирамъ отдыхаютъ, или за газетою сидятъ; тускло мерцаетъ газъ въ фонаряхъ, въ воздухѣ тишь да ласкающая прохлада навѣваетъ нѣгу, отдыхъ; я вернулся домой и, не дождавшись очарованнаго тетушкой милаго Морица, сладко уснулъ.

7-го августа. Мистеръ Морицъ не солгалъ; я слышу въ сосѣдней комнатѣ храпъ его; онъ дѣйствительно въ эту ночь поселился здѣсь, въ сосѣдствѣ со мною. Кстати дверь его нумера отворена и я заглянулъ туда. Какой счастливецъ! Сколько свѣтлыхъ надеждъ озаряютъ сорокалѣтнее поблекшее лицо его, украшенное безпорядочно раскинутыми, жидкими волосами, измѣннически разоблачающими лоснящуюся плѣшь головы его! И какъ не завидовать ему, обладателю восхитительной тетушки, съ соловьинымъ голоскомъ и съ искрящимися сорока тысячами долларовъ золота?

Однако-жь, пора одѣваться и будить блаженнаго друга моего: онъ вчера обѣщалъ сопутствовать мнѣ въ моихъ прогулкахъ по городу.

Звоню, кричу нумернаго; нѣтъ, никто не является...

Ну, ужъ прислуга въ американскихъ гостинницахъ! звони хоть цѣлый день, не дозовешься; нужно спускаться внизъ въ контору и тамъ просить, чтобъ къ вамъ

прислали слугу, а электрическіе звонки понадѣланы вездѣ

— Что вы хотите? спросилъ вошедшій, уже знакомый намъ мальчикъ-слуга, и усѣлся на стулъ.

— Принесите мнѣ горячей воды.

— Вода и горячая, и холодная здѣсь. И онъ подошелъ къ двумъ кранамъ, расположеннымъ въ углу комнаты, надъ мраморнымъ тазомъ, и пустилъ изъ нихъ воду. Вчера я не имѣлъ надобности умываться, и хотя видѣлъ эти краны, но не подозрѣвалъ присутствія здѣсь горячей воды, а потому теперь былъ пріятно удивленъ.

— Уберите эту женскую блузу; она уже другой день валяется у меня на постели.

— Вы хотите принять ванну? не разслышавъ или не понявъ меня, спросилъ нумерной.

— Развѣ здѣсь есть ванны?

— Да, въ комнатѣ визави вашей. Раздѣньтесь, надѣньте вашу блузу и я вамъ покажу ванну. И онъ подсунулъ мнѣ ту самую женскую блузу, которая такъ долго приводила меня въ недоумѣніе и давала пищу воображенію...

— Теперь я не приму ванны, а вы только укажите мнѣ ее. И мальчикъ повелъ меня въ комнату, расположенную наискось моего нумера,—отворилъ дверь, и пустилъ изъ крановъ воду въ мраморную ванну.

— Можете купаться, когда захотите.

— Гдѣ-жъ здѣсь раздѣваться? Скамеекъ вѣдь нѣтъ?

— Раздѣвайтесь у себя въ комнатѣ, а сюда приходите въ блузѣ.

— Вокругъ всѣ нумера заняты исключительно однѣми дамами; неловко же мнѣ ходить по корридору въ блузѣ.

— Ничего, дамы тоже такъ ходятъ.

Такъ вотъ почему вы не дозоветесь прислуги; ей нечего дѣлать у васъ; утромъ вамъ почистятъ сапоги, убе-

рутъ постель, а остальное все у васъ подъ руками и вы должны обходиться безъ помощи прислуги. Обѣдать тоже не заведено носить по нумерамъ; вы, по правиламъ гостинницы, въ извѣстные часы спускаетесь въ общую столовую, и старайтесь не прозѣвать эти часы, иначе ничего не получите, хотя вдвойнѣ платите: не въ урочный часъ дня не будутъ раскладывать огня для васъ, а между тѣмъ условленную сумму за столъ вы все таки должны заплатить.

Окончивъ свой туалетъ, я принялся за мистера Морица, сладкіе зѣвки котораго извѣстили меня о его пробужденіи.

— Вставайте, уже 10 часовъ, пора къ консулу.

— Сейчасъ, сейчасъ... А слышали, какъ поетъ-то?.. И какъ богата! Сорокъ тысячъ въ банкѣ. Я васъ сегодня познакомлю съ нею: тетушка у меня добрая и... она вамъ понравится.

— Да вы кажется неравнодушны къ ней, ухаживаете... Что она молода? хороша?

— Ну что тамъ молодость!.. Ни то, ни другое, а такъ себѣ... но за то добра и поетъ-то какъ!..Во всемъ Нью-Іоркѣ она первая пѣвица, да и въ Европѣ не найдется такихъ; а главное—сорокъ тысячъ долларовъ; поймите, сорокъ тысячъ золотомъ, а по курсу... И опять тревожная дума тѣнью легла на отцвѣтшее лицо благоразумнаго племянника.

Большихъ усилій стоило мнѣ, чтобы принарядившійся уже мистеръ Морицъ ровно въ 11 часовъ утра вышелъ со мною въ городъ, по направленію къ конторѣ русскаго генеральнаго консула въ Нью-Іоркѣ, барона Остенъ Сакена.

Солнце жгло чувствительно, и Морицъ, замѣтивъ, что

зонтикъ у меня играетъ роль палки, не преминулъ щегольнуть практичностью американца.

— Зонтикъ изобрѣтенъ отъ дождя и солнца; вы не пользуетесь имъ, дайте его мнѣ. Но не долго и онъ пользовался имъ: мы сѣли въ омнибусъ, и черезъ полчаса уже входили въ контору русскаго консула; насъ встрѣтилъ служащій при консульствѣ чиновникъ, говорящій на многихъ языкахъ, но ни слова непонимающій по русски, и объявилъ, что баронъ въ отсутствіи, въ Вашингтонѣ по дѣламъ. Мистеръ Морицъ, не снимая шляпы съ головы, подражать чему я по врожденной русской скромности стѣснился, такъ гладко и дружески разговорился съ чиновникомъ, что можно было бы подумать, будто онъ уже десятки лѣтъ знакомъ съ нимъ, и вотъ—вотъ въ порывѣ пріятельской нѣжности похлопаетъ чиновника по брюшку, но обошлось безъ дружескихъ изліяній. Вписавъ свой адресъ въ книгу, я поторопилъ Морица домой.

— Какъ же это вы, докторъ, съ такимъ непочтеніемъ относитесь къ присутственному мѣсту, шляпы не сняли, когда тамъ виситъ портретъ монарха? Въ Европѣ бы за это васъ у-у-какъ!.. замѣтилъ я ему дорогой.

— Ну это у васъ, а здѣсь республика свободныхъ людей, и у президента неснимающихъ шляпъ...

Доктору Морицу вздумалось посѣтить своихъ кліентовъ, и тѣмъ заявить, что онъ опять готовъ къ ихъ услугамъ; по этому поводу побывали мы въ разныхъ подвалахъ и вообще скромныхъ квартирахъ, гдѣ бѣдные обыватели ихъ радушно встрѣчали своего доктора и угощали насъ пивомъ и виномъ...

Я торопился домой заняться корреспонденціей, а Морицъ намѣревался еще посѣтить многія семейства, а

потому мнѣ пришлось уже безъ помощи его добраться до гостиницы.

Передъ обѣдомъ онъ зашелъ ко мнѣ и заявилъ о намѣреніи своемъ немедленно же познакомить меня съ своей тетушкою, такъ какъ обѣдать мы будемъ за однимъ столомъ.

Мы спустились внизъ въ столовую залу, гдѣ я наткнулся на коротенькую, расплывшуюся сверху до низу лэди, съ отпечаткомъ четырехъ десятковъ лѣтъ на лицѣ, съ желтою шалью на плечахъ и въ чепчикѣ яркихъ цвѣтовъ на полинялой головѣ.

— Милая тетушка, вотъ, рекомендую... проговорилъ ей Морицъ, указывая глазами на меня.

— Такъ вотъ она, тетушка пѣвунья?! невольно промелькнуло у меня въ головѣ, и я пожалъ поданную ею мнѣ руку.

— Мое милое дитя, обратилась она къ племяннику;— возьмите меня подъ руку и пойдемте обѣдать.—Мистеръ Морицъ покорно и торжественно повелъ ее по залѣ, гдѣ уже обѣдало за маленькими столами съ десятокъ лэди и джентльменовъ; я же, печальный, побрелъ за ними вслѣдъ; не было ли это предчувствіе пытки—вечерней прогулки втроемъ?..

Тетушка мистера Морица обладаетъ счастливымъ аппетитомъ, необыкновенною эластичностью языка и черезъ край уже страстною натурою, о чемъ говорятъ ея огненные взгляды, безпрерывно обжигающіе мистера Морица; и замѣтьте притомъ, все это мирится между собою; одно другому не мѣшаетъ, и то, и это, и третье вполнѣ удовлетворяется. Счастливая тетушка мистера Морица! И счастлива именно потому, что мистеръ Морицъ, въ свою очередь, неравнодушенъ къ ея звонкимъ

качествамъ. (По сегодняшнему курсу 1 долларъ золота стоитъ 1 руб. 60 коп. сер.).

Послѣ обѣда, на любезное приглашеніе тетушки мистера Морица посѣтить ее, я отговорился—не помню чѣмъ, — но, увы! тягостное предчувствіе не обмануло меня: какъ только сумерки смѣнили день,—неумолимый мистеръ Морицъ настоятельно потребовалъ отъ меня сопровождать его тетушку на прогулку, и я—сопровождалъ... О, вы не знаете, чтò значитъ сопровождать на вечернюю прогулку тутушку мистера Морица!.. Покорно несъ я крестъ свой, но—признаюсь, какъ только стемнѣло, въ первый переулокъ скользнулъ...

Поздно вернулся мистеръ Морицъ отъ голосистой тетушки, и слегка упрекнулъ меня за «неджентльменскую» выходку, но я его успокоилъ резонно: «Вѣдь города я не знаю, зазѣвался, да въ темнотѣ и потерялъ васъ изъ виду, достойнѣйшій докторъ...» А между тѣмъ, докторъ тревожно щупалъ свою плѣшь: «Вотъ еслибъ этого не было,—ничего бы себѣ—вѣдь я еще молодъ.»

— Да вы-бы мазью смазывали.

— Пробовалъ,—ничего не помогаетъ.

-- Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи! и мистеръ Морицъ надѣлъ шляпу.

— Куда-же вы?

— Къ тетушкѣ.

— Да уже часъ ночи.

— Ничего—она поздно ложится.

— Ну, съ Богомъ—счастливецъ.

— А вѣдь поетъ-то какъ?—да при томъ 40 тысячъ... уже слышалось за дверьми.

Черезъ нѣсколько минутъ раздалось пѣніе тетушки, пѣніе страстное,—и долго, долго оно лилось и—вдругъ замолк-

ло. Морицъ эту ночь не ночевалъ, а я, засыпая думалъ, какъ мало нужно для счастья Морицовъ!..

8-го августа.—Сегодня предстоитъ мнѣ много хлопотъ, нужно отправить письма въ Россію,—осмотрѣть достопримѣчательности столицы свободы, и озаботиться о дальнѣйшей моей поѣздкѣ туда, туда, куда, такъ заманчиво влечетъ довѣрчивое воображеніе не мало разнаго люда,—въ царство золота, въ Калифорнію и къ мормонамъ.

Въ 10 ч. утра, въ дверяхъ показалась припомаженная плѣшивая голова мистера Морица, который, суетливо отряхивая пылинки съ сюртука и самодовольно поглаживая свои, далеко не изящныя баки, торопилъ меня поскорѣе одѣваться. «Тетушка ждетъ насъ внизу; у нея сегодня урокъ пѣнія и я обѣщалъ за себя и за васъ проводить ее».

— Какъ вамъ не надоѣстъ постоянно ухаживать за тетушкою,—отвѣчалъ я, спѣша окончить туалетъ мой;—вѣдь она вамъ въ матери годится.

— Нельзя иначе: сорокъ тысячъ долларовъ золотомъ—поймите:—золотомъ 40 тысячъ у ней лежитъ въ банкѣ!..

Противъ такого сильнаго аргумента оставалось только тайкомъ улыбнуться, и мы торопливо сбѣжали внизъ, гдѣ поджидала насъ тетушка мистера Морица. Тетушка мистера Морица хоть стара, тучна и безобразна, но голосъ у нея дѣйствительно чудный; уроки и воскресное пѣніе въ костелахъ приноситъ тетушкѣ ежемѣсячно 400 долларовъ (700 р. с.), такъ что она живетъ здѣсь въ гостинницѣ съ большимъ комфортомъ, не трогая процентовъ съ капитала. При всемъ томъ, тетушка мистера Морица для меня невыносима, въ особенности послѣ вчерашней вечерней прогулки втроемъ. Вечеръ былъ такой чудесный, луна такъ обаятельно ласкала трепещущее

сердечко старой лэди, что она не въ силахъ долѣе нести мукъ страстной любви къ своему «маленькому дитяти», солидному мистеру Морицу, и вотъ ея масляные глазки съузились, физіономія приняла неприличный видъ, она крѣпко прильнула къ плечу доктора и пошла, пошла городить... то бишь—изливать на него огненный потокъ своей страсти... Былъ чудный вечеръ; нѣжно лила луна свой серебристый свѣтъ въ прозрачный воздухъ и освѣщала взору мистера Морица, въ тысячахъ радужныхъ цвѣтовъ, 40 тысячь долларовъ тетушки его. Однако, какъ обаятельно дѣйствуетъ лунный вечеръ на не совсѣмъ еще износившееся сердце мистера: онъ наклоняетъ голову въ сторону тетушки, жадно пьетъ ея страстную рѣчь и клянется во взаимности... А я совершенно забытъ! Два часа тягостнаго положенія невольнаго зрителя шалостей обезумѣвшей старухи и жаднаго нѣмца! Неужели и теперь ждетъ меня эта пытка?—я не на шутку перепугался, но нечего дѣлать: это шло въ счетъ платы за услуги мистера Морица.

— Зайдемте въ почтовую контору отдать вотъ эти пакеты,—отнесся я къ спутникамъ своимъ. Они согласились и мы вошли черезъ телеграфное отдѣленіе въ контору, за рѣшеткою которой кропотливо возился надъ какимъ-то вычисленіемъ старичекъ-почтмейстеръ въ туфляхъ и безъ сюртука. Я подалъ ему пакеты, адресованные въ Одессу и просилъ ихъ отправить застрахованными; это потребовало разныхъ формальностей на цѣлыхъ полтора часа, такъ что круглое туловище тетушки мистера Морица отъ нетерпѣнія начало поминутно перекатываться изъ конторы на улицу и обратно, наконецъ горячая натура не выдержала: «Я иду одна, дитя мое, если ты сейчасъ-же не пойдешь со мною»! обратилась она раздражительно къ Морицу. Бѣдный мистеръ! Посмотри-

те, какая мука изобразилась на его лицѣ! И неудивительно; его положеніе чрезвычайно затруднительно: съ одной стороны, хоть и отдаленная, но радуга 40 тысячъ, съ другой—вотъ, вотъ близкія, черезъ какія нибудь четверть часа, и сигары, и пиво, и пр. и пр.

— За отправку пакетовъ страховыми, слѣдуетъ отъ васъ 5 долларовъ, 64 цента,—обратился къ намъ почтмейстеръ; я заплатилъ, а мистеръ Морицъ просіялъ; тетушка торопливо засѣменила къ омнибусу, мы за нею и усѣлись вмѣстѣ. Кондукторъ подошелъ къ тетушкѣ за деньгами, та показала глазами на племянника, а тотъ на меня и вотъ уже въ третій разъ я поставленъ любезностью доктора въ то непріятное положеніе, когда вынужденъ платить не только за него, но и за его тетушекъ!

На улицѣ «Broadway» мы слѣзли съ омнибуса, тетушка, хвала богамъ, вошла въ ближайшій домъ, а мы съ мистеромъ Морицомъ побрели куда глаза глядятъ.

—Посмотрите, посмотрите на эту улицу! Что за дома, что за богатство магазиновъ! И вѣдь эта улица тянется на 8 миль! Но я не раздѣлялъ патріотическаго восторга мистера Морица; и дѣйствительно, какъ Нью-Іоркъ, такъ и самая богатая улица его «Broadway», далеко уступаютъ своею внѣшностью европейскимъ столицамъ, съ ихъ блестящими главными улицами; но за то здѣсь внутри домовъ вы найдете американскій комфортъ, какъ у капиталиста, такъ и у рабочаго; комфортъ, мало знакомый европейцу; такъ точно и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ американецъ не обращаетъ большаго вниманія на внѣшность, на форму, лишь-бы сущность была хороша, удовлетворяла бы его. Впрочемъ, есть много зданій, выдающихся грандіозностью и изяществомъ своей архитектуры; есть даже цѣлыя улицы, какъ напри-

мѣръ улица № 34—буквально застроенныя одними только громадными дворцами, между которыми красуются богатѣйшіе изъ бѣлаго мрамора: это жилища нью-іоркскихъ аристократовъ капитала.

—Къ чему это пронумерованы газовые фонари? — спросилъ я Морица.

—На каждомъ угловомъ фонарѣ—объяснялъ мнѣ онъ—выставленъ нумеръ улицы и переулка для того, чтобъ вы могли, не только днемъ, но и ночью, не только идя пѣшкомъ, но и черезъ окно омнибуса отыскать нужную вамъ улицу; дома также пронумерованы и вы можете обойтись безъ посторонней помощи въ вашихъ поискахъ по адресу, кого вамъ нужно.

— Да, во всемъ видѣнъ вашъ здравый, практическій умъ, несдерживаемый пеленками заботливой опеки! — польстилъ я американскому нѣмцу.

— Ну да, ну да!... Ну, посмотрите на наши улицы; гдѣ вы въ Европѣ найдте такое множество желѣзно-конныхъ дорогъ, по которымъ днемъ черезъ каждыя 5 минутъ, а ночью черезъ полчаса ходятъ омнибусы, въ которыхъ вы ѣдете 7—8 верстъ, за какіе нибудь 6 центовъ?

— Однако ваши желѣзно-конныя дороги, совершенно вытѣснивъ извощиковъ, принесли тѣмъ большое неудобство, вотъ хоть-бы для меня въ настоящую минуту: я усталъ, а въ этихъ переулкахъ нѣтъ омнибусовъ; будь извощикъ—мы бы поѣхали.

— И теперь есть кочи (кареты), но они, какъ вытѣсненные, очень дороги: одинъ конецъ стоитъ 1½ и больше доллара; между тѣмъ, какъ вы за 1 долларъ въ омнибусахъ можете изрѣзать городъ по всѣмъ направленіямъ, на что вамъ не хватитъ дня; нечего, значитъ, и сожалѣть о дорогихъ покойникахъ!... А вотъ, полю-

буйтесь-ка этимъ стариннымъ кладбищемъ, гдѣ зарыты бойцы за свободу и основатели нашей юной республики!

Мы остановились передъ стариннымъ кладбищемъ, расположеннымъ у «Broadway» въ серединѣ города; его надгробныя плиты и памятники, украшенные тѣнистыми деревьями и клумбами цвѣтовъ заканчиваются 1800 годомъ, послѣ котораго Нью-Іоркъ началъ быстро разростаться во всѣ стороны.

— Пойдемъ теперь на Гринвичъ: тамъ увидите американскую диковинку!

— Что̂ это за диковинка?

— По улицѣ Гринвичъ къ заливу построена воздушная желѣзная дорога, которая идетъ на одной высотѣ съ крышами высокихъ домовъ.

— Почему-жь вы ее называете воздушною?

— Потому что она проходитъ очень высоко, а утверждена только на *одиночныхъ* желѣзныхъ столбахъ; да вотъ и она: любуйтесь.

И я любовался, съ нѣмымъ удивленіемъ, на это замѣчательное по смѣлости мысли произведеніе современнаго американца!

Улицы, уже изрѣзанныя многими путями желѣзноконныхъ дорогъ и громадныя сооруженія по набережной не дали возможности провести по нимъ паровую дорогу, понадобившуюся для соединенія нѣкоторыхъ пунктовъ залива и рѣки Гудзона; и вотъ всепреодолѣвающій американецъ проводитъ желѣзный путь по воздуху, на одиночныхъ желѣзныхъ столбахъ громадной высоты, равняющейся высотѣ трехъ-четырехъ этажныхъ домовъ!...

Я видѣлъ на этомъ воздушномъ пути рабочіе вагоны

и замѣчалъ по поводу ихъ ироническія улыбки нѣкоторыхъ прохожихъ:

— Ѣду, ѣду, да внизъ головой полечу! — буркнетъ подъ носъ себѣ грубый нѣмецъ.

— O, jes, jes! (о, конечно — да!..) поддерживаетъ его невѣжественный ирландецъ.

Но это судъ самаго низшаго слоя американскаго населенія; сколько-же нибудь развитый гражданинъ съ гордостью любуется этимъ смѣлымъ сооруженіемъ, а мистеръ Морицъ приходитъ въ такой патріотическій экстазъ, что клянется передъ мною и не въ такихъ еще диковинахъ близкаго будущаго Америки.

— Пріѣзжайте-ка къ намъ черезъ два года и вы увидите поѣзды по воздуху безъ всякихъ подпорокъ!

— А скоро-ли откроется правильное движеніе по этому пути?

— Да дорога совсѣмъ готова, пробный поѣздъ уже былъ; подождите недѣлю, другую здѣсь и прокатитесь надъ крышами Гринвича; а видъ-то, видъ какой оттуда!—восклицаетъ восторженно мистеръ Морицъ.

— Однако, уже время намъ отправиться въ агентства желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, узнать—какимъ путемъ удобнѣе ѣхать мнѣ въ Калифорнію: на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ? Пойдемте же, достойнѣйшій докторъ!

— Хорошо, хорошо: идемъ; но только зайдемъ на минутку вонъ туда, пива выпить; тамъ мы можемъ наткнуться на агентовъ разныхъ компаній и добыть отъ нихъ свѣдѣнія, не безполезныя вамъ!

— Имѣйте въ виду, что я хочу ѣхать тѣмъ путемъ, который будетъ дешевле; вѣдь изъ Калифорніи я намѣренъ вернуться въ Россію черезъ Китай и Японію, а у меня только 60 фунтовъ стерлинговъ.

— Все обдѣлаемъ, не безпокойтесь; будете и въ Китаѣ, и вернетесь еще въ Японію. Зайдемъ сюда купить сигаръ, а потомъ напьемся пива.

Мистеръ Морицъ любитъ хорошія сигары, и выкуриваетъ ихъ въ день не меньше десятка, что для меня очень чувствительно, если взять въ разсчетъ Китай и Японію; я ему намекнулъ, что сигара въ 10 центовъ очень и очень хороша, на что онъ мнѣ категорически возразилъ: «15 центовъ больше десяти, а слѣдовательно и сигара этого достоинства лучше десятицентовой; впрочемъ иныхъ я и не курю.»

Зашли въ пивную залу, наполненную посѣтителями нѣмецкаго происхожденія; за прилавкомъ виднѣлись разные прохладительные напитки, вина и закуски, покрытые густыми облаками табачнаго дыма, какъ и шумная толпа полупьяныхъ любителей пива, которое здѣсь не уступаетъ знаменитому «вѣнскому». Мистеръ Морицъ дружески поздоровался съ хозяиномъ и нѣкоторыми посѣтителями, своими паціентами; по праву блюстителя ихъ здравія, кого пощелкалъ по солидному брюху, кого потрепалъ по щекѣ, а этого погладилъ по бородкѣ. Вообще мистеръ Морицъ очень хорошій человѣкъ и любитъ пиво такъ же страстно, какъ сигары и тетушкины золотыя достоинства.

— Здѣсь нѣтъ агентовъ, вѣрно они въ другой пивной. Заплатите 40 центовъ и пойдемте.

Въ другой пивной тоже не оказалось агентовъ, зато было славное, холодное пиво и много паціентовъ мистера Морица, который и то, и другихъ не оставилъ безъ любезнаго вниманія. За то мнѣ опять пришлось облегчиться на 40 центовъ. Такъ какъ мистеръ Морицъ былъ въ ударѣ, то долго я прошлялся съ нимъ по разнымъ нѣмецкимъ

и ненѣмецкимъ трактирамъ и его паціентамъ, что совершенно измучило меня.

— Агентовъ что-то не видно здѣсь; пойдемте же въ контору, я не въ силахъ больше шляться по пивнымъ!— уговаривалъ я Морица.

— Ну, идемъ, идемъ: честное слово, теперь прямо въ агентства поведу васъ! А что вы устали —это вздоръ, это здорово; посмотрите на меня: я по цѣлымъ днямъ бѣгаю по своимъ паціентамъ и никогда не устаю. Американцы цѣлый день на ногахъ, оттого и бодры и здоровы, а вы тамъ въ Европѣ насиживаете себѣ геморои и разслабляете организмъ сидячею жизнью!.... Посмотрите-ка направо, на верхъ; какъ эфектна эта работающая фигура негра!

Я взглянулъ на большую фабрику, къ стѣнѣ которой наверху былъ придѣланъ балкончикъ, гдѣ негръ, то наклоняясь внизъ, то выпрямляясь, съ правильнымъ темпомъ двигалъ рукоятку машины. Этотъ негръ—металлическая фигура, такъ натурально сдѣланная, что вводитъ васъ въ заблужденіе: вы принимаете ее за живаго человѣка.

— Что тамъ за толпа тѣснится у окна? отнесся я къ своему чичероне.

— Здѣсь живетъ зубной врачъ, а въ окнѣ выставлены его восковыя фигуры, какъ живыя; полюбуйтесь-ка! И дѣйствительно, въ окнѣ показались три человѣческія головы, разныхъ возрастовъ; онѣ показывали свои гнилые зубы и больныя десны, потомъ скрылись за занавѣску, а черезъ минуту снова появлялись съ отлично вставленными искуственными зубами. Рядомъ былъ магазинъ дамскихъ модъ; въ его окна выглядывали разныя красивенькія птички теплыхъ странъ, которыми нью-іоркскія красавицы такъ любятъ украшать свои головныя блюдечки; я попросилъ Морица купить мнѣ колибри, съ насъ запросили

$3^1/_2$ доллара, что разсердило его. «Еще бы! Они платятъ за магазины на этихъ большихъ улицахъ бѣсовскія деньги, а богатыя лэди избаловали ихъ: безъ торгу покупаютъ; пойдемте-ка въ сторону, тамъ я вамъ куплю колибри вдвое дешевле». Мы вошли въ ряды маленькихъ и съ виду не такъ пышныхъ магазиновъ, гдѣ купили такую же колибри за 1 долларъ. «А вѣдь стоить выпить пива послѣ такой удачной покупки? Спустимся вотъ сюда, внизъ: это одна изъ лучшихъ пивныхъ въ цѣломъ Нью-Іоркѣ и здѣсь собираются наши братья доктора»! Морицъ вошелъ въ пивную, какъ бы въ родную семью: всѣхъ-то онъ, начиная отъ хозяина и кончая его работникомъ, перецѣлуетъ, потреплетъ по щекамъ, скажетъ ласковое или забавное слово. А такъ какъ онъ докторъ и Gentlman, то эта фамильярность нравится его соотечественникамъ нѣмцамъ и онъ пользуется между ними маленькимъ вліяніемъ въ свою пользу: ему нужно какъ можно побольше паціентовъ, и онъ имѣетъ ихъ довольно, хотя по нѣкоторымъ даннымъ врядъ-ли мистеръ Морицъ горячій поклонникъ Эскулапа. «Это мои паціенты: люди они хорошіе, платятъ исправно; вотъ и аптекарь, что живетъ тутъ на углу, тоже человѣкъ хорошій: ежегодно платитъ мнѣ 25 процентовъ чистаго барыша отъ выручки по моимъ рецептамъ».

— За что же аптекарь вамъ платитъ?

— А за то, что мои паціенты закупаютъ у него лекарства; это значитъ, что я ему даю заработать, за что и получаю условленные 25%.

— Ну, у насъ этого не дѣлается; каждый больной покупаетъ лекарства въ той аптекѣ, гдѣ лучше ихъ приготовляютъ; а впрочемъ водятся и шаловливые доктора.

— А здѣсь въ Америкѣ не такъ; каждый докторъ имѣетъ своихъ аптекарей, отъ которыхъ получаетъ плату

за то, что прописываетъ лекарства своимъ паціентамъ изъ ихъ аптекъ.

Вошли два доктора нѣмца; Морицъ бросился къ нимъ цѣловаться. Подали рейнвейну и превосходнаго пива, водки и закусокъ; Морицъ ничего изъ поданнаго не забывалъ, продолжая болтать и съ вошедшими, и съ хозяиномъ, и съ дѣтьми его, и съ рабочимъ нѣмцемъ, усѣвшимся съ нами за одинъ столъ. Нѣмцы угощаютъ меня виномъ; я отвѣчалъ имъ тѣмъ-же, и вотъ я—пьянъ, но и настолько трезвъ, что сознаю это и уговариваю развеселившагося мистера Морица скорѣе идти въ контору за покупкою билета въ Калифорнію; въ отвѣтъ на это выпивается еще и еще, шумъ, разсказы.... Одинъ изъ докторовъ повѣствуетъ о томъ, какъ онъ застраховалъ свою жизнь за большую сумму, на которую онъ долженъ бы былъ ежегодно платить 600 долларовъ процентовъ, но до-сихъ-поръ еще ни разу не пришлось ему вносить ихъ, такъ какъ онъ аккуратно, ежегодно за день до взноса денегъ въ агентство, выигрываетъ ихъ у агента этой компаніи, который и платитъ за него....

Другой нѣмецъ разсердился за что-то на Гранта и обозвалъ его «жирнымъ осломъ». Мистеръ Морицъ всѣмъ разсказываетъ о своей поѣздкѣ въ Европу, и указывая на меня, приговариваетъ: «Вотъ съ нимъ вмѣстѣ изъ Ливерпуля на англійскомъ пароходѣ только два дня тому назадъ какъ пріѣхали въ Нью-Іоркъ; это русскій путешественникъ». Въ отвѣтъ мнѣ протягивали руки съ стаканами рейнвейна, я выпивалъ глотокъ, передавалъ стаканъ другому; тотъ, отпивъ тоже одинъ глотокъ, передавалъ третьему и т. д. стаканъ переходилъ весь кружокъ; этимъ выказывалась общая пріязнь, но при этомъ что-то ужъ очень часто упоминались разные термины карточныхъ игръ.

— Да вотъ, спросите у него! вдругъ обернулся ко мнѣ мистеръ Морицъ, послѣ продолжительной и горячей бесѣды съ однимъ изъ не докторовъ.—«Что такое?»—«Я говорю, безсовѣстно заболталъ Морицъ, что на пароходѣ, хотя были и служащіе доктора, но всѣ больные обращались ко мнѣ за совѣтомъ, и я многихъ сильно-больныхъ вылечилъ»! Мистеръ Морицъ лжетъ и не краснѣетъ, я воспользовался этимъ, подтвердилъ торжественно, что онъ дѣйствительно спасъ жизнь многимъ пассажирамъ и попросилъ достойнѣйшаго мистера немедленно идти со мною въ контору за покупкою билета: «Идемъ, идемъ въ контору; прощайте господа»! отнесся Морицъ къ присутствующимъ, которыхъ не преминулъ на прощанье подарить своими дешевыми поцѣлуями. Мы вышли, но вмѣсто конторы я опять попалъ въ трактиръ: «Ну, какъ вамъ не стыдно такъ играть своимъ словомъ, мистеръ Морицъ!?»—упрекалъ я его.

— Сейчасъ, сейчасъ пойдемъ. Здѣсь славно: полюбуйтесь-ка! Вѣдь въ Европѣ этого не увидите! Мы усѣлись на одну изъ безчисленнаго множества скамеекъ, въ нѣсколько рядовъ разставленныхъ по обширнѣйшей залѣ, наподобіе манежа; крыша и одна сторона ея были стеклянныя; стѣны украшались вьющимися и разными тропическими растеніями; вездѣ цвѣты, а вотъ въ залѣ плаваютъ, вмѣстѣ съ золотыми и серебряными рыбками, крошечная саламандра и миніатюрная черепаха, величиною съ нашъ грошикъ; она совершенно ручная и подставляетъ головку, когда вы гладите пальцемъ по ея маленькой бронѣ. Прямо у выхода расположенъ буфетъ, гдѣ достанете всѣ возможныя холодныя закуски, и сравнительно недорого; на другомъ концѣ, противъ буфета, устроенъ тиръ, для стрѣльбы изъ ружей и револьверовъ; направо машина оркестріонъ, отъ которой присут-

ствующіе приходятъ въ восторгъ, вѣроятно по новизнѣ ея; но наши московскіе оркестріоны несравненно лучше этого, что я и сообщилъ Морицу. «Этого быть не можетъ! Слушайте, слушайте, какая гармонія»! И Морицъ билъ тактъ носкомъ, сбросилъ свой сюртукъ и потребовалъ пива. Въ этотъ трактиръ дамы не ходятъ, а потому посѣтителямъ здѣсь большой просторъ: кто, задравши ноги на сосѣдній стулъ, сидитъ безъ сюртука, кто сбросилъ сапоги, а иной безцеремонно растянулся на лавкѣ и дремлетъ. Посѣтителей бездна и все это углубилось въ пиво, въ музыку, а преимущественно въ разрѣшеніе вопроса: какъ-бы денегъ побольше достать? Пиво льется рѣкою; оркестріонъ играетъ безпрерывно и рѣшеніе вопроса недалеко... Здѣсь вы встрѣтите американцевъ всѣхъ національностей. Отсюда Морицъ направился побриться; залъ для бритья походилъ на хорошенькій магазинъ, гдѣ въ зеркальныхъ шкафахъ со вкусомъ размѣстились разныя туалетныя принадлежности; тутъ-же къ вашимъ услугамъ и сигары, и воротнички изъ писчей бумаги, перемѣняемые американцами, по ихъ дешевизнѣ и непрочности, ежедневно. Въ залѣ устроены резервуары горячей и холодной воды, а въ сосѣдствѣ ванны. Какой комфортъ! Хотите, послѣ стрижки принять ванну? Заплатите 30 центовъ и купайтесь хоть цѣлый часъ!

— Зайдемъ въ аптеку; выпьемъ оршаду,—приставалъ Морицъ. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть американскія аптеки, служащія банками для докторовъ, и мы зашли. Поданный намъ оршадъ великолѣпный: у насъ въ кандитерскихъ не съумѣютъ такъ приготовить; здѣсь въ аптекахъ вы найдете всѣ прохладительные напитки и сюда-же приходятъ ихъ пить, какъ у насъ въ кандитерскія; а иныя аптеки по своему содержимому скорѣе походятъ на мануфактурные и даже бокалейные магазины,

чѣмъ на наши аптеки, и ремесло аптекаря считается однимъ изъ прибыльныхъ.

Отсюда мы пойдемъ купить билетъ, только зайдемъ въ одну кофейню; вы увидите то, чего въ Европѣ никогда не увидите!—сказалъ мнѣ Морицъ, взялъ за руку и повелъ по грязной лѣстницѣ во второй этажъ, откуда несло сыростью и вонью. Мы вошли въ большую и низкую комнату; за прилавкомъ стояла тучная мулатка, съ отвислыми щеками и въ широчайшемъ капотѣ; Морицъ потребовалъ зельтерской воды, и черезъ минуту явилась вода, но явились и... кто-бъ вы думали? Дѣвы всѣхъ цвѣтовъ: негритянки съ экватора, черныя, какъ смола и отвратительныя,—сравненія не приберу; негритянки менѣе жаркихъ странъ; онѣ же аклиматизировавшіяся уже въ Америкѣ; метиски, мулатки и индіанки! Всѣ онѣ были неряшливо одѣты и съ физіономіями не въ европейскомъ вкусѣ; скалили свои рѣдкіе, бѣлые зубы, отчего дѣлались еще противнѣе, но мистеръ Морицъ и здѣсь держалъ себя болѣе, чѣмъ фамильярно: у этой онъ, съ видомъ знатока, щупалъ ляжки и увѣрялъ, что такой эластичности онъ не встрѣчалъ еще ни у одной европейской женщины; у другой онъ гладилъ груди и клялся, что развѣ у древней римлянки могло быть нѣчто подобное, приглашая меня провѣрить его мнѣніе собственными руками; въ концѣ концовъ онъ измѣннически шепнулъ мнѣ, что нужно поскорѣе убираться отсюда, такъ какъ здѣсь безъ дѣла засиживаться нельзя, а дѣло имѣть опасно: американскій развратъ тайный, а потому и зараза легка. Я выбѣжалъ на улицу, и потокъ свѣжаго воздуха чуть не сбилъ меня съ ногъ; въ такой-то атмосферѣ живутъ теперь эти дѣти лѣсовъ и степей!

— Кто-же здѣсь бываетъ? спросилъ я Морица.

— Джентльменъ не пойдетъ сюда, а пьяный матросъ

да голый ирландецъ не пропустятъ вечера выкурить здѣсь свою трубку.

Дѣйствительно, развѣ окончательно оскотинившагося пришельца-нѣмца или ирландца, вѣчно находящагося подъ гнетомъ горькой нужды, можетъ удовлетворить общество подобныхъ отвратительныхъ самокъ! Вѣдь Америка не всѣмъ имъ помогаетъ; положеніе многихъ изъ нихъ разнится отъ европейскаго только тѣмъ, что здѣсь есть возможность нѣсколько болѣе заработать физическою силою, слѣдовательно — больше пропить; а ложное пониманіе свободы озвѣряетъ ихъ еще болѣе, чѣмъ жизнь въ Европѣ...

— Только на минутку забѣжимъ въ кандитерскую: хозяйка—моя знакомая, хорошенькая и 100 тысячъ долларовъ въ придачу, проговорилъ Морицъ, сворачивая въ переулокъ, на углу котораго красовалась вывѣска маленькой кандитерской. Сегодня день жаркій; мы пили много пива и теперь потребовали мороженаго; хозяйка не показывалась. — «Пойдемъ въ другую комнату: она тамъ». И Морицъ ввелъ меня въ комнату, гдѣ, развалившись въ креслѣ, играла съ собачкою молодая дѣвушка, некрасивая, съ нѣмецкой птичьей физіономіею и въ неряшливой широкой блузѣ; Морицъ полѣзъ съ нею цѣловаться, на что та не оказала серіознаго сопротивленія; тогда онъ увлекся до того, что принялся свидѣтельствовать, какъ у негритянокъ, упругость членовъ богатой невѣсты; поднялся пискъ, смѣхъ, вызывающій на дальнѣйшую фамильярность... Короче сказать, нѣмцы и нѣмки по большей части въ Америкѣ тѣ же, что и въ Россіи, только еще хуже...

— Ну, Бога ради, идемъ въ агентство; я совершенно измученъ, упрашивалъ я доктора.

— Идемъ, идемъ, честное слово идемъ отсюда прямо

въ агентство. А что? Вѣдь хороша-то, хороша какъ!? И богата, и вѣдь ни къ кому, кромѣ меня не благоволитъ! болталъ дорогою пьяный нѣмецъ и привелъ меня въ какую-то лавку, гдѣ насъ встрѣтила молодая дѣвушка съ старушкою-матерью. Морицъ пріятельски поздоровался съ ними, поцѣловалъ руку у молоденькой миссъ и представилъ меня имъ; насъ угостили виномъ; Морицъ пустился въ разсказы о своей поѣздкѣ въ Европу, завирался и любезничалъ съ миссъ: то потреплетъ ее по щекамъ, то возьметъ за подбородокъ, то поцѣлуетъ въ голову, на что мать поглядывала какъ-то апатично, точно ничего не слышитъ и не видитъ. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ уговорить почтеннаго доктора идти дальше, въ агентство. «Это моя паціентка; я ей спасъ жизнь и она, въ знакъ признательности, милая дѣвушка, отвѣтила мнѣ любовью: отдала мнѣ свою невинность и вѣрна мнѣ, какъ собака»! Ну, однако мнѣ начало надоѣдать пьяное сообщество моего чичероне, да притомъ же я такъ усталъ, что не могъ ходить; я упрекнулъ Морица, что онъ непохожъ на истаго американца, не умѣетъ исполнять своего честнаго слова. «Не умѣю?! Ну, такъ вотъ же вамъ слово честнаго человѣка, что мы сейчасъ будемъ въ агентствѣ! А до сихъ поръ я вамъ не давалъ еще честнаго слова»! Обидѣлся почтенный мистеръ и мы торопливо направились къ «Broadway», гдѣ и вошли въ одинъ изъ подвальныхъ магазиновъ съ запахомъ, убѣждающимъ васъ, что тутъ производится продажа масляныхъ красокъ, что подтверждалъ и вышедшій къ намъ хозяинъ, длинный и сухой янки, покрытый разноцвѣтными пятнами своей спеціальности; послѣ краткой бесѣды съ нимъ, Морицъ сообщилъ мнѣ, что ѣзда въ Санъ-Франциско по желѣзной дорогѣ небезопасна отъ частыхъ нападеній индѣйцевъ, которые портятъ дорогу, останав-

ливаютъ поѣзды и стрѣляютъ въ пассажировъ; «въ особенности, прибавилъ онъ, они опасны въ штатѣ Утахѣ, гдѣ живутъ мормоны».

— Въ такомъ случаѣ идемъ въ агентство пароходовъ; поѣду на Панаму!

— И отлично сдѣлаете; на пароходѣ поѣздка удобнѣе. Черезъ Панаму перевезутъ васъ по желѣзной дорогѣ, а тамъ прямо до Санъ-Франциско доѣдете на пароходѣ, а цѣна что по желѣзной дорогѣ, что на пароходѣ отсюда до С.-Франциско одна и та же: 150 долларовъ бумагою.

— Однако основательны ли эти страхи объ индѣйцахъ?

— Да, да! и въ газетахъ о томъ писали! Поѣзжайте на пароходѣ.

Мы вошли въ одно изъ пароходныхъ агентствъ, во множествѣ настроенныхъ по набережной; въ громадной комнатѣ конторы, заставленной столами, пять служащихъ джентльменовъ были заняты кто чѣмъ: одни, задравъ ноги на столы и стулья, безъ сюртуковъ, читали газеты, другіе, въ туфляхъ, въ рубахахъ и цилиндрахъ на головахъ, возились надъ какими-то несложными формальностями, при выдачѣ билетовъ; третьи писали, курили... Намъ сообщили, что пароходъ идетъ завтра въ полдень, а цѣна каюты—150 долларовъ бумагою; я забылъ взять съ собою деньги, а потому обѣщалъ зайдти за билетомъ завтра утромъ.

— Теперь 5 часовъ, пора обѣдать, поѣдемъ домой. Усталъ-же я съ вами, мистеръ Морицъ!

— Идемъ, идемъ скорѣе, чтобы обѣдъ не прозѣвать, деньги даромъ не платить хозяину.

И мы быстро зашагали по набережной; шли добрыхъ полтора часа, пока не приблизились къ одной крытой пристани. (Здѣсь пристани крытыя, какъ громадные ма-

нежи, и служатъ сараями и магазинами для груза съ парохода и на пароходъ; онѣ такъ обширны, что въ нихъ въѣзжаютъ свободно десятки громадныхъ экспрессовъ или платформъ, служащихъ для перевозки клади).

— Да куда-жъ мы идемъ? вспылилъ я, еле-еле волоча ноги за неутомимымъ докторомъ.

— Увидите и порадуетесь! коротко отвѣтилъ докторъ, быстро взбираясь по веревочной лѣстницѣ на громадный пароходъ; я за нимъ,—оглядываюсь по сторонамъ, что-то знакомое; оказывается, что мы на пароходѣ «Queen», который привезъ насъ сюда изъ Ливерпуля. Мы посѣтили капитана, его помощника и доктора, которые дружески встрѣтили насъ. Мистеръ Морицъ обошелъ всѣхъ матросовъ, заглянулъ въ кухню къ повару, спустился въ каюту къ прислугѣ, со всѣми пріятельски цѣловался, болталъ и вралъ... Наконецъ, мое терпѣніе лопнуло: съ 9-ти часовъ утра и до 7 часовъ вечера на ногахъ, которыя уже отказываются служить мнѣ! Удивительно, какъ онъ не усталъ; но я положительно объявилъ ему, что если онъ не пойдетъ немедленно домой, то я одинъ найду туда дорогу; онъ внялъ моему слову и я, измученный, бросился въ омнибусъ, который и довезъ насъ прямо до нашей гостинницы.

Да, Морицъ мнѣ сегодня дорого обошелся: я совершенно разбитъ и въ кошелькѣ не хватаетъ цѣлаго фунта стерлинговъ.

— Мистеръ Морицъ, отчего у васъ въ Америкѣ все такъ дьявольски-дорого? Мы, кажется, сегодня скромно провели день, а у меня облегчился карманъ на цѣлый фунтъ! спросилъ я его.

— Оттого, что въ Америкѣ денегъ много.

— Это не резонъ!

— И оттого, что мы, послѣ великой войны за осво-

божденіе негровъ, сдѣлали громадный долгъ, который и торопимся потушить, а потому правительство наложило на все высокія пошлины. До войны было все вдвое дешевле, чѣмъ теперь; скоро уплатимъ долгъ, и опять все подешевѣетъ.

И дѣйствительно, дороговизна здѣсь страшная. Въ одной табачной я наткнулся на знакомыя мнѣ сигары, сотня которыхъ въ Одессѣ стоитъ 5 руб., а здѣсь я за десятокъ заплатилъ 1 долларъ, слѣдовательно 100—стоитъ 10 долларовъ, или 16 р. 50 к. на бумагу. Впрочемъ, причину этого казуса нужно искать не въ одной только высокой пошлинѣ, а и въ томъ, что здѣсь въ табачныхъ магазинахъ продажа сигаръ и табаку производится большею частью поштучно и по мелочи. Вы можете купить одну, двѣ, десятокъ и болѣе сигаръ, 1 фунтъ, осьмушку и меньшую часть фунта табаку, какого угодно достоинства; поэтому отъ добросовѣстности купца зависитъ продажа товара. А такъ какъ табачными магазинами преимущественно владѣютъ пришельцы — нѣмцы, то разсказанный мною случай не рѣдкость...

Отъ усталости, я потерялъ аппетитъ; бросился на постель, но спать не могу: колокольчики омнибусовъ поминутно раздаются въ ушахъ, а сосѣди свистятъ такъ громко, что окончательно гонятъ сонъ; да впрочемъ, теперь уже половина осьмаго, скоро ночь. Сосѣдъ, мистеръ Морицъ стучитъ въ дверь.

— Войдите, дверь не заперта. Что скажете?

— Тетушка проситъ насъ сопровождать ее на прогулку, проговорилъ докторъ, совершенно освѣженный получасовымъ отдыхомъ и тщательно прибранный.

— Да вѣдь мы только-что вернулись домой; цѣлый день шлялись!

— Поймите-же, что я ей отказать не могу! Мнѣ до

зарѣзу на завтра нужно 50 долларовъ; вѣдь вы мнѣ ихъ не дадите, а она—дастъ.

Удивительный народъ эти американцы! Взгляните на «Broadway» и сосѣднія съ нею улицы днемъ; массы прохожихъ спѣшатъ, бѣгутъ, суетятся; давка, какой не увидите ни въ одной европейской столицѣ и все это занято; американецъ безъ дѣла днемъ не выйдетъ. Вотъ почему въ эти часы дня вы рѣдко встрѣтите женщинъ, которыя зато вечеромъ завладѣваютъ улицами. Нерѣдко вы увидите джентльменовъ, стоящихъ по угламъ улицъ или по срединѣ тротуара; вы думаете, что онъ бездѣльничаетъ, какъ наши уличные ловеласы? Нѣтъ; всмотритесь въ выраженіе его лица и вы увидите, что голова его теперь сильно работаетъ: у него уже созрѣваетъ какой нибудь Geschäft, онъ ужъ вѣрно придумалъ средство, какъ пріобрѣсть ему денегъ, а иначе, онъ не истратилъ бы даромъ время! Такъ и Морицъ; въ то время, какъ я въ изнеможеніи отъ усталости, онъ бодръ, свѣжъ и тоже отправляется сейчасъ прогуливаться съ лэди С. не безъ дѣла: завтра или сегодня-же, изъ тетушкина кармана въ его непремѣнно перейдутъ 50 долларовъ.

— Идите-же съ нами; она проситъ,—пристаетъ ко мнѣ Морицъ; и я рѣшился еще разъ вынести пытку общей прогулки съ тетушкою, такъ какъ завтра день для меня важный: день отъѣзда, а безъ Морица я не обойдусь.

Вечеръ сегодня также обаятельно хорошъ, какъ и прошлый; почтенная тетушка извергала то же неугасимое пламя страсти на солиднаго сорокалѣтняго юношу, мистера Морица, который всецѣло отдался ей, думая о 50 долларахъ...

Подъ предлогомъ нѣкоторыхъ покупокъ, необходимыхъ

мнѣ на дорогу, я оставилъ счастливую чету и направился въ ближайшую улицу «Greenwich», ту самую, по которой проведена такъ называемая воздушная желѣзная дорога. Газовые фонари горятъ тускло; множество подвальныхъ пивныхъ ярко освѣщены; изъ нихъ несутся звуки дешевой музыки, пѣсни и буйные крики; у входовъ пивныхъ сидятъ по двѣ, по три разряженныхъ лэди; эти лэди торгуютъ собою, а содержатели пивныхъ за привлеченіе посѣтителей платятъ имъ извѣстный процентъ съ выручки. Само собою это нѣмки; онѣ перенесли съ собою сюда изъ Европы развратъ и здѣсь еще больше изгрязнились. Торопливо иду я домой; кто-то догоняетъ и толкаетъ меня. Оглядываюсь, лэди изъ пивной; прибавляю шагу, натыкаюсь на другую картину: на площадкѣ крыльца одного дома, на постланномъ одѣялѣ лежитъ обнявшись парочка... Я сѣлъ въ подъѣхавшій омнибусъ и черезъ полчаса уже спалъ въ своей уютной комнаткѣ.

9 Августа. Рано утромъ вошелъ ко мнѣ мистеръ Морицъ и мы отправились за покупкою билета. Дорогою я купилъ за 25 центовъ сухое растеніе Verno (вѣчно живое), растущее только въ Калифорніи; если его корень опустить въ воду, оно распускается въ великолѣпный букетъ и зеленѣетъ круглый годъ; вынутое изъ воды, оно снова высушивается, и вы можете его спрятать въ столъ или переслать по почтѣ въ бумагѣ вашему пріятелю, что̀ не повредитъ его свойству. Мы вышли на набережную р. Гудзона, которая густо застроена разными морскими постройками; здѣсь вы увидите много очень простыхъ и удобныхъ механизмовъ, приспособленныхъ для подниманія груза съ судовъ снизу въ верхъ, и для нагрузки его на экспрессы. Одинъ изъ нихъ я вамъ опишу: на краю набережной вбитъ высо-

кій столбъ, съ прикрѣпленнымъ къ его верху блокомъ, черезъ который протянутъ канатъ; къ одному его концу привязывается большой ушатъ, который и наполняется каменнымъ углемъ или инымъ грузомъ съ судна—однимъ рабочимъ; другой конецъ каната приспособляется къ лошади, которая тянетъ канатъ и поднимаетъ на нужную высоту нагруженный ушатъ; здѣсь же у столба стоятъ конные экспрессы, куда и выгружается уголь. Работа, какъ видите, кипитъ и требуетъ только 3 рабочихъ, что не похоже на нашу возню съ тачками!...

— Зайдемъ сюда; тутъ мы получимъ нужныя для насъ свѣдѣнія. Не утерпѣлъ мистеръ Морицъ, и вмѣсто агенства завелъ меня въ шумный отъ нѣмецкаго гвалту, и промозглый и чадный отъ табачнаго дыму залъ пивной. Здѣсь онъ сообщилъ нѣкоторымъ посѣтителямъ о моей поѣздкѣ въ Калифорнію, и меня немедленно окружили съ разными печатными объявленіями: кто объ отъѣздѣ пароходовъ, а кто объ отходѣ машины изъ Нью-Іорка въ С. Франциско. Каждый изъ нихъ краснорѣчиво убѣждалъ меня ѣхать тѣмъ или другимъ путемъ, смотря потому, интересамъ какой компаніи онъ служилъ. Это агенты или вѣрнѣе фактора, большею частію изъ нѣмцевъ; каждая компанія содержитъ по нѣскольку человѣкъ ихъ съ платою извѣстнаго процента имъ отъ каждаго приведеннаго ими пассажира; это объясняетъ характеръ ихъ ремесла: они шляются по трактирамъ, пивнымъ и питейнымъ, вокзаламъ и пристанямъ, гдѣ ловятъ вновь прибывшихъ изъ Европы, или вообще желающихъ ѣхать изъ Нью-Іорка куда-нибудь, навязываютъ имъ свои услуги и вербуютъ пассажировъ на желѣзную дорогу или на пароходъ. Безъ сомнѣнія, если онъ агентъ желѣзной дороги, то считаетъ долгомъ бранить самымъ энергичнымъ образомъ пароходы, доказывая неудобства

и опасности ѣзды на нихъ, пугая панамскою лихорадкою и продолжительнымъ карантиномъ; фактора же пароходныхъ компаній клевещутъ на желѣзную дорогу и пугаютъ индѣйцами. Такъ и теперь, въ этой пивной одинъ агентъ желѣзной дороги увѣрялъ насъ, что ѣзда по трансконтинентальной дорогѣ Тихаго океана совершенно безопасна и имѣетъ то преимущество передъ пароходомъ, что на седьмой день я буду въ С. Франциско, между тѣмъ, какъ пароходъ идетъ туда 24 дня, а теперь, по случаю свирѣпствующей на Панамѣ сильной лихорадки, придется еще цѣлую недѣлю выдержать карантинъ; цѣна же поѣздки, какъ здѣсь, такъ и тамъ, одна и та же, т. е. 150 долларовъ бумагой. Свѣдѣнія о панамской лихорадкѣ, сообщенныя этимъ агентомъ, дѣйствительно вѣрны. Эпидемія такъ сильна, такъ убійственна, что даже корабельную прислугу не пускаютъ на берегъ, а пассажировъ пересаживаютъ съ парохода съ большими предосторожностями, выдерживая ихъ по недѣлѣ въ карантинѣ; да при томъ же утомительная возня пересадокъ въ г. Аспинвалѣ съ парохода на желѣзную дорогу, прорѣзывающую жаркій перешеекъ, а тамъ, опять въ Панамѣ, пересадка на пароходъ и пр. и пр. Слѣдовательно по желѣзной дорогѣ ѣхать и скорѣе, и безопаснѣе, рѣшили мы съ Морицомъ.

— Но, колебался еще я,—въ Европѣ на счетъ вашихъ желѣзныхъ дорогъ составилось не лестное мнѣніе: плохо строены онѣ, и несчастія часты на нихъ...

— Европейскія желѣзныя дороги извѣстны мнѣ не хуже вашего, но скажу вамъ безпристрастно, что наши дороги строятся прочнѣй. Что же касается до несчастныхъ случаевъ, то имѣйте въ виду, что Америка застроена желѣзными дорогами на протяженіи 48.000 анг. миль (т. е. 72.576 верстъ), а эта цифра составитъ го-

раздо больше сложности всѣхъ желѣзныхъ дорогъ на земномъ шарѣ, слѣдовательно и несчастныхъ случайностей у насъ должно бы быть пропорціонально больше, а между тѣмъ, по статистическимъ даннымъ, выходитъ наоборотъ...

Успокоенный такими логическими доводами, я, съ Морицомъ, свернулъ въ улицу «Broadway», гдѣ находится контора желѣзной дороги. Здѣсь уже у служажихъ джентльменовъ сапоги и сюртуки были на своихъ мѣстахъ и только разноформенныя шляпы покоились на затылкахъ, да поднятыя нѣсколько выше плечъ ноги напоминали, что вы находитесь въ американской конторѣ. У главнаго агента мы попросили свѣдѣній о желѣзной дорогѣ и тотъ далъ намъ подробныя карты пути и объявленія о поѣздахъ въ Калифорнію; билетъ до С. Франциско стоитъ 150 долларовъ бумагою, т. е. 102 дол. по сегодняшнему курсу золотомъ, или 23½ англ. стерлинговъ, (т. е. 188 руб. с. бумагою).

И такъ, я проѣду въ теченіе 6 дней и 17 часовъ 3,586 американскихъ миль (5.422 версты *) гигантской желѣзной дороги, прорѣзавшей, какъ обширныя пустыни, такъ и высокія скалы, чтобы соединить Атлантическій океанъ съ Великимъ! Этотъ путь называется: «Union Pacific Railroad, from Ocean to Ocean». (Соединенная Тихаго океана желѣзная дорога, отъ океана до океана). Здѣсь кстати будетъ сдѣлать краткій очеркъ этой великой желѣзной дороги, только-что открытой 10 мая 1869 года на станціи «Promontory», лежащей недалеко отъ «Великаго Соленаго Озера».

Мысль о соединеніи двухъ океановъ зародилась у

*) Миля равняется 1 верстѣ 256 саженямъ.

американцевъ еще въ началѣ настоящаго столѣтія, но неизвѣданность обширныхъ пустынь западныхъ штатовъ, обитаемыхъ индѣйцами, была помѣхою выполненію этого намѣренія до тѣхъ поръ, пока предпріимчивый инженеръ Фримонъ не открылъ проходовъ въ горахъ «Скалистыхъ» и «Сіерра Невада», откуда спустился въ Калифорнію, которая съ этихъ же поръ, своими случайно открытыми, однимъ мормономъ, богатствами, начала привлекать многочисленную эмиграцію искателей золота. Путь ихъ былъ продолжителенъ и опасенъ отъ разныхъ случайностей: голода и нападеній дикарей, снѣговъ и бурь, которые тысячами погребали ихъ въ пустыняхъ и горахъ. (Это было время, когда въ Калифорніи хлѣбъ, платья, лѣсъ и пр. и пр. необходимыя рабочему потребности покупались на вѣсъ золота; всѣми пришельцами до того обуяла страсть къ отысканію его, что никто не хотѣлъ ничѣмъ другимъ заниматься: не находилось даже ни рукъ, ни времени вымыть себѣ бѣлье, выгоднѣе было купить новую, чѣмъ выстирать грязную рубаху, которая выбрасывалась вонъ). Потомъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, путь этотъ былъ улучшенъ открытіемъ правильнаго сообщенія дилижансами, а въ 1862 году, декретомъ президента Линкольна, утвержденъ былъ проэктъ настоящаго направленія трансконтинентальной желѣзной дороги, концессія постройки которой отдана была двумъ компаніямъ на слѣдующихъ чрезвычайно выгодныхъ для нихъ условіяхъ:

1) Дорога отъ г. Омоха до г. Сакраменто на разстояніи 1,800 миль (2,722 версты) должна быть сооружена къ 1874 г. (Но она была окончена въ теченіи 7 лѣтъ, т. е. пятью годами раньше срока, чему по-

могла, кромѣ энергіи американца, природная ровность почвы *).

2) Сооруженіе ея отдано двумъ компаніямъ. Одна изъ нихъ должна вести работы отъ г. Омоха на встрѣчу другой, обязанной вести работы отъ г. Сакраменто; граница ихъ работамъ не опредѣляется: она будетъ въ пунктѣ ихъ встрѣчи. (Этимъ пунктомъ была станція «Promontory». Вотъ почему торжественное открытіе дороги происходило здѣсь. Отъ г. Омоха до ст. Промонтори, 1,640 верстъ, работали преимущественно ирландцы, а отъ г. Сакраменто до с. Промонтори, 1,082 вер., работали китайскіе кули изъ Калифорніи).

3) Дорога должна быть построена въ одинъ путь. (Что также благопріятствовало быстрому сооруженію ея).

4) Правительство ссужаетъ компаніи 50 милліонами долларовъ, съ тѣмъ чтобы эти деньги были возвращены ему въ теченіе 30 лѣтъ, и на такую же сумму разрѣшаетъ имъ выпустить облигацій.

5) Правительство даритъ компаніямъ, за каждую сооруженную ими милю желѣзной дороги по обѣ стороны ея по 10 квадратныхъ миль и 200 футовъ изъ общественныхъ земель, съ находящимися на нихъ рудниками каменнаго угля и желѣза (Прочіе же металлы были оговорены).

6) Правительство даетъ право компаніямъ пользоваться безвозмездно строительными матеріалами, какіе найдутся на общественныхъ земляхъ, и т. д.

Безъ сомнѣнія, какъ я и слышалъ, компаніи эти не

*) Вотъ высшія точки трансконтинентальной дороги Тихаго океана надъ уровнемъ моря: 1) городъ Омоха на 967 футахъ; 2) въ Скалистыхъ горахъ ущелье Эвансъ на 8.274 футахъ; и 3) въ Сіеррѣ-Невадѣ—высшая точка дороги на 7.100 футахъ.

осталась въ долгу: не одна тысяча акцій перешла безвозмездно въ руки благодѣтелей ихъ. Это же утверждаетъ и мистеръ Морицъ, по просьбѣ котораго главный агентъ желѣзной дороги далъ мнѣ бланкъ, адресованный ко всѣмъ кондукторамъ, съ просьбою, чтобы мнѣ, какъ путешествующему иностранцу, согласно инструкціи, было оказываемо вниманіе и вообще забота. Поѣздъ отправляется изъ Нью-Іорка въ 7 ч. вечера, а теперь уже 1 часъ и мы поторопились вернуться въ гостинницу, чтобы приготовиться къ отъѣзду. По счету гостинницы, за три дня жизни и мытье бѣлья, я уплатилъ. 11 доллар. 50 центовъ бумагою (здѣсь, какъ и у насъ, расплачиваются кредитными билетами, золото же стоитъ на 40°/о дороже). Стирка бѣлья здѣсь машинная, быстра и необыкновенно хороша. Но вотъ маленькая исторія, которая взбѣсила меня: въ дорогѣ подкладка моего лѣтняго пальто совершенно изорвалась, точно также и другія принадлежности туалета потребовали починки, и я отдалъ ихъ нумерному отнести къ портному; теперь же передъ отъѣздомъ, на мою просьбу возвратить мнѣ ихъ, мальчикъ нумерной смотритъ на меня удивленно, и клянется, что такихъ вещей онъ отъ меня не получалъ. Конечно, я энергично протестовалъ противъ желанія слуги облегчить меня на дорогу; Морицъ и тетушка вступились за меня. И какъ вы думаете? Черезъ три часа хлопотъ и угрозъ, мои вещи отыскались въ дальнемъ чуланѣ, куда ихъ, безъ сомнѣнія, спряталъ мальчишка-слуга въ надеждѣ, что взявши уже билетъ, мнѣ не будетъ времени хлопотать о вещахъ. Здѣсь не рѣдки подобныя приключенія съ довѣрчивыми и неосторожными путешественниками, и виновнаго не найдете, да его никто и розыскивать не будетъ; здѣсь вѣдь хозяинъ не отвѣчаетъ, если васъ обворуютъ: вы сами должны карау-

лить свои вещи. Случается, что и ключъ вы отдаете въ контору, и васъ обворуютъ, но никто не отвѣчаетъ за это; вы должны имѣть сильныя улики и доказательства на того, кто обокралъ васъ, и тогда только можете начать искъ. Точно также, по американскимъ законамъ, если вы хоть годъ стояли въ гостинницѣ, и не заплативъ денегъ хозяину хотите уѣхать, онъ не имѣетъ права задержать васъ или ваши вещи. Если онъ ихъ задержалъ, вы можете нанять экспрессъ или здоровыхъ носильщиковъ, которые за хорошую плату добудутъ ваши вещи силою. Какая же гарантія содержателямъ гостинницъ въ уплатѣ денегъ пріѣзжающими? А вотъ какъ они должны, да большею частью и дѣлаютъ въ Америкѣ: вы съѣли что-нибудь или прожили день, платите сейчасъ деньги. Впрочемъ, онъ можетъ обратиться и къ полицейской помощи, чтобы заставить васъ уплатить слѣдуемое, и если вы не имѣете росписки отъ хозяина въ уплатѣ ему денегъ, то должны будете заплатить немедленно, или повѣдаетесь съ судомъ.

Прислуга при гостинницѣ, по словамъ мистера Морица, жалованья отъ хозяина не получаетъ, а только харчи на его счетъ; платятъ же имъ пріѣзжіе, и я разорился на 1 долларъ для двухъ нумерныхъ и служанки, прислуживавшей мнѣ за столомъ.

— Однако, сказалъ я Морицу, помогавшему мнѣ укладывать вещи въ чемоданъ,—въ порядкахъ вашихъ гостинницъ есть и неудобства для пріѣзжихъ; вотъ мы съ вами, напримѣръ, всѣ эти дни только обѣдали и пили утренній чай, закуски же и вечерній чай прогуливали, а заплатить пришлось за все.

— Это ваша вина; на васъ готовили, а вы не являлялись во время.

— Не удобнѣе ли было бы нанять только одинъ нумеръ, безъ стола?

— Въ такомъ случаѣ вамъ обойдется дороже; теперь вы за все платите 3½ доллара, а тогда съ васъ возьмутъ за нумеръ 2 доллара, за обѣдъ 1½ доллара и за утренній чай съ закускою 1 долларъ; итого 4½ доллара безъ закуски и вечерняго чая. Прочтите вотъ эту табличку, что виситъ у васъ на стѣнѣ: тамъ вы увидите всѣ правила гостинницы и цѣны.

— А почему здѣсь въ гостинницахъ горячее можно достать только въ условленные часы, между тѣмъ какъ у насъ во всякое время, кромѣ ночи?

— У васъ ломовыя лошади, а у насъ люди, требующіе нѣсколько часовъ въ день отдыха. Ни одинъ поваръ здѣсь не согласится цѣлый день жариться передъ очагомъ, и ни одна хозяйка въ бѣдныхъ заѣздныхъ домахъ не продастъ свои часы отдыха. Въ ресторацiяхъ у насъ тоже самое, не въ урочный часъ вы не достанете, кромѣ холодныхъ закусокъ, ничего горячаго.

— Однако уже 6 часовъ,—пора ѣхать.

— Подождите, я послалъ за каретою; до вокзала придется заплатить вамъ 2 доллара, меньше не повезутъ.

Карета подъѣхала; вещи мои уложены, и мы сошли внизъ, гдѣ поджидала насъ старая лэди С. Я пріятельски простился съ нею, и усѣлся съ мистеромъ Морицомъ въ карету, которая уже начала трогаться, какъ тетушка остановила кучера и подбѣжала къ Морицу: «Дитя мое, возвращайся изъ вокзала скорѣе... Я умру отъ тоски и нетерпѣнія»! проговорила она, запыхавшись, по нѣмецки; тотъ покосился на меня слегка и покраснѣлъ (вѣрно отъ жары), снялъ сюртукъ, надвинулъ шляпу на затылокъ, и пославъ воздушный поцѣлуй своей милой (она

ему сегодня одолжила 50 долларовъ) отплюнулся и велѣлъ кучеру ѣхать скорѣй.

Дорогою мистеръ Морицъ напомнилъ мнѣ, что онъ 2 раза платилъ за пиво и омнибусъ, и выкурилъ 3 сигары на свой счетъ; я немедленно уплатилъ ему по его счету 80 центовъ, и обѣщалъ писать объ немъ въ Россію, как ъ о хорошемъ человѣкѣ, на что мистеръ Морицъ, самодовольно улыбаясь, далъ полное свое согласіе, и прибавилъ:

— Еще отъ васъ слѣдуетъ 6 центовъ на обратный путь мнѣ домой въ омнибусѣ.

Я уплатилъ и эти 6 центовъ.

Мистеръ Морицъ такъ торопился, ради меня, что забылъ на комодѣ въ гостинницѣ тетушкины 50 долларовъ, а нумеръ не запертъ; онъ увѣренъ, бѣдный мой мистеръ, что у него украдутъ ихъ, тогда не въ состояніи будетъ заплатить хозяину гостинницы... Изъ банка же ему не хочется брать, хоть тамъ у него лежатъ нѣсколько тысячъ. Безъ сомнѣнія, мистеръ Морицъ—аккуратнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, и если занимаетъ деньги, то при первой возможности возвращаетъ ихъ съ большою благодарностью. Мистеръ Морицъ ни во что не ставитъ оказанныхъ имъ мнѣ услугъ, хоть за подобныя услуги коммиссіонеръ взялъ бы съ меня не меньше 50 долларовъ золотомъ, а онъ забылъ въ гостинницѣ всего 50 долларовъ бумагою... Право, хорошій человѣкъ мистеръ Морицъ! Но какъ ни жаль мнѣ его, горю его я помочь не хотѣлъ, да и не могъ: въ карманѣ у меня ужь слишкомъ легко, а путь еще далекъ. Мистеръ Морицъ родился дипломатомъ: вотъ какъ тонко онъ просилъ у меня въ займы 50 дол., въ чемъ я ему сердечно отказалъ; въ утѣшеніе же повторилъ ему свое обѣщаніе

писать объ немъ въ Россію, какъ о хорошемъ человѣкѣ изъ нѣмцевъ.

Морицу взгрустнулось, а я любовался маленькимъ вагончикомъ съ простымъ механизмомъ, для поливанія улицъ. Это ящикъ на колесахъ, сзади котораго придѣланы три трубки съ широкими рѣшетчатыми раструбами, откуда брызжетъ вода, сразу поливая полъ улицы. Когда вся вода израсходуется, возница подъѣзжаетъ къ ближайшему резервуару, которые во множествѣ настроены по всѣмъ улицамъ города, ящикъ, посредствомъ кишки, наполняется снова, и работа продолжается успѣшно только однимъ рабочимъ. Въ нѣкоторыхъ вагончикахъ, сзади, вмѣсто трубъ, прикрѣпляется большое металлическое рѣшето, чрезъ которое вода бьетъ равномѣрнѣе, чѣмъ изъ трубъ.

Ну вотъ и пристань, а мистеръ Морицъ все еще грустит.

— Пріѣхали, дорогой мистеръ! Наставляйте, что дѣлать дальше?

— Пойдемте, сухо проговорилъ милый человѣкъ.

— Гдѣ-же вокзалъ желѣзной дороги?

— Вокзалъ на другомъ берегу р. Гудзона, куда мы переѣдемъ вотъ на этомъ пароходѣ.

Мы подошли къ пароходной конторѣ, гдѣ я отдалъ два чемодана въ багажъ, на что получилъ два чека. Здѣсь процедура сдачи и пріема вещей менѣе сложна, и дешевле европейской, съ ея наклейкою печатныхъ билетовъ: въ каждой багажной комнатѣ вы увидите на стѣнахъ сотни ремней, къ обоимъ концамъ которыхъ привязываются чеки, т. е., металлическія пронумерованныя бляшки. При сдачѣ вещей въ багажъ, одинъ чекъ отъ ремня дается вамъ, а другой привязывается къ вашему багажу; по пріѣздѣ на мѣсто предъявителю чековъ выдается ба-

гажъ обратно. Берегите ваши чеки, потому что предъявителемъ ихъ можетъ быть, при вашей оплошности, кто нибудь другой, а не вы, и тогда вы уже не разыщите своихъ вещей.

Съ пристани мы вошли въ большой залъ дома. Гдѣ-же пароходъ? Это и есть пароходъ, только крытый, какъ всѣ американскіе рѣчные пароходы, механизмъ которыхъ устроенъ нѣсколько иначе, чѣмъ у нашихъ и расположенъ на палубѣ. Съ пристани незамѣтно вы входите въ первый большой залъ, вокругъ котораго расположены диванчики, а около нихъ на полу сотни глиняныхъ плевальницъ, для охотниковъ жевать табакъ и при сей оказіи изобильно плеваться; потомъ слѣдуетъ другой залъ и, наконецъ, открытый носъ парохода, съ нѣсколькими рядами стульевъ па немъ.

Точно такіе же зала устроены и по другую сторону парохода, по рединѣ котораго оставленъ сквозной, широкій проѣздъ, куда въѣзжаютъ экипажи съ пассажирами и экспрессы съ вещами. Неслышно двинулся пароходъ съ мѣста, и минутъ черезъ десять мы подъѣхали прямо къ вокзалу желѣзной дороги, очень скромной постройки: два небольшіе, безъ всякихъ украшеній и съ простою мебелью зала, въ сторонѣ буфетъ съ закусками, винами и разными фруктами, между которыми преимущественно красуются бананы, вотъ и все.

Изъ зала мы вышли въ обширнѣйшій, крытый стекломъ дворъ, изрѣзанный путями, съ десятками вагонныхъ рядовъ на нихъ; въ ушахъ поминутно раздается громкій звонъ колоколовъ,—это движущіяся въ разныхъ направленіяхъ машины. Мы попросили одного джентльмена указать намъ калифорнскій поѣздъ; онъ, осмотрѣвъ мой пассажирскій билетъ, подвелъ насъ къ нему. Но поѣздъ отходитъ еще черезъ четверть часа, а потому мистеръ

Морицъ, просіявшій послѣ выпитаго пива въ буфетѣ, охарактеризовалъ мнѣ вкратцѣ нѣкоторые порядки американскихъ желѣзныхъ дорогъ: «Вы ѣдете, значитъ имѣете дѣло, а чтобы получить право ѣхать, нужно заплатить за это; каждый пассажиръ понимаетъ свои права и обязанности, и полицейскимъ, какъ въ Европѣ, здѣсь нечего дѣлать!

— Ну, а какъ-же безъ начальства, перебилъ я его.

— Для грудныхъ ребятъ—европейцевъ нужны няньки, а мы, американцы, народъ возмужалый... И Морицъ, напяливъ шляпу на затылокъ, принялъ видъ неприступно серьезный....

— Вся разница между гражданами, продолжалъ онъ, отвѣчая уже, какъ бы на заданный самимъ себѣ вопросъ, та, что одинъ въ болѣе, другой въ менѣе блестящей оболочкѣ, но всѣ люди, всѣ равноправные члены одной могущественной семьи! Нѣтъ подраздѣленій на касты!..

Въ это время мелькнула вдали длинная фигура джентльмена въ соломенной шляпѣ.

— Вотъ идетъ кондукторъ. Пойдемте, я васъ отрекомендую. Мы покажемъ ему бланкъ отъ главнаго агента. Дайте ему 50 центовъ, и вамъ будетъ хорошо всю дорогу: онъ передастъ слѣдующему кондуктору, чтобы объ васъ заботились и что вы уже заплатили,—тотъ передастъ дальше и т. д... наставлялъ меня Морицъ.

— Ну, я не намѣренъ платить имъ ни цента, какъ вѣроятно не платятъ и другіе пассажиры.

Джентльменъ въ соломенной шляпѣ подошелъ къ намъ. Мистеръ Морицъ отрекомендовался ему докторомъ, представилъ меня, какъ русскаго путешественника и показалъ ему бланкъ агента. Тотъ прочелъ его,—проговорилъ «jes» (да, часто употребляемое въ смыслѣ слова: хорошо) и удалился, а мы вторично за-

глянули въ буфетъ, гдѣ потребовали пива и чокнулись на прощанье. Я свое выпилъ сразу,—Морицъ отпилъ только полстакана и закричалъ мнѣ:

— Чтó вы сдѣлали?!

— Выпилъ сразу стаканъ теплаго пива, какъ микстуру!

— Вы-бы оставили хоть на днѣ немного!

— А это почему?

— А вотъ почему. И Морицъ обратился къ буфетчику съ протестомъ, что ему дали теплое пиво, между тѣмъ какъ лѣтомъ оно подается со льдомъ, и попросилъ его перемѣнить его. Ему налили новый стаканъ—со льдомъ.

— Вотъ видите,—мнѣ перемѣнили пиво. Въ Америкѣ такъ! Если вамъ не нравится купленная вещь, вы ее можете обратно отдать или потребовать перемѣнить.

— Какъ же это правило примѣнить къ вашему пиву? Вѣдь вы уже отпили полстакана!

— А зачѣмъ онъ далъ теплое? Я попробовалъ его,—нашелъ его дурнымъ, ну—и возвращаю ему обратно!

Мы еще разъ чокнулись и я простился съ м-ромъ Морицомъ...

— Пишите же изъ Калифорніи! кричалъ мнѣ любезный Морицъ, отплывая на пароходѣ обратно въ городъ, гдѣ незабвенная тетушка умирала по немъ отъ тоски и нетерпѣнія.

— Буду, буду писать вамъ и объ васъ!

Мистеръ Морицъ скрылся изъ глазъ, а я усѣлся въ вагонъ, и задумался... объ немъ же.

Да, Морицъ настоящій объамериканившійся нѣмецъ образованнаго слоя. Въ немъ ярко проглядываетъ смѣсь европейца съ американцемъ. Передъ однимъ, если нужно, онъ свѣтскій пошлый европеецъ, передъ другимъ

онъ безцеремонно фамильяренъ и естественъ, какъ американецъ; то европейски утонченный плутъ, то по американски правдиво смѣлъ. Гдѣ интересъ, подленькое европейское заискиванье маскируется въ форму сознательно-американскаго пониманія равенства и глубокаго уваженія къ личности человѣка; вотъ почему Морицъ съ какимъ-то надменнымъ самохвальствомъ передо мною пожимаетъ руку и цѣлуется съ рабочимъ, съ трактирнымъ слугою, которыхъ онъ намѣревается залучить къ себѣ въ паціенты!... А болтливъ-то, болтливъ мистеръ Морицъ, какъ русская сваха, и это впрокъ ему идетъ: «Какой милый и веселый мистеръ Морицъ»! отзываются его паціентки, съ незабвенною тетушкой во главѣ.

Ну, до свиданія мистеръ Морицъ, въ Россіи встрѣтимся. Вѣдь Морицовъ у насъ и на Руси довольно.

Уже темнѣетъ; раздался громкій звонъ колокола: пришелъ поѣздъ изъ Калифорніи, и нашъ двинулся... Кондукторъ «поѣзда» посмотрѣлъ мой пассажирскій билетъ, кондукторъ «спальнаго вагона» отобралъ отъ меня марку, въ которой значилось, что я уже заплатилъ въ конторѣ за одинъ день права выспаться хорошенько, спросилъ, не хочу ли я спать, и на мой утвердительный отвѣтъ, слуга спальнаго вагона, мулатъ, постлалъ мнѣ постель, такую широкую, что на ней легко помѣстилось бы три человѣка. Я уснулъ сладко, между тѣмъ какъ поѣздъ летѣлъ съ быстротою, незнакомою въ Россіи.

10 августа. Прелесть что за утро! Нѣсколько свѣжо, но утро свѣжитъ и картину мѣстности. Посмотрите—кругомъ васъ зеленѣютъ холмы и горы, покрытые густымъ лѣсомъ. Ручьи и рѣченки, какъ змѣйки извиваются по долинкамъ и лощинкамъ ихъ. Около ихъ водъ разбросаны старыя колоніи и уютныя фермы; а

вотъ направо новыя постройки, досчатые домики: видно, недавно поселились здѣсь колонисты. Тамъ, направо въ веселой долинкѣ видны участки только-что задуманнаго поселенія: пни срубленныхъ деревъ кое-гдѣ уже выжжены, а въ иныхъ мѣстахъ еще безобразно торчатъ—это граница будущей пашни, будущей колоніи или фермы. Однако, не вездѣ почва Нью-Іоркскаго штата плодородна: мѣстами, по скатамъ каменистыхъ холмовъ, вы видите огороженные участки, удобренные навозомъ, и тутъ только при крайне настойчивомъ трудѣ колониста есть надежда на вознагражденіе.

Постоянно мелькаютъ передъ вашими глазами фермы, мельницы и маленькія станціи, на которыхъ для пассажировъ отводится крошечная комнатка. Американцы не любятъ тратиться на роскошныя станціи, какъ мы. Станціи большею частью маленькія деревянныя, изрѣдка каменныя, домики, очень скромно меблированные: не увидите ни бархату, ни зеркалъ, ни многочисленныхъ слугъ и швейцара.

Вы не встрѣтите здѣсь никакихъ офиціальныхъ лицъ,—ни полицейскихъ, ни жандармовъ, ни прочихъ охранителей порядка. Не увидите и форменныхъ начальниковъ станцій: на нихъ всего двое, трое служащихъ, внѣшностью не отличающихся отъ прочихъ гражданъ; одинъ изъ нихъ - кассиръ, другой—багажный смотритель...... Въ Америкѣ нѣтъ европейской опеки, но ни на станціяхъ, ни въ поѣздахъ не встрѣтите вы никакихъ безпорядковъ.—Взявши пассажирскій билетъ, вы садитесь въ какой угодно вагонъ, безъ предварительныхъ нашихъ европейскихъ трехъ звонковъ, когда вамъ угодно. Здѣсь нѣтъ сигнальныхъ звонковъ, послѣ которыхъ уже никто не смѣетъ сѣсть на поѣздъ и двери вагоновъ запираются на ключъ. Здѣсь не такъ: подходитъ поѣздъ къ станціи

*

и кочегаръ, звономъ большаго колокола, укрѣпленнаго на паровикѣ, даетъ сигналъ очищать пути на станціяхъ; выходитъ поѣздъ со станціи—и уже на ходу раздается сигнальный звонъ.—Ни звонки, ни кондуктора, ни грозное начальство не загоняютъ васъ въ вагоны, какъ барановъ въ клѣть; каждый долженъ самъ о себѣ позаботиться. Машина двинулась; опоздали вы немного, но успѣли на ходу вскочить въ вагонъ—хорошо; прозѣвали—на себя пѣняйте. Вагоны не запираются и вы можете во всякое время переходить изъ одного вагона въ другой, стоять или сидѣть на открытыхъ вагонныхъ балкончикахъ (маленькія платформы при входѣ въ вагонъ), на тихомъ ходу выскакивать изъ вагона—и идти рядомъ съ поѣздомъ пѣшкомъ, короче дѣлать все, что вамъ угодно, лишь бы это не вредило другимъ: до васъ никому нѣтъ дѣла. Если и есть при поѣздѣ кондукторъ, такъ только для того, чтобы наблюдать, всѣ-ли пассажиры съ билетами; если кто окажется безъ билета, долженъ немедленно заплатить сколько слѣдуетъ по таксѣ. Билетъ вы можете купить, по одной и той-же цѣнѣ, или простой, т. е. имѣющій силу только въ извѣстный часъ и день, или-же срочный, какой мнѣ выдали въ агентствѣ. Онъ имѣлъ силу въ теченіе трехъ недѣль, считая отъ сегодня, т. е. я могъ завтра, черезъ одну, или двѣ недѣли ѣхать съ нимъ изъ Нью-Іорка въ С. Франциско; имѣлъ право ѣхать напримѣръ, отъ промежуточной до промежуточной станціи, съ остановками на нихъ. Для путешественника, въ особенности незнакомаго съ страною, эти билеты представляютъ большія выгоды: вы опоздали, прозѣвали поѣздъ—и безъ вторичной платы ѣдете съ слѣдующимъ поѣздомъ. Здѣсь, кстати, я поговорю поподробнѣе о желѣзныхъ американскихъ дорогахъ, которыми изрѣзаны штаты такъ же часто, какъ Русь обыкновенными доро-

гами. Почти всѣ города и колоніи, фабрики и заводы имѣютъ паровое сообщеніе, въ особенности же густо населенная восточная часть Соединенныхъ Штатовъ: здѣсь почти совсѣмъ не существуетъ экипажнаго сообщенія; станціи одна отъ другой не болѣе, какъ въ 6—7 верстахъ, и за 6—7 минутный проѣздъ платится нѣсколько центовъ. Поэтому каждый предпочитаетъ дешевую и быструю ѣзду экипажной, общій для всѣхъ комфортъ вагоновъ—тряскому экспрессу или фіакру. Здѣсь нѣтъ подраздѣленій вагоновъ, какъ у насъ (на классы): всѣ вагоны устроены съ одинаковымъ удобствомъ; но если вы, кромѣ уже заплаченныхъ денегъ за билетъ, ежедневно будете платить 1½—2½ доллара, то васъ помѣстятъ еще съ бо̀льшимъ комфортомъ—въ спальныхъ вагонахъ (Sleeping coch).—Въ обыкновенныхъ пассажирскихъ вагонахъ, во всю длину ихъ расположены бархатные диваны въ два ряда; каждый диванчикъ для двухъ пассажировъ. Но по обыкновенно находящемуся на поѣздѣ числу пассажировъ, на каждаго приходится по диванчику. Спинки ихъ не прикрѣпляются наглухо къ сидѣнью, а вращаются на боковыхъ шарньерахъ взадъ и впередъ, такъ что если вамъ не нравится физіономія вашего визави, то вы поворачиваете спинку дивана и пересаживаетесь къ нему спиною. Но главная цѣль подобнаго устройства—все таки американскій комфортъ: вы можете съ удобствомъ протянуть ваши ноги на сосѣдній диванъ. Въ каждомъ вагонѣ устроены просторные ватеръ-клозеты и резервуары для воды, куда кладется ледъ. Для зимы и холодныхъ лѣтнихъ ночей въ степи поставлены въ углахъ вагоновъ желѣзныя печи.

Устройство спальныхъ вагоновъ нѣсколько иное: они выше и длиннѣе обыкновенныхъ (50 фут. длины); вверху устроена вентилація такъ хорошо, что воздухъ въ ва-

гонѣ всегда свѣжъ; въ простѣнкахъ, между бархатными, съ высокими спинками диванами, зеркала. На ночь, посредствомъ простаго механизма, выдвигаются широкія и длинныя койки въ два ряда, вверху и внизу. Ихъ застилаютъ мягкими матрацами и отличнымъ постельнымъ бѣльемъ, и вы спите здѣсь съ несравненно бо̀льшимъ удобствомъ, чѣмъ въ пароходныхъ каютахъ. Утромъ вамъ почистятъ сапоги; вы умоетесь водою со льдомъ, и въ уборной найдете мыло, щетки, гребенки и чистое полотенцо. За все это въ день вы платите до 2 долларовъ, да лакею—25 центовъ. Нечего говорить, что въ эти вагоны садятся всѣ, кому угодно. Это обыкновенный поѣздъ. Но въ Америкѣ существуетъ еще другой родъ поѣздовъ—временный. Дѣло въ томъ, что здѣшнее правительство покровительствуетъ эмиграціи,—а потому для облегченія передвиженія и переселенія и устроены поѣзды «эмигрантскіе», съ платою за билетъ половинной цѣны противъ обыкновенной. На нихъ ѣздятъ изъ экономіи и не эмигранты. Изъ Нью-Іорка до С. Франциско билетъ на обыкновенномъ поѣздѣ стоитъ 102 дол. золотомъ, а на эмигрантскомъ—51 дол. з. (т. е. болѣе 5 тысячъ верстъ за 51 долларъ!). А между тѣмъ здѣсь почти тотъ же комфортъ, что и тамъ: вода, печи, ватеръ-клозеты и мягкіе диваны, крытые клеенкою, какъ во второклассныхъ вагонахъ во Франціи. Эти вагоны несравненно лучше европейскихъ третьеклассныхъ; разница только та, что эмигрантскіе вагоны часто прицѣпляются къ товарнымъ поѣздамъ, а потому идутъ медленнѣе обыкновенныхъ. Если я не сѣлъ въ этотъ поѣздъ, то только потому, что д-ръ Морицъ увѣрилъ меня, что «не безопасно ѣхать съ разнымъ эмиграціоннымъ сбродомъ», и что тамъ грязно и неспокойно. Вы увидите потомъ, на сколько онъ былъ правъ.

Точно также и полотно желѣзной дороги обращаетъ на себя ваше вниманіе: откосы въ выемкахъ и въ насыпяхъ не отшлифовываются, не съѣдаютъ громадныхъ денегъ, какъ у насъ. Грубо взрыта земля въ выемкахъ,— комами и глыбами лежитъ она въ откосахъ насыпей, но и то, и другое, а въ особенности кладка рельсовъ— очень прочна. На это, какъ на сущность дѣла, американцы обращаютъ большое вниманіе. Мѣстами шпалы лежатъ безъ балласта, но такъ крѣпко всосались въ твердый грунтъ, что поѣзды летятъ, какъ стрѣлы, не опасаясь свернуться въ сторону.

У станціи «Елмира» (Elmira) мѣстность такъ разнообразна, такъ картинна, что, признаюсь, до сихъ поръ я ничего подобнаго не видывалъ! Проѣхавши ст. «Корнингъ», (Corning) въ 9 часовъ утра, мы остановились на полчаса на станціи «Горнель» (Hornell), гдѣ уже дожидался насъ «Breakfast» (утренній чай съ закускою). Всѣ пассажиры садятся въ одной залѣ за общій столъ и—ѣли ли вы за пятерыхъ, или ничего не ѣли—платите 75 центовъ. Какъ видите, здѣсь нѣтъ подраздѣленій залъ на классы. Обыкновенно, при приближеніи поѣзда къ станціямъ, гдѣ назначены закуски и обѣды, хозяинъ гостинницы выходитъ на платформу съ колокольчикомъ и звонитъ, чѣмъ даетъ знать, что закуска готова. Когда пассажиры усядутся за столы, онъ становится у дверей, и каждый пассажиръ при выходѣ изъ залы платитъ ему лично за обѣдъ или закуску. Если бы вы захотѣли отдать эти деньги прислугѣ, она не приметъ ихъ отъ васъ, такъ какъ по условію отъ хозяина она не имѣетъ на это права. Затѣмъ машина двигается дальше, безъ всякаго предварительнаго сигнала. Заслышавъ колокольный звонъ ея, вы успѣете, если зазѣвались, вскочить въ вагонъ на ходу: по станціи она идетъ очень медленно.

Пассажиры во время вояжа одѣваются очень просто: какъ на лэди, такъ и на богатомъ и на бѣднякѣ—костюмъ парусинный; на первой—темнаго, а на второмъ свѣтлаго цвѣта. Если жарко—всѣ снимаютъ сюртуки и сапоги, растягивая ноги на спинкахъ дивановъ, хотя бы занятыхъ дамами. Такъ и закусывать въ залъ идутъ, такъ и за столъ садятся, и вы нерѣдко увидите изящную лэди рядомъ съ рабочимъ въ одномъ нижнемъ костюмѣ, съ мозолистыми руками и грубымъ, загорѣлымъ лицомъ, но который держитъ себя за столомъ, какъ джентльменъ; впрочемъ внѣ стола, пользуется иногда своею равноправностью довольно грубо.

Какъ въ этомъ отношеніи американецъ безцеремоненъ съ дамами, такъ онъ ревниво щепетиленъ относительно исполненія обычая или правила—не курить въ присутствіи Ladys (дамъ), ни въ вагонахъ, ни въ ресторац іонныхъ залахъ. Не нужно надписи въ спальныхъ вагонахъ: «no smoking» (не курить), потому что, если вы закурите, каждый американецъ настоитъ на томъ, чтобъ вы—или перестали курить, или вышли изъ вагона на платформу. Иначе подымете бурю между дамами. Покурить пассажиры выходятъ или на вагонные балкончики (платформу), или же въ задніе вагоны, гдѣ обыкновенно садятся одни мужчины, и при томъ курильщики. Этотъ обычай не дуренъ, а то—при равноправности, иной закуритъ такой пахучій табакъ, что и дымъ махорки передъ нимъ покажется ароматомъ! Американскій табакъ вообще уступаетъ достоинствомъ турецкому. Фунтъ табаку въ 2 доллара и не вкусенъ, и крупной, трубочной крошки. Табакъ же низшихъ цѣнъ очень дуренъ. Въ большомъ употребленіи табакъ пресованный, въ плиткахъ, который употребляется и для куренія, а чаще для жеванія. Американцы жуютъ съ жад-

нымъ наслажденіемъ, а такъ какъ жеваніе производитъ изобильное отдѣленіе мокроты, то въ вагонахъ у каждаго диванчика ставятся по двѣ глиняныя плевальницы. Продолжительное употребленіе табаку въ такомъ видѣ производитъ во рту особый непріятный, характеристическій запахъ, для уничтоженія котораго, мало того, для измѣненія его въ пріятный, американцы кладутъ въ ротъ какую-то бразильскую смолку и сосутъ ее. Маленькая коробочка этой смолки въ порошкѣ стоитъ въ Нью-Іоркѣ 10 центовъ, и самому отъявленному курильщику хватитъ на два мѣсяца. Само собою разумѣется, что нью-іоркскій джентльменъ не будетъ жевать табакъ, этимъ занимается больше рабочій людъ и колонистъ, которымъ приходится непосредственно переносить на себѣ атмосферическія перемѣны, холодъ и сырость,—а жеваніе табаку, какъ они увѣряютъ, предохраняетъ ихъ отъ цынги и укрѣпляетъ десны. Американцы во время вояжа не любятъ брать съ собой вещей. Рѣдко у кого въ рукахъ увидите маленькій сак-вояжъ или дорожную корзинку: это стѣсняетъ ихъ комфортъ, который они любятъ не меньше своей свободы. Но для того, чтобъ и въ дорогѣ казаться чистоплотнымъ, они возятъ съ собою воротнички или изъ писчей бумаги, или изъ таковой же бумаги, наклеенной на полотно. Эти воротнички такъ искусно сдѣланы, что ихъ трудно отличить отъ полотняныхъ даже высшаго достоинства. Они мѣняются ежедневно, а поэтому и въ дорогѣ вы встрѣтите американца постоянно въ воротничкахъ снѣжной бѣлизны, между тѣмъ какъ зачастую въ то-же время изъ-за галстуха выглядываетъ грязная сорочка. Любятъ также брать съ собою одѣяла, и во время ночныхъ и утреннихъ холодовъ драпируются въ нихъ и спятъ. Широкополыя шляпы въ общемъ употребленіи, но иной джентльменъ не забываетъ брать съ

собою и цилиндръ, которымъ при пріѣздѣ на большія станціи украшаетъ голову. Въ вагонѣ же, низкая шляпа снова вступаетъ въ свои права. Однако американцы особенно любятъ брать съ собою корзинку съ провизіею, между которою непремѣнно найдутся фрукты и всенепремѣнно любезная американцу виски, которая есть ни болѣе, ни менѣе, какъ нашъ ромъ. Американецъ не любитъ винъ, можетъ быть потому, что они—привозныя, слѣдовательно и дороги, а своихъ нѣтъ, или очень мало и то плохія. Но до виски онъ большой охотникъ и частенько прикладывается къ горлышку бутылокъ, выглядывающихъ изъ широкихъ и глубокихъ кармановъ его парусиннаго пальто. Нерѣдко встрѣтите вы пассажировъ буквально безъ вещей, а только съ напиханными за пазуху и по карманамъ бутылками живительной влаги, которая притомъ очень не дорога. Она здѣсь замѣняетъ нашу водку. Нашихъ портъ-табаковъ и папиросницъ я здѣсь нигдѣ не встрѣчалъ, и американцы съ любопытствомъ поглядывали на процессъ свертыванія папиросъ и принадлежности европейскаго способа курить. На ихъ лицахъ выражалось какъ бы удивленіе. «И зачѣмъ эта сложная процедура, когда есть сигары и трубочки»? И дѣйствительно, они курятъ только сигары или табакъ изъ маленькихъ трубочекъ, большею частію изъ бѣлой глинки, на подобіе англійскихъ и французскихъ. Онѣ милліонами фабрикуются въ г. Чикаго, откуда разсылаются во всѣ уголки Соединенныхъ Штатовъ. Гдѣ же носятъ они табакъ? Практичность и находчивость американца и здѣсь съэкономничала, имъ не нужно нашихъ красивенькихъ портъ-табаковъ и кисетовъ, потому что табакъ у нихъ или прессованный и удобно помѣщается въ любомъ карманѣ костюма, или же крошенный, который такъ и продается въ полотня-

ныхъ, акуратненькихъ мѣшечкахъ, замѣняющихъ съ удобствомъ наши кисеты.

— Вдругъ я почувствовалъ сильный толчекъ въ бокъ. Это поѣздъ начинаетъ трясти: васъ перебрасываетъ во всѣ стороны, какъ при морской качкѣ, что на иныхъ дѣйствуетъ очень сильно: одна лэди не выдержала и заболѣла отъ этой сухопутной качки. Здѣсь дорога очень неаккуратна; я вышелъ на платформу, чтобы осмотрѣть состояніе ея: нѣкоторые рельсы до того разслоились и изогнулись, что у насъ въ ужасъ-бы пришли отъ одной мысли ѣздить по такому пути, но американцы летаютъ, хоть и чувствительно встряхиваетъ ихъ. Стыки, т. е. мѣсто соединенія двухъ рельсовъ, часто упираются не на шпалы, а висятъ на воздухѣ; шпалы мѣстами подбиты землею и непрочно лежатъ на полотнѣ, вслѣдствіе чего какъ горизонтальная, такъ и вертикальная линія путей неправильны и идутъ зигзагами. Къ этому должно еще прибавить, что я почти нигдѣ не замѣчалъ до сихъ поръ и надзора за ремонтомъ пути. У насъ, что верста, то и сторожъ; здѣсь же вы проѣзжаете отъ станціи до станціи, и не встрѣтите ни будки, ни дорожныхъ сторожей. На станціи одинъ или два переводчика справляются со всѣми переводами, что не трудно: по телеграфу дается знать на станцію, что такой-то поѣздъ идетъ оттуда-то, и переводчикъ заблаговременно ставитъ переводъ въ извѣстномъ направленіи. При проходѣ же машины онъ считаетъ излишнимъ встрѣчать ее вытянувшись, а сидитъ себѣ въ хаткѣ, да покуриваетъ. Рѣдко, рѣдко вы встрѣтите маленькую артель, ремонтирующую путь. Кондуктора здѣсь настоящіе джентльмены; формы — никакой, какъ вообще въ Америкѣ не водится этой европейской выдумки, развѣ нѣкоторые только носятъ на шапкахъ или шляпахъ знакъ — черную узенькую ленточку съ золотою

надписью: «Кондукторъ.» Осмотрѣвъ билеты, онъ садится въ какомъ ему угодно вагонѣ и держитъ себя такъ же непринужденно, какъ и всякій пассажиръ: снимаетъ сюртукъ, растягивается на диванѣ, читаетъ газету, куритъ. Ему дѣло только до интереса того, кому онъ служитъ, а объ васъ ему нѣтъ заботы: вы свободны и можете дѣлать съ своею особою все, что вамъ угодно. Кромѣ одного кондуктора и машиниста, на поѣздѣ еще есть два бремзера (тормозильщика), одинъ слуга—мулатъ или негръ, н о не б ѣ л ы й, при спальныхъ вагонахъ и одинъ надзиратель при нихъ, въ родѣ кондуктора. Вы думаете, можетъ быть, что бремзеры стоятъ на платформахъ при тормазахъ? Нѣтъ, они точно также, какъ и кондукторъ, сидятъ между пассажирами безъ сюртуковъ, задравши ноги на спинки дивана, читаютъ газету, курятъ,—и только по сигналу машиниста выходятъ на платформу, чтобъ затормазить или разтормазить поѣздъ,—а потомъ опять ничѣмъ не отличишь ихъ отъ пассажировъ. Машинистъ подаетъ сигналы паровымъ свисткомъ, кондукторъ же машинисту колокольчикомъ, къ которому протянутъ снурокъ черезъ всѣ вагоны. Лакей при спальномъ вагонѣ, справившись съ своимъ дѣломъ, то есть убравъ постели и почиствивъ вамъ сапоги, также усаживается между пассажирами съ газетою въ рукахъ. Онъ отъ управленія желѣзной дороги жалованья не получаетъ, но ему платитъ ежедневно по 25 центовъ каждый пассажиръ спальнаго вагона, что составитъ изрядную сумму. Одѣваются они даже щеголевато. Я видѣлъ, какъ на одной станціи къ одному изъ этихъ лакеевъ подошла роскошная лэди—мулатка, жена его, сопровождаемая джентльменомъ. Эти мулаты, негры и вообще цвѣтные стараются держать себя на равной ногѣ съ бѣлымъ гражданиномъ, хотя они до сихъ поръ права голоса не имѣютъ. Понятно, что

послѣ ужаснаго рабства, когда онъ не смѣлъ ни ѣхать, ни сидѣть рядомъ съ бѣлымъ, получивъ права человѣческія, онъ пользуется ими иногда очень оригинально. Такъ этотъ лакей, проходя вагонъ, непремѣнно начнетъ рѣзко, негармонично свистать какой нибудь дикій маршъ, и при встрѣчѣ съ вами не прочь толкнуть васъ: «я молъ, тоже человѣкъ».

Теперь 10 часовъ утра. Молодой джентльменъ обходитъ всѣхъ пассажировъ и раздаетъ разныя газеты, книги, иллюстраціи и брошюрки. Кто желаетъ читать, тотъ долженъ заплатить 25 центовъ въ день. Подобныя библіотеки, содержимыя большею частью кѣмъ нибудь изъ бремзеровъ или кондукторовъ,—но случается и частными лицами,—существуютъ при всѣхъ поѣздахъ въ Америкѣ. Спустя нѣсколько минутъ, этотъ же джентльменъ предлагаетъ пассажирамъ разные фрукты: персики, виноградъ и пр., бутерброды, лакомства, сигары, — и все это продается относительно очень не дорого. Торговля идетъ цѣлый день въ вагонѣ, въ углу котораго стоитъ и подвижная лавка — сундукъ, гдѣ все это хранится. При остановкѣ поѣзда на маленькой станціи, хоть-бы на нѣсколько секундъ, — въ вагоны врывается стая мальчугановъ съ разнымъ съѣстнымъ и напитками. Иные изъ этихъ маленькихъ торговцевъ ѣдутъ до слѣдующей станціи, и успѣваютъ заработать нѣсколько долларовъ, и такимъ образомъ конкурируютъ съ спеціальнымъ продавцемъ газетъ и разныхъ продуктовъ, на что тотъ не въ претензіи. Каждый желающій имѣетъ право продавать пассажирамъ что ему угодно. Это повидимому мелочь, но она мнѣ бросилась въ глаза. У насъ на желѣзныхъ дорогахъ или совсѣмъ не дозволяютъ подобной торговли, или же существуетъ монополія въ этомъ отношеніи. Такъ было прежде (не знаю, какъ теперь) на московской дорогѣ: явись кто посто-

ронній продать хоть на грошъ,—его прогонятъ, прибьютъ, если еще не конфискуютъ или не опрокинутъ весь его товаръ. —Вотъ на станціи «Саламанка» вошла въ вагонъ группа колонистовъ. По ихъ виду и манерамъ сейчасъ замѣтите, что это нѣмцы и притомъ недавніе переселенцы въ Америку. У нихъ французскія бородки и усы, или совершенно гладкія физіономіи, — тогда какъ коренной американецъ—янки носитъ только бородку, безъ усовъ и бакъ. У нѣмца порывистыя движенія, безпокойный взглядъ и безъ умолку болтающій языкъ. Да вонъ изъ окна видна ихъ юная колонія, или вновь созидаемый городокъ между лѣсами, холмами и водой. Между узенькими, досчатыми домиками попадаются кое-гдѣ каменные, но по внѣшнему виду далеко не богатые. А между тѣмъ вы читаете на вывѣскахъ: гостинница, фотографія, театръ, школа. Сегодня воскресенье, а потому на станціи и по улицамъ народу много. Колонистки одѣты со вкусомъ и нарядно, какъ лэди нью-іоркскія; колониста не отличите по костюму отъ богатаго горожанина. Развѣ только по мозолистымъ рукамъ и загорѣлому лицу вы узнаете въ немъ полеваго рабочаго. Впрочемъ не ищите въ Америкѣ сельскаго населенія, въ европейскомъ смыслѣ, съ его рѣзко отличительною отъ городскаго внѣшностью. Американскіе поселенцы большею частью вышли изъ городскаго населенія, и перенесли съ собою сюда городскія потребности, костюмы и комфортъ.—Вотъ дорога уже пошла по Пенсильваніи, штату, мѣстность котораго отличается отъ нью-іоркской развѣ тѣмъ, что здѣсь она менѣе гориста, но болѣе лѣсная. Все лѣса и лѣса, кое-гдѣ срубленные, съ выжженными пнями; тамъ и сямъ, у лѣсочка и воды лѣпится досчатый домикъ: видно, что переселенецъ только что начинаетъ устраиваться. Всѣ станціи точно не окон-

чены: вездѣ разбросано дерево, раскиданы обломки желѣза и рельсовъ; кучи мусора, между путями лужи. Около нихъ обыкновенно группируются деревянные домики, съ лавками и гостинницами: это начатки будущихъ колоній и городовъ. Впрочемъ Пенсильванія густо населена.

Подъѣзжая къ ст. Миды, (Meady) мы услышали звуки бубна, въ который, расхаживая взадъ и впередъ по станціонной платформѣ, усердно ударялъ палкою плѣшивый и коротенькій мистеръ. Кондукторъ объявилъ, что здѣсь будетъ обѣдъ, а сосѣдъ нѣмецъ объяснилъ мнѣ, что мистеръ съ бубнами хозяинъ гостинницы, дающій знать пассажирамъ, что обѣдъ уже готовъ. Обѣдъ состоялъ изъ 5 блюдъ, фруктовъ и кофе, а стоитъ только 1 долларъ. За обѣдомъ, вы не увидите ни водки, ни пива, ни винъ; если-же хотите чего выпить, то идите въ буфетъ, который впрочемъ рѣдко гдѣ найдете. Какъ только усѣлись вы за столъ, передъ вами ставятъ стаканъ воды со льдомъ и спрашиваютъ: «чаю или кофе» вы хотите къ столу? Этотъ кофе или чай пьется американцами четыре раза въ день; ими они запиваютъ, какъ мы виномъ, обѣдъ, ужинъ и закуски. На столѣ вы всегда найдете масло со льдомъ и горячія булочки, называемыя здѣсь бисквитами. Ихъ намазываютъ масломъ и американцы ѣдятъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ. Между тѣмъ онѣ такъ горячи, что я могъ только попробовать, но ѣсть не могъ. Чаще эти булочки пекутся изъ кукурузы, которая здѣсь, въ восточныхъ штатахъ, сѣется въ громадномъ количествѣ, преимущественно передъ прочими родами хлѣба. Взгляните въ окно—гдѣ только не лѣсъ, тамъ растетъ кукуруза; изрѣдка смѣняетъ ее крошечное поле съ пшеницей, или огородъ съ любимыми овощами американца:

картофелемъ, лукомъ и капустою. Заговоривъ объ обѣдѣ, замѣчу, что въ станціонныхъ ресторацiяхъ салфетокъ къ столу не подаютъ, а потому платокъ мнѣ несъ двѣ службы.

Въ 8 час. вечера опять новый штатъ, Огіо. Станція пріютилась на берегу большаго озера Эріо. Опять колокольчикъ содержателя ресторацiи въ ходу: здѣсь мы поужинаемъ, послѣ чего пересядемъ на новый поѣздъ. Эти пересаживанія съ поѣзда на поѣздъ происходятъ на конечныхъ пунктахъ линій разныхъ желѣзнодорожныхъ компаній. А для того, чтобы вы знали мѣста, выданный вамъ билетъ дѣлится вытѣсненными точками на купоны, съ обозначеніемъ станцій ихъ. На кондуктора же плоха надежда: онъ промычитъ себѣ подъ носъ, что здѣсь-де нужно пересѣсть, и если вы дремлете и не услышите его голоса, то ужь навѣрно прозѣваете и останетесь въ пустомъ вагонѣ. Сосѣдъ вашъ и не подумаетъ разбудить васъ: ни ему, ни кондуктору нѣтъ до васъ дѣла. Впрочемъ за себя я не опасался, потому что почти на каждой большой станціи вынималъ спасительный бланкъ и показывалъ его кондуктору. Тотъ, прочитавъ его, снисходительно кивалъ мнѣ головою и сообщалъ мнѣ нужныя свѣдѣнія. Американскій ужинъ съ чаемъ и кофе тотъ же обѣдъ, только безъ супу, и стоитъ тотъ же долларъ.—Итакъ вы видите, что въ сутки поѣздъ останавливается на ½ часа только три раза. Остальное время онъ летитъ со скоростью 800 верстъ въ сутки, останавливаясь кое-гдѣ на моментъ, чтобы запастись водою и углемъ, и если есть — забрать пассажировъ.

Изъ экономіи, на сегодняшнюю ночь я пересѣлъ изъ спальнаго въ обыкновенный вагонъ—и пожалѣлъ. Всѣ вагоны биткомъ набиты пассажирами. Попалъ я по не-

счастію на самый дурной вагонъ. Не смотря на тѣсноту, въ вагонѣ страшный холодъ; а здѣсь, на бѣду—сквозныя двери и обѣ неисправны: не запираются. Холодный вѣтеръ рѣзко пробѣгаетъ по вашему тѣлу и обдаетъ васъ сажею изъ машинной трубы; пассажиры поминутно перебѣгаютъ изъ одного вагона въ другой покурить. Меня клонитъ сонъ: я вздремнулъ, но сильный порывъ вѣтра и неудобное положеніе скоро разбудили меня. Посмотрѣлъ подъ диванчикъ на свои вещи,—футляръ со шляпою исчезъ, его украли. Безъ сомнѣнія, воръ не разсчитывалъ, что его новое пріобрѣтеніе никакъ не дороже двухъ долларовъ. Когда много пассажировъ, да еще къ ночи, совѣтую беречь тщательнѣе свои вещи. Лучше всего, по американскому обычаю—ничего съ собою не брать: все сдавать въ багажный вагонъ.

Нужно замѣтить, что въ Америкѣ всѣ, безъ исключенія, носятъ въ дорогѣ шерстяныя рубахи, кто на голомъ тѣлѣ, кто на полотняной сорочкѣ, что необходимо при мѣстныхъ климатическихъ условіяхъ. Дѣйствительно, день былъ жаркій, вечеромъ я восхищался,—а теперь, къ ночи, приходится ежиться. Одинъ изъ пассажировъ затопилъ печь, что нисколько не обогрѣло насъ. Вагоны есть зимніе съ двойными рамами, какъ этотъ, и лѣтніе съ жалюзи. Но въ тѣхъ и другихъ поставлены желѣзныя печи, потому что лѣтнія ночи въ этихъ мѣстахъ, особенно внутри страны, очень холодны.

Мы на станціи города Толедо. Во мракѣ видно пламя,—это фабрики; съ обѣихъ сторонъ силуэты судовъ съ ихъ мачтами; изъ полукруглаго сарая безжизненно глядятъ огненные глаза локомотивовъ. Черезъ два часа мы въ штатѣ Индіана и ѣдемъ по направленію къ городу Чикаго. Пассажировъ прибавляется все болѣе и

и болѣе; въ вагонъ вползла старая старушонка, на видъ — петербургская салопница. Ей не было мѣста, — она металась по вагону, мальчуганы подняли ее на смѣхъ, но одинъ пожилой господинъ предупредительно уступилъ ей свое мѣсто, а самъ облокотился у дверей. Въ 3 часа ночи внутренность вагона представляла безпорядочную картину. Не думаю, чтобъ вотъ этой лэди, что сидитъ сзади меня съ ребенкомъ на рукахъ, было пріятно сосѣдство долговязаго рабочаго, въ грязной фуфайкѣ и безъ сапогъ, который положилъ ей голову на плечо. Она протестовала легкимъ движеніемъ плечъ,—тотъ безсмысленно взглянулъ на нее и—поправился: уперся головой ей въ спину. Наконецъ, другой сосѣдъ убѣдилъ его выбрать себѣ иное ложе. Черезъ минуту гигантъ уже храпѣлъ, растянувшись на голомъ полу. Воздухъ въ вагонѣ тяжелый; многіе не спятъ—бесѣдуютъ между собою и съ виски, очень полезною въ холодную ночь. Спятъ во всѣхъ возможныхъ позахъ,— кто на диванѣ, кто на полу; кто обернутъ въ одѣяло, а кто въ одной сорочкѣ. А вонъ—мужъ прилежно обнимаетъ молодую свою жену и — что минута, то страстный поцѣлуй раздается на весь вагонъ; джентльменъ постоянно бѣгаетъ пить холодную воду,— лэди обходится безъ нея. Вотъ еще парочка; ей неудобно сидѣть обнявшись, когда сонъ совсѣмъ одолѣваетъ: они отвернули спинку сосѣдняго дивана, мужъ принесъ откуда-то двѣ короткія доски, перекинулъ ихъ черезъ диванчики,—и состряпалъ великолѣпное ложе, жесткость котораго не чувствовалась за нѣжными объятіями. Вагонъ освѣщается хорошо, но вѣтромъ затушило нѣсколько лампъ; кондуктору трудно проходить между головъ и ногъ спящихъ свидѣтельствовать билеты вновь сѣвшихъ пассажировъ. Для того, чтобъ не

безпокоить пассажировъ частымъ осмотромъ билетовъ, кондукторъ вновь сѣвшимъ раздаетъ еще свои, такъ называемые «кондукторскіе» билетики, которые втыкаются за ленту шляпъ, и такимъ образомъ онъ легко замѣтитъ новаго пассажира. Однако сонъ клонитъ меня такъ, что я, по примѣру прочихъ, задравъ ноги на спинку сосѣдняго дивана, облокотился на спящаго сосѣда и крѣпко заснулъ.

11-го августа. Громкій бой въ бубенъ разбудилъ меня въ 5 часовъ утра; мы подъѣхали къ предпослѣдней станціи передъ г. Чикаго. Пассажиры просыпаются, потягиваются и спѣшатъ на «Breackfast». Чашка кофе нѣсколько согрѣла меня. Посмотрите внутрь вагона: какой неряшливый видъ у него и у пассажировъ утромъ! Лица измятыя отъ безпокойнаго сна и грязныя отъ дымной сажи машины;—полъ весь заплеванъ, въ грязи и въ водѣ, отъ безцеремоннаго умыванья пассажировъ въ вагонѣ. Имъ лѣнь выйдти на платформу, или въ пассажирскую комнату, гдѣ найдется мыло, полотенце и умывальникъ! При ресторацiяхъ, гдѣ поѣзды останавливаются на утренній завтракъ, есть отдѣльныя комнатки для утренняго туалета пассажировъ.

А посмотрите-ка, вокругъ себя—на окрестности. Одна ночь разстоянія и характеръ мѣстности совершенно измѣнился. На безграничной ровной низменности вездѣ озера, болота и рѣчки, льющія свои воды въ обширный «Мичиганъ», синѣющій длинною полосою направо, невдалекѣ отъ желѣзной дороги, такъ-что рельефно видны на немъ суда и пароходы; налѣво темнѣетъ обширный, но мелкій лѣсъ, окруженный зелеными лугами высокой травы, тамъ и сямъ смѣшавшейся съ болотнымъ камышемъ.

Въѣзжаемъ въ штатъ «Илинойсъ», изрѣзанный же-

лѣзными дорогами, идущими во всѣхъ направленіяхъ отъ города Чикаго. Большая часть изъ нихъ на немалыхъ разстояніяхъ прорѣзываетъ болота (постепенно осушиваемыя дренажемъ). Подъ самымъ городомъ пошелъ песокъ, который развозится на далекія разстоянія, для балластировки желѣзныхъ путей. Здѣсь шпалы плотно сидятъ въ пескѣ.

Вотъ и Чикаго, что въ 20 лѣтъ своего существованія такъ широко разросся! Ночью, когда все спитъ, онъ похожъ на нашъ большой губернскій городъ, — но только до 6 час. утра, когда начинается кипучая жизнь американца. Чикаго соединенъ съ Мичиганомъ множествомъ каналовъ. И на нихъ, и на озерѣ сотни судовъ съ тесомъ, идущихъ съ лѣсныхъ береговъ того же Мичигана. Вся набережная буквально завалена высокими горами досокъ и строевымъ лѣсомъ. Чикаго одинъ изъ громаднѣйшихъ складовъ лѣса въ мірѣ, въ разныхъ его видахъ. Это главный предметъ его торговли. Вслѣдствіе изобилія дерева, большая часть мостовыхъ города деревянныя. Дома также преимущественно деревянные и легкой постройки: здѣшній климатъ позволяетъ строить ихъ съ тонкими стѣнками. И каменныя стѣны выводятъ только въ полтора кирпича. Здѣсь прерывается желѣзная дорога. Вѣроятно устрашились громадныхъ издержекъ, которыя потребовались бы для непрерывнаго продолженія дороги черезъ довольно высокую мѣстность города. Еще въ вагонѣ, кондукторъ выдалъ мнѣ чекъ на право переѣзда въ омнибусѣ съ этого вокзала въ другой, расположенный по ту сторону канала, перерѣзывающаго городъ по срединѣ. Тутъ уже поджидалъ насъ поѣздъ, и я, утомленный безсонницей прошлой ночи, опять заплатилъ 2½ доллара за мѣсто въ спальномъ вагонѣ.

Проѣздомъ черезъ городъ, вы встрѣчаете много цвѣт-

ныхъ, большинство которыхъ переселилось сюда изъ южныхъ—прежнихъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Здѣсь они живутъ довольно зажиточно и занимаются, какъ я слышалъ, успѣшно торговлею и ремеслами. Между прочимъ всѣ цирюльни въ ихъ рукахъ. Большинство населенія нѣмцы, промышляющіе табакомъ, пивомъ и содержаніемъ гостинницъ, которыя въ родѣ нашихъ заѣздныхъ домовъ. У нихъ здѣсь свои національные театры и нѣсколько газетъ. Остальное населеніе чрезвычайно разнообразно: есть ирландцы и англичане, шведы и испанцы, французы, итальянцы и, какъ я слышалъ, один ъ русскій. Коренныхъ американцевъ—янки мало.

Штатъ Илинойсъ имѣетъ ровный, луговой характеръ, съ малымъ количествомъ лѣсовъ, а потому дни здѣсь жарче, ночи холоднѣе, чѣмъ въ штатахъ, которые я проѣхалъ. Вообще же онъ напоминаетъ благодатныя мѣста нашей Украйны; тучныя пастбища, на которыхъ пасутся рослый, жирный скотъ и красивыя лошади, пересѣкаются въ разныхъ направленіяхъ обширными пашнями высокой кукурузы, мѣстами маленькимъ полемъ пшеницы, теперь уже сложенной въ снопы, и огородами. Вся мѣстность изрѣзана ручейками и искуственными канавками, теряющимися въ болотистыхъ низменныхъ луговинахъ съ высокою травою и осокой, изъ-за которой чуть-чуть виднѣются головы и спины рогатаго скота, скрывшагося сюда отъ палящаго зноя дня. Чистенькія фермы съ разными хозяйскими пристройками широко раскинулись на этихъ лугахъ и тонутъ въ молодой зелени искуственныхъ садовъ; около нихъ разбросаны усовершенствованныя земледѣльческія орудія, громадные фургоны и экспрессы; на рѣдкихъ холмахъ лѣниво помахиваютъ своими обтянутыми въ парусину крыльями вѣтреныя мельницы; на дальней синевѣ виднѣются темныя рощи. Мѣстность

такъ гладка, что полотно желѣзной дороги на громадномъ протяженіи не имѣетъ ни насыпей, ни выемокъ. Дорога аккуратнѣе и чище, чѣмъ въ предъидущихъ штатахъ, и даже кое-гдѣ по ней, въ 3—4 верстахъ одна отъ другой, попадаются простенькія будочки дорожныхъ сторожей, которыхъ однако вы не увидите ни при нихъ, ни при переѣздахъ. На послѣднихъ не устраиваютъ, какъ у насъ, шлагбаумовъ. Чтобъ не забыть: американцы проводятъ желѣзныя дороги черезъ города и колоніи, а не вдали отъ нихъ, какъ у насъ.

Съ приближеніемъ къ станціи «Рокъ-Айлендъ» (Rock Island) мѣстность принимаетъ характеръ болѣе и болѣе лѣсистый и водный; недалеко м а т ь р ѣ к ъ, Миссиссипи, которая прорѣзываетъ желѣзный путь между станціями «Рокъ Айлендъ» и «Давенпортъ». Мы переѣхали эту величайшую рѣку С. Америки по длиннѣйшему мосту въ нѣсколько верстъ, или, лучше сказать, по нѣсколькимъ мостамъ. Въ этомъ мѣстѣ широко разлилась мутная Миссиссипи и образовала до 5 лѣсистыхъ островковъ, черезъ которые и перекинуты то воздушные цѣпные мостики, то тяжелой и неуклюжей работы деревянные мосты на каменныхъ быкахъ, а гдѣ просто на деревянныхъ сваяхъ. По обѣимъ сторонамъ моста написано: «не курить», такъ какъ онъ больше деревянный, съ деревянными же быками и уже староватъ. Поѣздъ проходилъ его тихо-тихо, такъ что многіе пассажиры выпрыгивали изъ вагоновъ и шли пѣшкомъ. Зеркальная поверхность тихой Миссиссипи, съ ея песчаными отмелями была завалена громаднѣйшими плотами изъ срубовъ досокъ. Берега ея сплошь лѣсисты. На ст. Давенпортъ мы обѣдали; прислуга здѣсь или женская, или цвѣтная: бѣлой мужской не встрѣтите. Начиная отсюда, мѣстность становится волнистѣе, растительность—роскошнѣе; кукуруза

здѣсь вдвое выше человѣческаго роста. Не смотря на обширные лѣса и изобиліе воды, жара нестерпимая: такъ и хочется окунуться въ одинъ изъ множества ручейковъ, вливающихся въ Миссиссипи.

По эту сторону Миссиссипи начинается штатъ «Іова». Здѣсь пашни кукурузы еще болѣе обширны и чаще попадаются полосы сжатой пшеницы. Судя по тому, что̀ видно изъ окна вагона, это одинъ изъ плодороднѣйшихъ штатовъ. — Для предохраненія полотна желѣзнаго пути отъ порчи скотомъ, здѣсь во многихъ мѣстахъ вдоль линіи вбиты деревянные столбики, сквозь которые пропущены толстыя желѣзныя проволоки въ 4 ряда.

На ст. «Уйлтонъ» (Wilton) я зашелъ посмотрѣть водокачальную машину, которая дѣйствовала отлично, не смотря на то, что въ зданіи не было живой души. Машинистъ знаетъ, когда его присутствіе необходимо. Остальное же время онъ, какъ джентльменъ, съ газетою и сигарою или въ ресторацiи, или въ конторѣ.

Въ ½ седьмаго вечера жаръ спалъ и быстро наступила легкая прохлада сумерекъ. На ст. Десмонесъ расположенной у берега рѣки того же названія, мы поужинали дорогимъ ужиномъ въ 1 дол. 25 центовъ, что̀ неудивительно. Здѣсь очень дорога прислуга. Служанкѣ въ мѣсяцъ платится 25 долларовъ жалованья; ей нуженъ хорошій столъ и отдѣльная со всѣми удобствами комната. Негру или мулату то же самое, только жалованья нѣсколькими долларами больше. Вообще рабочая сила въ Америкѣ дорога.

12-го Августа. Что за утро, что за воздухъ, что за виды! — Утро — свѣжее, здоровое, веселящее утро! — Подъѣзжая къ ст. Каукиль-Блюфсъ чувствуешь близость большой рѣки. И дѣйствительно, вонъ вдали засинѣла полоса. Это рѣка Миссури, впадающая въ Миссиссипи.

Надъ нею мѣстами видны темныя облачка; это пароходы. Чѣмъ ближе подъѣзжаемъ мы къ Миссури, тѣмъ чаще и чаще рѣчки, озерки, болота съ густою осокою и тростникомъ,—а тамъ направо—обширныя луговины съ высокою въ ростъ человѣка сочною травою, унизанною букетами и гирляндами красныхъ, желтыхъ и голубыхъ цвѣтовъ; на лѣво—холмы и пригорки, сплошь засѣянные исполинской кукурузою.

У станціи Каукиль-Блюфсъ желѣзный путь опять прерывается. Мы усѣлись въ дожидавшіеся насъ здѣсь омнибусы и поѣхали по чрезвычайно гадкой, топкой дорогѣ къ обрывистому берегу быстрой Миссури, гдѣ насъ принялъ спеціально предназначенный для этой цѣли пароходъ и въ 5 минутъ перевезъ черезъ бурныя и грязныя ея воды. Изъ экипажей мы не выходили. Всѣ шесть омнибусовъ съ лошадьми легко помѣстились на пароходѣ (мѣсто для этого между механизмомъ и бортомъ). Отсюда дорога пошла въ гору, на которой и расположился маленькій городокъ Омаха (Omaha), пограничный съ великими пустынями внутренней Сѣверной Америки и очень похожій на грязное жидовское мѣстечко гдѣ нибудь въ Могилевской губерніи.

Здѣсь я получилъ по чеку свои вещи. Обыкновенно, ѣдущимъ изъ Нью-Іорка въ С. Франциско выдаютъ чеки только до с. Омаха, гдѣ вы должны перемѣнить ихъ на новые до С. Франциско. Здѣсь же нѣмецъ, содержатель ресторапіи содралъ съ меня долларъ за чашку кофе, говоря, что ему все равно, съѣлъ ли я цѣлый завтракъ, или выпилъ стаканъ кофе.

Навозился я здѣсь съ своими тремя сакъ-вояжами. Ихъ нужно было перенести всего шаговъ за 30, въ багажную залу новаго поѣзда, гдѣ перемѣнялись и чеки. Никого не найдешь, или никто не хочетъ браться. Едва

нашелъ за 20 центовъ. Почему бы здѣсь не организовать, какъ на всѣхъ европейскихъ желѣзныхъ дорогахъ, артелей багажныхъ и артелей переносчиковъ вещей?

Проѣхали территорію «Небраска» (Nebraska), по малочисленности населенія своего (по ревизіи 1860 года—29 тысячъ жителей) не имѣющей правъ штата. Колоніи и фермы здѣсь попадаются рѣже, все больше луга, и только кое-гдѣ, на скатѣ холмика, промелькнетъ кусочекъ вспаханной земли. Здѣсь и жители, судя по бѣдно-одѣтымъ въ костюмы синяго цвѣта пассажирамъ, менѣе достаточны, чѣмъ жители сосѣднихъ штатовъ.

На станціи Керней (Kearney), въ первый разъ увидѣлъ я американскихъ солдатъ и офицеровъ. Форма проста, удобна и красива: темносиній, коротенькій пиджакъ съ отложнымъ воротничкомъ подпоясанъ ременчымъ поясомъ съ патронташемъ, и темныя, съ узенькимъ лампасомъ, брюки. У всѣхъ на рукахъ перчатки. На головѣ кепи. Вообще они одѣты чисто, франтовски, въ тонкое сукно; по лицамъ видно, что служба имъ не бремя. Кормятъ ихъ отлично: ежедневно—виски, кофе, чай, мясо, бѣлый хлѣбъ и варево. Въ мѣсяцъ каждый солдатъ получаетъ до 30 долларовъ жалованья, такъ что опъ можетъ сколотить копѣйку. Обыкновенно прослуживъ свой срокъ, онъ заводитъ ферму, трактиръ, или ремесленное заведеніе. Волонтерамъ же, во время военныхъ дѣйствій, платится 800—1000 долларовъ въ годъ. По крайней мѣрѣ, такъ было въ послѣднюю войну. На офицерахъ были высокія, въ формѣ усѣченнаго конуса, съ широкими полями шляпы; узенькій золотой позументъ поперегъ плеча замѣняетъ наши погоны и эполеты.

За этой станціей начинаются пустыни. Рѣденькая, никуда не годная, приземистая травка съ трудомъ пробивается изъ безплодной почвы и перемѣшивается со

мхомъ. Жизни не видно: не увидите ни стадъ, ни даже дикой птицы. Только кое-гдѣ, ставъ на заднія лапки, какъ бы отдавая честь пролетающему поѣзду, посвистываетъ сурокъ. Жилья нигдѣ не встрѣтите; кое-гдѣ попадется лачужка или землянка, временное жилище рабочаго при желѣзной дорогѣ.

Невдалекѣ отъ станціи «Стефенсонъ» кочуютъ мирные и немирные Индѣйцы. Они охотятся здѣсь за дичью и звѣрями, а кстати пошаливаютъ иногда и по желѣзной дорогѣ и портятъ рельсы. Необходимость заставила расположить здѣсь лагеремъ довольно сильный отрядъ пѣхоты и кавалеріи. Лагерныя американскія палатки не похожи на наши; поперечный разрѣзъ ихъ представляетъ видъ треугольника, а продолговатый — четвероугольника.

На ст. Сѣверная Плата, ужинъ мнѣ стоилъ ровно вдвое дороже, чѣмъ прочимъ пассажирамъ. Этотъ казусъ стоитъ разсказать. Поужинавъ, я спросилъ хозяина о цѣнѣ по нѣмецки; онъ оказался глухо-нѣмымъ и заболталъ головою. Между тѣмъ поѣздъ уже двигается; даю ему долларъ и хочу идти,—онъ вынимаетъ 50 центовъ и показываетъ знаками, чтобы еще прибавить столько. Я протестовалъ, но никто не хотѣлъ меня понять,—всѣ бросились къ вагонамъ, и я вынужденъ былъ заплатить, чтобъ не упустить поѣзда, на который едва успѣлъ вскочить на ходу. Спрашиваю сосѣда, сколько онъ заплатилъ за ужинъ, — оказывается, что цѣна здѣсь 75 центовъ; «но отъ чего-жъ не взять больше съ того кто даетъ»;—добавилъ онъ иронически. Было-бы вѣрнѣе, еслибъ онъ сказалъ: «но отчего же не пограбить путешественника, не знающаго нашей страны?»— Выраженіе: «но никто не хотѣлъ меня понять» — подчеркнуто мною не безъ основанія. Въ этой мѣстно-

сти колонизація—преимущественно нѣмецкая, а потому и большинство пассажировъ нѣмцы. Но какъ только научился нѣмецъ говорить по англійски,—онъ изъ кожи лѣзетъ, чтобъ казаться природнымъ американцемъ, рѣдко говоритъ на родномъ языкѣ и притворяется даже, что не понимаетъ его.

13-го августа. Штатъ Вьомингъ. Тоже мертвенное однообразіе пустыни!.. Бурьянъ да черныя плѣши—эти оазисы смерти, не производящіе даже моху. Но вотъ мѣстность становится волнистою, начинаются холмы, предгоріе Скалистыхъ или Орегонскихъ горъ.

Отсюда уже видны на горизонтѣ бѣлыя и темныя облака, безпорядочно нагроможденныя однѣ на другія,—это главный кряжъ Скалистыхъ горъ съ снѣгами въ его ущельяхъ.

У станціи Шерманъ желѣзный путь врѣзался въ первую скалу. Грубо обтесанныя бока ея отвѣсны; надъ ними и вблизи ихъ хаотически набросаны вулканическою силою громадныя груды камней и скалы самыхъ затѣйливыхъ формъ. Высоко надъ одной изъ нихъ плыветъ орелъ, а вонъ тамъ изъ ущелья выскочило стадо антилопъ, съ любопытствомъ и страхомъ поглядывая на поѣздъ. Не успѣли мы проѣхать и трехъ минутъ, какъ изъ-за скалы, напуганное свистомъ машины, выскочило другое стадо - дикихъ козъ и вихремъ пустилось по каменнымъ глыбамъ въ сторону. Отбѣжавъ шаговъ тысячу, оно, повернувши морды къ поѣзду, какъ по командѣ, остановилось, и долго, долго я видѣлъ его изъ окна въ одномъ и томъ-же положеніи.

Кое гдѣ, на ровныхъ слояхъ выступовъ красноватой глины, въ выемкѣ, вы видите исполинскія бѣлыя надписи, гласящія о годѣ и мѣсяцѣ постройки здѣсь желѣзной дороги и объ имени строителя ея.

Пассажиры видно соскучились мѣстностью, наводящею хандру,—и кто дремлетъ, кто потягиваетъ виски; другіе усѣлись за карты, для которыхъ сдѣлано остроумное приспособленіе: приносится изъ багажнаго вагона доска, обитая бархатомъ, и привинчивается къ бокамъ двухъ сосѣднихъ диванчиковъ, что́ очень удобно. Я же съ англійскимъ самоучителемъ въ рукахъ.

Вонъ сошлись двѣ горныя цѣпи, оставивъ узенькій проходъ, какъ бы ворота для желѣзной дороги. Со свистомъ рѣжетъ поѣздъ спертый воздухъ его, и врывается въ открытую, гладкую площадку, такую же мертвенную, какъ и разбросанныя вокругъ нея скалы. Черезъ грубо пробитую тунель мы въѣзжаемъ въ низменную долину, на которой высятся оторвавшіяся отъ кряжа и вывѣтрившіяся высокія гранитныя пирамиды и конусы, громадныя скалы самыхъ фантастическихъ формъ. Здѣсь такъ все дико, что даже птицы не видно; не только бурьяна, но и моху не растетъ! Въ зимніе дни привольно гуляетъ здѣсь вѣтеръ и заноситъ выемки сугробами снѣга. Въ предупрежденіе этого мѣстами устроены каменные и деревянные заслоны. Если заслонъ каменный, то строится ровною стѣной на сухо; еслижъ деревянный, то ведется зигзагами, толщиною въ одну доску, и на сажень высоты.

Но вотъ поѣздъ круто повернулъ по косогору на лѣво и въѣхалъ на крошечную площадку ущелья, гдѣ при станціи Св. Маріи расположился лагеремъ отрядъ американцевъ. Рѣка Плата, пробивъ здѣсь скалы, прорѣзываетъ желѣзный путь въ послѣдній разъ. Вслѣдствіе близости рѣки, удалось развести рощицу, и какъ отраденъ для глазъ этотъ живой уголокъ! Но все же мучительно скучно жить человѣку въ этомъ грандіозно-дикомъ ущельи, вдали отъ всего живаго. Лагерь ждетъ-не дождется поѣз-

да; солдаты жадно и завистливо впиваются глазами въ каждаго пассажира, и какъ хищные звѣри на добычу бросаются на привезенныя имъ письма, газеты и книги. А каково имъ будетъ жить въ этомъ живописномъ гробѣ въ зимнія долгія ночи и вьюги? А какъ видно изъ постройки для нихъ зимнихъ бараковъ этотъ пунткъ считается однимъ изъ опаснѣйшихъ, вслѣдствіе близости индѣйцевъ и сосѣдства мормоновъ.

Проѣхавши Плату, вступили мы въ обширную и гладкую, какъ скатерть, площадь, покрытую мѣстами снѣжными сугробами и рябью. Это—солончаки, предвѣстники близости царства мормоновъ!

14-го августа. Чутъ свѣтъ мы въѣхали на территорію Утаха (Utah), населенную пресловутыми мормонами, занявшими также окраины сосѣднихъ штатовъ. Каменистыя пустыни замѣнились не менѣе безплодными и дикими солончаками, съ разбросанными по нимъ солеными болотами, моховыми кочками и негоднымъ бурьяномъ, унизаннымъ блестками соли. Травы и жилья не ищите здѣсь. Мѣстами, сплошныя полосы выступившей на поверхность земли соли напоминаютъ наши зимнія дороги, занесенныя снѣгомъ. При вдыханіи воздуха, напитаннаго солью, дѣлается непріятное чувство въ груди.

Довольно широкій, степной ручеекъ Беръ (Bear) своими берегами, убранными зеленью кустовъ и высокою осокой, въ этомъ мѣстѣ внезапно оживляетъ мертвую пустыню. Стаи черныхъ гусей и прочей дичи, встревоженныя свистомъ машины, поминутно подымаются изъ осоки и тростника. Вдали цѣлыя стаи скворцовъ, какъ у насъ воробьи, перелетаютъ съ мѣста на мѣсто.

У станціи Усайчъ (Wasatch) мѣстность опять становится волнистою. Дальше идутъ однѣ только громадныя скалы, въ которыхъ пробиты тунели и выемки.

Этими-то безводными и каменистыми пустынями шли мормоны къ соленымъ озерамъ. Трудъ и энергія ихъ, твердость и настойчивость превратили камень въ хлѣбъ и оживили мертвую почву.

Какъ вамъ извѣстно, послѣ насильственной смерти основателя мормонизма Джозефа Смита, пророкомъ или главою святыхъ избранъ былъ Бригамъ Юнгъ, который и понынѣ царствуетъ надъ ними съ властью неограниченнаго деспота, что возбуждаетъ во многихъ ропотъ: это—первое, что грозитъ распаденіемъ царства непогрѣшимыхъ. Далѣе, такъ какъ мормоны объявили себя внѣ зависимости отъ вашингтонскаго правительства, и въ настоящее время отказываются вносить государственные налоги за поземельную собственность, подъ тѣмъ предлогомъ, «что всѣ ихъ дома—суть церкви, а церкви не несутъ никакихъ тягостей государства», то правительство поступило съ ними съ рѣдкимъ тактомъ; оно не повело войны, которая, какъ религіозная, была бы ужаснѣе послѣдней войны, а мормоны постояли-бы за себя. Вѣдь теперь ихъ очень много и каждый изъ нихъ хорошій стрѣлокъ, да кромѣ того и пустыни, съ которыми они свыклись, и индѣйцы, на которыхъ они сильно вліяютъ,—прибавили-бы не малую силу къ 200,000 войска, которое, какъ я слышалъ, они могутъ выставить. Оно не ухватилось и за интригу, впрочемъ едва-ли возможную въ Америкѣ, но по его инициативѣ съ прошлаго года великая пустыня—гнѣздо мормоновъ,—прорѣзана желѣзнымъ путемъ, соединившимъ оба океана. Разсчетъ былъ вѣренъ: въ Утаху начался приливъ иныхъ религіозныхъ воззрѣній, начали селиться здѣсь и входить въ сношеніе съ ними люди иного закала, что исподволь разъѣдаетъ пока еще крѣпкій фундаментъ общества святыхъ. Это—второе зерно раздора. Но третье,

самое грозное для цѣлости ихъ общества, это расколъ, недавно возникшій между ними. По смерти основателя остались два его сына, Александръ и Давидъ, и жена его Елена. Они-то и начали теперь открыто энергическую пропаганду между мормонами въ томъ смыслѣ, что: «соціальная сторона мормонизма дѣло хорошее, но что деспотизмъ главы и многоженство—это зло, которое должно быть вырвано съ корнемъ». Это они доказываютъ тѣмъ, что: «отецъ ихъ—основатель не былъ многоженцемъ, а имѣлъ одну жену, и у нихъ одна мать—Елена. Слѣдовательно многоженство не входило въ догматъ основаннаго имъ религіознаго общества». За Александромъ и Давидомъ Смитами послѣдовало уже много мормоновъ. По селамъ и городамъ ходитъ много проповѣдниковъ религіозной и общественной реформы мормонизма. А американское правительство, на всякій случай, держитъ въ сосѣдствѣ съ ними сильные отряды войскъ. По моему, раздоръ между святыми скоро разразится бурею.

Въ этихъ мѣстахъ нерѣдко пошаливаютъ индѣйцы, и я видѣлъ у многихъ пассажировъ револьверы и ножи. Дорога въ этой мѣстности открыта съ прошлаго года, а потому и станціи только-что еще возникаютъ, изъ матеріала, какой найдется подъ рукою, и представляютъ теперь видъ лагеря или цыганскаго табора. Нѣсколько наскоро сколоченныхъ, досчатыхъ балаганчиковъ отъ дождя и солнца прикрыты полотномъ. Въ нихъ помѣщаются служащіе, контора и телеграфъ, въ окнѣ котораго нерѣдко мелькаетъ миловидная фигура дѣвушки-телеграфистки. Въ этой глуши! Живутъ и въ вагонахъ, но съ бо́льшимъ удобствомъ, чѣмъ я жилъ нѣкогда на одесско-балтской желѣзной дорогѣ. Если мѣстныя условія благопріятны, станція принимаетъ размѣры маленькой колоніи съ ярмарочнымъ характеромъ. Вы встрѣ-

тите лавки и магазины, гостинницы и ресторацiи со множествомъ билліардовъ, театръ, циркъ и фотографію, лоттерею-аллегри и на одной станціи я видѣлъ даже рулетку. Все это помѣщается въ досчатыхъ, жестяныхъ и полотняныхъ балаганчикахъ, рѣдко въ кое-какъ слѣпленномъ каменномъ строеніи. На этихъ станціяхъ все чрезвычайно дорого: въ одной лавкѣ я заплатилъ за 2 фунта бѣлаго хлѣба съ ветчиною 75 центовъ, а за кислое яблоко 30 центовъ. И не удивительно: во-первыхъ, это яблоко привезено изъ Калифорніи, а во-вторыхъ, эти торговцы поселились въ пустынѣ ужь вѣрно не изъ-за 10 процентовъ, которыми теперь даже и въ городахъ не довольствуются.

Наконецъ-то, проѣхавши тысячи безжизненныхъ верстъ, вблизи станціи «Огденъ» (Ogden) встрѣчаете вы клочекъ земли, засѣянный кукурузою и огородными овощами. Здѣсь-же ферма, оттѣняемая искуственно разведеннымъ садикомъ. Это—дѣло рукъ мормона. Не мало-же труда стоило ему обработать этотъ камень! Отсюда проведена вѣтвь желѣзной дороги къ главному городу территоріи—городу «Соленаго озера» (Salt Lake city), расположенному на берегу озера того же названія. Но жизнь собственно начинается у степной рѣки Беръ, впадающей тутъ же въ «Великое Соленое озеро» (Great Salt Lake). Вонъ разбросаны фермы, окруженныя фруктовыми садами, тамъ поля кукурузы, огороды и баштаны арбузовъ, дынь и тыквъ. А вотъ здѣсь, неподалеку отъ линіи желѣзнаго пути, раскинулась цѣлая колонія съ покосными лугами и обширными пашнями. И чѣмъ дальше ѣдемъ мы, тѣмъ больше жизни: хлѣба́ и тра̀вы выше, фермы попадаются чаще.

На одной маленькой станціи сѣло къ намъ въ вагонъ нѣсколько мормоновъ. Костюмы ихъ не отличаются отъ

костюма прочихъ американцевъ, но всѣ они гладко выбриты. Общія мнѣнія о мормонахъ, какія мнѣ приходилось выслушивать, тѣ-же, что у насъ о тонкомъ пройдохѣ—«кулакѣ»; онъ обдеретъ васъ, не хуже аклиматизированнаго нѣмца-промышленника. Отъ женъ онъ требуетъ полнаго, рабскаго подчиненія, въ чемъ тѣ ему и не отказываютъ—наружно.

Маленькія мормонки, прилично одѣтыя и съ ожерельями изъ серебряныхъ американскихъ монетъ на шеяхъ, внесли въ вагонъ нѣсколько кувшиновъ молока, но я, при всемъ сильномъ желаніи попробовать мормонскаго молока,—не отважился, такъ какъ день былъ жаркій, а мѣдные кувшины не вылужены. Сосѣдъ увѣряетъ, что молоко очень солоно, и это понятно: солончаковая почва должна оказывать вліяніе на траву. Вслѣдъ за дѣвочками, вошла уже пожилая мормонка съ предложеніемъ мужскихъ и женскихъ зимнихъ перчатокъ, опушенныхъ мѣхомъ и искусно вышитыхъ шелками. Ну и деньги же она сорвала съ охотниковъ до мормонскаго рукодѣлья: пару перчатокъ продавала по 5 дол. золотомъ, т. е. по 8 руб. сер.—Вотъ обширная зеркальная поверхность «Великаго Соленаго озера», окаймленнаго по горизонту горами. По берегамъ его—тамъ, подальше—много водится разной пернатой дичи; говорятъ, есть и чрезвычайно крупная. Она то удаляется, то подходитъ даже на нѣсколько шаговъ къ линіи пути,—и тогда—свистъ и шумъ машины выгоняетъ ее громадными стаями изъ береговыхъ тростниковъ. Но вотъ дорога круто повернула въ скалы и пошла на подъемъ. Здѣсь въ горахъ подъемы пути очень круты. Не могу опредѣлить цифры, но на глазъ сужу, что у насъ подобныхъ не допускается. Тамъ же, гдѣ черезъ глубокія лощины и ущелья должна проходить насыпь, за недостаткомъ или

трудностью доставки земли, прибѣгаютъ къ слѣдующему оригинальному роду построекъ: или 1) строютъ деревянный, въ нѣсколько ярусовъ, мостъ; или же 2) $^1/_3$—$^1/_2$ высоты насыпи засыпается камнемъ и землею,—поверхъ чего устраивается тоже мостъ на сваяхъ. Такихъ сооруженій особенно много встрѣчается въ горахъ Сіерры Невады.

На станціи «Промонтори» мы должны были пересѣсть на другой поѣздъ и на немъ уже отправиться въ Сакраменто. Берега «Соленаго озера» скрылись, но черезъ нѣсколько десятковъ верстъ, у ст. «Монументъ» (Monument), поверхность его снова неожиданно заблестѣла на солнцѣ, какъ отшлифованный хрусталь. Жара нестерпимая; всѣ пассажиры безъ сюртуковъ и сапогъ, а лэди безъ башмаковъ и—совсѣмъ раскисли. Хорошо еще, что мало пассажировъ—не тѣсно...

Начиная отсюда, при каждой станціи вы встрѣтите ветхіе и сквозные шалаши, кое-какъ сложенные изъ прутьевъ и соломы, гдѣ на корточкахъ два-три китайца варятъ свой рисъ для отсутствующихъ земляковъ, работающихъ на желѣзной дорогѣ. Китайцы тысячами переселяются въ Америку. Здѣсь они занимаются ремонтными работами, преимущественно въ такой глуши, какъ эта. На плантаціяхъ и фабрикахъ, они подряжаются за одинъ долларъ въ сутки, между тѣмъ какъ американецъ меньше пяти не возьметъ. На всемъ протяженіи дикой пустыни рабочіе по ремонту желѣзнаго пути—только китайцы, подъ командою бѣлаго десятника; они трудолюбивы и выносливы: справляются съ работою хорошо, и скоро мирятся съ мертвою природою. Они довольствуются малымъ; не пьяницы. По всѣмъ этимъ причинамъ, они скоро сколачиваютъ капиталецъ въ нѣсколько сотенъ долларовъ, съ которыми и отправляются въ С.

Франциско устраивать хозяйство, торговлю, мастерскую, или дѣлаются земледѣльцами.

15 августа. Ночью переѣхали мы за границу штата «Невада», восточная часть котораго также заселена мормонами, и характеръ мѣстности котораго также дикъ и пустыненъ, какъ территорія Утаха.

Сильный холодъ ночью безпрерывно будилъ меня, не смотря на фуфайку и два пальто, въ которыя я укутался: печь-то пассажиры полѣнились затопить на ночь. Я пробудился въ скверномъ настроеніи духа, а назойливая безцеремонность колонистовъ — мормоновъ окончательно вывела меня изъ терпѣнія. И что имъ за дѣло, кто, да куда, да зачѣмъ ѣду я?—Мало того, сосѣдямъ захотѣлось покурить, и они протягиваютъ руки къ моимъ сигарамъ и табаку, хоть я и не принадлежу къ ихъ коммунѣ.

Жители Невады не отдѣляютъ своего штата отъ штата Калифорніи и называютъ его также «Калифорніей», съ которою они имѣютъ большую солидарность, потому что почти всѣ интересы обоихъ штатовъ одни и тѣ-же. Между прочимъ, Калифорнія не признала государственныхъ бумажныхъ денегъ,—въ Невадѣ также ихъ не принимаютъ, а поэтому здѣсь въ ходу одно золото и серебро.

16-го августа. Ночью проѣхали мы мимо озера «Пирамидъ» (Lake Pyramid) и вступили въ главный кряжъ горъ «Сіерры-Невады»—цвѣтущую и гигантскую границу штата «Калифорнія». Вотъ гдѣ жизнь природы является во всемъ своемъ грандіозномъ величіи и блескѣ, и своею могучею силою живитъ и васъ! Чудная эта картина тянется на сотни верстъ, и вы не можете отъ нея оторваться! Здѣсь желѣзный путь тунелью и выемкою пробилъ одну скалу за другою. На отвѣс-

*

ныхъ гранитныхъ стѣнахъ непрерывный боръ вѣковыхъ сосенъ. Вы всматриваетесь въ глубь пропастей, ущелій, надъ которыми, какъ бы по воздуху по деревянному узенькому мостику высоко летитъ поѣздъ; и страхъ жмуритъ вамъ глаза,—но не на долго,—вы опять впиваетесь въ страшную красоту... И жутко и сладко!

Путь идетъ крутымъ подъемомъ все выше и выше въ горы, вершины которыхъ ярко освѣщены солнцемъ, а внизу—долины, одна другой ниже, покрытыя густымъ туманомъ. На такихъ-то возвышенныхъ мѣстностяхъ часто свирѣпствуютъ бури и ураганы, вырывающіе въ своемъ теченіи исполинскія деревья и засыпающіе ими долинки. Въ предохраненіе выемокъ желѣзнато пути отъ подобныхъ случайностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ обваловъ земли, камня, лѣса и снѣга, во многихъ мѣстахъ, на протяженіи многихъ десятковъ верстъ, онъ защищенъ крытыми галлереями, сооруженными изъ массивной здѣшней сосны. Бока этихъ галлерей въ извѣстныхъ мѣстахъ пропускаютъ свѣтъ, и вы ѣдете то въ полумракѣ, то въ темнотѣ, какъ по тунели. Кое-гдѣ въ нихъ видны бреши, а около нихъ кучи каменьевъ, земли и лѣсу,—слѣды большихъ обваловъ.

Устройство ихъ двоякое, смотря по тому, проходитъ-ли путь выемкою по узкому ущелью или по скату вершины горы. Въ первомъ случаѣ крыша галлереи строится покатою въ обѣ стороны, такъ какъ обвалы могутъ случиться съ обѣихъ сторонъ; во второмъ же—въ одну сторону, такъ какъ обвалъ угрожаетъ только одной сторонѣ пути.

Проѣзжая этими длинными галлереями, вы испытываете мучительное нетерпѣніе поскорѣе вырваться изъ ихъ затхлаго полумрака, скрывающаго отъ васъ воздухъ и картинную природу. Но долго, долго тянутся они съ пере-

рывами. Злость беретъ васъ, и только на насыпяхъ опять свободно, полною грудью дышете вы.

Далеко не забавный случай произошелъ со мной въ вагонѣ. Въ сосѣдствѣ со мною помѣстилось семейство, состоящее изъ старика, молодой лэди и трехлѣтняго мальчугана, котораго сильно клонилъ сонъ, и котораго папаша уложилъ спать на голомъ диванчикѣ. Головка его болталась во всѣ стороны—понятно, ему было неудобно, и я, пожалѣвъ его, предложилъ отцу подушку, на которой мальчикъ сейчасъ же уснулъ. На станціи «Троки» (Truckee) это семейство должно было сойдти, и начало укладываться. Я напомнилъ старику о своей подушкѣ.

— Я ее возвратилъ вамъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Когда и гдѣ?

— Я положилъ ее на вашемъ мѣстѣ.

— Но ея здѣсь нѣтъ! И я обратился къ прочимъ сосѣдямъ съ вопросомъ, не видали-ли они моей подушки. Оказывается, что видѣли ее въ рукахъ у старика, когда тотъ укладывалъ свои вещи. Онъ распозналъ во мнѣ иностранца и разсчелъ, что мнѣ не будетъ ни времени, ни охоты затѣвать съ нимъ исторію, если онъ присвоитъ ее себѣ, ну и—отжилилъ...

17 августа.. А машина уже съ часъ ѣдетъ тихо-тихо, еле двигаясь впередъ: здѣсь дорога непрочна; узкою тропинкой ухватилась она за крутой склонъ вершины горы, у подножія которой зіяетъ глубокое ущелье... и слышится вамъ глухое паденіе камней и земли, оторванныхъ напоромъ поѣзда съ краевъ ея! Но вотъ, со станціи «Аубернъ» (Auburn) въѣзжаемъ въ отлогія мѣста, и поѣздъ полетѣлъ стрѣлой; ближайшая картина мѣстности пестритъ и сливается для глазъ въ одну неопредѣленную полосу. За то выигрываетъ волшебная даль ея: вонъ тамъ

налѣво, лѣпится въ горахъ еще другая желѣзная дорога, и вамъ кажется, что она виситъ на краю пропасти подъ отвѣснымъ сводомъ скалъ, что вотъ-вотъ рушатся онѣ и заметутъ слѣдъ ея!... (Она соединяетъ ст. «Плесеръ-уиль» (Placer-ville) черезъ станцію «Юнгшенъ» (Junction) съ г. «Сакраменто»). А лѣсъ-то, лѣсъ! Высокія-высокія, толстыя и прямыя какъ тростникъ хвойныя деревья одѣваютъ горы и долины Сіерры Невады на громадное пространство, и даютъ милліоны промышляющимъ ими!... Ихъ шишки, въ огромномъ количествѣ валяющіяся по землѣ, безъ преувеличенія доходятъ до 1/3 и болѣе аршина. Тамъ и сямъ, управляя своимъ пушистымъ рулемъ, перелетаетъ съ сосны на сосну бѣлка. Горные ручьи, сонливо журча, извиваются въ ущельяхъ; вездѣ видны ключи; на большія разстоянія сопровождаютъ путь утвержденныя на деревянныхъ сваяхъ трубы и желоба, по которымъ бѣжитъ вода и поитъ резервуары горныхъ станцій.

Здѣсь въ горахъ, выемки и насыпи, какъ и на всемъ протяженіи новой желѣзной дороги, устроены на одинъ путь, а потому вы ѣдете или узкимъ корридоромъ двухъ отвѣсныхъ скалъ, или тамъ, гдѣ вамъ кажется, что поѣздъ летитъ по воздуху. А тамъ, гдѣ желѣзный путь долженъ проходить широкія и глубокія лощины, какъ я уже говорилъ, вмѣсто полной насыпи, вы встрѣтите полунасыпь съ деревяннымъ мостомъ на ней, или же, какъ вотъ здѣсь, черезъ глубокую долину, въ 400 сажень длины, перекинутый четырехъ-ярусный деревянный мостикъ.

При проѣздѣ такими узенькими, деревянными и безъ всякихъ перилъ мостиками, переброшенными черезъ глубокія долины, стоитъ выйдти на платформу вагона; вы увидите рѣдкую картину: поѣздъ идетъ тихо, тяжело пыхтитъ машина, вы опускаете глаза внизъ—подъ вами глу-

бокая пропасть, а въ ушахъ раздается хрустъ и трескъ свай, невольный страхъ объемлетъ васъ, жмуритъ вамъ глаза и вы готовы спрятаться въ вагонъ... Но вотъ, собравшись съ духомъ, вы взглянули вокругъ себя, и трепетъ наслажденья волнуетъ васъ: передъ вами картина, полная жизни, чудная картина цвѣтущей долины; виноградные и фруктовые сады, плантаціи и огороды, луга цвѣтовъ и фермы,—все мѣшается съ рощами и богатыми полями, съ озерами и ручьями! Отсюда мѣстность измѣняется; высокія горы, мельчая переходятъ въ волнообразныя пространства, гдѣ стройный хвойный лѣсъ смѣняется вѣтвистымъ дубомъ, смѣшаннымъ съ дикимъ фруктовымъ и нефруктовымъ разной породы лѣсомъ. И чѣмъ ближе подвигаемся къ г. Сакраменто, тѣмъ чаще и чаще попадаются богатыя колоніи и фермы съ своими обширными виноградниками, фруктовыми деревьями и огородами, которые между разнообразнѣйшими овощами производятъ жесткій, чрезвычайно мучнистый, сладкій кортофель, съ четверть аршина длиною. Калифорнія единственное мѣсторожденіе его, но мы въ этомъ ничего не теряемъ, такъ какъ на вкусъ онъ непріятно сладокъ и вяжетъ во рту. По крайней мѣрѣ я не могъ привыкнуть къ нему.

Вотъ, по правую сторону пути опять потянулись сплошные лѣса, мѣстами орошаемые зеркальною водою ручьевъ и озеръ; а тамъ влѣво съ фантастическимъ разнообразіемъ смѣшались поля созрѣвшаго хлѣба съ виноградными плантаціями, кукуруза — съ фруктовыми деревьями—персиками, сливами, величиною съ большое яблоко и сочными грушами съ маленькую тыкву; фермы и обширные луга высокой травы, пестрѣющей яркими цвѣтами, колоніи и долины, холмы и рощи и въ изобиліи

вода. Не даромъ же этотъ уголокъ и станція на немъ названы «Аркадіею» (Arkade)!?...

Само собою разумѣется, здѣсь на станціяхъ все дешевле сравнительно со станціями пустынь и скалъ. Не успѣетъ поѣздъ остановиться, какъ уже врывается въ вагонъ стая маленькихъ продавцевъ туземнаго винограда, сочныхъ несравненныхъ грушъ и вкусныхъ персиковъ, величиною съ апельсинъ. И все это очень не дорого, но я безъ всякаго сомнѣнія за все приплачиваю, какъ неумѣлый новичокъ въ этомъ краѣ.

Дешево, дешево—фрукты разные! 5 грушъ—15 центовъ! 5 яблокъ—10 центовъ! Кисть винограда—5 центовъ! 10 сливъ — 15 центовъ!! назойливо выкрикивали продавцы. Я взялъ 5 грушъ, и за неимѣніемъ серебра далъ бумажку въ 50 центовъ; мальчишка торопливо вышелъ изъ вагона, я за нимъ: Сдачу дайте! Онъ зашарилъ у себя въ карманѣ; поѣздъ зазвонилъ, и онъ, плутишка, далъ тягу...

Здѣсь природа картинна, но костюмы пассажировъ большею частью далеко не живописны: блинообразныя шляпы туземныхъ колонистокъ оригинальны; это круглая, плоская соломенная плетенка, перевязанная узенькою лентою. Положите ее на голову, стяните ленты, и покрышка готова. И дешева, и удобна, а о красотѣ промолчу. Впрочемъ встрѣчаются шляпы и другихъ, болѣе приличныхъ, европейскихъ фасоновъ, шляпы, величиною съ чайное блюдечко, которыя, за громадностью шиньона носятся на носу. Мужской костюмъ составляютъ преимущественно длинное и широкое парусинное пальто и разноформенныя шляпы, между которыми попадаются довольно странныя.

Ну вотъ незамѣтно волшебною мѣстностью приблизились мы къ городу «Сакраменто» (Sacramento), главному

городу штата, лежащему при широкомъ устьѣ рѣки того же названія, впадающей въ Тихій океанъ. Отъ Сакраменто вправо уже проложена желѣзная дорога въ г. «Валейо» (Vallejo), что̀ расположился на правой сторонѣ залива широкаго устья рѣки Сакраменто, но еще строится желѣзный путь черезъ гг. Стоктонъ» и «Св. Іосифа» къ самому значительному въ настоящее время порту въ Тихомъ океанѣ—Санъ-Франциско, раскинувшемуся при заливѣ одного съ нимъ названія, въ трехъ верстахъ отъ океана. Дорога сюда будетъ открыта не раньше конца этого года, а поэтому мы, по выданнымъ намъ кондукторомъ билетамъ, пересѣли на рѣчной пароходъ, который и отплылъ въ Санъ-Франциско въ часъ дня. Такъ какъ пароходная пристань расположена здѣсь же, въ двадцати шагахъ отъ маленькаго вокзала желѣзной дороги, то я, безъ посторонней помощи, взваливъ свои саквояжи на плечи, перенесъ ихъ въ каютъ-компанію I-го класса.

Здѣсь кстати будетъ приблизительно познакомить васъ съ устройствомъ американскаго рѣчнаго парохода, совершенно несхожаго съ нашими. Онъ состоитъ изъ четырехъ этажей. -Въ первомъ этажѣ—на палубѣ—помѣщается залъ, съ бархатною мебелью, кабинеты и ватеръ-клозеты для пассажировъ I-го класса. Входомъ сюда служитъ корридоръ, который соединяется съ открытою галлереею, гдѣ вы можете прогуливаться и курить; если же здѣсь холодно, то подымитесь по лѣстницѣ въ обширную залу II-го класса, гдѣ тепло и дымно отъ изобильнаго куренія. Другими лѣстницами можете войдти въ открытыя галлереи II-го класса, или спуститься въ столовую, расположенную подъ палубой. Если вы не желаете держать при себѣ свой дорожный сакъ, то можете отдать его на сохраненіе, подъ чекъ, въ багаж-

ную кладовую. Вашъ же багажъ, товары и прочая громоздкая кладь свалены кучами на палубѣ въ пустыя и открытыя мѣста ея. Механизмъ машины и печи, ее отопляющія, расположены также на палубѣ, а потому ни машинистъ, ни кочегары не жарятся и не парятся въ душныхъ и раскаленныхъ подпалубныхъ клѣткахъ, какъ у насъ, да и вообще въ Европѣ. Тутъ же помѣщается буфетъ, жилыя комнаты для служащихъ и помѣщеніе для пассажировъ III-го класса—открытое мѣсто, заваленное разною кладью, гдѣ расположены машинныя печи. Во второмъ этажѣ помѣщаются пассажиры II-го класса, въ обширнѣйшей залѣ и по кабинетамъ. Вся зала заставлена креслами и столами. Такъ какъ дамы обыкновенно сидятъ по своимъ кабинетамъ, то пассажиры не стѣсняются здѣсь курить. Большая часть изъ нихъ углубилась въ свѣжія газеты и брошюры, за право чтенія которыхъ платится 20 центовъ. (Здѣсь, какъ и въ Невадѣ, счетъ денегъ на золото и серебро; золотой долларъ по сегодняшнему курсу на 30% дороже бумажнаго). Въ этомъ этажѣ устроены резервуары воды со льдомъ, и помѣщаются конторы, гдѣ выдаются билеты. Вокругъ всего идутъ открытыя галлереи для прогулки пассажировъ.

Въ нижнемъ или подпалубномъ этажѣ расположены столовая, буфетъ, кладовыя и каюты для прислуги, поваровъ и пассажировъ III-го класса.

Какъ видите, и внутреннее, и наружное устройство пароходовъ здѣсь совершенно разнится отъ нашего и представляетъ пассажирамъ I-го и II-го классовъ чисто американскій комфортъ; что же касается пассажировъ III-го класса, то они также имѣютъ удобныя каюты въ подпалубномъ этажѣ, не смотря на то, что за одиннадцать часовъ ѣзды изъ Сакраменто въ Санъ-

Франциско платятъ только 50 центовъ, между тѣмъ какъ I-й классъ стоитъ—2½ доллара, а II-й классъ—1½ доллара, не считая пищи, за которую платится особо *).—Пассажиры высшихъ классовъ могутъ быть во всѣхъ помѣщеніяхъ низшихъ классовъ, но не наоборотъ. Это относится и къ желѣзной дорогѣ.

Пароходъ плыветъ уже съ часъ; цѣлый часъ проскучалъ я въ сонливомъ обществѣ пассажировъ I-го класса, и только на полчаса развлекся—хромою лэди въ неуклюжемъ кринолинѣ и съ бородавкою на верхней губѣ. Она напомнила мнѣ русскій прекрасный полъ: ни одной пассажирки не пощадила, немилосердно и съ злобною проніею осуждала она ихъ костюмы, шиньоны и прочія внѣшности, сообщая свои выводы молчаливому и длинному янки, машинально кивавшему ей въ отвѣтъ головой, занятой — держу пари — иными соображеніями. Чѣмъ онъ ее возмутилъ, не знаю, но, минутъ пять спустя, послѣ инспекторскаго осмотра дамъ, она алчно накинулась на скромнаго мужа: тотъ качнулъ было два раза головою въ знакъ согласія, но опомнился, что это будетъ ужь некстати,—молча повернулся и оставилъ бѣснующуюся жену, которая не замедлила скрыться къ себѣ въ кабинетъ.

Я поднялся въ залъ II-го класса, гдѣ было съ сотню народу, но всѣ они мнѣ чужіе! Оставалось закурить сигару, усѣсться въ удобномъ креслѣ и подумать о дальнѣйшемъ своемъ путешествіи въ Китай и Японію.

Но негръ, продавецъ фруктовъ и газетъ, помѣшалъ

---

*) Я здѣсь ничего не платилъ, такъ какъ этотъ счетъ вошелъ въ уплаченныя мною деньги въ нью-іоркской конторѣ желѣзной дороги.

моему невинному намѣренію въ самомъ началѣ. И какъ отъ ничтожныхъ причинъ иногда происходятъ важныя послѣдствія, такъ отъ его навязчиваго предложенія купить у него грушъ вышла со мною пренепріятная, а для васъ не безъинтересная исторія.

Груши дѣйствительно были соблазнительны, да мелкихъ-то денегъ у меня не было. Даю негру фунтъ стерлинговъ, прошу размѣнять; онъ съ любовью подбрасываетъ монету на своей некрасиво длинной ладони и возвращаетъ мнѣ обратно: «У меня нѣтъ на эту сумму мелкихъ».

Въ это время подходитъ къ намъ, въ калифорнскомъ бѣломъ пальто, джентльменъ среднихъ лѣтъ, съ смуглымъ лицомъ и лихорадочнымъ блескомъ впалыхъ глазъ. Вынувъ изъ жилетнаго кармана полудолларъ, онъ молча предлагаетъ мнѣ на покупку фруктовъ, что̀ не мало озадачило меня: «Благодарю; я размѣняю золото въ конторѣ, и тогда куплю».

— Берите! Послѣ отдадите мнѣ.

— Мнѣ не нужны ваши деньги. Да и съ какой стати я возьму ихъ? Въ первый разъ вижу васъ! рѣзко проговорилъ я по нѣмецки.

— Вы нѣмецъ, да? быстро опустивъ серебряную монету въ карманъ широкихъ брюкъ, заговорилъ онъ дурно по нѣмецки, съ легкою дрожью въ голосѣ.

— Нѣтъ.

— Французъ?

Я не имѣлъ особеннаго желанія пускаться въ разговоръ съ этимъ навязчивымъ пальто, и опять ограничился короткимъ «нѣтъ».

— Ну, такъ вы итальянецъ, испанецъ?

— Нѣтъ, я русскій.

— А!.. Вамъ хорошо будетъ въ Санъ-Франциско: русскихъ тамъ много и всѣ они живутъ хорошо.

Заинтересовало меня «пальто» — и усѣлось рядомъ. Негръ исподлобья взглянулъ на него, взглянулъ на меня,—значительно улыбнулся и отошелъ прочь. Я молчалъ и чувствовалъ порывистое дыханіе и судорожное движеніе непрошеннаго сосѣда.

Тѣмъ временемъ, помахивая хлыстикомъ, проходитъ мимо насъ развязный джентльменъ, съ отъявленною наглостью въ расплывшемся, тупомъ лицѣ и мѣдною—съ блескомъ золота—цѣпочкой во всю грудь. Взглянувъ на бѣлое пальто, онъ улыбнулся во весь широкій ротъ улыбкою пріятной неожиданности, обѣщающей несомнѣнные барыши. Пальто проговорило ему нѣсколько непонятныхъ мнѣ словъ и—хлыстъ пошелъ дальше,—но не совладѣлъ съ собою: вернулся и сѣлъ со мною рядомъ.

— Вы къ намъ совсѣмъ переселяетесь изъ Европы?

— Нѣтъ, я путешествую.

— Санъ-Франциско городъ хорошій.

— А вотъ—посмотримъ.

Пальто вынимаетъ изъ кармана нѣсколько двадцатидолларныхъ золотыхъ монетъ и небрежно перекидываетъ ихъ съ ладони на ладонь. Хлыстъ интересуется поближе разсмотрѣть ихъ, взвѣшиваетъ на ладони и наивно удивляется тяжести ихъ:

— Видно, что наше калифорнское золото!

— Кстати, господа, не можете-ли вы размѣнять мнѣ англійскій фунтъ стерлинговъ на ваше мелкое серебро? - обратился я къ нимъ.

— У меня съ собою мало денегъ: вотъ это золото, да два-три—полудоллара, отвѣчаетъ пальто, любуясь своимъ золотомъ.

— Дайте сюда, я размѣняю въ конторѣ, прислуживается хлыстъ.

Я довѣряю ему одинъ англійскій ливръ, тяжестью котораго онъ не замедлилъ поинтересоваться, и проговоривъ что-то на непонятномъ мнѣ языкѣ моему сосѣду—удалился.

— Гдѣ вы остановитесь?

— Еще не знаю, посовѣтуюсь съ нашимъ консуломъ.

— А!? И пальто погрузилось въ глубокія соображенія. Между тѣмъ хлыстъ принесъ девять полудолларовъ, (полудолларъ—самая большая серебряная монета, стоимостью въ 50 центовъ), которыя разбудили пальто отъ думъ: онъ сосчиталъ ихъ и наставительно произнесъ:

— Такъ, вѣрно!

Я зналъ, что фунтъ стерлинговъ ходилъ по цѣнѣ пятидолларной монеты, слѣдовательно гибкій хлыстъ десятую монету—вѣроятно нечаянно—обронилъ себѣ въ карманъ. Но при всемъ томъ, укладывая деньги въ кошелекъ, я поблагодарилъ его за услугу, въ отвѣтъ на что въ его фигурѣ и физіономіи изобразилась непоколебимая честность — измѣняли только глаза. Эти глаза жадно впились въ содержимое кошелька, что̀ видимо волновало нервное пальто: у него отнимаютъ вѣрную добычу. А? Не подлость-ли это? И онъ желчно упрекнулъ товарища своего въ недобросовѣстности. Тотъ пересѣлъ отъ меня къ нему. Я взглянулъ на пальто; его тощее лицо оживилось вновь воскресшею надеждой на хорошій ловъ, даже слюнки потекли, какъ признакъ веселой мечты...

Мои часы остановились. Справившись о времени у хлыста—было 3 часа и 40 минутъ,—я досталъ свои часы. Хочу завести, но хлыстъ съ пріятельскою вольностью тянетъ ихъ у меня,—ногтемъ большаго пальца ловко открываетъ доску механизма, и окинувъ его взгля-

домъ знатока, остается доволенъ ими. Мистеръ Хлыстъ нѣсколько разсѣянъ, а потому уже собрался уходить съ моими часами, но я выхватилъ ихъ изъ его рукъ очень нелюбезно, что впрочемъ нисколько не огорчило его. Я не сомнѣвался въ качествѣ моихъ непрошенныхъ собесѣдниковъ. Очевидно было, что я обратилъ на себя вниманіе американскихъ мазуриковъ. Въ видахъ этюда нравовъ, они заинтересовали меня. Мнѣ хотѣлось видѣть, что̀ изъ всего этого выйдетъ и потому спрятавъ часы подальше, ощупавъ золото и прочія мои вещи, все ли на своемъ мѣстѣ,—я застегнулъ наглухо пальто и сталъ ждать аттаки. Они казались мнѣ неопасны. Скоро къ двумъ прильнувшимъ ко мнѣ мазурикамъ присоединился третій. Проходя мимо насъ, онъ снисходительно любезно кивнулъ головою двумъ друзьямъ и усѣлся невдалекѣ. Это былъ солидной важности господинъ, съ воровскимъ выраженіемъ добродушія на тускломъ лицѣ: Кажись—рыбка—хорошая? а?!. Ну дѣло,—дѣло! Онъ былъ съ просѣдью въ подстриженныхъ усахъ, съ высокими воротничками, въ короткихъ брюкахъ и болтающемся пенсъ-не. Хлыстъ отвѣтилъ ему улыбкой во весь ротъ, а пальто, безпокойно озираясь вокругъ, подвинулось ко мнѣ ближе и слегка толкнуло въ плечо:

— Выньте ваше золото; я размѣняю его вамъ на калифорнское съ большою уступкой.

— Посмотримъ, что дальше будетъ?—подумалъ я, и вынулъ кошелекъ не съ золотомъ, а съ мелочью, ключами и чеками отъ вещей.

— А гдѣ же золото? поинтересовался хлыстъ, заглядывая въ кошелекъ и намѣреваясь запустить туда свои пальцы.

— Золото у меня спрятано въ другомъ мѣстѣ,—поддориваль ихъ я.

— Ну, ничего; дайте это серебро. Мы вамъ дадимъ золота.—Я далъ два полудоллара.

— Еще, еще дайте; тамъ есть еще, торопливо говорилъ хлыстъ, а пальто то-же самое объясняло нервно жестами. Я еще далъ нѣсколько монетъ.

— Тамъ еще одинъ долларъ, дайте и его сюда,—настаивалъ хлыстъ.—Достаю послѣдній долларъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неосторожно вынимаю чеки *) и ключи.

—Дайте и чеки сюда. Ничего, мы и ихъ примемъ! проговорило шепотомъ и задыхаясь бѣлое пальто, между тѣмъ какъ солидное пенсъ-не съ напряженнымъ вниманіемъ и нетерпѣніемъ слѣдило за своими друзьями.

— Чеки вѣдь — не четыре доллара! Шутить ими опасно,—подумалъ я, и упрятавъ ихъ на свое мѣсто, потребовалъ у нихъ взамѣнъ моего серебра—золото.

— Дайте чеки—вотъ что получите, и пальто сунуло мнѣ въ руку двадцатидолларную монету, отъ которой, какъ бы обжегшись, быстро отняло свою. Почувствовавъ подозрительную легкость монеты, я усумнился въ законности ея. Всматриваясь попристальнѣй,—замѣтилъ грубость чеканки и тускло-красный цвѣтъ. Понятно—это было фальшивое золото, и я, не подавая вида въ томъ, спокойно вернулъ ее простоватому пальто, которое, косясь по сторонамъ, припрятало ее въ карманъ.

Однако это достойное тріо такъ наивно и неумѣло выполняетъ свои роли наглыхъ мошенниковъ, что потеряло для меня весь интересъ новизны, и я рѣшилъ покончить съ ними скучную комедію:

---

*) Мѣдный жетонъ, съ помощію кожаннаго или мѣднаго же ремня привязываемый къ багажу. Каждому отдающему свой багажъ вручается такой же жетонъ, и лицо, предъявившее при пріѣздѣ такой жетонъ, безпрепятственно получаетъ свои вещи.

— Ну, давайте-же мнѣ мелочь, или возвратите мое серебро—серьезничалъ я. Они показали видъ, какъ будто не понимаютъ меня. Я снова повторилъ мое требованіе, но умышленно такъ громко, что ближайшіе пассажиры обернулись въ нашу сторону. Нѣкоторые изъ нихъ опять принялись за прерванное чтеніе, между тѣмъ, какъ другіе искоса наблюдали за нами. «Тріо», нашедъ неудобнымъ орудовать свое дѣло въ многолюдной залѣ, успокоиваетъ меня, и предлагаетъ идти съ ними въ кабинетъ, гдѣ спрятаны ихъ мелкія деньги.

— Къ чему мнѣ идти туда? Верните мои деньги здѣсь, и теперь же. Я не хочу ихъ мѣнять.

— Пойдемте! слегка дергали меня за руку пальто и хлыстъ, которые еще не покидали надежды на мое золото.—Пойдемте. Тамъ хорошо, и вы получите ваши деньги!

Меня начинаетъ бѣсить ихъ дурковатая наглость.—«Сейчасъ мои деньги, или я позову капитана»!—Бѣлое пальто зашарило у себя въ карманѣ; на его лицѣ изобразилась досада неудачи. Солидное пенсъ-не приблизилось къ намъ и попросило пальто показать ему мое серебро. Тотъ далъ ему четыре полудоллара, что вышарилъ въ карманѣ у себя и одинъ долларъ изъ моихъ денегъ. Я хотѣлъ вырвать ихъ у пенсъ-не, но онъ съ достоинствомъ и тихо отвелъ мою руку въ сторону, какъ бы говоря: «Ну, это—не поджентльменски: не отъ васъ получилъ я деньги, не вамъ ихъ и отдамъ».

— Отдайте же мои деньги! крикнулъ я.—Это смутило пальто и онъ, выхвативъ деньги изъ рукъ пенсъ-не, сунулъ ихъ мнѣ. По легкости и тусклому цвѣту, это были оловянныя деньги,—однако чрезвычайно искусной чеканки. Возвращаю ихъ имъ обратно,—не берутъ и стараются уйдти отъ меня. Я угрожаю, и пальто, схвативъ

эти деньги, далъ мнѣ взамѣнъ только 3 доллара изъ моихъ денегъ.—Гдѣ жь еще мои $1^1/_2$ доллара? Я вамъ далъ—$4^1/_2$. Верните сейчасъ, или-же....—и я направился къ конторѣ. Хлыстъ хватаетъ меня за руку и съ упрекомъ усовѣщеваетъ: «Ну, какъ вамъ не стыдно! Онъ взялъ какіе-нибудь $1^1/_2$ доллара, а вы—кричите! Это ничего! Онъ бѣдный, а у васъ денегъ много». И хлыстъ фамильярно треплетъ меня по плечу. Я отбрасываю его руку и, указавъ на приближающагося къ намъ багажнаго смотрителя, угрожаю, съ помощью его, вернуть свои деньги. Мнѣ возвращаютъ остальные $1^1/_2$ доллара. Неудачное тріо разбрелось по залѣ, кто съ чѣмъ, вмѣсто моего золота. Хлыстъ съ улыбкою «широкой» неудачи и съ упрекомъ мнѣ, пенсъ-не съ ироніей солиднаго плута, а пальто съ желчью неловкаго мошенника, выпустившаго изъ рукъ вѣрную добычу. Нѣкоторые изъ пассажировъ сопровождали ихъ только улыбкою насмѣшки. Я спустился внизъ, въ залъ 1-го класса, измученный вознею съ ними. И это случилось днемъ на пароходѣ, въ присутствіи почти сотни пассажировъ. И никто изъ нихъ не двинулся помочь мнѣ,—они только безстрастно слѣдили за ходомъ совершающагося факта! Да впрочемъ они вѣдь и не знаютъ сущности дѣла,—а еслибъ и знали, то что имъ за дѣло вмѣшиваться въ него, когда я не обращался къ нимъ съ просьбою о помощи.

А посмотрите,—посмотрите-ка сюда! Вотъ эти самые три господина уже спустились въ нижнюю галлерею и бесѣдуютъ съ пассажирами, какъ ни въ чемъ не бывало. Одинъ, щелкая хлыстикомъ по воздуху и нагло задравъ свое пошлое лицо, вступилъ въ разговоръ съ капитаномъ парохода; другой — въ пенсъ-не — важно трактуетъ о Грантѣ съ двумя-тремя первоклассными пассажирами; и

только печальное пальто уныло высматриваетъ добычу, но ему не клюетъ...

Я кое-какъ по англійски разсказалъ мою исторію одному молодому джентльмену, который посовѣтывалъ мнѣ выдать ихъ санъ-францисской полиціи. и тѣмъ принести громадную пользу Калифорніи, гдѣ много развелось специалистовъ чеканки фальшивой монеты. Видно, что юнецъ проживалъ до сихъ поръ въ провинціи, и незнакомъ съ темными сторонами большихъ американскихъ городовъ! Я—незнакомый съ краемъ, съ плохимъ знаніемъ мѣстнаго языка, еле-еле ушедшій отъ ихъ рукъ днемъ, на пароходѣ,—какъ я задержу ихъ въ Санъ-Франциско, куда пароходъ придетъ въ 12 часовъ ночи, и гдѣ ихъ шныряетъ можетъ быть цѣлая банда въ ожиданіи пассажировъ? Вѣдь здѣсь подобные промышленники—народъ отчаянный. Не задумается, если не избить, то похуже что сдѣлать! Да кромѣ того нужны свидѣтели, улики, а иначе—они легко наберутъ ихъ, чтобъ обвинить меня въ томъ, въ чемъ они оправдаются передъ закономъ...

Но вотъ раздается звонокъ. Теперь пять часовъ, и всѣ желающіе обѣдать спустились въ общую столовую залу, гдѣ за 1 долларъ подается обѣдъ въ пять блюдъ, кофе, чай, мороженое и разные фрукты. Послѣ обѣда, утренніе мошенники опять слѣдили за мною, но изъ предосторожности я избѣгалъ уединенныхъ мѣстъ и надѣлъ револьверъ.

Было тепло и я вышелъ на галлерею полюбоваться скромными видами бурной и быстрой рѣки Сакраменто, усѣянной кое-гдѣ маленькими и, преимущественно, голыми островками, сплошь покрытыми многочисленными стаями дикихъ черныхъ гусей, утокъ и прочей дичи, залетающей сюда съ Тихаго океана. Берега ея то обрывисты и каменисты, то низменны,—въ камышѣ и осокѣ; мѣстами

виднѣется кукуруза, а кое-гдѣ чернѣютъ лѣса. Между ними большія пространства еще голы,—ждутъ плуга и рабочихъ рукъ. Теперь же жилья мало, и только изрѣдка попадаются колоніи, куда заходитъ пароходъ забрать пассажировъ.

Вечерѣетъ; стало чувствительно свѣжѣть; подулъ рѣзкій вѣтеръ, и я ушелъ въ каюту. Да вотъ опять звонокъ, а еще и 7 часовъ нѣтъ: это вечерній чай и кофе съ обильною закускою, за который нужно заплатить 50 центовъ. Замѣчу, что во всей Америкѣ къ чаю подается сахаръ не кусками, а сахарный песокъ: въ лучшихъ гостинницахъ бѣлый, а въ скромныхъ темно-бураго цвѣта.

А какой чудный видъ вечеромъ съ парохода на берегъ р. Сакраменто! Въ нѣсколькихъ мѣстахъ разложены громадные костры, отъ которыхъ стоитъ зарево, точно отъ большаго пожара. Это сигнальные огни, вмѣсто маяковъ, для идущихъ по рѣкѣ судовъ и пароходовъ. Темень, хоть глаза выколи; волны шумятъ, бьютъ въ бока и сильно качаютъ пароходъ;—сильный порывъ холоднаго вѣтра сорвалъ двѣ-три шляпы съ головъ неосторожныхъ пассажировъ и прогналъ насъ въ каюты.

А мошенниковъ все еще не покидаетъ надежда на мой счетъ. Слѣдомъ ходятъ они и заговариваютъ со мною въ уединенныхъ мѣстахъ,—я отмалчиваюсь съ насмѣшкой, увѣренный въ мѣткости моего револьвера. А какъ только подхожу къ группамъ пассажировъ, они расходятся въ стороны, съ безпечнымъ видомъ порядочныхъ джентльменовъ.... Нужно принять мѣры, чтобы по пріѣздѣ въ городъ снова не попасться имъ въ руки,—и я пошелъ высматривать багажнаго смотрителя, который, какъ оказалось, хорошо говоритъ понѣмецки. Передавши ему подробно свою исторію и опасенія, я пообѣщалъ хорошо отблагодарить его, если онъ, по пріѣздѣ въ городъ, про-

водитъ меня въ экипажѣ въ порядочную гостинницу, что онъ и обѣщалъ охотно исполнить.

Въ 10 часовъ вечера показались огни Санъ-Франциско. Нѣсколько факторовъ гостинницъ, ѣхавшихъ между пассажирами, наперерывъ одинъ передъ другимъ, предлагаютъ вамъ адресы, расхваливая дешевизну и удобства своихъ гостинницъ. Посовѣтывавшись съ багажнымъ кондукторомъ, я выбралъ одну изъ лучшихъ—нѣмецкую гостинницу: «Орлеанъ», а факторъ ея, тоже нѣмецъ, узнавши о приключеніи со мною, обѣщалъ уже по долгу службы своей проводить меня туда.

Здѣсь кстати будетъ ознакомить васъ съ этими факторами-кондукторами, которые справляются съ своимъ дѣломъ успѣшнѣе нашихъ факторовъ—евреевъ, въ западномъ краѣ. Каждый содержатель порядочной гостинницы держитъ свою карету или омнибусъ, а при нихъ кондуктора—фактора. Эти экипажи посылаются ко времени прибытія пассажировъ къ пристанямъ и вокзаламъ,—а кондуктора ихъ отправляются обыкновенно заблаговременно для встрѣчи пассажировъ за одну или двѣ станціи отъ города. На обратномъ пути, они стараются завербовать какъ можно побольше пассажировъ къ себѣ въ гостинницу,—переѣздъ въ нея безплатный. Если вы выбрали гостинницу, то чеки на ваши вещи смѣло вручайте фактору ея, — онъ въ цѣлости доставитъ ихъ на мѣсто. Но вы должны взять отъ него какъ бы росписку,—карточку гостинницы, гдѣ онъ отмѣчаетъ нумера вашихъ чековъ. Для большей вѣрности и багажный смотритель отмѣчаетъ у себя въ книжкѣ названіе гостинницы, гдѣ вы думаете остановиться и NN чековъ, что̀ совершенно обезпечиваетъ васъ отъ пропажи вещей во время суматохи прибытія парохода въ городъ. Нѣкоторые изъ этихъ факторовъ, для отличія отъ прочихъ

пассажировъ, носятъ на рукѣ или шляпѣ офиціальный знакъ—мѣдную нумерованную бляху.

Обдѣлавъ дѣла, я усѣлся въ креслѣ и крѣпко вздремнулъ. Нѣсколько мгновеній сладкаго сна — и новый оберегатель мой разбудилъ меня: мы пріѣхали въ Санъ-Франциско.

Темень страшная, давка пассажировъ еще страшнѣй. Двое плутовъ уже давно скрылись у меня изъ виду, но наглый хлыстъ все еще вертѣлся тутъ. Я указалъ на него фактору,—онъ замѣтилъ это и исчезъ въ толпѣ на берегу, гдѣ не мало полисменовъ. На пристани стоитъ страшный стонъ: факторы выкрикиваютъ свои гостинницы и шумно зазываютъ пассажировъ; лошади ржутъ; экипажей множество;—въ толпѣ пассажировъ гулъ и гамъ...

Наконецъ то, усѣвшись въ кэбъ, я вздохнулъ свободно — отъ благополучнаго окончанія сего-дня, и радостно — отъ близкаго отдыха на мягкой, чистой постели, послѣ семидневнаго пути, что сильно утомило и изгрязнило меня.

Въ кэбъ влѣзъ еще пассажиръ, длинный и худощавый янки, отъ котораго разило виски, а изъ кармана выглядывала бутылка сей возлюбленной влаги.

— Брр.. холодно!—заговорилъ онъ, досталъ бутылку и предложилъ мнѣ погрѣться виски. Я отказался; онъ суетъ ее мнѣ чуть не подъ-носъ, увѣряя, что эта виски — чудеснѣйшая, въ подтвержденіе чего глотнулъ изъ бутылки разъ-другой. Кэбъ, за отсутствіемъ фактора, все еще не двигался, а сосѣдство этого янки мнѣ не нравилось. Я молчалъ и бѣсился отъ нетерпѣнія. «Санъ Франциско хорошій городъ!» опять заговорилъ мой сосѣдъ, глотнувши изъ бутылки, послѣдовать чему предложилъ и мнѣ.

— Наконецъ то вы пришли! Поѣдемъ пожалуйста!— обрадовался я подошедшему фактору, и мы двинулись. Несмотря на поздній часъ, ярко-освѣщенные магазины были еще открыты; по улицамъ сновало не мало гуляющихъ. Мы свернули въ темную улицу: сосѣдъ, поглядывая на меня изподлобья, что то подозрительно засуетился у себя подъ широкимъ плащемъ; я взялся за револьверъ. Не имѣетъ ли онъ чего общаго съ тѣми негодяями—мелькнуло мнѣ въ головѣ и я сталъ слѣдить за нимъ. Мой револьверъ на виду; да и удобно ли дѣла обдѣлывать въ кэбѣ? Но и это, какъ я слышалъ, нерѣдко здѣсь бываетъ. Кэбъ повернулъ въ Почтовую улицу, и остановился у залитаго огнями «Орлеана». Еле-еле одолѣлъ я чашку чаю и заснулъ мертвецки.

— 17-го августа. (Воскресенье). Гдѣ живетъ русскій консулъ?—обратился я къ хозяину гостинницы, кругленькому, въ аккуратной бородкѣ нѣмцу. Онъ порылся въ календарѣ и сказалъ мнѣ адресъ конторы его, «но — прибавилъ онъ — сегодня воскресенье, а потому контора заперта;—если желаете—я провожу васъ къ нему на квартиру».—Я поблагодарилъ его за любезность и пошелъ къ себѣ за зонтикомъ.

— Зонтикъ не берите; къ чему онъ, когда солнце жжетъ?

— Отъ солнца-же я и ношу его; да къ тому же и дождикъ можетъ пойдти.

— О, нѣтъ! Оставьте вашъ зонтикъ: дожди здѣсь лѣтомъ рѣдки; ихъ время—зимой. А отъ солнца у насъ зонтиковъ не носятъ.

— Но я привыкъ къ этому,—да и удобнѣе опираться на что нибудь во время ходьбы.

— Я вамъ принесу трость. И хозяинъ пріятельски взялъ у меня зонтикъ, и черезъ минуту принесъ палку

съ сломаннымъ набалдашникомъ. Мы вышли. Улицы города, хоть и не бросаются въ глаза внѣшностью своихъ домовъ, но живы, веселы, какъ и всѣ, отъ мала до велика, американскіе города. Вотъ мы и у консула. Когда служанка, по случаю праздника походившая на приличную русскую барышню, доложила о насъ, немедля вышла жена консула и съ веселымъ, улыбающимся лицемъ спросила: «Кто тутъ русскій?» Я отрекомендовался. Я былъ такъ радъ послѣ долгаго времени увидѣть снова русскаго человѣка, услышать русское слово въ Америкѣ, что, въ избыткѣ этого невольнаго чувства, горячо пожимая ей руку, едва не бросился къ ней на шею.

Какъ хотите, а родина скажется на чужбинѣ,—привычка къ ней возьметъ свое!..

Ну, безъ сомнѣнія, пошли обоюдные распросы и разсказы. Она сообщила мнѣ, что только недавно вернулась изъ Россіи, и намѣрена въ этомъ году совсѣмъ перебраться туда; — что она, какъ кровная русская, скучаетъ по Россіи, хотя уже десятки лѣтъ живетъ съ мужемъ въ Америкѣ, которая не нравится ей, что здѣсь въ Санъ-Франциско и гадко, и скучно ей и пр. и пр... Не замедлилъ явиться и мужъ ея, немного прихрамывая, и жалуясь на простуду. Калифорнскій консулъ нашъ отставной морякъ. Здѣсь онъ не только офиціальное лицо, но и коммерческій человѣкъ, обладающій въ Санъ-Франциско большими землями, многими домами и русскою съ просѣдью бородой, хотя по происхожденію онъ чистокровный шведъ изъ Финляндіи. Поздоровавшись со мною, онъ прежде всего началъ поругивать порядки въ Америкѣ, и въ особенности въ Калифорніи; а когда я разсказалъ ему о вчерашней исторіи на пароходѣ, не было границъ его желчи на американцевъ. «Я теперь посвящаю все свое время, какъ офиціальное

лицо, интересамъ правительства и живущимъ здѣсь русскимъ подданнымъ; я постарѣлъ отъ заботъ о нихъ!» жаловался онъ,—«а жалованья никакого не получаю! Если только съ слѣдующаго года—я уже писалъ объ этомъ въ Петербургъ—мнѣ не будутъ выдавать жалованья, — приведу свои дѣла въ порядокъ, продамъ все и уѣду въ Россію! Здѣсь жить намъ, русскимъ, нельзя. Мы, русскіе—натура добрая, мягкая, деликатная! Гдѣ намъ справиться съ этими американцами — грубыми и отъявленными разбойниками? да и жить дорого здѣсь одинокому человѣку. Нужно, не меньше 100 долларовъ, чтобъ кое-какъ прожить мѣсяцъ! А гдѣ возьмете вы денегъ? Гдѣ? Я спрашиваю васъ?» почти горячился консулъ.—Я не зналъ, гдѣ взять денегъ и молчалъ, — хозяинъ «Орлеана», скромно усѣвшись въ уголку, удивленно поглядывалъ на разгоряченнаго консула, и тоже молчалъ, не понимая въ чемъ дѣло. «Здѣсь, продолжалъ онъ, весь въ поту, болѣе тридцати пяти лѣтъ не живутъ: жизнь сгораетъ!»

— Отчего-же она сгораетъ? спросилъ я его.

— Я вамъ говорю—жизнь сгораетъ! шумѣлъ хозяинъ, указывая на свой, еще довольно гладкій, лобъ. Помилуйте! Съ утра до ночи здѣсь работаемъ! Голова цѣлый день въ работѣ. Нужно-же семейство содержать! Ну, и... и... въ 35 лѣтъ старѣешься!.. Ну, и... и... умираютъ! закончилъ онъ тихо, и какъ-бы удивляясь самъ себѣ:—«ну, махнулъ же я кажется — черезъ край!» Я впился глазами въ добродушное лице консула, отыскивая слѣды жгучей дѣятельности, такъ жадно пожирающей годы его жизни, но ихъ не оказалось: не смотря на шестой десятокъ лѣтъ, онъ былъ настолько бодръ и свѣжъ, что пожалуй вытянетъ еще лѣтъ тридцать.

— Здѣсь кому хорошо жить? началъ онъ снова сыпать

словами, какъ бы отъ желанія высказать мнѣ все безъ остатка, что у него накопилось и накипѣло. — Кому? спрашиваю васъ. А вотъ кому: у кого есть сила рукъ, физическая сила, рабочему! Тотъ сидитъ себѣ въ минахъ, въ рудникахъ, хоть хозяинъ и теряетъ, а онъ — беретъ свои пять долларовъ въ день! Или же идетъ работать въ городъ — тоже зарабатываетъ 5 долларовъ и накопляетъ въ нѣсколько лѣтъ большія деньги! Ну и капиталисту здѣсь хорошо! съ деньгами дѣлъ много! А не хочетъ дѣлать деньги, отдаетъ ихъ въ банкъ, — а нашъ Калифорнскій банкъ платитъ, какъ ни одинъ банкъ въ мірѣ, - 11 и 12 процентовъ въ годъ! Вотъ, ка-акъ-съ! Онъ имѣетъ сношенія со всѣмъ міромъ. А для головы здѣсь нѣтъ работы—просто умирай съ голоду!

— И въ Европѣ,—замѣтилъ я—живутъ преимущественно физическимъ трудомъ, хоть и не такъ справедливо какъ здѣсь вознаграждаемымъ. Впрочемъ, я не понимаю о какой умственной работѣ вы говорите?

— А клерки? а приказчики?

— Ну, здѣсь-то небольшое участіе головы! Я полагалъ, что вы говорите объ ученыхъ, о литераторахъ! Дѣйствительно этимъ послѣднимъ нечего дѣлать у васъ въ Калифорніи, гдѣ цѣнится только физическая сила, капиталъ и ремесло!

Вошла старшая дочь консула, вдова бывшаго секретаря эксъ-американской компаніи, г-жа К. Съ ея приходомъ, разговоръ свернулся на Калифорнскіе страхи.— Да! воодушевлялся снова добрякъ консулъ, вы еще легко отдѣлались отъ вчерашнихъ мошенниковъ; ихъ здѣсь цѣлыя шайки! Не тѣмъ могло бы еще кончится! Посмотрите ка, что здѣсь въ Санъ-Франциско дѣлается! А все отъ того, что настоящее правительство, здѣшнія власти... Онъ махнулъ рукою. — Правды здѣсь теперь не

ищите; деньги все дѣлаютъ! Гдѣ американская свобода, когда народъ, судьи и присяжные въ рукахъ ловкихъ адвокатовъ? Они, какъ хотятъ, такъ и повернутъ дѣло, и правда страдаетъ! А какая-же свобода безъ правосудія? Я васъ спрашиваю: можетъ ли быть одно безъ другого?

— Нѣтъ-съ! Разбои, грабежи, своеволіе—это вы часто встрѣтите здѣсь,—ночи, вечера не пройдетъ, чтобы того-то не избили, того не убили, а такого-то не ограбили. Хорошо еще, что вы попали въ хорошую гостинницу—я знаю вотъ его,—указалъ консулъ на хозяина,—онъ—человѣкъ честный. А попадись вы въ другую, какую-нибудь дрянную гостинницу! Вы задремали,—вамъ поднесутъ хлороформу подъ носъ,—вотъ вы и въ безчувственномъ состояніи; а тамъ обобрали, да избили васъ до полусмерти. И не то, чтобъ концы въ воду спрятать, а и совсѣмъ убьютъ. Самъ бы хозяинъ гостинницы это сдѣлалъ, и никто не зналъ бы о васъ, какъ о вновь пріѣзжемъ. А то, вотъ еще что̀ случается: иностранца, не знающаго, а иногда и знающаго англійскій языкъ, затащутъ негодяи кутить съ собою, мертвецки напоятъ, да и продадутъ его на судно, которое назавтра выходитъ въ Океанъ, гдѣ оно плаваетъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Ну и ищите тамъ суда!

— Все населеніе взволновано здѣшней продажностью, воровствомъ и другими злоупотребленіями. Вотъ въ среду у насъ будутъ выборы. Народъ изберетъ новое правленіе,—можетъ лучше будетъ.

— Какой-же партіи настоящее правительство?

— Республиканцы, республиканцы! какъ бы съ досадою произнесъ консулъ и задумчиво продолжалъ:—Да-съ,—попадись вы въ иную гостинницу, не здѣсь бы можетъ быть сидѣли, а плавали бы на какомъ нибудь суднѣ въ

Великомъ Океанѣ.—Видно было, что воображеніе у него сильно работаетъ подъ вліяніемъ здѣшнихъ событій.

Мнѣ хотѣлось знать его мнѣніе о Мексикѣ, и я сообщилъ ему, что хочу и тамъ побывать.

— Боже васъ избави ѣхать въ Мексику! испуганно возопилъ почтенный старикъ. Да тамъ на каждомъ шагу убійства! Всѣ мексиканцы — одна шайка отчаянныхъ разбойниковъ. Если онъ увидитъ въ вашемъ кошелькѣ хоть одинъ долларъ—изъ-за угла застрѣлитъ васъ, или ткнетъ кинжаломъ! — Я усумнился въ этомъ звѣроподобіи мексиканцевъ, но консулъ настаивалъ, что это такъ, и обозвалъ, какъ ихъ, такъ и калифорнцевъ—мазуриками.

— Безъ сомнѣнія, вамъ лучше знать и тѣхъ и другихъ, замѣтилъ я, — но грубыми мексиканцевъ нельзя назвать. Я такъ много читалъ о ихъ гостепріимствѣ, изысканной, рыцарской вѣжливости между собою и съ иностранцами.

— Дѣйствительно, онъ наговоритъ вамъ кучу комплиментовъ. Но если имѣетъ какой предлогъ, то при первомъ удобномъ случаѣ въ то же время воткнетъ вамъ кинжалъ въ бокъ.

Разговоръ перешелъ на усиливающееся въ послѣднее время переселеніе южныхъ китайцевъ въ Калифорнію. Нынѣшнее правительство, какъ извѣстно, покровительствуетъ этому переселенію и это составляетъ новую причину вражды демократовъ къ господствующей въ настоящее время республиканской партіи. Калифорнія по преимуществу принадлежитъ къ демократической партіи и нашъ консулъ усвоилъ, повидимому, мѣстный взглядъ на китайскихъ переселенцевъ.

— Да, говорилъ онъ ужь остывши, съ соединеніемъ двухъ Океановъ желѣзною дорогою, съ покупкою американцами нашихъ американскихъ владѣній, сношенія

между Азіею и Америкою быстро развиваются. Открыто уже правильное пароходное сообщеніе между Санъ-Франциском и Японіею, и что мѣсяцъ, то далѣе и сѣвернѣе идетъ это сообщеніе. А когда будетъ конченъ желѣзный путь въ «Хакадити», то отсюда, въ ста пятидесяти верстахъ, ужь и устья рѣки Амура. Значитъ скоро, скоро придетъ время, когда Сибирь оживится связью съ Америкою.

— Эти вѣсти кстати и мнѣ; у меня не хватитъ денегъ окончить путешествіе по предварительно составленной мною программѣ, а потому я рѣшилъ вернуться въ Россію или по крайней мѣрѣ въ Сибирь кратчайшимъ путемъ, черезъ Китай и Японію.

Консулъ поинтересовался узнать о состояніи моихъ финансовъ, и узнавъ скромную цифру ихъ, вѣрно ужъ по праву опытной и осторожной старости, горячо набросился на мою опрометчивость.

— Помилуйте! Да вы на эти деньги, при самой экономической ѣздѣ, не доѣдете въ Россію самымъ кратчайшимъ путемъ, то есть опять черезъ Нью-Іоркъ въ Петербургъ, а не то что черезъ Китай и Сибирь! Эхъ, молодость, молодость! Что-жъ вы намѣрены дѣлать теперь, а? Навигація съ Сибирью, по случаю приближающихся льдовъ, уже прекращена; значитъ на суднѣ за дешевыя деньги доѣхать туда нельзя. А путь черезъ Японію и Китай—мало-мало будетъ стоитъ вамъ 1000 руб! И консулъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Вотъ что! обратился онъ ко мнѣ: Останьтесь вы здѣсь на недѣльку, осмотрите городъ, а тамъ поѣзжайте обратно черезъ Нью-Іоркъ въ Петербургъ: короче и дешевле этого пути нѣтъ. Если же не хватитъ у васъ денегъ, я дамъ вамъ письмо въ генеральное консульство въ Нью-Іоркѣ, на содержаніе котораго правительство отпускаетъ

ежегодно тысячъ тридцать, а въ томъ числѣ есть сумма и на случай безвыходнаго положенія русскихъ путешественниковъ. Приходите завтра въ контору; письмо будетъ приготовлено.

Вошла лэди—служанка, вызвала хозяйку, и та, возвратившись въ комнату, шепнула что-то на ухо мужу.

— Ну, что? Вы останетесь съ нами пообѣдать, а этого господина, - указалъ онъ головой на хозяина гостинницы, все время терпѣливо промолчавшаго въ углу,—мы отпустимъ домой. - И обернувшись къ нему онъ заговорилъ понѣмецки, записалъ адресъ гостинницы, просилъ быть внимательнымъ ко мнѣ и простился съ нимъ.

— Да, — возобновилъ рѣчь консулъ, по уходѣ хозяина гостинницы,—Санъ-Франциско со дня на день ширится все больше и больше, разростается не по днямъ, а по часамъ, и имѣетъ не меньше Нью-Іорка правъ на учрежденіе здѣсь генеральнаго консульства. Что день прибываютъ сюда славяне, между которыми не мало русскихъ подданныхъ, хоть частью и бѣглыхъ, но все таки мой долгъ озаботиться о нихъ, устроить ихъ, найти работу, помочь имъ. И такъ съ утра до ночи я въ хлопотахъ! Вотъ мы мало по малу устроили свое общество; нужно было устроить и церковь, священника выхлопотать сюда. Устраиваемся понемножку. Въ обществѣ уже до полутораста членовъ, и каждый вноситъ въ общую кассу по доллару въ мѣсяцъ, такъ что у насъ въ банкѣ лежитъ уже до двухъ тысячъ долларовъ. Ну, конечно еще не все устроено,—недавно вѣдь принялись за дѣло; но ничего—идетъ.

— Вотъ правительство устраиваетъ здѣсь епископскую каѳедру православныхъ церквей въ Америкѣ. Какъ только пріѣдетъ сюда на епископство бывшій протоіерей въ Лондонѣ, отецъ Евгеній Поповъ, дѣла наши пойдутъ

успѣшнѣе. Теперь мы устроили маленькую домовую церковь, а тогда примемся за сооруженіе богатаго храма: деньги вышлютъ изъ Россіи.

— И это будетъ первый православный храмъ въ Америкѣ? спросилъ я.

— Нѣтъ; я слышалъ что-то о греческой церкви, устроенной купцами въ 1867 году въ Новомъ Орлеанѣ. Но кромѣ ея нѣтъ больше въ цѣлой Америкѣ: вѣдь православныхъ здѣсь мало.

Насъ позвали обѣдать и мы спустились въ столовую, устроенную въ подвальномъ этажѣ, гдѣ уже сидѣли взрослые члены семейства, между тѣмъ какъ дѣти обѣдали особо, въ другой комнатѣ.

Во время обѣда, бесѣда шла особыми группами: я— съ консуломъ, хорошенькая его младшая дочь—чистый типъ американки,—съ своимъ женихомъ, американскимъ инженеромъ, а жена консула—съ своей старшей дочерью, г-жей К.

Давно я не ѣдалъ такого вкуснаго, порусски приготовленнаго супа,—а потому ѣлъ его и похваливалъ.

— Да и мы это блюдо ѣдимъ только по воскресеньямъ. А все американскіе порядки! зашумѣлъ консулъ, въ которомъ повидимому все подымало желчь противъ Америки и ея обычаевъ.

— Что такъ?—поинтересовался я.

—Да гдѣ-жь вы найдете здѣсь служанку, которая стала бы ежедневно возиться надъ такими сложными блюдами, какъ супъ? Я васъ спрашиваю: гдѣ? При наймѣ этой лэди— вѣдь онѣ здѣсь всѣ лэди—жена моя еле-еле выговорила себѣ въ условіи право хоть на одинъ воскресный супъ. А между тѣмъ она имѣетъ отдѣльную, хорошо меблированную комнату; да дай ей коверъ, да двѣ смѣны въ недѣлю постельнаго бѣлья, да въ извѣстные часы дня

полный отдыхъ, а при этомъ плати 25 или 30 долларовъ въ мѣсяцъ жалованья! Вѣдь это—на 100 русскихъ рублей въ мѣсяцъ наберется!

Въ то время, какъ консулъ горячился, молодая парочка влюбленныхъ, близко наклонившись другъ къ другу, забывъ и объ обѣдѣ и о присутствіи другихъ, тихо бесѣдовала между собою. У хорошенькой невѣсты глаза искрились, а молодой янки былъ красный, какъ вареный ракъ. Я увѣренъ, что въ этихъ отношеніяхъ царствуетъ полная любовь съ легкимъ разсчетомъ: и та и этотъ богаты.

Хозяйка и г-жа К. преимущественно заняты были вкусными соусами, и несравненнымъ компотомъ изъ персиковъ.

— А Любочка и сегодня не выходитъ изъ комнаты? спросила К. у матери.

— Еще прихрамываетъ, отвѣтила та,—и обратившись ко мнѣ прибавила съ свѣтлою улыбкою:—это моя вторая дочь. Недавно мы устраивали пикникъ съ танцами, она такъ этому обрадовалась, пустилась стрѣлой съ лѣстницы, неловко упала и повредила себѣ ногу; теперь лежитъ въ постели.

Консулъ между тѣмъ свернулъ разговоръ на русскихъ путешественниковъ въ Америкѣ, и разсказалъ нѣсколько случаевъ, какъ они по незнанію языка и страны часто подвергаются грабежамъ, безденежью и другимъ случайностямъ, ставящимъ ихъ въ безвыходное, бѣдственное положеніе, пока не придетъ помощь изъ Россіи.—Я писалъ въ Петербургъ—шумѣлъ онъ, теребя свою бороду,—отчего тамъ стѣсняются пускать русскихъ въ Америку? Пусть пускаютъ ихъ побольше, и я увѣренъ, что они, насмотрѣвшись здѣсь разбойничьихъ порядковъ,

возвратятся въ Россію лучшими патріотами. Они убѣдятся, что въ Россіи лучше, чѣмъ въ Америкѣ!

Я возразилъ ему, что препятствій къ заграничному отпуску въ Россіи теперь нѣтъ, стоитъ только уплатить за это право 5 р.; но что пользу путешествій—согласно его мнѣнію—никто оспаривать не будетъ, что русскій, насмотрѣвшись американскихъ порядковъ, вернется въ Россію—дѣйствительно лучшимъ патріотомъ, чѣмъ былъ прежде.

Какъ видите, мы совершенно сходились съ консуломъ во взглядахъ! А консулъ человѣкъ солидный, съ почтеннымъ капиталомъ и пудовымъ вѣсомъ въ обществѣ; это льстило мнѣ—какъ обладателю только тридцати англійскихъ фунтовъ, слѣдовательно—несолидному и маловѣсному члену общества...

Разговоръ перешелъ затѣмъ на бывшія наши американскія владѣнія.

— Жиды-то—преемники нашей американской компаніи въ Аляскѣ, сообщала мнѣ хозяйка, Гутчинсонъ и пр. заработали уже отъ продажи пушнаго товара до трехъ милліоновъ долларовъ чистаго барыша! И это въ такой короткій срокъ!

— Что такое Аляска?—заинтересовался я.

— Аляской американцы называютъ всѣ бывшія наши американскія владѣнія, проданныя имъ за 7,200,000 долларовъ,—объяснила мнѣ она.

— Я писалъ! Вѣдь я писалъ, закипѣлъ снова добродушный хозяинъ мой, я писалъ, что продавать такихъ богатствъ, какъ наша Аляска, неслѣдъ, неслѣдъ потому, что тамъ теперь американцы напали на богатый слѣдъ каменнаго угля, драгоцѣнныхъ металловъ и камней *).

---

*) Съ 1855 г. компаніей Русско-Американскихъ владѣній начата

А все оттого, что не посовѣтовались съ опытными людьми, знающими эти края, какъ свои пять пальцевъ! Вѣдь я—батюшка вы мой,—съ 37-го года и до сѣдыхъ волосъ рѣзалъ однѣ только воды Тихаго океана! Каждый уголокъ берега, острова мнѣ знакомъ также, какъ этотъ бездѣльникъ, бѣглый монахъ Гончаренко!

— Ну, пошелъ, замѣтила жена его.

— А что это за Гончаренко? полюбопытствовалъ я.

— Это—личность темная, желчно прошипѣлъ консулъ, и много намъ пакоститъ. Себя онъ называетъ пресвитеромъ и...

— Теперь уже онъ бросилъ такъ называть себя, перебила его жена.

— Ну, да; теперь ужь онъ не величаетъ себя пресвитеромъ, потому что я скоро его въ судъ потащу за его площадную брань и ложь на меня! Да что съ него возьмешь? Вѣдь онъ кромѣ долговъ ничего не имѣетъ, и еслибъ не помощь американцевъ, такъ давно бы съ голоду умеръ! Впрочемъ я съ нимъ не хочу мараться: его брань я считаю ниже своего достоинства!

— Да кто онъ такой и что онъ тутъ дѣлаетъ? - заинтересовывался я тѣмъ болѣе, что Гончаренко этотъ, очевидно, былъ нѣчто въ родѣ bête noire для моего почтеннаго хозяина.

— Кто онъ такой? отвѣчалъ онъ. Ну, хорошо, слушайте, я познакомлю васъ съ его біографіей подробно: она мнѣ извѣстна. Ему теперь будетъ лѣтъ 27, а родомъ онъ изъ Кіевской губерніи; воспитывался въ Кіевѣ, въ духовномъ училищѣ на счетъ своихъ родителей; здѣсь-то онъ изучилъ восточные языки и въ 1857 году былъ опредѣленъ

разработка каменнаго угля въ Кенайскомъ заливѣ, но онъ дурнаго качества.

на службу, при нашемъ посольствѣ въ Греціи. Отсюда онъ посылалъ возмутительныя статьи въ Колоколъ, пропагандируя освобожденіе монастырскихъ крестьянъ, за что былъ въ 1860 г. арестованъ и на кораблѣ отправленъ въ Россію. Во время стоянки корабля въ Константинополѣ, онъ изловчился извѣстить о себѣ одного турецкаго генерала изъ Некрасовцевъ, своего родственника. Тотъ помогъ ему бѣжать въ Лондонъ, гдѣ онъ, кажется, былъ наборщикомъ въ типографіи у Герцена и тоже пописывалъ статьи. Изъ Англіи онъ снова переселился въ Грецію, былъ тамъ священникомъ, но не могъ ужиться и перебрался въ Америку, гдѣ три года занимался въ типографіи библейскаго общества.—Здѣсь я перебью свой разсказъ, по поводу недавней его выходки. Эта исторія впрочемъ будетъ идти къ его исторіи. Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго (1868) года мы освящали нашу маленькую домовую церковь, послѣ чего опубликовали въ газетѣ «Альта Калифорнія», что служба, нами совершенная—есть первая въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Что-жъ вы думаете онъ выкинулъ въ отвѣтъ намъ? Онъ пишетъ въ своей безграмотной и пасквильной газеткѣ «Свобода», которую никто здѣсь изъ русскихъ не читаетъ, что мы будто начинаемъ основаніе своей церкви обманомъ, что въ Нью-Орлеанѣ православная греческая церковь основана годомъ раньше нашей, и что.... слушайте, слушайте! (Я въ это время закуривалъ папироску, и почтенный консулъ увидѣлъ, кажется, въ этомъ актѣ недостатокъ вниманія къ своему интересному разсказу о бѣгломъ, что его нѣсколько обидѣло). Въ другой статьѣ—продолжалъ консулъ — онъ объявляетъ намъ, что когда во время пребыванія эскадры адмирала Лисовскаго въ Нью-Іоркѣ, священники грубо отказали епископу Потеру въ просьбѣ показать ему православное богослу-

женіе,—то онъ, этотъ разстрига, на приглашеніе Потера пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ, и 2 марта 1865 г. совершилъ торжественно литургію св. Златоуста, на англійскомъ языкѣ; послѣ чего американцы твердили во всѣхъ журналахъ, что нѣтъ святѣе религіи, какъ св. православная церковь. Вотъ эта то его служба, какъ онъ говоритъ, и есть первая православная литургія въ Америкѣ. Не знаю, правда-ли это, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ порядочный человѣкъ и хорошій сынъ православной церкви такъ не поступилъ бы, какъ онъ!

— Такъ вы остановились на томъ, что онъ работалъ въ библейскомъ обществѣ; дальше еще что съ нимъ было?

— А дальше, на заработанныя тамъ деньги пріѣхалъ онъ въ Санъ-Франциско въ 67 году, поставилъ здѣсь станокъ, издаетъ газету, которую разсылаетъ по Аляксѣ безплатно, такъ какъ охотниковъ платить 3 доллара въ годъ за нее здѣсь не находится.

— А много въ Санъ-Франциско русскихъ?

— Есть нѣсколько семействъ! Вотъ священникъ, я, молодой Б—ъ изъ Аляксы—очень порядочный, живетъ съ матерью и двумя сестрами, да еще найдется 3—4 семейства. Кромѣ того нѣсколько простыхъ рабочихъ.

— Но вы говорили, что въ составленномъ вами здѣсь обществѣ до 150 членовъ?

— Ну, да. Только не всѣ русскіе, большею частію греки и славяне. Поэтому то мы и назвали его: «Славянско-греческо-русско - православно - каѳолическое восточной церкви благотворительное общество». Оно не принимаетъ къ себѣ неправославныхъ и состоитъ подъ покровительствомъ нашего Императора.

— Но, вѣдь сами же вы кажется лютеранинъ, а помнится упоминали, что васъ избрали президентомъ его?

— Ну, для меня сдѣлали исключеніе, такъ какъ я много хлопоталъ о благоустройствѣ нашего общества.

— Зачѣмъ же вы такъ многословно отитуловали его, тогда можно было бы короче назвать,—просто: Русское или Славянское общество?

— Въ этомъ нами руководили важныя соображенія. Этотъ бѣглый монахъ, о которомъ я вамъ говорилъ, тоже состряпалъ 14 декабря 67 года,—какое то общество, въ память декабристовъ, и назвалъ его: «Русское и Панславянское общество», куда приглашаются безъ различія вѣроисповѣданія всякаго рода русскіе выходцы, даже жиды. Ну вотъ для рѣзкаго отличія мы и назвали наше общество такъ, а не иначе.

— И прочно устроено это противное вашему общество?

— Гдѣ тамъ! Повѣрьте мнѣ, что не пройдетъ года и оно лопнетъ; и теперь уже многіе члены его переходятъ къ намъ.

— Чтожъ за причина?

— Помилуйте! Развѣ можно сочувствовать журналу, который пишетъ противъ нашихъ властей, да проповѣдуетъ необходимость реформы въ нашемъ духовенствѣ и уничтоженіе въ религіи обрядностей. Всякій изъ насъ понимаетъ, что для этого еще часъ не пробилъ, а онъ—изъ кожи вонъ лѣзетъ! Поймите же, что вѣдь мы не американцы, которымъ все можно! Вотъ прочтите, какъ здѣсь въ газетахъ ругаютъ они Гранта—и пьяницею, и воромъ, а вѣдь сами же его избрали въ президенты, а это, вѣдь все равно, что въ Европѣ монархъ. Я вамъ говорю — продолжалъ горячиться консулъ — что мы не похожи на испорченныхъ своеволіемъ американцевъ. Мы имѣемъ законы, которые прочно охраняютъ порядокъ и безопасность каждаго гражданина. А здѣсь васъ

убьютъ, покажите только носъ на улицу ночью! И консулъ такъ грозно подступалъ ко мнѣ, размахивая руками, что я невольно попятился на спинку креселъ, подозрѣвая его въ посягательствѣ на мою жизнь, но жена его охладила:

— Ну полно, полно преувеличивать; вонъ матушка-попадья всегда по ночамъ отъ насъ выходитъ, а слава Богу, живетъ до сихъ поръ благополучно: не только ее не убили, но волоска съ головы не тронули!

— То матушка, а... заволновался было старикъ снова, но она перебила его слова:

— Ты лучше разскажи, какъ этотъ-то... отблагодарилъ тебя за благодѣянія.

— Бѣглый-то? Да! вотъ дѣлай добро людямъ! Видите ли: когда онъ пріѣхалъ сюда, мы его приняли, какъ друга, помогали ему всѣмъ, чѣмъ только могли. Я даже писалъ о немъ въ Петербургъ, чтобы даровали ему, какъ исправившемуся, амнистію, и позволили бы опять носить священническій санъ, но онъ въ благодарность такъ началъ честить насъ въ газетѣ, да производить раздоръ въ обществѣ, что мы теперь окончательно отъ него отказались. А его ложь и брань, повторяю, я ставлю ниже своего достоинства. Несмотря однако на это заявленное равнодушіе къ статьямъ Гончаренки, почтенный консулъ видимо раздражался говоря о немъ. Жена снова постаралась успокоить его.

— Да ты бы прошелся съ ними по городу, указала она на меня, кстати познакомилъ бы ихъ съ Карломъ Ивановичемъ. Вѣдь онъ кажется тоже уѣзжаетъ въ Петербургъ на этихъ дняхъ? Вотъ вмѣстѣ бы поѣхали!

— Да, да, да! Мысль хорошая! Карлъ Ивановичъ дѣйствительно ѣдетъ черезъ недѣлю; я васъ познакомлю и вы поѣдете вмѣстѣ, отвѣчалъ успокоясь консулъ. Я тоже

былъ доволенъ этимъ предложеніемъ и поспѣшилъ заявить, что въ качествѣ русскаго туриста, очень желалъ бы познакомиться со всѣми русскими—всѣхъ шерстей, живущими въ С.-Франциско, и лично видѣть житье-бытье ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ консула познакомить меня и съ русскою газетой, издающейся въ такой дали отъ Россіи. Онъ обѣщалъ показать мнѣ листки «Свободы» завтра въ конторѣ. Пока консулъ отыскивалъ свою шляпу и перчатки, жена его и M-me К. занялись просмотромъ послѣдняго номера «Альта Калифорнія», газетой наиболѣе распространенной въ С.-Франциско, и столь дешевой, что каждый негръ и извощикъ выписываютъ ее.

Выйдя вмѣстѣ съ консуломъ, мы сѣли въ омнибусъ желѣзно-конныхъ дорогъ, которыя здѣсь окончательно уже вытѣснили извощичьи экипажи. Консулъ заплатилъ кондуктору 25 центовъ или, какъ здѣсь въ Калифорніи называютъ эту монету, одинъ битъ, за что получилъ картонную маленькую карточку, раздѣленную на 4 пронумерованныхъ билетика. Два изъ нихъ кондукторъ немедленно отрѣзалъ и бросилъ. Остальные консулъ спряталъ. Выдумка этихъ билетиковъ, объяснилъ мнѣ мой спутникъ, обогащаетъ владѣтеля омнибусовъ, и вотъ почему: какъ вы заплатите 6¼ центовъ за омнибусъ, когда здѣсь не только не чеканятъ ¼ цента, но не встрѣтите монеты въ одинъ центъ? А потому вы покупаете вотъ такой билетикъ, дающій вамъ право проѣхаться въ омнибусѣ 4 раза; а имѣя ихъ въ карманѣ, вмѣсто того, чтобы пройтись пѣшкомъ, васъ тянетъ сѣсть въ омнибусъ,—которые оттого постоянно и набиты биткомъ, что̀ приноситъ громадные барыши хозяину ихъ.

Мы слѣзли на углу грязненькой улицы и постучались въ дверь покосившагося одноэтажнаго домика. Коренастый мущина съ жиденькими волосами, въ сапогахъ,

носившихъ слѣды долгой службы, впустилъ насъ въ маленькую комнату съ подозрительною атмосферою и клеенчатымъ въ прорѣхахъ диваномъ. Это былъ Карлъ Ивановичъ, служившій прикащикомъ въ провіантскомъ магазинѣ покойной сѣверо-американской компаніи. Мы познакомились. Карлъ Ивановичъ оказался человѣкомъ весьма деликатнымъ въ обращеніи и очень признательнымъ къ дорогой ему повидимому покойницѣ компаніи, бывшей его кормилицѣ. Онъ говоритъ о компаніи такъ толково и сладко, а иногда жалобно, что, слушая его о счастливыхъ дняхъ компанейской службы, вчужѣ невольно слеза прошибаетъ васъ. Карла Ивановича всѣ любятъ, всѣ уважаютъ, онъ ни съ кѣмъ не споритъ и человѣкъ честныхъ правилъ, да при томъ же и солидный. Въ Калифорнскомъ банкѣ лежитъ у него 25 тысячъ руб. сер., пріобрѣтенныя крайнею бережливостью, въ теченіе пятилѣтней службы, изъ жалованья своего въ 300 рублей въ годъ. Карлъ Ивановичъ, хотя и мечталъ о жизни въ Петербургѣ съ какою нибудь Амальхенъ, о своемъ какомъ нибудь магазинчикѣ, и о томъ уваженіи, съ какимъ будутъ на него смотрѣть члены нѣмецкаго клуба, но... поѣздку принужденъ былъ отложить на неопредѣленное время, по обстоятельствамъ нѣсколько непредвидѣннымъ. Карлъ Ивановичъ нанимаетъ комнатку въ квартирѣ молодаго человѣка, также русскаго Б—а, пріятно поразившаго жителей С. Франциско открытіемъ маленькой папиросной фабрики. У этого молодаго человѣка есть мать и двѣ сестры. Вотъ одна то изъ нихъ и послужила милому Карлу Ивановичу непредвидѣннымъ препятствіемъ къ поѣздкѣ въ Петербургъ.

Карлъ Ивановичъ говоритъ, хотя не совсѣмъ чисто, порусски, и не совсѣмъ бойко, зато какъ истый нѣмецъ не преминулъ угостить насъ пивомъ. Старикъ консулъ

пожаловался ему на нездоровье, обругалъ при сей вѣрной оказіи еще разъ бѣглаго, на что Карлъ Ивановичъ, скромно опустивъ глаза, едва слышно проговорилъ: «О! та, та, та!» Консулъ простился съ нами. Оставшись со мною наединѣ, Карлъ Ивановичъ больше краспорѣчиво молчалъ, подозрительно косясь то на меня, то на свои уютные сундуки, набитые скромными шкурками бобровъ. Не принимаетъ ли онъ меня за ревизора? Я уже собирался уйти, потерявъ надежду услышать что нибудь интересное, когда въ комнату вошелъ хозяинъ квартиры, гдѣ жилъ Карлъ Ивановичъ, и русскій папиросный фабрикантъ Ботельманъ, переселившійся недавно съ Ситхи, гдѣ также, какъ и прочая братья, грѣлся у гостепріимнаго очага компаніи. Наружность новаго собесѣдника не обѣщала большаго оживленія нашей бесѣды съ К. И. и дѣйствительно я не обманулся.

— Вы давно-съ пріѣхали? спросилъ онъ меня.

— Только что.

Затѣмъ мы всѣ трое принялись усердно молчать. Карлъ Ивановичъ скромно сапѣлъ, съ чуть слышнымъ присвистомъ... Нешумная бесѣда наша прервана была послышившимся изъ другой комнаты шорохомъ женскихъ юбокъ, и къ намъ вошла Б., мать папироснаго фабриканта съ двумя взрослыми, смазливенькими дочерьми; мать не замедлила пожаловаться на нестерпимую зубную боль,— дочки съ любопытствомъ оглядывали меня и молчали.

— Вамъ хотѣлось бы снова вернуться въ Россію? спросилъ я дѣвицъ, чтобы сказать что нибудь.

— Онѣ и не видали ее никогда—отозвался за нихъ братъ,—мы всѣ родились на Алеутскихъ островахъ, гдѣ папаша нашъ служилъ; а вотъ маменька изъ Москвы.

Дочки продолжали безмолвствовать, маменька, съ подвязанною щекою, охала, Карлъ Ивановичъ вслушивался

въ носовую свою гармонію, а Б. ковырялъ въ носу; я чувствовалъ приступы скуки... и попросилъ Карла Ивановича проводить меня къ священнику.

Уже вечерѣло; вездѣ зажигали газъ; по грязной улицѣ, куда свернули мы, шныряютъ взадъ и впередъ китайцы съ длиннѣйшими косами, въ которыхъ, какъ и въ косахъ нашихъ дамъ, гораздо болѣе фальши, чѣмъ истины. Китайцы, въ оправданіе этого подлога, имѣютъ хоть поводъ: коса нужна имъ, чтобы по смерти удобнѣе было перетаскивать ихъ на небо. По этой причинѣ, несуществующей, сколько извѣстно, для дамъ, китайцы искусно вплетаютъ въ свои коротенькія косички длинные шелковые снурки, а вѣроятно для того, чтобы кто изъ служащихъ по этой части небожителей по ошибкѣ не захватилъ ихъ за усы, они, вопреки нашимъ чайнымъ вывѣскамъ, ихъ сбриваютъ. По крайней мѣрѣ, изъ тысячи видѣнныхъ мною кули, переселившихся сюда изъ Южнаго Китая, я ни у одного не замѣтилъ усовъ, что̀ нѣсколько удивило меня, такъ какъ на нашихъ картинахъ китайцы всегда являются украшенные длинными усами. (Впрочемъ, я пишу здѣсь не о китайцахъ въ Китаѣ, а о южныхъ кули въ Калифорніи). Изрѣдка утиною походкой на лодочкахъ своихъ протащится толстенькая и коротенькая китаянка, ни съчѣмъ не сравнимою прической. Это—китайскій кварталъ, съ ихъ мастерскими національныхъ башмаковъ, и лавочками съ запахомъ душной клѣти русскихъ свиней. (Къ слову замѣчу тутъ, что американскія свиньи содержатся весьма чисто, въ открытыхъ загонахъ).

Священника мы не застали дома: насъ встрѣтила жена его, здоровая русская женщина среднихъ лѣтъ. Священникъ, о. Николай Ковригинъ переѣхалъ сюда тоже съ Ситхи, а потому Карлу Ивановичу и Б. было предъ

кѣмъ посѣтовать о потерянномъ раѣ на Тихомъ океанѣ, гдѣ жилось многимъ очень сладко насчетъ благодушной компаніи, горькаго труда рабочихъ, и тупости полудикихъ алеутъ и прочихъ туземцевъ.

— Да, славно жилось намъ на Ситхѣ!—тихо проговорила матушка, когда зашла объ этомъ рѣчь.

— Такъ жить больше ужъ не придется,—гармонировалъ ей Б. Карлъ Ивановичъ тяжко вздохнулъ, пробурчавъ: «ой, та, та, та!»

— А какъ у васъ то было хорошо! обратилась попадья къ нему,—мужъ то часто вспоминаетъ. Бывало, говоритъ, идешь мимо квартиры К. И., заглянешь въ окно, а на столѣ уже готова закусочка; ну зайдешь, закусишь балычкомъ, да и за пулечку. Вечеромъ ли взгрустнется, опять къ Карлу Ивановичу: чай-то былъ у васъ хорошъ! Или, говоритъ, захочется свѣжей икорки. На всемъ острову не найдешь, а у Карла Ивановича отыщется! Да и губернаторъ то (т. е. главноуправляющій) къ вамъ благоволилъ какъ!

К. И. эти воспоминанія совершенно сокрушили. Онъ началъ плакаться на то, что и доктора здѣсь дороги, и сливокъ здѣсь не найдешь хорошихъ, такъ что все ему опостылѣло... даже охоту потерялъ по утрамъ варить себѣ кофе на машинкѣ,—хоть въ гробъ ложись!

— Но все таки здѣшній край богаче бывшихъ нашихъ американскихъ владѣній. Здѣсь по крайней мѣрѣ все достанете за деньги,—ввернулъ я слово.

— Конечно! вступилась матушка за него, Калифорнія не бѣдна, хоть и не такъ богата, какъ думаютъ многіе въ Европѣ и въ Россіи. Жена консула кстати разсказывала мнѣ, какъ пріѣхалъ къ нимъ сюда одинъ русскій изъ Россіи, да въ попыхахъ съ дороги прямо и сталъ распрашивать, гдѣ бы ему золота поискать. А она ему

говоритъ: «ищите и найдете». Да вы то гдѣ берете? пристаетъ онъ къ ней. «Мы то?» отвѣчаетъ она ему.— «Если намъ понадобятся на базаръ деньги, возьмешь лопатку, пойдешь въ огородъ и — накопаешь золота сколько нужно, вотъ и деньги у насъ!» Такъ видите, какъ богатъ С.-Франциско! А все таки намъ нѣтъ теперь того житья, какъ было на Ситхѣ!

— И всѣмъ такъ хорошо жилось тамъ? поинтересовался я.

— Всѣмъ.... И какъ примѣръ того, какъ легко наживались тамъ деньги, разсказала мнѣ про одну барыню, которая незадолго до меня повезла съ собою въ Россію нѣсколько десятковъ тысченокъ.

— Чѣмъ же она заработала ихъ?

— Умная женщина, вотъ и заработала! Чѣмъ? Разумѣется водкою!

— Что-жь, она погребъ держала?

— Нѣтъ, какъ же можно, чтобъ благородная дама погребъ держала? Протоіерева—не целовальнику чета, чтобъ такимъ манеромъ заниматься....

— Вы же говорите, что она водкою заработала такія большія деньги,—значитъ, торговала ею.

Изъ дальнѣйшаго объясненія оказалось, что благородная дама нажила состояніе тайною продажею водки, продавала ее, какъ выразился одинъ изъ собесѣдниковъ, благороднымъ манеромъ, не сама, а черезъ руки служанки, и не мелочью, а бутылками. Дѣло въ томъ, что во владѣніяхъ бывшей нашей сѣверо-американской компаніи никто кромѣ ея не имѣлъ права продавать водку. Управленіе имѣло свои склады, откуда отпускалась рабочимъ водка—за наличныя марки *)—по порціямъ. А для этого

*) Сѣверо-Американская Россійская компанія ввела въ употреб-

рабочіе дѣлились на 3 категоріи: самые усердные и тихіе рабочіе числились въ 1-й категоріи, и имѣли право выпивать въ день по одному стакану водки; второй категоріи выдавалось по полу стакану; а самая буйная, непокорная категорія выпивала только по рюмочкѣ. Ну вотъ они и лѣзли пить тайную водку, не жалѣя платить по 25 руб. за бутылку. Благородная же дама, чрезъ агентовъ компаніи, могла пріобрѣтать водку по рублю за бутылку. При этомъ изъ предосторожности, чтобъ не сильно било въ голову, ее разбавляли еще немного водицею. Вотъ и сколотила капиталъ себѣ.

Раздѣленіе рабочихъ на категоріи, въ видахъ поощреній хорошихъ рабочихъ водкою, принадлежитъ изобрѣтательности послѣдняго колоніальнаго губернатора нашего, князя Максютова.

— Ну, вотъ видите, значитъ не всѣмъ тамъ жилось хорошо!

— А все лучше, чѣмъ здѣсь. Тамъ по крайней мѣрѣ люди не пропадали, какъ здѣсь, и въ подтвержденіе этого г. Б. разсказалъ мнѣ слѣдующій фактъ, который считаю достовѣрнымъ, потому что никто изъ слушателей неоспорилъ его.

— Жилъ здѣсь русскій изъ Аляски, нѣкто Соломатовъ. Не такъ давно завели его гуляки вечеромъ въ погребъ, опоили, и на другой день онъ просыпается матросомъ на китайскомъ суднѣ, которое уже снялось съ якоря, чтобъ идти въ открытый океанъ. Что съ нимъ теперь, служитъ, или успѣлъ бѣжать? Ничего неизвѣстно. Вѣрно только то, что онъ былъ запроданъ капитану судна, на которомъ его видѣли нѣкоторые изъ недавно возвратив-

---

леніе въ колоніяхъ, вмѣсто звонкой монеты и кредитныхъ билетовъ, пергаментныя марки разныхъ цѣнностей.

шихся сюда здѣшнихъ матросовъ, далеко отсюда въ открытомъ океанѣ.

— Но вѣдь онъ, бѣжавъ съ судна или даже придя въ первый портъ, можетъ преслѣдовать передъ судомъ и капитана, покупающаго такимъ гнуснымъ образомъ людей, и тѣхъ кто запродаетъ?

— Это ни къ чему не приведетъ, возразилъ Б.—Здѣсь былъ подобный же случай съ однимъ англичаниномъ. Онъ при первомъ удобномъ случаѣ дѣйствительно бѣжалъ съ судна, и съ помощью консула началъ дѣло судебнымъ порядкомъ. Капитанъ оправдался тѣмъ, что къ нему его привели пьянымъ, и что тотъ принялъ задатокъ, слѣдовательно пошелъ въ матросы добровольно. А продавшихъ его не могли уличить въ преступленіи: свидѣтелей не было.

— Бросьте вы къ ночи такіе страхи разсказывать; напугаете еще вотъ ихъ! Матушка указала головой на меня.

— Со мной вѣдь постоянно револьверъ, да при томъ же я подъ охраною милаго Карла Ивановича. Геръ К—нъ вы не откажетесь вѣдь проводить меня въ гостинницу? шутилъ я.

— Ну, та, та, та, — отозвался обыкновеннымъ отвѣтомъ геръ К—ъ.

— Вы не можете носить револьверъ; оружіе здѣсь запрещено; а кого встрѣтятъ съ нимъ—оштрафуютъ, замѣтилъ между тѣмъ Б—нъ.

— Однако-жъ. возразилъ я, я положительно знаю, что, по американскимъ законамъ, каждый гражданинъ, во всякое время и вездѣ можетъ носить какое ему угодно оружіе, но только открыто. Можетъ и существуетъ запрещеніе носить его скрытно, и положенъ штрафъ за нарушеніе его—не знаю; но сколько я ни

встрѣчалъ американцевъ съ револьверами, они всегда у нихъ подъ пальто или сюртукомъ.

— Ну та, ну та—эта тошно, поддержалъ меня К—ъ.

Было уже 9 часовъ, и я началъ прощаться съ хозяйкою; она упрашиваетъ остаться, говоря, что вотъ, вотъ подойдетъ мужъ ея.

— Попросите его зайти завтра въ контору консула; я тамъ буду въ 10 часовъ. А чтобъ я могъ его узнать безъ рекомендаціи — покажите мнѣ его фотографію. Матушка сняла со стѣны портретъ здороваго мужчины въ статскомъ костюмѣ, но съ бородою. Православный священникъ въ свѣтскомъ костюмѣ былъ для меня новостью, что я и выразилъ вслухъ.

— Да еслибъ онъ надѣлъ здѣсь свою одежду и вышелъ на улицу въ ней, его подняли бы на смѣхъ; а мальчишки закидали бы грязью,—говорилъ Б—нъ.

Я усумнился:

— Мнѣ кажется, сказалъ я, что Соединенные Штаты одинъ изъ тѣхъ немногихъ уголковъ на земномъ шарѣ, гдѣ вѣротерпимость вошла въ кровь и плоть общества. Присутствовавшіе утверждали однако, что Б—нъ сказалъ правду.

Такъ не дождавшись священника, мы наконецъ простились съ его женой и торопливо пошли домой. Нѣкоторыя улицы, по случаю предстоящихъ выборовъ, были освѣщены большими кострами, куда дѣти кучами бросали негодные бочки и ящики. Раскладывать эти костры, заботиться о поддержаніи огня и наблюдать, чтобы отъ нихъ не приключилось пожара—составляло повидимому привиллегію маленькихъ шалуновъ. (Сказавъ о пожарахъ слѣдуетъ прибавить, что здѣсь, какъ я слышалъ, пожарная команда и инструменты въ такомъ

совершенствѣ, что сильнѣйшій пожаръ тушится въ нѣсколько минутъ).

Проходя по улицамъ, мы вездѣ встрѣчали снующія густыя толпы народа. Встрѣтили между прочимъ съ музыкой, распущенными знаменами, значками и флагами, въ вольномъ строю, по шести человѣкъ въ рядъ, возвращавшійся съ загороднаго пикника отрядъ демократовъ. Процессія представляла торжественный по тишинѣ и живописный по костюмамъ и разнообразію физіономій видъ. Всѣ были одѣты въ красныя куртки, кто съ французскою бородкой, а кто съ англійскою; одинъ смотрѣлъ откровеннымъ русскимъ бородачемъ, но большинство составляли янки *). Такъ какъ было уже 11 часовъ, то не рѣшаясь пригласить къ себѣ моихъ проводниковъ, я простился съ ними у подъѣзда, попросивъ Б—на прислать мнѣ завтра сотню дешевенькихъ его фабрикаціи папиросъ. Сладко уснулъ я въ тѣсненькой комнаткѣ своей, гдѣ помѣщалась трехспальная кровать, умывальникъ, 2 стула, но не было вовсе стола. Какъ нумера, такъ и все помѣщеніе гостинницы освѣщаются газомъ.

18-го августа. Ровно часомъ позже пришелъ ко мнѣ аккуратный геръ К—ъ и принесъ пять сотенъ папиросъ фабрики Б—на.

— Что онѣ стоятъ?

— 10 долларовъ.

*) Въ Америкѣ процессіи составляютъ неотъемлемую черту, какъ политической выборы, такъ и общественной жизни. Онѣ составляются на деньги, собранныя добровольными пожертвованіями той или другой партіи демократовъ и республиканцевъ, и стараются своимъ блескомъ и роскошью затмить одна другую. Въ своемъ мѣстѣ я поговорю поподробнѣе о политическомъ значеніи этихъ процессій.

Я попробовалъ, - оказались хуже нашихъ грошевыхъ. И гадки и дороги!..—Это вѣрно особенное одолженіе Б—на для земляка? спросилъ я шутя Карла Ивановича. Вчера я купилъ въ лавкѣ десятокъ папиросъ за 15 коп., и не у земляка, а были лучше! Какъ дорожный человѣкъ, я принужденъ отказаться отъ дорогихъ папиросъ. Поблагодарите Б—на. Карлъ Ивановичъ слушалъ меня безъ возраженій и только при выходѣ изъ нумера скромно побожился, что онъ не куритъ и толку въ нихъ не смыслитъ.

Въ маленькой конторѣ своей консулъ съ о. Николаемъ уже поджидали меня.

— Долго, долго изволили спать; а мы уже съ 6-ти часовъ на ногахъ!

— Это вотъ Карлъ Ивановичъ виноватъ! -оправдывался я шутя, между тѣмъ какъ Карлъ Ивановичъ крѣпко приложилъ ладонь къ лѣвой сторонѣ груди, и состроивъ плачевную гримасу, увѣрялъ всѣхъ, что у него отъ простуды «такъ пусто, такъ пусто здѣсь, а доктора такъ дороги, что остается только умирать.»

О. Наколай, хоть родомъ сибирякъ, но чистый типъ москвича-- купца средней руки—подошелъ ко мнѣ и мы дружески поцѣловались. Консулъ съ своей стороны вручилъ мнѣ письмо къ генеральному консулу въ Нью-Іоркъ, барону Остенъ-Сакену, засуетился у бюро надъ нумерами Гончаренкиной «Свободы», отыскивая кажется тѣ листки, въ которыхъ о немъ не упоминалось. Какъ видно ему показалось, что онъ нашелъ наконецъ такой листокъ. «А! вскричалъ онъ подавая мнѣ его. — Вотъ прочтите!»

Но глаза повидимому измѣнили почтенному старичку; подсунутый листокъ посвящался исключительно ему; но я, не подавая виду, принялся читать. Усвоивъ обычай

американскихъ журналистовъ, Гончаренко не стѣснялся въ выраженіяхъ на счетъ почтеннаго консула, съ которымъ былъ сильно не въ ладахъ. Для примѣра сдѣлаю хоть одну выписку, еще не изъ самыхъ крутыхъ мѣстъ.

«Переселеніе русскихъ въ Санъ-Франциско изъ Аляски и другихъ мѣстъ, увеличивается съ каждымъ днемъ. Русскіе въ Санъ-Франциско и на всемъ Пасификѣ *) не имѣютъ русскаго человѣка, который бы достойно представлялъ русскую націю, и по своей силѣ покровительствовалъ бы русскимъ, прибывающимъ сюда на переселеніе. Здѣсь есть какой-то финнъ, но онъ не русскій и не сочувствуетъ имъ. Его нелюбовь къ русскимъ засвидѣтельствована въ Россіи печатно, эскадрой Попова, во время стоянки которой въ Санъ-Франциско, онъ бралъ съ нея за провизію вдвое больше, чѣмъ цѣнили жиды...

«Его нелюбовь къ русскимъ въ настоящее время сознаютъ всѣ русскіе, оставшіеся въ Америкѣ, потому что онъ дѣйствуетъ заодно съ монополистами, угнетаетъ русскихъ рабочихъ, и наживается на счетъ труда и крови русскаго человѣка. Между американцами онъ служитъ срамомъ для Россіи. Прошедшій годъ онъ принадлежалъ къ церкви методистовъ, молился и проповѣдывалъ тамъ, а теперь учится и молится въ каѳолической. Американцы называютъ этотъ поступокъ безхарактернымъ. Мы, русскіе на Пасификѣ, просимъ у русскихъ патріотовъ въ Россіи поднять нашъ голосъ въ печати, что русскіе на Пасификѣ не имѣютъ достойнаго русскаго представителя, который бы по русской народности сочувствовалъ русскому человѣку въ случаѣ потребности пособія или совѣта...»

---

*) Берега и острова Тихаго Океана.

Вотъ что гласила русская печать въ Америкѣ, разъясняя дикія отношенія русскихъ между собою въ С.-Франциско!

— Да полно вамъ читать этотъ вздоръ! Лучше посмотрите только что изъ Россіи полученный нумеръ «Голоса», перебилъ мое чтеніе консулъ.

— Какія еще русскія газеты выписываете вы?

— Только одну «Голосъ», который намъ стоитъ съ пересылкою сюда до полсотни рублей.

Я возвратилъ нумера «Свободы» и поинтересовался знать программу этой газеты.

— Да какая же можетъ быть честная программа у бѣглаго каторжника? Ложь и брань только.

— Ну все же онъ печатно долженъ былъ заявить направленіе своего изданія. Что онъ на этотъ счетъ писалъ?

— Вотъ возьмите нумеръ съ его объявленіями!

И я прочелъ:

«Америка и Сибирь, это—два юные силача, обращенные другъ къ другу спиной. Время настало, что они начинаютъ обращаться лицомъ къ лицу, чтобы понять другъ друга, и работать вмѣстѣ, на общую пользу. Это открылось изъ торговыхъ сношеній Соединенныхъ Штатовъ съ рѣкою Амуромъ, Камчаткою, и наконецъ покупкой русской Америки.

«Книгопечатаніе – единственный путь соединить націи къ общей пользѣ, къ прогрессу человѣчества.

«Понимая это, мы поставили у себя русскій станокъ, который есть первый въ Америкѣ, для напечатанія торговыхъ картъ, циркуляровъ, памфлетовъ, грамматикъ, для изученія русскаго и англійскаго языковъ, и всякаго рода работъ, споспѣшествующихъ благоденствію народа.

«Объявляя о семъ публикѣ, мы надѣемся вызвать

здравое пониманіе нашего дѣла.» Въ другомъ мѣстѣ заявлялось: «Цѣль учрежденія нашего русскаго станка въ С.-Франциско состояла въ томъ, чтобъ нашимъ соотечественникамъ, отдаленнымъ отъ центра великаго племени, доставить возможность встрѣтить русское слово въ далекой отдаленности. Для Алеутскихъ и Аляскинскихъ единоязычниковъ нашъ станокъ необходимъ для изъясненія имъ на русскомъ языкѣ правительственныхъ распоряженій совершенно новаго правительства, торговыхъ отношеній съ новыми товарищами въ торговомъ обращеніи, имѣющимъ другіе обычаи и другія цѣны, отличныя отъ старыхъ ихъ русскихъ обладателей.

«При этомъ замѣчаемъ, что мы не имѣемъ ничего общаго съ лакеями и ворами, бѣжавшими изъ родины отъ заслуженнаго наказанія. Мы жмемъ руку и даемъ наше сердце только истиннымъ и святымъ труженикамъ за свободу и прогрессъ Россіи!...

«Наше слово истины не замолкнетъ, потому что для публикаціи мы не нуждаемся ни въ чьемъ пособіи; мы издатель, типографщикъ и разнощикъ нашего журнала: «Свобода».

Говоря вообще, русская газета въ Америкѣ, издаваемая Гончаренкомъ, не отличается особенной чистотой языка и богатствомъ содержанія. Русскій текстъ занимаетъ лишь незначительную часть номера и часто въ нѣсколькихъ №№ печатается одно и тоже. Но надо сказать и то, что средства Гончаренки болѣе, чѣмъ ограничены, а сотрудниковъ вовсе нѣтъ.

— Ну чтожъ вы здѣсь подѣлываете?—кончивши журналъ, обратился я къ о. Николаю.

— Созидаемъ, созидаемъ!

— Чтожъ вы созидаете?

— А вотъ—общество, церковь... Скоро примемся за храмъ...

— И много у васъ прихожанъ?

— Много: и наши русскіе и греки, разные славяне: болгары, сербы, чехи и пр.

— А на какомъ языкѣ совершается богослуженіе?

— На русскомъ.

— Чтожъ онъ всѣмъ понятенъ?

— Нѣтъ. Славяне не говорятъ и не понимаютъ по русски, но этотъ недостатокъ скоро устранится. Они всѣ говорятъ на англійскомъ языкѣ, который я тоже изучаю теперь, и когда хорошо ознакомлюсь съ нимъ — совершать богослуженіе буду на англійскомъ языкѣ.

— Говорила ваша матушка, что я вчера долго просидѣлъ у васъ, поджидая вашего прихода?

— Да.

— Ну, ужъ и страховъ наслушался я о Соломатовыхъ и т. п.

— А что! встрепенулся побѣдоносно старичекъ консулъ. Я вѣдь вамъ разсказывалъ о подобныхъ продѣлкахъ американцевъ! Вотъ и съ вами тоже самое могло бы случиться, если бы вы не свидѣлись со мною.

— Меня не это интересуетъ! Я ищу разрѣшенія вопроса: какъ относится американское правосудіе къ подобнымъ явленіямъ?

— Какъ? есть улики, есть свидѣтели,—покараетъ виновника, и то не всегда: деньги возьмутъ свое! Почему американскіе суды для многихъ страшны? Почему они неудобны? А потому, что для того, чтобъ обвинитъ кого-нибудь, нужно многое множество самыхъ достовѣрныхъ уликъ и свидѣтелей противъ него, а иначе—обвинитель самъ подвергается строгому судебному преслѣдованію. Поэтому въ Америкѣ, не запасшись самыми вѣрными обвини-

тельными фактами и большимъ числомъ свидѣтелей, да притомъ и деньгами, нечего и суда начинать. Вы навѣрное проиграете, если адвокатъ вашего противника изгибистый ораторъ, и ему хорошо заплачено. Купить свидѣтелей не дорого стоитъ!

— Неужели такъ легко здѣсь покупаются лжесвидѣтельство и клятва?

— За деньги здѣсь многое купите; купите и ложную присягу, хотя, по американскимъ законамъ, уличенный въ томъ подвергается тяжкому наказанію. Ихъ ссылаютъ на крѣпостныя работы, такія же тяжелыя, какъ и наши каторжныя; убѣжать оттуда — не убѣжитъ: крѣпость-то расположена гдѣ нибудь на острову.

— Но вѣдь окончательно дѣло рѣшаютъ присяжные?

— Я вамъ уже говорилъ вчера, что присяжные—въ рукахъ ловкаго и краснорѣчиваго адвоката. И несмотря на право подсудимаго удалить, перемѣнить ихъ хоть сразу всѣхъ, иногда проигрываются вѣрнѣйшіе процессы, а адвокаты чрезъ то быстро дѣлаютъ деньги: большую часть выручки по процессу берутъ себѣ. Недавно еще одинъ важный процессъ надѣлалъ большаго шуму, да тѣмъ только и кончилось.

Я полюбопытствовалъ узнать объ этомъ процессѣ и вотъ что разсказалъ мнѣ консулъ:

— Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Америки ирландцы составили тайный и тѣсный кружокъ, чрезъ что у нихъ образовалась могущественная сила. Не помню названія города, гдѣ происходило дѣйствіе, но фактъ таковъ: у ирландцевъ есть обычай иногда изъ будней дѣлать себѣ праздникъ. Вотъ одинъ рабочій, занимающійся на большой фабрикѣ, встрѣтилъ своего хозяина на улицѣ и проситъ у него праздника, безъ вычета денегъ, т. е., чтобы тотъ позволилъ ему отпраздновать по своему, то

есть упиться одни будни, не высчитывая съ него поденной платы. Хозяинъ не согласился на это, и тотъ убилъ его тутъ же изъ револьвера, убилъ наповалъ, среди бѣлаго дня, на улицѣ при многихъ прохожихъ. Началось дѣло судебнымъ порядкомъ. Судьи, адвокаты, присяжные — всѣ принадлежали къ одному съ подсудимымъ обществу, и его оправдали. Нашлись свидѣтели, перевѣсившіе своимъ большинствомъ противныхъ свидѣтелей и подъ присягою показавшіе, что подсудимый въ день совершившагося убійства находился за сто миль отъ мѣста преступленія! Вотъ какъ! Вотъ что здѣсь временемъ творится! заключилъ консулъ.

Какъ ни поразителенъ примѣръ этотъ, за всѣмъ тѣмъ я думаю, что консулъ и нѣкоторые другіе изъ нашихъ русскихъ нѣсколько увлекаются, возводя частные случаи въ общее правило. Вообще, они не безъ пристрастія относятся къ американцамъ, между прочимъ, быть можетъ, по причинѣ своей неумѣлости устроить жизнь свою въ Америкѣ, также удобно, какъ устраиваетъ ее американецъ, по причинѣ неспособности стать въ уровень съ нимъ, отъ сознанія своего безсилія передъ всеуспѣвающимъ американцемъ, могущественная дѣятельность котораго придавливаетъ нашего брата къ землѣ, — не даетъ подняться въ Америкѣ выше издѣлій русскихъ папиросъ...

Будучи занятъ, консулъ извинился, что не имѣетъ времени самъ познакомить меня съ городомъ, и просилъ священника принять на себя трудъ показатъ мнѣ Санъ-Франциско. Отецъ Николай не только съ удовольствіемъ согласился быть моимъ чичероне, но радушно предложилъ мнѣ даже оставить гостинницу и переселиться къ нему на время пребыванія моего въ Санъ-Франциско.

— Вы у насъ гость, пробудете здѣсь недолго,—сказалъ онъ.—Зачѣмъ-же вамъ тратиться по гостинницамъ, гдѣ каждый день стоитъ такъ дорого. У меня кстати есть свободная комната, переѣзжайте ко мнѣ!

Консулъ поддержалъ это обязательное предложеніе, и я принялъ его охотно, не столько по экономическому разсчету, сколько потому, что у отца Николая мнѣ будетъ и веселѣе, и безопаснѣе.

Переселеніе условлено было совершить послѣ обѣда, а теперь осмотрѣть анатомическій музеумъ и прочія достопримѣчательности города.

Музеумъ Санъ-Франциско, по словамъ отца Николая, считается однимъ изъ лучшихъ въ Америкѣ, но женщинъ въ него не пускаютъ. Запрещеніе показалось мнѣ страннымъ. Анатомическій музей, по моему мнѣнію, представляетъ для женщины ужъ никакъ не меньше, если еще не больше интереса, чѣмъ для мущины; въ особенности отдѣлъ: «развитія плода, періодъ родовъ съ случайностями ихъ, и развитіе младенца», это отдѣлъ близкій ей,—это ея собственный отдѣлъ!... Мущинѣ можно смотрѣть на изображеніе женщины въ самыхъ важныхъ періодахъ ея жизни, а женщинѣ—воспрещается!?... Что за нескладица! Не думалъ я, что въ Америкѣ еще найдутся уголки съ такимъ крайне ложнымъ взглядомъ въ этомъ отношеніи.

За входъ и каталоги мы заплатили по полудоллару. Музеумъ, хоть и обширный, но за недостаткомъ свѣта и вентиляціи, воздухъ въ немъ могильный.

Въ первой большой комнатѣ расположены, большею частью дурно выполненныя, восковыя фигуры женщинъ въ періодъ беременности и родовъ. Въ особенности васъ поражаетъ неудачностью своею фигура «кесарскаго сѣченія», и только восковой зуавъ, умирающій отъ раны

пулею въ сердце, сдѣланъ неподражаемо вѣрно: точно живой! Костяной отдѣлъ запущенъ, неисправенъ — и только тщательно препарированный остовъ африканской обезьяны, громадной и злой гориллы нѣсколько примиряетъ васъ съ нимъ. Въ спиртовыхъ и масломъ наполненныхъ банкахъ расположены многочисленные экземпляры дѣтей-уродовъ, рѣдкихъ гадовъ, и большихъ ядовитыхъ насѣкомыхъ, между которыми скорпіонъ, величиною съ небольшаго рака (½ вершка длиною)— великолѣпно сохранился. Въ верхней галлереѣ той же комнаты помѣщены остовы рѣдкихъ рыбъ и другихъ животныхъ; здѣсь же, въ большой банкѣ, успокоилась буйная голова и рука еще недавно наводившаго ужасъ на цѣлую Калифорнію страшнаго разбойника (имени не помню). Голова его была оцѣнена народомъ въ 5 тысячъ долларовъ золотомъ,—благодаря чему она и попала сюда. А вотъ красуются нѣсколько индѣйскихъ скальповъ, съ ихъ жесткими черными и длинными волосами.

Другая, поменьше комната, составляетъ отдѣлъ сифилистическій, съ самыми разнообразнѣйшими видами этой болѣзни всѣхъ странъ міра. Эти печальныя картины, своею отвратительностью и гибельными послѣдствіями ея, наводятъ на васъ ужасъ!...

Русскіе кабинеты подобныхъ отдѣловъ не такъ полны, какъ этотъ: здѣсь восковыя фигуры всѣ въ натуральный ростъ человѣка. Великолѣпенъ снимокъ съ одной шестидесятилѣтней француженки, съ шестивершковымъ рогомъ на лбу и съ роговыми зачатками на лѣвой щекѣ; далѣе снимокъ съ одного шотландца, съ чудовищнымъ клыкомъ. Вотъ двѣ отрубленныя головы американскихъ испанцевъ, покрытыя натуральными язвами, а въ стеклянномъ гробу лежитъ трупъ старика, начавшаго гнить еще заживо; эти три трупа сохранились хорошо, но несмотря на

изобиліе разбросанной около нихъ камфоры издаютъ легкій смрадъ. Наконецъ—артистическая фигура зараженнаго негра съ натуры и множество эстамповъ по стѣнамъ, съ подробнымъ развитіемъ разнообразныхъ видовъ сифилиса, заканчиваютъ собою отдѣлъ неосторожнаго удовлетворенія животной страсти человѣка.

Несмотря однако на весь интересъ музея, долѣе оставаться въ немъ у меня не хватило силъ; отъ зараженнаго воздуха чувствуется головокруженіе. При выходѣ отсюда, свѣжая струя чуть не сбила меня съ ногъ.

Отецъ Николай шагаетъ по американски, и благодаря этому, минуты черезъ двѣ мы уже стояли передъ скромнымъ домикомъ, въ окна котораго виднѣлась небольшая зала съ десяткомъ письменныхъ столовъ, и неболѣе того числа джентльменовъ въ шляпахъ, кто съ сигарою, а кто съ газетою; иные-же копошились за бюро.

— Вы видите эту комнатку? — обратился ко мнѣ отецъ Николай.

— Что-жъ тутъ особеннаго? Какая нибудь купеческая контора?..

— Не угадали: это—Калифорнскій банкъ!.. Банкъ, имѣющій дѣла чуть-ли не съ цѣлымъ свѣтомъ!.. По громаднымъ процентамъ, какіе онъ платитъ своимъ вкладчикамъ,—это единственный банкъ въ мірѣ!.. Ниже 11 не спускается, а часто до 12—13 доходитъ!..

— Въ такомъ случаѣ это рискованный банкъ?!.

— Да, онъ рискуетъ, такъ какъ всѣ предпріятія въ Америкѣ основаны на рискѣ. Но вѣдь рискъ выражаетъ смѣлость духа, предпріимчивость и непоколебимую вѣру въ свои силы, то есть тѣ могущественные рычаги, съ помощью которыхъ Америка завоевала себѣ первое мѣсто въ мірѣ: приблизила экономическія и прочія отношенія

гражданъ между собою и къ государству къ естественнымъ законамъ справедливости...

— Но это вѣрно только контора банка?—спросилъ я.

— Нѣтъ, тутъ весь нашъ банкъ въ полномъ составѣ. Да войдемъ туда, пожалуй, посчитаемъ.

Не снимая шляпъ, мы вошли въ контору. Подозрѣніе въ недобросовѣстности моего чичероне волновало меня:

— Я вамъ не вѣрю, отецъ Николай! Эта комнатка вѣроятно только десятое или двадцатое отдѣленіе банка!.. Вы хотите увѣрить меня, что эти девять человѣкъ могутъ вести дѣла свои съ цѣлымъ міромъ?

— Гдѣ-жь девять-то? Сосчитаемъ повнимательнѣе: вотъ эти двое разговариваютъ между собою, а тѣ трое углубились такъ въ «Альта-Калифорнію», что, пари держу, забыли цѣлый свѣтъ, кромѣ предстоящихъ въ среду выборовъ. Въ остаткѣ будетъ четыре!.... Замѣтьте при этомъ, что выдача или пріемъ денегъ производится ими въ теченіе одной или двухъ минутъ!...

Въ недоумѣніи вышелъ я изъ банка! Нѣтъ, ни здравая логика, доказывающая, что упрощеніе формъ въ дѣлахъ есть тотъ же капиталъ, ни самъ отецъ Николай, осязательно представляющій мнѣ во очію совершающійся фактъ, не убѣдятъ меня, чтобъ калифорнскій банкъ могъ обойтись такимъ числомъ служащихъ. Развѣ же у насъ нѣтъ банковъ? Нѣтъ, непремѣнно гдѣ нибудь запрятана еще сотня, другая служащихъ!....

— А гдѣ же часовые, будки? оглядывался я кругомъ.

— Днемъ-то?... Да здѣсь и ночью не увидите вы никого.

— А калифорнскіе злодѣи, что Соломатова украли да запродали китайцамъ? Вѣдь банкъ-то лакомая приманка для нихъ?....

— А деньги въ банкѣ чьи?—Каждый житель города, хоть сотню долларовъ да имѣетъ въ банкѣ;—вотъ вамъ

и часовые!.... Вздумай кто ночью тронуть дверь или окно,—откуда ни возьмись — десятокъ, — сотня, — двѣ явятся гражданъ и полисменовъ, и слѣдовъ не останется отъ смѣльчака!...

— А это что за дворецъ? Онъ скорѣе походитъ на банкъ, чѣмъ тотъ домишко! указалъ я священнику на громаднѣйшее, изящной архитектуры зданіе.

— Массонскія ложи.—Хотите—войдемъ и туда?

— Вы развѣ массонъ?

— Что вы?.... Я—попъ, и массономъ мнѣ ужъ некстати быть.

— А если вы, да и я не массоны, такъ насъ туда и не пустятъ!

— Попробуемъ.

Мы поднялись вверхъ по широкимъ лѣстницамъ, и ни одна душа не встрѣтилась намъ; мы заглядывали въ обширныя залы всѣхъ этажей, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ виднѣлись группы джентльменовъ, но никто не обратилъ на насъ вниманія....

— Это—одно изъ богатѣйшихъ обществъ здѣсь—сообщилъ мнѣ мой обязательный чичероне.—Недавно, одинъ богатый массонъ пожертвовалъ на ремонтъ и передѣлки зданія—200,000 долларовъ.

— А много здѣсь разныхъ обществъ?

Въ Санъ-Франциско, по объясненію отца Николая, существуетъ великое множество религіозныхъ исповѣданій и обществъ, между которыми католицизмъ, заправляемый іезуитами, по обыкновенію, враждуетъ противъ маленькаго кружка православныхъ славянъ и, по обыкновенію, возмущаетъ здравый смыслъ и деморализуетъ свою паству. Іезуиты имѣютъ сильное и, безъ сомнѣнія, вредное вліяніе на своихъ прихожанъ, большую часть которыхъ составляютъ невѣжественные ирландцы. Въ этотъ самый

день, какъ мнѣ разсказывали, за обѣдней одинъ изъ праведныхъ отцовъ въ своей проповѣди, по поводу предстоящихъ выборовъ, заклиналъ духовное стадо свое принять на предстоящихъ выборахъ сторону республиканцевъ. Въ противномъ случаѣ, смиренный пастырь угрожалъ лишить ослушниковъ права на исповѣдь и причастіе, стращалъ проклятіемъ и отлученіемъ отъ церкви, тѣмъ, что закроетъ имъ врата въ чистилище, и прямо приведетъ въ лапы сатаны, который съумѣетъ расправиться съ ними.... Отецъ Николай указалъ мнѣ на часовеньку, съ которой іезуиты начали упрочиваться здѣсь.—А теперь—прибавилъ онъ—эта ветхая, деревянная хижина разрослась въ обширный кварталъ, застроенный громадными каменными палатами и монастыремъ! А какими капиталами они ворочаютъ!... А сколько еще костеловъ, и какой богатѣйшій монастырь у нихъ вблизи города! заключилъ священникъ.

Каждый американецъ понимаетъ самъ, какъ дважды два четыре, что вся сила его только въ союзѣ съ другими — въ ассоціаціяхъ; а потому все населеніе здѣсь разгруппировалось по національностямъ или инымъ интересамъ на многія могущественныя общества и корпораціи. Всѣ они имѣютъ отъ членскихъ взносовъ большіе капиталы, - свои больницы и докторовъ, библіотеки и школы, а иныя свои земли, мельницы и прочія хозяйственныя заведенія. Членъ подобнаго общества совершенно обезпеченъ на случай болѣзни или недостатка въ работѣ. Въ первомъ случаѣ его безплатно пользуютъ,—во второмъ онъ получаетъ на содержаніе до доллара въ сутки, или же,—ему дается работа на своихъ заведеніяхъ, съ платою нѣсколько умѣреннѣе той, какую онъ заработываетъ на сторонѣ. Каждый членъ находитъ въ своемъ обществѣ поддержку и защиту во всѣхъ случаяхъ жизни.

Нѣкоторыя общества горой стоятъ за каждаго обиженнаго кѣмъ и чѣмъ нибудь своего члена, и не жалѣютъ ни денегъ, ни времени, пока ихъ собратъ не будетъ удовлетворенъ законно!.... Въ рабочихъ и ремесленныхъ корпораціяхъ, на фабрикахъ и заведеніяхъ господствуетъ полнѣйшее единодушіе и согласіе. Недѣлю тому назадъ нѣсколько фабрикъ было закрыто оттого, что рабочіе потребовали отъ хозяевъ сбавки рабочихъ часовъ въ день, съ 10 на 8. Такъ что, если вычесть время на обѣдъ и закуску, то собственно рабочаго времени останется только 6 часовъ,—и это при 5 долларахъ поденной платы. Хозяева сперва крѣпились, крѣпились, а потомъ вынуждены были однако согласиться на это условіе. Вотъ и теперь, когда я пишу это, во всѣхъ мастерскихъ ботинокъ работа прекращена. Подмастерья требуютъ надбавки по полудоллару на каждую пару батинокъ,—хозяинъ высчитываетъ имъ по пальцамъ, что если онъ согласится на ихъ требованіе, то вѣдь ему ничего не останется, а они стоятъ на своемъ; и, вѣроятно, достигнутъ своей цѣли, такъ какъ они отлично понимаютъ, что ихъ требованіе — не болѣе, какъ справедливо *).

— А можетъ быть хозяинъ и правъ, замѣтилъ я моему спутнику, сообщившему мнѣ этотъ фактъ.

— Неправъ!.. Подите-ка купить себѣ сапоги или ботинки здѣсь—заплатите 8, 9—10 и болѣе долларовъ за пару!.. А въ день-то одна мастерская много ихъ сработаетъ, потому что здѣсь къ этому производству примѣнено фабричное раздѣленіе труда до самыхъ ничтожныхъ мелочей; одинъ рабочій дѣлаетъ то-то, другой иное и т. д.

---

* Въ разныхъ штатахъ республики, рабочіе часы въ сутки—различны: отъ 8—10; работа же начинается отъ 7 ч. утра и кончается въ 6 ч. вечера.

— Да вѣдь потому и дороги у васъ сапоги и прочія потребности жизни, что трудъ рабочаго такъ дорогъ!

— Да, но также и оттого еще, что хозяева берутъ большіе барыши; такъ пусть-же онъ подѣлится ими съ рабочими! Что-же касается до существующей въ Калифорніи высокой поденной платы, прибавилъ отецъ Николай, то, взявъ въ соображеніе крупныя здѣшнія цѣны на жизненныя потребности, я полагаю, что здѣсь и не можетъ быть такой платы, какъ въ Европѣ. Правда и то, что здѣшній рабочій тратитъ изъ 5 долларовъ ежедневнаго заработка—2 дол. въ сутки, а живетъ, относительно, по барски: у него вы найдете хорошо меблированнную квартиру, ковры и прочія житейскія удобства; а посмотрите на него въ праздникъ, внѣ работы, вы его не отличите отъ здѣшнихъ капиталистовъ. Не только рубища, но и бѣдно одѣтаго здѣсь не встрѣтите.

— Нищихъ я, дѣйствительно, до сихъ поръ еще не встрѣчалъ въ Америкѣ... Но... нестерпимая вонь прервала нашу экономическую бесѣду... Куда вы завели меня отецъ Николай? спросилъ я. Откуда этотъ смрадъ?

— Здѣсь начинается китайскій кварталъ. Вы-же просили меня поближе познакомить васъ съ калифорнскими китайцами,—вотъ они!

Запахъ китайскаго квартала въ Санъ-Франциско также тяжелъ, какъ и воздухъ калифорнскаго музеума; отъ китайца тоже попахиваетъ чѣмъ то трудно-опредѣлимымъ, но легко отталкивающимъ васъ по дальше отъ него; а въ его лавочкахъ китайскихъ царствуетъ полное зловоніе! Между тѣмъ, на видъ эти китайцы очень чистоплотны; на всѣхъ увидите одного покроя и цвѣта, какъ по формѣ, чистый костюмъ: широкій и короткій синяго цвѣта балахонъ, короткія и широкія того же цѣта шаровары, на деревянныхъ подошвахъ туфли и тростниковыя или

войлочныя шляпы, и на всемъ этомъ ни латки, ни прорѣхи я не встрѣчалъ. Голова, кромѣ спасительной косицы, то болтающейся до пятокъ, то кокетливо свернутой въ шиньонъ, постоянно чисто выбрита; откуда же этотъ запахъ? А вотъ, войдемте въ лавочку ихъ, гдѣ вокругъ стола усѣлось съ десятокъ желто-блѣдныхъ, тощихъ и малорослыхъ сыновъ неба за свой рисъ и жидкую рыбную похлебку. Вокругъ стѣнъ, безпорядочно разложены нехитрыя произведенія китайскаго искуства и коробы снадобьевъ его: сушенная рыба, змѣи, ящерицы, морскіе черви и прочая, на взглядъ европейца, дрянь, и все это покрыто пылью, плесенью, грязью и сметьемъ. Вотъ вамъ первый источникъ для порчи воздуха. Второй же происходитъ отъ добраго и инстинктивнаго обычая ихъ жить тѣсными кружками, артелями. Но такъ какъ или у нихъ еще не выработалась потребность къ лучшему, или же экономическія условія ихъ препятствуютъ тому, они живутъ кучами въ чрезвычайно тѣсныхъ помѣщеніяхъ, не имѣющихъ никакой вентиляціи, а потому пропитываются затхлымъ, гнилымъ, воздухомъ ихъ, отъ чего и смотрятъ такими болѣзненными. Американцы избѣгаютъ жить въ тѣхъ улицахъ, гдѣ поселились китайцы, единственно по этимъ причинамъ; я не выдаю этого за общій фактъ, но исключеній найдете мало. Какъ зловоніе ни гнало меня изъ лавки, но желаніе видѣть процессъ ихъ обѣда взяло верхъ, и зажимая постоянно носъ, я съ любопытствомъ поглядывалъ, съ какою ловкостью, не прекращая своей трескучей, гортанной болтовни, они, съ помощью двухъ желѣзныхъ прутиковъ, проворно запихивали въ себя солидное количество рису, подталкивая его пальцами; послѣ чего, маленькими жестяными челноками, замѣняющими имъ наши ложки, набирали похлебку изъ рыбъ и гадовъ и за-

пивали ею рисъ. Причемъ ихъ узко-прорѣзанные глаза, выдавшіяся скулы, раздутыя ноздри и губы, какъ-то неудобно и некрасиво расположившіяся на голомъ и истомленномъ лицѣ были необыкновенно подвижны. Женщины у китайцевъ обѣдаютъ отдѣльно и скрытно отъ постороннихъ глазъ.

Китайцы, кромѣ мяса, всѣ жизненные продукты выписываютъ изъ своей родины и потому жизнь, при ихъ умѣренности, стоитъ имъ не дорого; изъ получаемаго ими одного доллара за подденную работу, китаецъ истрачиваетъ въ сутки не болѣе 20 центовъ. Ничего не употребляя изъ произведеній Америки, они ей ничего и не даютъ, кромѣ дешеваго труда, выгоднаго однимъ только капиталистамъ.

Вы замѣчаете рѣзкую разницу между существующей здѣсь заработной платой китайцу (1 дол. въ день) и американскому рабочему (5 дол.); эта-то разница взбудоражила въ настоящее время всю демократію Калифорніи и обѣщаетъ сдѣлать предстоящіе выборы чрезвычайно интересными. Но объ этомъ побесѣдуемъ послѣ.

Китайцы завели здѣсь мастерскія обуви, но она такъ груба, что американецъ носить ее не рѣшится. Есть у нихъ и мелочныя лавчонки, но онѣ напиханы такими младенческими китайскими штуками, что ни одинъ американецъ и не заглянетъ сюда. Есть, наконецъ, и богатые китайскіе магазины, но они торгуютъ только разными китайскими игрушками, до которыхъ практическій американецъ также не охотникъ. Вотъ вамъ все, чѣмъ занимаются и что имѣютъ здѣсь китайцы.

Пообѣдавъ, хозяинъ лавчонки предложилъ мнѣ купить что нибудь.

— Сколько стоитъ? указалъ я на грубо вышитыя шелкомъ неуклюжія туфли.

— $3^1/_2$ доллара.

— Нѣтъ-ли у васъ обѣденнаго нессесера?

Китаецъ подалъ мнѣ въ бумажномъ футлярѣ двѣ желѣзныя палочки и дурно отшлифованный, тупой длинный ножъ.

— Что стоитъ?

— Два доллара. Китайцы, какъ видите, успѣли уже усвоить плохимъ произведеніямъ своимъ калифорнскія цѣны.

Оставивъ эту лавочку, мы съ о. Николаемъ отправились по Китаю дальше.

Мужчины еще сносны, сравнительно съ ихъ раздутыми крошечными красавицами, покрой костюма которыхъ совершенно сходенъ съ мужскимъ: широкій балахонъ или кофта по колѣна, широкія, изъ шелковой матеріи яркихъ цвѣтовъ, коротенькія шаровары, да преоригинальныя ботинки на изуродованныхъ ногахъ. Да, пресловутыя маленькія и красивыя ножки китаянокъ, на мой взглядъ, чудовищно уродливы; иначе и быть не можетъ. Судите сами: какъ вамъ извѣстно, имъ съ малыхъ лѣтъ подвязываютъ ножные пальцы внизъ къ ступнѣ, такъ что красивый носокъ у нихъ принимаетъ форму грубаго нароста дурно сросшихся пальцевъ, расположеннаго ниже пятки, отчего, при ходьбѣ, вся тяжесть тѣла опирается на него, сильно давитъ и производитъ боль, во избѣжаніе которой они и придумали башмаки въ формѣ лодокъ съ двойными деревянными каблуками. Одни сзади, подъ пяткою, другіе спереди, около изуродованнаго носка, который, такимъ образомъ, при ходьбѣ не соприкасается съ землею, что отстраняетъ боль. Но если китайское искуство уменьшило нѣсколько боль добровольной пытки, то тѣмъ окончательно забило грацію женской походки; чтобы не упасть на своихъ лодочкахъ и

сохранить равновѣсіе тѣла, онѣ презабавно балансируютъ, какъ дѣти на помочахъ, или неопытный плясунъ на канатѣ. Не правда-ли, какъ красиво? Къ этому еще прибавьте широкій носъ съ раздутыми ноздрями, широкія и лоснящіяся, неприличнаго цвѣта, физіономіи на толстыхъ шеяхъ и прически ихъ—китайскія прически! Ничего подобнаго не видывали вы! Свои черные волосы изобильно умащиваютъ онѣ промозглымъ саломъ или масломъ, гладко причесывая ихъ сперва внизъ до половины щекъ, а потомъ на отлетъ далеко въ сторону, что напоминаетъ ширококрылыхъ бабочекъ, когда онѣ собираются летѣть. Ну, клянусь, нѣтъ умѣнья описать эту чудовищно-веселую прическу, которою онѣ щеголяютъ одна передъ другою и распаляютъ сердца юныхъ китайцевъ, чему также не мало способствуютъ громадныя серебряныя серьги въ ушахъ и разноцвѣтныя бусы на воловьихъ шеяхъ.

У мясной лавочки стояли двѣ китаянки. Одна изъ нихъ держала въ бумажномъ сверткѣ нѣсколько крошечныхъ кусочковъ мяса, а другая въ голой и грязной рукѣ кусочекъ мяснаго жиру. По стѣнамъ мясной развѣшано нанизанное на суровыхъ ниткахъ, тоже мелко изрубленное, какъ сахаръ къ чаю, мясо, отъ времени уже заржавленное и съ душкомъ.

— Видите, проговорилъ отецъ Николай, какъ экономны китайцы! Они ѣдятъ мясо изрѣдка, довольствуясь осьмушкою или четвертью фунта его, а для этого-то оно и рубится въ продажѣ на кусочки. За особенной свѣжестью они, какъ водится, не гонятся.

Свернувъ въ болѣе чистую и широкую, чѣмъ эта, улицу, мы вошли въ огромный китайскій магазинъ, прибранный довольно чисто; а такъ какъ здѣсь съѣстныхъ продуктовъ не имѣлось, то воздухъ былъ довольно сно

сный; прикащикъ—мальчикъ лѣтъ шестнадцати,—показывалъ намъ одну бездѣлку за другою, но цѣны запрашивалъ такія варварскія, что у меня терялось желаніе пріобрѣсть что-нибудь изъ китайскихъ и японскихъ вещицъ.

— Что стоятъ эти костяныя запонки?

— Два доллара.

— За что жъ тутъ два доллара? Неужели за то только, что на запонкахъ вырѣзана преуродливая птичка?

Весь магазинъ наполненъ былъ дорогимъ китайскимъ вздоромъ: перломутровыми шкатулками, этажерками, хлыстиками, куклами, миніатюрными чайными приборами и многими другими мелочами роскоши. Я купилъ за одинъ долларъ маленькую черепаху, японскаго издѣлія. Ножки и головка ея намагничены, а потому постоянно въ движеніи, такъ что она походитъ нѣсколько на живую.

Мы направились къ гостинницѣ «Орлеанъ».

На дорогѣ отецъ Николай обратилъ мое вниманіе на одного богатаго янки фабриканта, горячо пожимающаго руки двумъ китайцамъ.

— Что-же? Это сближеніе національностей утѣшительно! замѣтилъ я.

— Да, утѣшительно и выгодно для этого жирнаго плантатора! Ему нужны дешевые рабочіе, вотъ онъ и заискиваетъ у вліятельныхъ кули!

— Чѣмъ-же тутъ они ему помогутъ?

— Своимъ вліяніемъ на артели, на которыя разбилось прочное ихъ общество.

— Такъ китайцы тоже организовали у себя общество?

— Не организовали, а оно у нихъ образовалось само-собою, по естественной потребности каждаго изъ

этихъ слабыхъ пигмеевъ искать опоры въ силѣ союза съ своими. Голосъ же заправляющихъ не только этимъ союзомъ, но и артелями, такъ же силенъ, какъ слово какого-нибудь деспота князька. Попробуй кто-нибудь изъ нихъ не исполнитъ приказанія старшаго, они его отпорятъ по пяткамъ такъ-же усердно, какъ ихъ пороли на родинѣ! Само собою, со временемъ, они подпадутъ вліянію мѣстной цивилизаціи, но теперь еще продолжаютъ жить своею національною жизнью; живутъ артелями, ѣдятъ артелями, работаютъ артелями, что̀ сохраняетъ имъ большую экономію; вновь прибывшимъ-же немедленно отыскиваютъ работу, что̀ не трудно по дешевизнѣ ихъ труда...

— Право, удивляешься вамъ!.. китайцы, и тѣ прочно сплотились въ дружную массу, что-жь у васъ-то за разъединеніе между своими: интригуете одинъ противъ другаго, да ссоритесь!.. Оттого-то вы и безпомощны!.. Примиритесь, слейтесь въ одно дружное общество, и вы будете такъ же сильны, уважаемы другими и обезпечены отъ разныхъ случайностей жизни, какъ другія національности здѣсь!..

— Мы прежде ладили между собою, но взгляды Гончаренко, его стремленія идутъ поперегъ нашимъ, а потому разрывъ былъ неизбѣженъ; теперь-же онъ такъ втянулся во вражду съ нами, что примиреніе съ нимъ немыслимо... Да что тутъ толковать; мы обойдемся и безъ него! А если у насъ еще не заведены больницы и свои доктора, такъ потому, что общество наше только что возникаетъ и еще не имѣетъ средствъ къ этому, но современемъ...

Между тѣмъ, какъ мы толковали о причинахъ разлада между русскими и славянами въ Санъ-Франциско, принадлежащими къ партіи консула и священника съ при-

надлежащими къ партіи Гончаренки, отецъ Николай вдругъ остановился и взялъ себя за грудь; поблѣднѣвшее лицо его выражало сильное страданіе: — Проклятый здѣшній климатъ, проговорилъ онъ.

— Что съ вами?

— Сильно печень болитъ! Такой-ли былъ я на Ситхѣ, какъ теперь?! Вы видѣли мою фотографію, посмотрите теперь на меня.

— Вѣрно климатъ не по васъ? привыкнуть не можете къ нему?

— Нужно здѣсь родиться, чтобъ привыкнуть къ нему!.. Почти всѣ русскіе, переселившіеся сюда изъ Аляски, страдаютъ болѣзнью печени; а отъ быстрыхъ перемѣнъ температуры въ теченіе дня, ничего нѣтъ легче, какъ схватить здѣсь простуду и ревматизмъ!.. Маленькій пятилѣтній мой сынъ уже сильно страдаетъ ревматизмомъ!.. Доктора уже пятьдесятъ долларовъ мнѣ стоятъ, а толку никакого!.. продолжалъ онъ, отдохнувши. А на какія средства здѣсь лечиться, когда здѣсь доктора такъ дороги, что бѣдняки наши рабочіе иногда вынуждены отказываться отъ медицинскаго пособія, которое имъ не по карману! Вѣдь здѣсь ни одинъ докторъ не возьметъ за самый короткій визитъ меньше пяти долларовъ! Если вы ему за визитъ заплатите меньше пяти долларовъ, въ другой разъ не заманите ужь его ни какими коврижками; а то, такъ просто на просто не возьметъ ихъ, потребуетъ пять долларовъ. Если-же ваша болѣзнь потребуетъ нѣсколькихъ его визитовъ, то онъ подастъ вамъ «биль», то есть свой счетъ, и вы волей неволей должны заплатить ему все. Въ противномъ случаѣ онъ потребуетъ свое черезъ судъ!.. За пріемъ дитяти, хоть-бы у самыхъ бѣдныхъ родильницъ, платится доктору не меньше двадцати долларовъ; и при этомъ

ему дается еще помощница бабка, которая почти все сама дѣлаетъ!..

— А не перессорься вы между собою, славянское общество здѣсь имѣло бы своего доктора и аптеку; вамъ бы леченіе ничего не стоило!... А американцы тоже страдаютъ этими болѣзнями?

— Не слышалъ, чтобъ они страдали печенью, а отъ простуды предохраняютъ ихъ шерстяныя рубахи, которыхъ они никогда не снимаютъ. Теперь и мы попривыкли къ нимъ, но прежде, на Ситхѣ, я и не зналъ о существованіи ихъ. Какое же можетъ быть сравненіе климата Ситхи съ здѣшнимъ? Тамъ зима хоть и непостоянна, а лѣтомъ хоть и дожди часты, но воздухъ болѣе ровный, легкій и здоровый; здѣсь же, вы идете по солнечной сторонѣ улицы—тепло, перешли на другую, въ тѣнь и чувствуете уже, какъ холодъ обдаетъ разгоряченное ваше тѣло. Или же съ 8 часовъ утра до трехъ пополудни стоитъ сильная жара, а къ вечеру сырой прохладный, а иногда рѣзкій холодный вѣтеръ прохватываетъ васъ насквозь и застуживаетъ потъ. Зима и осень здѣсь еще нѣсколько сносны; температура воздуха уравнивается частыми дождями, а растительность принимаетъ веселый видъ цвѣтущей зелени; лѣтомъ же, отъ бездождья трава тускнѣетъ—блекнетъ... въ воздухѣ не хорошо. Мы подошли къ гостинницѣ, и о. Николай, простившись со мною, обѣщалъ пріѣхать за мной въ 6 часовъ веч. Я спустился въ обѣденный залъ.

Гостинница эта считается одною изъ лучшихъ въ обширномъ Санъ-Франциско. За 2 доллара въ сутки, кромѣ скромнаго, но чистенькаго и удобнаго нумера, вамъ даютъ, ѣсть очень роскошно 4 раза въ день, въ опредѣленные часы. Вотъ теперь подали мнѣ обѣдъ изъ 6 блюдъ и дессерта (въ числѣ блюдъ былъ и хорошій супъ). Но

что пріятно поразило меня, такъ это—салфетки; наконецъ то я ихъ вижу въ американской гостинницѣ! По одну сторону меня сидитъ приличный съ виду джентльменъ, противъ меня—2 молоденькихъ лэди, а по правую руку—двое рабочихъ, и на этотъ разъ, какъ видно, прямо съ работы, да въ залъ на обѣдъ. Одинъ изъ нихъ весь испачканный въ известкѣ, въ грязной фуфайкѣ, безъ сюртука, а у другаго все лицо избито, виднѣются даже слѣды крови. Они изъ поданныхъ блюдъ мало что ѣли, за то составили свое: сильно пересыпавъ тертый картофель перцомъ, щедро облили его горчицею, и съ удовольствіемъ глотали эту некрасивую смѣсь, запивая ее кофеемъ съ молокомъ; впрочемъ о вкусахъ не спорятъ. Можетъ она была вкуснѣе китайской похлебки изъ морскихъ червей. Вообще американцы любятъ всѣ жгучія пряности, какъ приправу, а пикулямъ отдается особая честь.

Прислуга и дѣти пріѣзжихъ ѣдятъ въ этомъ же залѣ, но часомъ раньше насъ.

Въ обѣденномъ залѣ вы не встрѣтите ни читающихъ газеты, ни курильщиковъ. Для этого въ американскихъ гостинницахъ назначается комната, хорошо меблированная, гдѣ вы найдете много газетъ и брошюръ, а потому она иными называется читальнею.

Вотъ, отобѣдавши, я и наткнулся въ читальнѣ на о. Николая, который упражнялся въ англійскомъ языкѣ надъ «Альта-Калифорніей».

— Что такъ аккуратно?

— Сегодня еще со многимъ нужно васъ познакомить, а потому я поторопился сюда. Счетъ гостинницы мною полученъ, нужно уплатить вамъ за 2 сутокъ 4 доллара, да за кочъ, который перевезетъ васъ ко мнѣ, 1 долларъ.

Это очень недорого. А то, хотите, наймемъ экспрессъ, $^1/_2$ доллара будетъ стоить.

— Нѣтъ; кочъ уже готовъ,—ѣдемъ!

Черезъ четверть часа, мы остановились передъ большимъ домомъ, расположеннымъ въ концѣ города, гдѣ воздухъ будетъ посвѣжѣе...

Греко-Россійское и Славяно-Православное общество нанимаетъ священнику въ этомъ домѣ обширное помѣщеніе въ три этажа. Въ нижнемъ помѣщается маленькая, еще неустроенная церковь: престолъ, аналой, вотъ и все тутъ; во второмъ этажѣ залъ, столовая и кухня; въ верхнемъ—спальни, кабинетъ, дѣтская и маленькая особо расположенная комнатка, которую теперь отдали въ мое распоряженіе. Меблировка довольно сносна; а церковь, средній этажъ и лѣстница покрыты сплошными коврами, на счетъ того же бѣднаго общества... 1500 долларовъ золотомъ обошлось нищему обществу устройство комфорта для умнаго о. Николая (!!).

Одною стороною домъ смотрится въ заливъ, а другою обращенъ къ городу, и имѣетъ сообщеніе черезъ галлереи съ обширными пристройками, по плоскимъ крышамъ которыхъ часто проѣзжаютъ экспрессы къ заливу; сосѣдняя мѣстность господствуетъ надъ этою, застроенною въ уровень съ нею домами, а потому сообщеніе по ихъ крышамъ съ задними улицами удобно.

О. Николай просилъ меня быть невзыскательнымъ за скромный столъ, который дѣйствительно былъ далеко не роскошенъ; утромъ и вечеромъ чай по русски изъ самовара, котораго въ Америкѣ нигдѣ не встрѣтите; его замѣняютъ здѣсь большіе кубы или чайники изъ англійскаго металла, а вода въ нихъ кипятится спиртовою лампой. Ровно въ часъ подавался обѣдъ, состоящій изъ славнаго борща, которымъ я съ наслажденіемъ объ-

ѣдался, такъ какъ здѣсь этого любезнаго блюда не водится; потомъ жесткое жаркое, вотъ и все тутъ; но я былъ доволенъ этимъ болѣе, чѣмъ десятиблюдной смѣсью разныхъ наперченныхъ соусовъ въ англійскомъ вкусѣ. О. Николай, имѣя трехъ дѣтей и жену, не имѣлъ никакой прислуги кромѣ маленькой дѣвочки креолки, а потому его жена сама стряпала, сама и ухаживала за дѣтьми; а онъ самъ себѣ чистилъ сапоги, и разъ въ недѣлю правилъ службу. Два его маленькихъ сынишка ходятъ въ англійскую школу и уже нѣсколько болтаютъ по англійски, но современемъ онъ надѣется отправить ихъ на воспитаніе въ Россію.

— Вы готовы? спросилъ о. Николай, заглядывая ко мнѣ въ дверь. Пойдемте къ вице-президенту нашего общества Франету; человѣкъ онъ хорошій, да теперь въ бѣдѣ: тягается съ однимъ негодяемъ, который хотѣлъ убить его... Впрочемъ онъ самъ познакомитъ васъ съ своимъ процессомъ... Вы понимаете по сербски?

— Нѣсколько.

— Ну, а онъ какъ образованный сербъ тоже понимаетъ нѣсколько по русски.

Было еще свѣтло, когда мы входили въ какое-то маленькое и чистенькое заведеніе, похожее—не то на наши кондитерскія, не то на ресторацію; дружески встрѣтилъ насъ хозяинъ его, громаднаго роста красавецъ, съ русою окладистою бородою—Франетъ. Онъ, лѣтъ десять тому назадъ, преслѣдуемый за свои политическія убѣжденія, бѣжалъ изъ родины сюда, и обжился уже здѣсь. Но вотъ въ прошломъ году, съ нимъ приключилась непріятная исторія, изуродовавшая навсегда красивое его лицо и разоряющая его длиннымъ процессомъ, поселившимъ въ жизнь его горе, печаль и заботы! За кружкою пива, онъ разсказалъ мнѣ, по

сербски, свой процессъ, уже приближающійся теперь къ концу.

Какъ я уже говорилъ, и здѣсь, въ свободной странѣ католицизмъ сильно враждуетъ съ православіемъ. На умнаго и сильнаго духомъ Франета нѣкоторые изъ его земляковъ—католиковъ смотрятъ какъ на опаснаго ихъ интересамъ человѣка; и вотъ одинъ изъ нихъ, довольно богатый обыватель, прежде дружившій съ нимъ, вечеромъ нападаетъ на него на уединенной улицѣ, ошеломляетъ его палкою въ лицо, такъ что Франетъ теряетъ одинъ глазъ и падаетъ безъ чувствъ.... Затѣмъ вынимаетъ револьверъ, чтобъ покончить съ нимъ, но... въ это время вдали показался полисменъ; католикъ бросаетъ свой револьверъ къ ногамъ обезпамятѣвшаго Франета, но убѣжать не успѣлъ, полисменъ его схватываетъ; въ свое оправданіе, онъ клянется передъ полисменомъ, что злодѣй Франетъ напалъ не него, добраго католика, хотѣлъ его убить изъ револьвера, а потому онъ вынужденъ былъ защищаться противъ него палкою, которою и сбилъ его съ ногъ... Въ это время Франетъ очувствовался, и полисменъ представилъ ихъ въ судъ, гдѣ они оба вложили по нѣскольку тысячъ долларовъ залогу... Начался процессъ, а такъ какъ въ Америкѣ обвинить другаго, а оправдать себя, довольно трудно, то онъ тянется уже десятый мѣсяцъ, и только, благодаря хорошему адвокату и множеству свидѣтельствъ его невинности и уликъ противъ виновности противника, процессъ приближается теперь къ концу, и, какъ увѣренъ Франетъ, противнику его придется уплатить ему 10 или 15 тысячъ долларовъ, такъ какъ подобнаго рода преступленія преслѣдуются законами строго.

Франетъ, какъ добрый сынъ православной церкви, побранилъ немного Гончаренку; о. Николай поддержалъ

его, назвавъ того по обыкновенію еретикомъ; намъ между тѣмъ подали свѣжихъ устрицъ, вина и виски, послѣ чего мы отправились на демократическій митингъ.

Какъ теперь, по дорогѣ на митингъ, такъ и въ прежнихъ моихъ прогулкахъ по Санъ-Франциско всѣ встрѣчающіяся мнѣ женщины казались крайне непривлекательны, всѣ онѣ отличались грубыми манерами и какою-то наглостью и жадностью въ глазахъ! Я замѣтилъ это моему спутнику, который согласился съ моимъ замѣчаніемъ. Позже, отъ людей давно живущихъ здѣсь, я слышалъ, что женщины здѣсь продажны, и нехороши, нѣтъ у нихъ ни женственности, ни совѣстливости; жажда къ деньгамъ и безвкуснымъ нарядамъ совсѣмъ ихъ обуяла...

Вонъ видите въ окнахъ этихъ лэди? Ни одной вѣдь хорошенькой, а между тѣмъ мнѣ говорили, что въ Санъ-Франциско немного женщинъ, которыя бы не покупались. Проституція развита сильно, потому что хорошо оплачивается; явныя камеліи и очень некрасивыя берутъ отъ 10—20 долларовъ. Но еще болѣе господствуетъ развратъ скрытый; если мужъ заподозритъ въ немъ жену, то сейчасъ разводъ!... Здѣсь бракоразводные процессы встрѣтите очень часто, и они кончаются очень быстро: для этого не всегда даже требуется доказывать развратъ своей жены, или мужа, достаточно представить какія-нибудь, по здѣшнему, уважительныя причины нежеланія продолжать супружескія отношенія, сейчасъ-же получается разводъ. Въ этомъ отношеніи, судъ безъ проволочки рѣшаетъ дѣло и ваша жена немедленно можетъ выйти замужъ за другаго.... Поссорится со вторымъ мужемъ, выйдетъ за третьяго, и такъ далѣе. Не такъ давно кончился одинъ интересный процессъ въ этомъ

родѣ. Жена требуетъ развода, какъ бы вы думали, по какому поводу? Она, въ присутствіи всѣхъ, объясняла въ судѣ, что желаетъ развода съ мужемъ, на томъ моль основаніи, что: «если онъ теперь, когда молодъ еще, не можетъ удовлетворить меня, то чтоже будетъ съ нимъ лѣтъ черезъ 10, когда я буду еще въ полныхъ силахъ?» Судья проситъ ее объяснить яснѣе выраженіе «не можетъ удовлетворить меня». Она поясняетъ ему что «онъ лѣнивъ». Судья и этого не хотѣлъ понять, тогда она добавила: «онъ очень мало дѣлаетъ со мною». Непреклонный судья янки поинтересовался узнать, сколько именно разъ въ сутки онъ дѣлаетъ съ нею. «Только три раза, и я требую развода!» отвѣчала ему дама. Отвѣтъ ея былъ встрѣченъ громкими аплодисментами и взрывомъ смѣха присутствующихъ, но разводъ она все-таки получила.

Денежный разсчетъ, говорили мнѣ, здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь для женщины составляетъ главный вопросъ въ бракѣ. Молоденькая дѣвушка готова выйдти за кого угодно, лишь бы онъ былъ съ деньгами. Если она выходитъ за богатаго старика, подруги съ завистью поздравляютъ ее, что она устроила такой выгодный гешефтъ. Какъ видите, характеристика калифорнской женщины въ этомъ отношеніи говоритъ далеко не въ пользу ея.

Мнѣ говорили также, что въ штатѣ Иллинойсъ бракоразводы устраиваются еще легче; тамъ, какъ разсказывали мнѣ, не нужно даже вести процесса по этимъ дѣламъ. Желающій развода ѣдетъ въ Чикаго за разрѣшеніемъ его, по простому заявленію о желаніи развестись; ему выдается бланкъ на это, и дѣло съ концомъ, онъ и она—свободны.

По дорогѣ къ мѣсту митинга, намъ пришлось прохо-

дить между прочимъ одну узенькую улицу, переполненную множествомъ винныхъ погребовъ и трактировъ, гдѣ бушуютъ разгулявшіеся рабочіе и забіяки. Здѣсь не безопасно ходить въ поздній часъ, и о. Николай предупредилъ меня, что нужно остерегаться, чтобъ не толкнуть кого нибудь изъ пьяныхъ прохожихъ.

— Что жь они то насъ безпощадно толкаютъ? возразилъ я ему.

— Онъ толкаетъ, потому что пьянъ; а толкните вы его, кровь заволнуете въ немъ; не ровенъ часъ: на вашъ толчекъ—отвѣтитъ въ бокъ ножомъ; бывали такіе случаи.

Въ это время, изъ за угла сосѣдняго переулка показался полисменъ; сильною рукою онъ тащилъ за шиворотъ одного изъ подобныхъ гулякъ, котораго окружала толпа любопытныхъ дѣтей. Какъ ни барахтался арестованный, но твердая рука здороваго полисмена держала крѣпко. Эта картина была для меня новою и я обратился къ отцу Николаю.

— Какъ же это полисменъ такъ неделикатно обходится съ гражданиномъ Америки?

— А вотъ, какъ видите; если полисменъ схватилъ его за воротъ, то вѣрно онъ стоитъ того; да что и дѣлать полисмену, если проказникъ добровольно не идетъ?

— А если сей гражданинъ, возгорѣвъ благороднымъ негодованіемъ, ткнетъ его ножемъ, или выстрѣлитъ въ него?

— Ну, пока онъ подумаетъ объ этомъ, такъ полисменъ прострѣлитъ его насквозь и передъ судомъ будетъ правъ: —скажетъ, что тотъ хотѣлъ его убить, а онъ защищаясь—убилъ его; дальше этого дѣло не пойдетъ!

— А если арестованный силою вырвется изъ рукъ его?

— Не успѣетъ онъ задумать этого, какъ по свистку полисмена, цѣлая толпа полицейскихъ въ одинъ моментъ окружитъ его!

Впрочемъ, полисменъ здѣсь не только всѣми уважаемое, но какъ говорили мнѣ, большею частію и достойное этого уваженія лицо; онъ строгъ въ исполненіи своихъ обязанностей, честенъ и держитъ себя съ такимъ тактомъ, какого можно пожелать многимъ нашимъ превосходительнымъ особамъ, которымъ онъ уподобляется и по звѣздамъ на груди.

Въ Санъ-Франциско полисменъ, какъ знакъ своего званія, носитъ на груди серебряную звѣзду, величиною и формою схожею съ нашею, кажется, Анненскою. Жалованья въ мѣсяцъ они получаютъ отъ 120—150 долларовъ золотомъ. Полисменъ здѣсь важное лицо, стоитъ ему положить руку вамъ на плечо, и указать на знакъ своей власти—звѣзду, и вы арестованы, а станете сопротивляться, угрожать ему, у него сзади, подъ сюртукомъ, всегда заряженный револьверъ

Въ Америкѣ въ полисмены выбираются лучшіе граждане, и званіе это не для всякаго доступно; они подчинены начальнику полиціи, избираемому на срокъ народомъ. Начальникъ полиціи, не подчиняясь мэру, дѣйствуетъ совершенно самостоятельно, и часто вопреки распоряженіямъ мэра.

Мы свернули въ болѣе широкую улицу. Вдали завидѣлись костры. На звуки, музыки, доносившейся къ намъ, мы подошли къ оперному театру, гдѣ теперь происходитъ большой митингъ демократовъ. Одновременно, въ другой части города, теперь же идетъ митингъ противной демократамъ партіи республиканцевъ, по случаю предстоящихъ выборовъ новаго правительства Калифорніи. Партеръ былъ полонъ народу, новыя группы при-

бывали все больше и больше; у подъѣзда толпа, въ ожиданіи свободнаго мѣста въ залѣ, куда мы съ отцомъ Николаемъ, однако, кое-какъ протиснулись. Тишина необыкновенная, и въ ней отчетливо раздается сильный голосъ спикера, сопровождающаго свою рѣчь энергическими жестами. Граждане жадно впивались въ бурную рѣчь оратора. Это былъ моментъ, когда онъ обозвалъ президента Гранта «откормленнымъ тигромъ, впившимся въ шею жирной коровы (Америки)... и умѣющимъ только носкомъ выигрывать тысячные призы, вмѣсто того, чтобы работать на пользу народа»... говорилъ о крайней необходимости перемѣнить настоящее правительство на новое, и здѣсь то полилось его слово кипучимъ ключемъ!..

Одинъ изъ противной партіи (республиканецъ), спьяна ругнулъ оратора, но его сейчасъ же сосѣди любезно вывели вонъ изъ залы, такъ какъ здѣсь митингъ демократовъ, а не общее собраніе гражданъ.

Было очень жарко, и мы вышли на воздухъ; костры сильнѣе и сильнѣе разжигались юными гражданами; на балконѣ театра играла музыка для привлеченія большаго числа слушателей, толпы демократовъ продолжали прибывать. Было уже поздно, и возвращаясь домой, мы встрѣчали маленькія процессіи преимущественно демократовъ; знамена и флаги ихъ развѣваются надъ нѣкоторыми домами, какъ передъ великимъ праздникомъ. Вездѣ и во всемъ царствуетъ торжественная тишина, каждый озабоченъ теперь важнымъ вопросомъ: кто побѣдитъ кого? Демократы увѣрены въ своей силѣ, и немудрено: большинство гражданъ Калифорніи и особенно Санъ-Франциско принадлежитъ къ демократической партіи.

Теперь кстати было бы охарактеризовать настоящее

положеніе партій въ Америкѣ, но прежде скажу еще нѣсколько словъ о значеніи митинговъ ихъ. Каждая партія, передъ митингомъ, выбираетъ изъ среды своей лучшихъ гражданъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ даровитыхъ ораторовъ, хорошо знающихъ современный ходъ дѣлъ въ государствѣ; это спикеры будущаго митинга. Ихъ обязанность произносить спичи въ предстоящемъ собраніи, гдѣ они разъясняютъ слушателямъ требованія партіи своей, ея принципы, и вообще знакомятъ ихъ съ положеніемъ дѣлъ республики. По окончаніи рѣчи спикера, каждый изъ присутствующихъ на собраніи можетъ обратиться къ нему за разъясненіемъ того или другаго мѣста его рѣчи, можетъ возражать ему, лишь бы эта полемика не переходила границъ разрыва его съ своею партіею! Вѣдь подобный митингъ не есть общее собраніе партій всѣхъ цвѣтовъ, гдѣ пренія составляютъ его душу, а это собраніе своихъ единомышленниковъ. Вотъ почему залетѣвшій сюда пьяный республиканецъ и былъ выведенъ изъ залы, когда позволилъ себѣ брань въ домашнемъ кругу демократовъ.

Спикеры произносятъ рѣчи, стоя на эстрадѣ; около оратора на столѣ вода, по сторонамъ стенографы. Дожидающіеся очереди спикеры—кто сидитъ въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, отвернувшись отъ общества, или задравши ноги на стулъ, кто стоитъ. Слушатели тоже въ самыхъ удобныхъ положеніяхъ, а кто не желаетъ слушать такого-то спикера—выходитъ, другіе занимаютъ его мѣсто.

Спикеръ, котораго мы видѣли, былъ во фракѣ, и только что по приглашенію демократовъ пріѣхалъ изъ Нью-Іорка. Какъ наемъ зданій для митинговъ, такъ и плата популярнымъ спикерамъ, часто разъѣзжающимъ въ интересахъ партіи по всей республикѣ, такъ и про-

чіе расходы по пропагандированію принциповъ той или другой партіи требуютъ затраты громадныхъ суммъ, которыя собираются добровольными пожертвованіями. Иной жертвуетъ на это десятки тысячъ долларовъ, за что пользуется огромнымъ вліяніемъ и почетомъ въ глазахъ своей партіи, а въ благодарность, такихъ жертвователей или ихъ протеже выбираютъ предводителями партій въ своемъ округѣ. Само собою разумѣется, они тратятся преимущественно не безъ разсчета и надежды; въ случаѣ если одержитъ верхъ ихъ партія, они получатъ доходное мѣстечко, которое сторицею вернетъ имъ пожертвованіе. Исключенія есть, но рѣдки. Здѣсь, какъ и въ Англіи, очень часто только деньги даютъ перевѣсъ той или другой партіи. Разница въ томъ, что въ Америкѣ это творится не такъ открыто, какъ въ Англіи. Неудивительна поэтому, какъ слѣдствіе подобнаго порядка вещей, та порча и нравственная распущенность Калифорнскихъ властей (республиканцевъ), которая вызвала при мнѣ потоки проклятій на нихъ народа и даже знакомаго уже намъ старика консула. – Выраженіе въ рѣчи спикера, относящееся къ Гранту: «умѣющемуноскомъ выигрывать тысячные призы», требуетъ поясненія. Еще при избраніи Гранта въ президенты, какъ героя послѣдней войны, извѣстнаго всему народу, подшучивали на его счетъ нѣкоторыя газеты: «Какъ будто XIX вѣкъ хочетъ сказать, въ итогѣ: все въ немъ было пьяно: генералъ Грантъ избранъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ»... И дѣйствительно Грантъ слыветъ какъ лучшій, ловкій танцоръ въ цѣломъ союзѣ, и какъ весельчакъ и кутила, любящій и умѣющій хорошо выпить. Ему тѣсно и скучно въ Вашингтонскомъ дворцѣ, и вотъ онъ проживаетъ въ лучшемъ городскомъ отелѣ, расходы по которому уплачиваются, какъ увѣряютъ де-

мократы, кѣмъ либо изъ многочисленныхъ друзей его, капиталистовъ республиканцевъ, руку которыхъ онъ крѣпко держитъ. Въ обвиненіяхъ и укорахъ, которыми республиканская и демократическая партіи въ Америкѣ взаимно осыпаютъ другъ друга, весьма трудно отличить ложь отъ истины, особенно заѣзжему на короткое время иностранцу. Вотъ однако весьма характеристичный анекдотъ, разсказываемый демократами про Гранта; разумѣется за степень справедливости его я не отвѣчаю. По американскимъ законамъ, президентъ не имѣетъ права принимать отъ кого-бы то ни было никакихъ подарковъ. Чтобы обойти этотъ законъ, капитальные республиканцы придумали пикникъ съ сюрпризомъ, объявивъ, что кто изъ участвующихъ на немъ ловчѣе всѣхъ протанцуетъ и выкинетъ, не помню, какую то штуку носкомъ, то получитъ въ видѣ преміи нѣсколько десятковъ тысячь акровъ земли подъ г. Чикаго. Началось состязаніе, и Гранта, президента великой республики, единогласно признали выигравшимъ этотъ призъ!..

Ожесточенная борьба перомъ и словомъ, которую постоянно ведутъ между собою двѣ главныя партіи Америки: демократы и республиканцы, составляетъ насущный интересъ американской жизни. Въ основаніи борьбы ихъ—я говорю о Калифорніи—лежитъ теперь преимущественно экономическій, а отчасти политическій элементы. Между спорными вопросами, въ настоящее время, одинъ изъ главныхъ есть вопросъ о китайскихъ переселенцахъ, по поводу которыхъ стоитъ сдѣлать маленькое отступленіе. Въ послѣднее время, годъ отъ году все болѣе и болѣе, тысячами головъ, какъ грузъ вывозятся спекуляторами изъ Южнаго Китая сюда, въ Калифорнію, такъ называемые кули, или китайскіе рабочіе.

Въ Китаѣ законтрактовываютъ ихъ по самымъ низкимъ цѣнамъ, а здѣсь спекуляторы перепродаютъ эти контракты фабрикантамъ и проч. крупнымъ хозяевамъ съ большимъ барышомъ для себя. Каждый такой рабочій обходится фабриканту въ четыре раза дешевле американскаго рабочаго; съ своей стороны и китаецъ, послѣ убогой жизни на родинѣ, очень радъ 1 доллару, зарабатываемому имъ здѣсь въ рабочій день. Питаясь рисомъ и разною сушеною дрянью, одѣваясь скромно, въ дешевую бумажную матерію, живя большими артелями въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, они, какъ я уже говорилъ, изъ доллара издерживаютъ на прожитіе въ день не больше 20 центовъ, т. е. $^{1}/_{5}$ дол. Значитъ, переселеніе въ Америку для нихъ чистый разсчетъ, и они мало по малу заселяютъ ее; въ Калифорніи есть цѣлыя селенія, цѣлые городки, исключительно наполненные китайцами. Это преимущественно тѣ мѣста, которыя, по причинѣ истощенія своихъ рудниковъ, брошены американцами. Здѣсь-то все время возится трудолюбивый кули въ промыслѣ золота, и добывъ его въ день на 75 центовъ или 1 долларъ, доволенъ судьбою.

Если Санъ-Франциско быстро ширится, если цѣны на земли страшно растутъ, то это именно благодаря тому же переселенію китайцевъ. Такимъ образомъ пришельцы китайцы постепенно, и какъ пьявки впиваются въ тѣло Америки, и если допустить дальнѣйшее ихъ переселеніе, то недалеко то будущее, когда полудикій китайскій элементъ наводнитъ Америку и измѣнитъ ея экономическій и политическій бытъ, въ ущербъ рабочему американцу и его свободѣ. Въ то же время подобное положеніе дѣлъ, наоборотъ, чрезвычайно выгодно для капиталистовъ и хозяевъ, интересы которыхъ поддерживаются настоящимъ

правительствомъ. Такъ объясняютъ вопросъ демократы и требуютъ ограниченія переселенія китайцевъ.

Республиканцы, напротивъ, исходятъ изъ того, что свободная Америка одинаково должна быть открыта и доступна для всѣхъ желающихъ поселиться въ ней, подъ условіемъ уваженія къ ея законамъ; что она нуждается въ рабочихъ рукахъ и что китайцы именно восполняютъ этотъ недостатокъ, а потому стѣснять дальнѣйшее переселеніе китайцевъ и вредно и несправедливо. А какъ китайцы живутъ вовсе не въ дикомъ состояніи, то справедливость требуетъ дать одинаковыя политическія и гражданскія права имъ наравнѣ съ прочими гражданами Америки. Принципъ человѣчный, справедливый, которому повидимому нельзя не сочувствовать; но, вникнувъ поглубже въ дѣло, нельзя отрицать нѣкотораго основанія въ опозиціи ему демократовъ. Продавая свой трудъ очень дешево, китаецъ портитъ экономическія условія американскаго рабочаго; а если ему дать еще права голоса, тогда онъ повредитъ и свободѣ его, такъ какъ вся безтолковая масса ихъ рабочихъ, находясь въ полной зависимости и подъ вліяніемъ своихъ хозяевъ капиталистовъ, на выборахъ будетъ подавать единодушно голосъ, или за него, или за того, кого онъ имъ укажетъ. Другими словами: въ свободной Америкѣ настанетъ царство и деспотизмъ капитала, который уже и теперь даетъ себя чувствовать.

Безъ сомнѣнія, не всѣ республиканцы заражены подобными стремленіями, но только большая часть капиталистовъ изъ нихъ питаетъ себя этими разсчетами, что не скрылось отъ зорко слѣдящихъ за ними противниковъ ихъ—демократовъ, къ которымъ принадлежитъ большинство населенія Калифорніи. Они, безъ сомнѣнія, не желаютъ лишиться, ради дешевыхъ китайцевъ, зараба-

тываемыхъ ими въ день 5—6 долларовъ, а потому требуютъ прекращенія переселенія ихъ, и опасаются за свободу будущей Америки. Вотъ почему они не соглашаются съ правительствомъ о дарованіи имъ правъ американскихъ гражданъ, выставляя доводомъ къ тому, что китайцы, какъ варвары, не съумѣютъ понять интересовъ свободы, а потому невольно будутъ вредить ей. Эта партія здѣсь громадна, и, вѣроятно, на выборахъ побѣда останется за нею. Она состоитъ преимущественно изъ рабочихъ, тѣсно сплотившихся между собою въ стойкую силу обществъ, съ упорствомъ достигающихъ своихъ цѣлей и требованій, и вѣроятно современемъ примкнетъ къ вновь зарождающейся въ Америкѣ 3-й партіи. Мыслящая часть народа, сознавая, что принципы какъ демократической такъ и республиканской партіи не удовлетворяютъ настоящимъ народнымъ потребностямъ, что раздоръ между капиталомъ и трудомъ развивается все глубже и глубже, исподволь формируетъ 3-ю партію— партію рабочихъ, представители которой защищали бы интересы рабочаго. Эта чисто народная партія, въ скоромъ будущемъ, должна окрѣпнуть, выступить на арену и произвести экономическій переворотъ.

Вотъ настоящее Калифорніи; мы не затрогиваемъ другихъ штатовъ, имѣющихъ свою особенную физіономію. Смыслъ же будущности Америки прочтете въ повсемѣстно распространенныхъ здѣсь каррикатурахъ; на одной изъ нихъ Америка, въ видѣ женщины, пожирается пришельцами: китайцемъ, негромъ, нѣмцемъ и ирландцемъ; на другой, она же рьяно оспаривается ими съ криками: «она моя!» «Нѣтъ, она моя!»

19-го Августа. Хотя отецъ Николай и не дружитъ съ Гончаренко, котораго онъ называетъ еретикомъ, однако былъ настолько любезенъ, что проводилъ меня до

самыхъ дверей типографіи издателя журнала «Alaska Herald», съ русскимъ при немъ отдѣломъ «Свобода».

Я постучался въ дверь редакціи, расположенной въ верхнемъ этажѣ.

— Войдите, раздался оттуда грудной голосъ.

Войдя въ маленькую комнатку, гдѣ у единственнаго окна пріютился типографскій станокъ, я увидѣлъ при немъ блѣднаго и тощаго, съ впалыми черными глазами господина, типъ украинца.

— Г. Гончаренко? обратился я къ нему.

— Я самъ, какимъ-то тихимъ, замученнымъ голосомъ проговорилъ онъ; я отрекомендовался ему.

— Радъ видѣть земляка! и онъ принялся продолжать прерванную моимъ приходомъ работу свою.

Сегодня онъ былъ крѣпко занятъ, а потому не отнимая глазъ отъ корректуры и станка, на которомъ исправлялъ ее, Гончаренко урывками бесѣдовалъ со мною.

— Вотъ видите, цѣлый день такъ, съ 5 часовъ утра и до поздней ночи за работою; я пишу, я вѣдь самъ наборщикъ, корректоръ и разнощикъ; это хлѣбъ мой!..

— И ни одного помощника?

— Какъ видите, никого; развѣ зайдетъ моя добрая жена, усядется здѣсь помочь мнѣ, чѣмъ можетъ; складываетъ вышедшіе изъ подъ пресса листы, иногда правитъ корректуру... У меня здѣсь одинъ только другъ и ангелъ—это моя итальянка. И Гончаренко разсказалъ мнѣ вкратцѣ біографію своей жены, родственницы Маццини. Онъ познакомился съ нею во время своихъ бурныхъ странствованій, и устроившись въ Америкѣ, женился на ней. Разговоръ зашелъ о русскихъ въ Калифорніи; мнѣ хотѣлось вызвать его на откровенность, и я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажите мнѣ, что за причина нелада между вами

и прочими здѣсь русскими? Я читалъ «Alaska Herald», и не понимаю, къ чему эта брань, которую вы сыплете на консула, священника и иныхъ, когда можно было бы спокойно выставлять факты и побѣдить враговъ холодными доводами разсудка? Чего вы хотите?...

— Лично для себя я ничего не хочу!... Но я слишкомъ люблю русскихъ и человѣка, а потому у меня одно желаніе: блага имъ!... Консулъ и священникъ составили здѣсь свое общество: «Греко-Россійское и пр. и пр.» многообильное словами общество, цѣль котораго заботиться не о бѣднякѣ, нуждающемся рабочемъ, не о воспитаніи его полудикихъ дѣтей, а о томъ, чтобъ сооружать храмы, да дать возможность попу хорошо пожить! Здѣшній священникъ, продолжалъ онъ, былъ миссіонеромъ на Ситхѣ, задача сложная и великая! Что же онъ тамъ сдѣлалъ? Ничего! Поѣзжайте, и вы увидите, что дѣти тамъ преданы пьянству, разврату и всѣмъ порокамъ; безъ пристанища, они валяются въ грязи на улицахъ! Огрубѣвъ до дикаго состоянія, они не знаютъ, что такое «Богъ», «Христосъ»! Тамъ нѣтъ теперь ни одной школы! Зачѣмъ отецъ Николай оставилъ Ситху, когда тамъ еще очень много живетъ православныхъ, нуждающихся въ словѣ Евангелія, нуждающихся въ добромъ совѣтѣ, въ поддержкѣ отъ окончательнаго паденія? А затѣмъ, что здѣсь жить веселѣе, что здѣсь можно жить на счетъ бѣднаго общества, затѣмъ, что онъ по призванію не священникъ. Пришли американцы въ Ситху, взглянули тамъ на русскаго и обозвали насъ варварами. Пришли спекуляторы пасторы, собрали у американцевъ деньги, большую часть изъ нихъ положили въ карманъ себѣ, а на остальныя устроили кое-какую школу, и обращаютъ православныхъ въ лютеранъ... Вы удивляетесь моей желчи, моей досадѣ на нихъ? Но не могу-жъ я ладить съ ними

не возвышаютъ, а давятъ они здѣсь духъ русскаго человѣка! Могу ли я быть ихъ сообщникомъ, когда я хочу здѣсь школъ, а они храмовъ!?... Я хочу, чтобъ трудъ пришельца, русскаго рабочаго оплачивался справедливо, а его эксплуатируетъ тотъ, который долженъ защищать!... Я хочу, чтобъ русскіе въ Санъ-Франциско такъ же дружно сплотились бы въ общество, какъ напримѣръ итальянцы здѣсь, а консулъ и священникъ, что̀ они дѣлаютъ? обдираютъ и надуваютъ своихъ!... Гончаренко махнулъ рукой. — Эхъ, продолжалъ онъ чрезъ минуту, не я развиваю вражду между нашими, а они вездѣ проповѣдуютъ, что я и то, и другое, что отъ меня нужно отступиться!.. Они внесли раздоръ въ наше и безъ того бѣдствующее маленькое общество, къ позору русскаго имени, которому желаю добра я, а не они..

Гончаренко еще болѣе поблѣднѣлъ, глаза его сверкали, и видно было, что грудь его сильно устала отъ напряженія долгой горячей рѣчи. — Мы здѣсь, продолжалъ онъ отдохнувши, устроили свое общество, и помогаемъ какъ можемъ вновь прибывающимъ сюда землякамъ, но и въ этомъ мнѣ мѣшаютъ.

Гончаренко, скрестивъ руки, задумался; не желчь, но скорѣе покорная грусть тѣнью легла на его выразительномъ лицѣ. — Насъ здѣсь американцы презираютъ, заговорилъ онъ тихо волнующимся голосомъ, презираютъ болѣе, чѣмъ ненавистныхъ имъ китайцевъ! Презираютъ насъ за то, что мы не живемъ между собою мирно; что мы не умѣемъ управляться сами собою; вотъ прочтите! И онъ подсунулъ ко мнѣ нумеръ газеты, гдѣ выставлялось, что «...Русскіе съѣзжаются въ Санъ-Франциско со всѣхъ концовъ міра, чтобъ вредить другъ другу въ устройствѣ жизни, и подличать другъ противъ друга, на срамъ русскому имени. Удивительная нація!...»

— Да, печальное положеніе бѣдной русской жизни! заговорилъ снова Гончаренко, когда я возвратилъ ему газету. И вездѣ-то она не удается, будь то на родинѣ своей, или гдѣ вдали отъ нея!

Въ это время неслышно вошла въ типографію худенькая и миніатюрная дама, съ выразительными чертами болѣзненно смуглаго лица; она напомнила мнѣ нашихъ украинскихъ молодыхъ дѣвушекъ, спознавшихся уже съ невеселой работою трудовой жизни. Это была жена Гончаренки, который протянулъ мою руку къ ея рукѣ, и представилъ меня ей.

Невесело взглянувъ на меня, она молча опустилась на стулъ передъ маленькимъ столикомъ въ углу комнаты, и молча занялась корректурою англійскаго отдѣла Alaska Herald.

— Она по русски не говоритъ, обратился ко мнѣ мужъ. Вотъ, какъ видите теперь, этотъ ангелъ всегда съ покорностью несетъ тяжелый крестъ общей жизни нашей! И онъ въ волненіи забѣгалъ по комнатѣ, потомъ снялъ со стѣны костяной ножъ, и подавая его мнѣ, проговорилъ: Возьмите этотъ индѣйскій ножъ на память нашего знакомства; этотъ ножъ подаренъ мнѣ однимъ моимъ пріятелемъ съ о-ва Ситхи.

— Значитъ, этотъ ножъ ситхинскихъ дикарей «Колошъ»? Скажите пожалуйста, насколько повліяло наше господство на нихъ? Приняли ли они христіанство?

— Чѣмъ были прежде, тѣмъ остались и теперь! Отецъ Николай былъ посланъ къ нимъ миссіонеромъ. Но какъ прежде, такъ и теперь эти дикари душатъ своихъ рабовъ, рѣжутся между собою и находятся подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ шамановъ. Если кого нибудь подарками и заманивали креститься, то онъ въ сущ-

ности оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ и до крещенія.... Мракъ по прежнему во всемъ!...

Колоши или Калюжи, извѣстные также подъ именемъ индѣйцевъ, дѣлятся на нѣсколько родовъ, изъ коихъ главнѣйшіе: Вороній и Волчій; ихъ до 40,000 человѣкъ раскинулось по материку и островамъ бывшихъ нашихъ владѣній; нѣсколько колошинскихъ селеній на о-вѣ Ситхѣ расположены объ бокъ главнаго пункта прежнихъ нашихъ сѣверо-американскихъ колоній: Ново-Архангельска. Колоши тоены (дворяне) имѣютъ рабовъ (калги); жизнь и трудъ послѣднихъ принадлежитъ всецѣло первымъ, и потому между ними существуетъ обычай, по смерти тоена, убивать нѣсколькихъ калговъ, которые могли бы и въ будущей жизни прислуживать своимъ господамъ. Обрядъ убійства совершается слѣдующимъ образомъ: приговоренные на жертву рабы покорно ложатся на землю рядомъ,—на горло ихъ накладывается шестъ, на концы котораго садятся родственники умершаго, и такимъ образомъ душатъ несчастныхъ.

Зарѣзать или убить предательски, украсть или обмануть—это ихъ доблести, возбуждающія къ нимъ страхъ и уваженіе прочихъ единоплеменниковъ. Обращенные изъ Колошъ по имени только христіане: въ церковь ходить—не охочи, къ исполненію православныхъ обязанностей—питаютъ отвращеніе, а въ случаѣ надобности—прибѣгаютъ не къ священнику, а къ шаману. Впрочемъ, если Колошъ — христіанинъ надѣется получить подарокъ или быть угощеннымъ обѣдомъ и виномъ, онъ готовъ пойдти въ церковь—въ шапкѣ, съ трубкою въ зубахъ, и будетъ, если его не остановить, хохотать и разговаривать во время священнодѣйствія. При крещеніи же, для Колоша первое условіе—это найдти побо-

гаче крестнаго отца, къ которому онъ могъ бы по праздникамъ являться за подарками и пообѣдать съ виномъ, до котораго они страстные охотники,—такъ что за бутылку водки онъ готовъ на все. Русскихъ Колоши не любили, но, какъ выражались, «терпѣли» до поры до времени, когда можно будетъ ихъ выгнать, какъ пришельцевъ, и считали себя вполнѣ независимыми.

Жена Agapiasa заговорила съ нимъ о чемъ то по итальянски; тотъ засуетился надъ бумагами, разбросанными по бюро, сложилъ ихъ въ пачку, взялъ шапку, и извинился передъ мною, что по важнымъ дѣламъ вынужденъ оставить меня въ типографіи на нѣсколько минутъ.

— Мнѣ ужь время домой, пойдемте вмѣстѣ, отвѣтилъ я.

— Хорошо. А то, если хотите, я васъ познакомлю съ бывшимъ послѣднимъ бухгалтеромъ нашей американской компаніи N.: онъ живетъ здѣсь, вблизи и имѣетъ папиросную фабрику. Я порадовался этому предложенію: оно давало мнѣ возможность ознакомиться съ лагеремъ, противнымъ тому, съ которымъ познакомилъ меня консулъ.

Дорогою Гончаренко сѣтовалъ на равнодушіе русскихъ къ его журналу:

— Вѣдь въ Санъ-Франциско я не имѣю ни одного подписчика изъ русскихъ! Отъ Аляски мнѣ тоже нѣтъ никакихъ выгодъ: туда я разсылаю журналъ свой безплатно.

— Чѣмъ же вы живете? Чѣмъ вознаграждаются ваши расходы по типографіи, вашъ трудъ?

— Американскими подписчиками, они читаютъ и хвалятъ мою газету... Кромѣ того, я еще занимаюсь разными коммиссіями по продажѣ и покупкѣ пушныхъ

товаровъ и пр... Это поддерживаетъ меня на столько, что кое какъ живемъ съ женою, безъ особенной нужды!..

Мы вошли въ прихожую квартиры г. N.; Гончаренко, заглянувъ въ комнату, проговорилъ: «Веду къ вамъ нашего брата, русскаго путешественника!» Жена г. N. выбѣжала къ намъ на встрѣчу съ веселымъ, пискливымъ крикомъ: «Гдѣ, гдѣ русскій?» Я отрекомендовался; она схватила меня за руки и потащила въ залъ. «Вы откуда?.. Изъ Петербурга, да? да? да?»

— Да.

— А а, а, а!!! Петербургскій! Петербургскій! Мой землякъ!. Ахъ, какъ я рада! Какъ я рада видѣть петербургскаго! И она усадила меня на диванъ. Гончаренко же, извинившись недостаткомъ времени, простился съ нею и пожимая мою руку прибавилъ:

— Вы были у меня въ типографіи; заходите же теперь въ мою хатку, дорогимъ гостемъ будете; вотъ адресъ.

Я обѣщалъ быть у него завтра же, и онъ торопливо вышелъ.

— Вотъ золотой человѣкъ! вскричала г-жа N, какъ только онъ скрылся за двери.

— Кто, кто золотой человѣкъ? раскланиваясь мнѣ съ добродушною улыбкою, спрашивалъ ее вкатившійся въ дверь коротенькій и толстенькій, съ длинною русскою бородою herr N. изъ нѣмецкихъ евреевъ.

— Да Гончаренко.

— Да, да! золотой человѣкъ! И herr N усѣлся въ кресло около китайской этажерки, наполненной пачками папиросъ, а жена его, встряхнувъ кудрявою головой, торопливо достала изъ шкафа, также переполненнаго папиросами, одну пачку, и предложила мнѣ курить.

— Вѣдь вы курите? да, да? Неправда-ли, вы курите?

Я отвѣтилъ утвердительно, а она, глубоко вздохнувъ, сантиментально проговорила: «О, восхитительный Петербургъ! Какъ я его люблю! И всѣхъ петербуржцевъ я очень, очень люблю!....» и милая дама хохотала, показывала несовсѣмъ изящные зубы, захлебываясь визжала, разсказывая о томъ, какъ ей было весело жить въ Петербургѣ, а здѣсь и—въ Ситхѣ:

— Въ Ситхѣ! Въ этой помойной ямѣ, ужасъ какъ скверно!.... Сплетни, дрязги! О! этотъ Николка, да и этотъ скверный старикашка К!.... Вообразите!.... Мой мужъ, по продажѣ нашихъ американскихъ колоній, остался въ Ситхѣ сдавать дѣла; а я перебралась сюда въ одну изъ лучшихъ гостинницъ, гдѣ за мною просто ужасъ какъ всѣ ухаживали, какъ за ребенкомъ! Вѣдь здѣсь, пока вся эта сволочь, служащая въ Аляскѣ, не перебралась сюда, русскія дамы были рѣдкость, а потому всѣ американцы бросились ко мнѣ, ухаживали, были со мною любезны и предупредительны, ну просто на рукахъ носили... Ужасъ, какъ было весело!... Рядомъ со мною жилъ м-сье Поль, нашъ хорошій знакомый, онъ раненый юнкеръ въ отставкѣ, и устраивалъ здѣсь тоже папиросную фабрику. Вообразите же себѣ! Слушайте, слушайте дальше!... Отецъ Николай тоже проживалъ тогда здѣсь временно, по дѣламъ; чтожъ-бы вы думали?! а?! поѣхалъ отсюда этотъ Николка и разсказалъ тамъ моему мужу, и всѣмъ, всѣмъ такія гадости про меня!... Какъ будто-бы м-сье Поль... Ну, ужасъ... что такое! Какъ будто-бы я.... фи, гадости! Ну, comprenez vous.... Ахъ, какая помойная яма эта Ситха! Ахъ! я вамъ скажу, какіе гадкіе люди здѣсь русскіе, въ особенности этотъ Николка!

Увѣряю васъ, что я старался съ возможной вѣрностью передать неудержимый потокъ болтовни, который обру-

шила на меня моя петербургская землячка, подъ небомъ Калифорніи. Я не только ничего не прибавилъ, но напротивъ выпустилъ тѣ сплетни о русскихъ дамахъ въ Америкѣ, которыя имѣли личный или семейный характеръ.

Я не успѣлъ опомниться, какъ барыня, взглянувъ на меня, опять весело расхохоталась: — Петербургскій, Петербургскій!.... Ахъ, какъ пріятно видѣть Петербургскаго!.... Мсье Поль тоже изъ Петербурга!... Вы когда ѣдете обратно?

— Думаю, послѣ завтра.

— Поѣдемъ вмѣстѣ, а? Вѣдь и я собираюсь ѣхать въ Петербургъ, хочу тамъ закупить турецкаго табаку для нашей фабрики. Здѣсь вѣдь отвратительный табакъ, и то намъ платятъ за сотню папиросъ долларъ и два! А американцы сказали мнѣ, если я буду фабриковать папиросы изъ турецкаго табаку, такъ они будутъ платить 5 долларовъ за сотню; я ихъ знаю, они не пожалѣютъ денегъ!

— Какой же разсчетъ возить табакъ изъ Петербурга въ Санъ-Франциско? Путь не близкій, до 18 тысячъ верстъ будетъ! Да и турецкій табакъ въ Петербургѣ, и вездѣ теперь, очень дорогъ - фунтъ 2—3 рубля, и то не изъ лучшихъ сортовъ! замѣтилъ я ей.

— Ужь я достану хорошій табакъ, по 30 коп. фунтъ; у меня тамъ есть.... Ну, что? останетесь на лишній денекъ? поѣдемъ вмѣстѣ. Ахъ, какъ намъ будетъ весело!.. Вѣдь я плохо говорю по англійски, одной скучно будетъ ѣхать!

— Душа моя! отозвался добродушный мужъ ея, который во все время болтовни жены молча улыбался и одобрительно кивалъ головою—ты, кажется, хотѣла ѣхать послѣ выставки, а она назначена черезъ недѣлю еще!

— Что это за выставка? поинтересовался я.

— А здѣсь бываютъ нѣсколько разъ въ годъ выставки разныхъ фабричныхъ и заводскихъ произведеній, машинъ и пр. Вотъ и мы хотимъ свои папиросы тоже выставить.... пояснялъ мнѣ herr N, а г-жа N,—вѣдь она была урожденная русская,—нетерпѣливо перебила его.

— Этотъ противный консулъ вредитъ намъ во всемъ. Мы завели папиросную фабрику, а онъ въ подрывъ намъ устроилъ такую же фабрику для Б. и пустилъ свои папиросы дешевле нашихъ, хоть табакъ въ нихъ одного достоинства! Но какъ они намъ ни пакостятъ, насъ американцы любятъ, и посовѣтовали послать папиросы на выставку, тогда мы получимъ патентъ; наши папиросы признаютъ лучшими, чѣмъ Б., и продажа будетъ идти успѣшнѣе.

— Я не понимаю, какъ консулъ можетъ дѣлать подрывъ вамъ? Одна-ли, двѣ или три фабрики устроются здѣсь, покупателю не прикажешь, въ которой изъ нихъ онъ долженъ покупать папиросы; онъ покупаетъ тамъ, гдѣ лучше и дешевле онѣ. Вѣдь вы говорили, что фабрика приноситъ вамъ громадныя выгоды? Кладите лучшій табакъ въ папиросы, и пустите ихъ нѣсколько дешевле, тогда онѣ разойдутся по всей Калифорніи и даже Америкѣ, гдѣ русскія папиросы неизвѣстны, или новинка еще! Вотъ гдѣ ваши барыши!.. Положительно не понимаю, чѣмъ тутъ можетъ вредить вамъ консулъ.

— А, онъ всѣмъ разсказываетъ, что мы обанкротились, закрыли свою фабрику, и вообще разглашаетъ ложь на нашъ счетъ; ну это все имѣетъ вліяніе на наши дѣла!.. И еслибъ только не Гончаренко, онъ могъ бы намъ еще больше наносить зла!.. Зато какой хорошій этотъ Гончаренко! захлебывалась разговорчивая дама. Рѣдкій человѣкъ! Онъ готовъ забыть свои дѣла, чтобъ помочь, устроить другого. Вѣдь эту фабрику онъ устраивалъ намъ;

по цѣлымъ днямъ бѣгалъ, хлопоталъ познакомить меня съ однимъ американцемъ, который вложилъ за насъ залогъ на фабрику, и все это вѣдь безкорыстно! Только потому, что мы земляки; вотъ каковъ нашъ золотой Aga ius!

— О какомъ залогѣ говорите вы?

— Какъ-же, какъ же! Здѣсь если хотите устроить фабрику табаку или папиросъ, то вносится залогъ въ полторы и болѣе тысячъ долларовъ.

— Къ чему?

— А какъ ручательство, что вы не будете заниматься контрабандою; а если васъ въ ней уличатъ, залогъ вашъ конфискуется, а фабрика закрывается!

— Вы кажется не очень жалуете здѣшняго консула, замѣтилъ я шутя.

— Еще бы его любить! всплеснула руками расхохотавшаяся г-жа N. Вонъ недавно сюда явился одинъ шарлатанъ Шталь, съ своими акціями серебряныхъ рудниковъ, обобралъ всѣхъ бѣдныхъ русскихъ и удралъ; и еще больше обокралъ-бы насъ, еслибъ не предупредилъ Гончаренко! А консулъ не съумѣлъ справиться съ нимъ, самъ дался ему въ обманъ!

— Кто-жь это такой Шталь?

— Слушайте; я разскажу вамъ все по порядку, какъ я поссорилась съ Шталемъ, какъ съ консуломъ... все разскажу! И г-жа N, облизываясь отъ предстоящаго блаженства много-много наговорить мнѣ новостей, закурила папироску и придвинулась ко мнѣ ужь очень близко.

— Этотъ Шталь, разинулъ было ротъ свой добрякъ, herr N.

— Я разскажу!.. Не мѣшайся пожалуйста!.. Ты вѣдь не съумѣешь!.. перебила его жена.

— Чтожъ тутъ умѣть, душа моя?!. Дѣло было очень просто: Этотъ Шталь...

— Ну, хорошо, хорошо; я не знаю кто, и откуда онъ, ты только это разскажи; а какъ я съ нимъ поругалась, пожалуйста, ужъ предоставь мнѣ самой разсказать!

— Этотъ Шталь, заговорилъ мужъ, покорно принявшій ультиматумъ жены, явился къ намъ въ мартѣ изъ Мексики и сейчасъ-же перезнакомился со всѣми здѣсь живущими русскими...

— Не такъ, не такъ ты разсказываешь! Онъ прежде всѣхъ намъ отдалъ визитъ, и отрекомендовался такъ: петербургскій купецъ баронъ Теодоръ Шталь... И г-жа N встала съ мѣста, выпрямилась, слегка кивнула головкою, и такимъ образомъ наглядно познакомила меня съ тѣмъ, какъ представлялся ей Шталь.

— Ну, да, петербургскій купецъ Шталь! А въ Америкѣ, какъ въ свободной странѣ, можно дѣлать все, только не безчинства. Вотъ и устроилъ онъ здѣсь 29 марта 1869 года товарищество, для разработки серебряныхъ рудниковъ въ Вайтъ-Пайнѣ, что въ штатѣ Невадѣ, подъ названіемъ «Россія».

Акціи, стоимостью каждая въ 100 долларовъ, у него уже были заготовлены на предполагаемую сумму основнаго капитала въ 4.000.000 долларовъ. Съ ними-то онъ и принялся бѣгать по всему Санъ-Франциску; американцы не брали ихъ, русскіе-же всѣ, какъ мухи на медъ, довѣрчиво накинулись на нихъ. Шталь убѣждалъ насъ въ несомнѣнномъ успѣхѣ этой компаніи; его агенты со слезами восторга разсказывали о громадныхъ слиткахъ серебра, а частью и золота, какіе они видѣли въ минахъ; доказывали намъ, что въ послѣдніе годы сибирскіе серебряные рудники не въ состояніи доставить требуемаго количества

серебра для нуждъ великой Россіи, и что санъ-францисское русское товарищество нравственно обязано вознаградить этотъ недостатокъ серебра въ Россіи!.. Спустя недѣлю, начали ходить по городу дурные слухи, какъ будто-бы Шталь, петербургскій шарлатанъ, нагло надулъ своихъ; серебро улетучилось, а вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и учредитель, директоръ компаніи Шталь, а мы остались съ никуда негодными клочками бумаги, его акціями, вмѣсто денегъ!..

— Ну, теперь я разскажу! Слушайте! и любезная дама, затянувшись папироскою, начала:

— Я уже говорила вамъ, что только Гончаренко спасъ много русскихъ кармановъ отъ наглой обчистки ихъ этимъ авантюристомъ. Вѣдь онъ сперва влѣзъ и къ нему въ довѣренность, но потомъ Гончаренко узналъ, отъ американцевъ, что здѣсь какая-то плутня!.. Слушайте, слушайте, какъ онъ ловко отдѣлалъ спекулятора-то!.. Является къ нему Шталь, и говоритъ: Вы человѣкъ вліятельный! Помогите мнѣ въ распространеніи моихъ акцій между русскими, я буду платить вамъ 25% отъ каждой проданной вами акціи; само собою, Agapius разсердился на плута; тогда онъ предложилъ ему съ каждой акціи по 50%, это взорвало Agapius'а; онъ его выгналъ изъ дому, и предостерегъ русскихъ отъ дальнѣйшей покупки акцій у Шталя... Чтожь вы думаете? Пріѣзжаетъ сюда изъ Михайловскаго редута одинъ русскій, Сергѣй Степановъ, человѣкъ бѣдный, всего на всего у него было 400 долларовъ въ карманѣ; Шталь, пронюхавъ это, является къ нему и предлагаетъ свои акціи; тотъ еще ничего не зналъ объ немъ, обѣщаетъ купить, какъ только отдохнетъ съ дороги. Вотъ приходитъ къ намъ этотъ русскій, и разсказываетъ о визитѣ къ нему Шталя, спрашиваетъ моего совѣта; само-собою, я ему

отсовѣтовала покупать акціи, и онъ отказался отъ нихъ. Какъ-то Шталь узналъ,—вѣдь у насъ здѣсь сплетни и интриги, какихъ въ Петербургѣ не встрѣтите! Такъ вотъ Шталь и узналъ какимъ-то путемъ, что я виновница его неудачи надуть нашего русскаго изъ Аляски, приходитъ ко мнѣ, бѣгаетъ по комнатѣ, треплетъ себѣ волосы и кричитъ на весь домъ: Вы врагъ интересамъ Россіи! Вы, какъ русская, должны бы помогать мнѣ въ благомъ моемъ начинаніи дѣла, а вы вредите!... Шумъ такой поднялъ, что всѣ сосѣди сбѣжались, думали, что онъ меня просто убьетъ! Тогда я разсердилась и крикнула ему въ лицо: Здѣсь благородный домъ, а не кабакъ!... Идите шумѣть къ тому, кто не хочетъ брать вашихъ акцій, а изъ моей квартиры сейчасъ-же вонъ! или я крикну на помощь!—И шарлатанъ исчезъ.

Я опасался за грудь словообильной моей землячки, и дружески простился съ нею.

— Смотрите-же, заходите почаще! Можетъ быть вмѣстѣ поѣдемъ въ Петербургъ, намъ будетъ весело!... Ахъ!!. ну, прощайте, прощайте!! доносился голосъ ея съ лѣстницы до моихъ ушей на улицѣ. Она нѣсколько замучила меня, и я, свободно вздохнувъ, зашагалъ домой, гдѣ уже ждалъ меня обѣдъ. Сегодня отецъ Николай разорился, прибавивъ къ нему бутылку мѣстнаго краснаго вина.

— Каково на вашъ вкусъ? обратился онъ ко мнѣ.

— Прескверное; кислятина, хуже чѣмъ наши бессарабскія вина въ 10 коп. сер.! А что стоитъ оно?

— Бутылка одинъ долларъ.

— Право кажется, что въ Америкѣ дешевле всего доллары!

Пообѣдавъ, отецъ Николай предложилъ свести меня къ своему хорошему знакомому, также русскому изъ нѣм-

цевъ, Лигебюлю, предшественнику г. N по должности при Сѣверо-Американской-русской компаніи; теперь же онъ имѣетъ здѣсь большой бакалейный магазинъ, гдѣ впрочемъ найдете и сапоги, а если желаете, можете закусить и выпить пива, вина или виски. Лигебюль принялъ гражданство республики и состоитъ членомъ «Греко-Россійскаго и Православно-Славянскаго общества»; онъ знаетъ отлично англійскій языкъ и иронически подсмѣивается надъ Гончаренкою, предсказывая ему близкій конецъ. Его сухое слово проникнуто расчетомъ, а потому онъ мнѣ очень не понравился, и я, отговариваясь усталостью, поторопился проститься съ нимъ. Это одинъ изъ тѣхъ господъ, грызущихъ Русь, который со слезами на глазахъ клялся передъ русскими въ Санъ-Франциско, что онъ чуть-чуть съ ума не сошелъ отъ нестерпимаго блеска золотыхъ и серебряныхъ жилъ въ минахъ Шталя, за то, что послѣдній, за бѣгствомъ своимъ, назначилъ его директоромъ давно умершаго товарищества, деньгами котораго они дружно подѣлились...

Когда я сообщилъ свое впечатлѣніе о. Николаю, онъ возразилъ мнѣ:

— Ну, нѣтъ! Это человѣкъ и умный и хорошій!... Только послѣ Ситхинской роскошной жизни, теперь заѣдаетъ его нѣсколько нужда; жена его привыкла жить тамъ большою барынею; того же требуетъ отъ него и теперь, когда обстоятельства измѣнились къ худшему!... Такъ, что онъ бѣдный рѣшился было на самоубійство: сѣлъ верхомъ, поѣхалъ въ горы, а тамъ, пустивъ въ карьеръ лошадь съ крутой горы, самъ бросился ей подъ ноги... Какъ онъ остался въ живыхъ, одинъ Богъ знаетъ!...

— Это очень трогательно, но повѣрить разсказу было бы наивно!.. Во всякомъ случаѣ, очень жаль!

— Да, жаль бѣдняжку!

И такъ, я мало по малу ознакомливаюсь съ жизнію и характеромъ маленькаго русскаго общества въ Санъ-Франциско, члены котораго грызутся по волчьи.

20-го Августа. Сегодня выборы въ Санъ-Франциско! По этому случаю городъ принялъ праздничный видъ; многіе магазины заперты, мастерскія и фабрики не работаютъ, чтобы дать возможность гражданамъ рабочимъ участвовать на выборахъ;—погреба съ винами снаружи заперты, зато широко-широко раскрылись задніе ихъ ходы, черезъ которые хозяева будутъ сегодня имѣть больше выручки, чѣмъ за иную цѣлую недѣлю:—вѣдь сегодня всѣ граждане, любящіе выпить—пьютъ на счетъ избираемыхъ ими лицъ,—пьютъ и не жалѣютъ кармановъ ихъ!.... Съ самаго ранняго утра народъ толпами идетъ по разнымъ направленіямъ къ своимъ клубамъ или участкамъ, на которые разбитъ городъ, для удобства и быстроты вотированія. У каждаго изъ 32 клубовъ толпятся, или одинъ за другимъ, длинными вереницами, стоятъ избиратели; ихъ лица—оживлены, костюмы—праздничные; уже не раздается рѣчь о долларахъ, иной—не менѣе жизненный интересъ, всецѣло охватываетъ ихъ теперь. Кто изъ нихъ демократъ, кто республиканецъ?—еще загадка....

— Нѣтъ голоса неграмъ и китайцамъ! вдругъ раздается въ кружкѣ голосъ подкутившаго демократа. Да здравствуетъ Грантъ! Да здравствуютъ граждане негры и китайцы! несутся ему въ отвѣтъ пьяные крики ирландцевъ. Начинается ссора, доходящая иной разъ до драки, но полисмены уже на готовѣ: схватываютъ бойцевъ и уводятъ ихъ домой просыпаться; значитъ—питухи пропили

свой голосъ, если къ вечеру не успѣютъ отрезвиться.... *) Впрочемъ подобныя ссоры случаются чаще подъ вечерокъ, когда граждане ужъ сильно подопьютъ, а теперь еще они озабоченно и торжественно поочередно подходятъ къ судьѣ избранія и отдаютъ ему свои ticket'ы (билеты): демократы—за своихъ, республиканцы—за своихъ . . . .

Какъ тѣ, такъ и другіе руководствуются при выборахъ большими билетами или афишами, которые видпѣются у нѣкоторыхъ въ рукахъ. Демократическіе билеты — красные, республиканскія же афиши—бѣлыя; въ нихъ обозначены избираемыя ими лица на должности по штату Калифорніи, въ сенаторы, шерифы, мэры, судьи, и пр. и пр. Въ послѣднихъ, т. е. въ республиканскихъ афишахъ, при каждомъ изъ балотируемыхъ лицъ выставляются нравственныя и матеріальныя добродѣтели ихъ: «такой-то имѣетъ столько-то тысячъ долларовъ и директоръ такой-то желѣзной дороги....» Это на многихъ дѣйствуетъ обаятельно: вѣдь здѣсь всѣ должности, какъ по администраціи, такъ и частныя занимаются приверженцами той или другой партіи, смотря потому, демократъ или республиканецъ стоитъ во главѣ республики и частныхъ учрежденій. Это явленіе составляетъ одну изъ опаснѣйшихъ язвъ американской жизни, противъ которыхъ уже началась глухая борьба недовольныхъ массъ.

Вышеупомянутые билеты и афиши служатъ только, какъ одно изъ средствъ пропаганды той или другой партіи, собственно же ticket'ы (билеты) вотированія, иные; у каждаго клуба стоятъ два гражданина, одинъ демократъ, другой республиканецъ; они занимаются своими

---

*) Подача голосовъ продолжается одинъ день: отъ восхода и до захода солнца.

партіями за десять долларовъ въ день съ тѣмъ, чтобы какъ можно побольше раздать маленькихъ карточекъ, съ особымъ обозначеніемъ избираемыхъ на должности лицъ, тѣмъ гражданамъ, которые не запаслись ими преждевременно, или пожелали бы измѣнить своей партіи. Эти маленькія карточки, намазанныя съ одной стороны клеемъ, наклеиваются на чистый билетикъ (ticket), который свертывается въ трубочку, такъ что по немъ нельзя узнать, къ какой партіи принадлежитъ податель. Напримѣръ: демократы избираютъ въ мэры Санъ-Франциско—Франка Колина, въ сенаторы- Роберта Бетжа и т. д.; всѣ эти лица напечатаны на маленькихъ карточкахъ въ такомъ родѣ: «FRANK McCOPPIN», которыя наклеиваются на большой билетъ, а этотъ послѣдній свертывается и въ свою очередь вручается судьѣ избранія; судья не долженъ знать къ какой партіи принадлежитъ податель, а поэтому, отмѣтивъ его фамилію въ регистраціи, (списокъ или перепись гражданъ избирателей), опускаетъ ticket въ ящикъ, черезъ прорѣзъ въ крышкѣ. (Для лучшаго ознакомленія съ большими карточками, которыми руководствуются граждане при выборахъ, я прилагаю здѣсь билетъ партіи демократовъ).

REGULAR **DEMOCRATIC** TICKET.

No Negro or Chinese Suffrage.

For State Senators,
ROBERT J. BETGE.
THOMAS N. WAND.
For Members of Assembly:

T. I. Moynihan,
Geo. H. Rogers. E. A. Rockwell.
Thomas. P. Ryan, Ioseph Naphtaly,
Geo. R B. Hayes, Ino. C. Criswold. Chas. Mcmillan,
Micn'l Hayes. H. W. Fortune.
Wm. O'Connell. J. L. Roher.

For Supervisor, 10 th Ward,

EDWARD NUNAN.

For Mayor, FRANK McCOPPIN

For Sheriff.

P. J. WHITE.

For County Clerk. R. H. SINTON.
For Recorder, W. L. HIGGINS.
For Treasurer, Otto Kloppenburg
For Assessor, Levi Rosener.
For District Attorney, H H. Byrne.
For Surveyor, Wm. P. Humphreys.
For Harbor Commissioner,
J. J. MARKS.
For Harbor Master, Martin Bulger.

For Cerener,

Jonathan Letterman

For Eine Commissioner, Jas. Farrfll

No Negro or Chinese Suffrage.

For Justices of the Peace.

F. A. Sawyer,
T. W. Taliaferro,
J. C. Pennie,
Chas. Corkery,
Michael Cooney.

For School Director, 10 th Ward,
A. K. HAWKINS.

DEMOCRATIC TICKET.

TENTH WARD.

При этомъ часто случаются разнокачественныя шалости, а при сильномъ возбужденіи умовъ—и насилія одной партіи надъ другою. Вотъ что происходило въ моихъ глазахъ у одного изъ клубовъ: передъ тѣмъ, какъ класть билетъ кому нибудь изъ подкутившихъ ирландцевъ—республиканцевъ, подходитъ къ нему демократъ просить посмотрѣть ticket и ловко замѣняетъ его демократическимъ. У другаго клуба я наткнулся на иную сцену: ораторъ—демократъ убѣждалъ группу ирландцевъ и нѣмцевъ бросить республиканцевъ и примкнуть къ демократамъ, при чемъ—брань на Гранта лилась потокомъ; нѣкоторые изъ присутствующихъ, увлеченные краснорѣчіемъ демократа, тутъ-же измѣнили своему знамени, взявъ билеты противной партіи.

Судья избранія играетъ роль чисто пассивную, а потому подобныя сцены при выборахъ не касаются его личности; въ случаѣ же бурныхъ сценъ вмѣшивается полиція, и то только тогда, когда, найдетъ это удобнымъ для себя т. е. для своей партіи; не забывайте, что начальникъ полиціи избирается народомъ и не подчиняется мэру.

Вотъ что, какъ мнѣ разсказывалъ мой спутникъ, происходитъ иногда на выборахъ; когда партіи сильно возбуждены, случается, что приверженцы одной партіи, съ оружіемъ въ рукахъ, допускаютъ къ избранію только тѣхъ, которые берутъ билетъ ихъ партіи, и если полиція по разсчету или безсилію своему не можетъ помѣшать этому, то судья избранія, безъ всякой критики, долженъ принимать эти, силою навязанные, ticket'ы. Иногда же, для увеличенія числа голосовъ партіи, подкупленные негодяи прибѣгаютъ къ мошенническимъ уловкамъ, въ которыхъ проявляется во всей наготѣ ихъ нравственная порча, такъ напримѣръ: а) когда судья выкликаетъ по фамиліи избирателей, иной наглецъ, зная, что вызванный принад-

лежитъ къ противной партіи, смѣло подаетъ за него ticket своей партіи, и если его немедленно не уличать, то судья уже не имѣетъ права принять ticket отъ дѣйствительно вызваннаго лица; b) такъ какъ перепись гражданъ избирателей (регистрація) длится двѣ или болѣе недѣли, а подача голосовъ—одинъ день, то подкупленные негодяи, запомнивъ фамиліи заболѣвшихъ или выѣхавшихъ, но уже вписавшихся въ регистрацію, вносятъ за нихъ ticket своей партіи. Безъ сомнѣнія ремесло это очень и очень опасно: плохо придется смѣльчаку, если здѣсь присутствуетъ кто-нибудь изъ знакомыхъ отсутствующихъ гражданъ! c) Если выборы по штатамъ происходятъ не единовременно, то подобные молодцы съѣзжаются изъ другихъ штатовъ ко времени регистраціи чужаго для нихъ лица, вписываются здѣсь, и такимъ образомъ, подаютъ свой ticket; d) счетъ голосовъ по ticket'амъ производится судьей избранія, при которомъ находятся помощники отъ разныхъ партій, но если судья избранія плутъ (что рѣдко), то иногда успѣваетъ произвести поддѣлку въ счетѣ голосовъ, и пр. и пр. Само-собою разумѣется, что зло это творится скрытно, а раскройся оно—народная расправа жестока *)...

День уже близится къ концу; всѣ жители въ тревожной неизвѣстности—чья возьметъ? Чья партія одержитъ верхъ, та и будетъ командовать краемъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ...

Измученный сильною ходьбою, я отправился домой.

*) Въ письмѣ, полученномъ мною изъ Санъ-Франциско, о результатахъ перемѣны правленія въ Калифорніи, между прочимъ говорится: „Судья избранія одного клуба найденъ въ конторѣ мертвымъ, а ящикъ ticket'овъ раскрытымъ; подкупленный республиканцами, онъ подмѣнилъ демократическіе билеты на республиканскіе, и боясь народной ярости за свой проступокъ—рѣшился на самоубійство."

Вечеромъ, вспомнивъ о своемъ обѣщаніи быть у Гончаренки, я уже одинъ, безъ о. Николая, вышелъ изъ дому... Но вотъ зажглись костры, по улицамъ разнесся оживленный говоръ демократовъ, изъ подваловъ несется крикъ: «Да здравствуютъ демократы! Долой Гранта и китайцевъ!» Демократы одержали верхъ надъ республиканцами....

Немедленно вечернія газеты и телеграфы далеко, далеко разнесли вѣсть, что одинъ изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ штатовъ Калифорнія подняла знамя за демократическіе принципы, отчего,—по мнѣнію демократовъ—Гранту не поздоровится. Въ увлеченіи своею побѣдой, они уже поговариваютъ здѣсь о близкой смѣнѣ и отдачѣ его подъ судъ, за нарушеніе имъ нѣкоторыхъ статей конституціи.... *)

---

*) Для болѣе полной характеристики партій въ Калифорніи, дѣлаю выписку изъ полученнаго мною съ Санъ-Франциско письма:... Плоды отъ политики демократической партіи успѣли уже показаться. Китайцы, въ виду стѣсненія дальнѣйшаго ихъ переселенія въ Калифорнію, обложены громадною пошлиною, чего не избѣжали и китаянки: онѣ обложены пошлиною въ 200 долларовъ съ лица. Компанія же, доставляющая кулiевъ въ Америку, платитъ огромные залоги. Многіе ждутъ поголовной рѣзни, ибо болѣе 30,000 гражданъ остались безъ работы, а китайцевъ съ каждымъ пароходомъ прибываетъ тысячами. . . . .

Вотъ еще характеристичный фактъ: „Недавно былъ процессъ, въ которомъ приняли участіе представители демократической партіи; дѣло шло о растлѣніи 6½ лѣтней дѣвочки съ убійствомъ; республиканцы, конечно, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы насолить друзьямъ: они возбудили народъ, который чуть не разорвалъ преступника, разбилъ дверь въ судѣ, и хотѣлъ прямо безъ слѣдствія повѣсить и адвоката“ . . . .

Далѣе: „Сюардъ вездѣ расхваливаетъ свою покупку, бывшія наши С. Американскія колоніи, а теперь уѣхалъ въ Мексику, для переговоровъ о покупкѣ у нихъ провинціи Сонора.“ . . . . . .

„Англійская Колумбія подала меморандумъ въ Вашингтонъ съ

На мой стукъ въ дверь, Гончаренко впустилъ меня въ маленькую залу своей скромной квартирки. Жена его сидѣла за шитьемъ на диванѣ; я усѣлся около нея, а онъ, похаживая по комнатѣ, съ такимъ удовольствіемъ теръ себѣ руки, такъ свѣтло поглядывалъ, что я невольно замѣтилъ ему о вѣроятности самаго блаженнаго состоянія его духа въ настоящее время.

— Вы правы; вчера цѣлый день я гнулъ свою спину, а сегодня—выправляю ее. Вѣдь послѣ серьезнаго труда, отдыхъ—наслажденье, вотъ и я теперь наслаждаюсь въ обществѣ моей доброй жены!

— А такъ какъ я пришелъ къ вамъ не безъ своекорыстныхъ цѣлей, то вашъ отдыхъ—кстати мнѣ.

— Не познакомиться ли желаете съ нашими?

— Нѣтъ, я уже достаточно освоился съ русскими въ С-Франциско; но просилъ бы васъ ознакомить меня съ прошлою и настоящею Аляскою. Вамъ о ней, безъ сомнѣнія, извѣстно болѣе, чѣмъ кому другому изъ нашихъ земляковъ здѣсь.

— Съ удовольствіемъ исполню ваше желаніе, на половину только; съ прошлымъ ея не берусь знакомить, это было бы длинною—длинною исторіею, на которую не хватитъ этого вечера *)... Но не хотите ли вы сперва прочесть вотъ эту коротенькую журнальную статью? Она кратко характеризуетъ прошлую русскую и теперешнюю американскую Аляску.

Я взялъ поданный мнѣ листокъ; не знаю на сколько

просьбою принять ее въ число штатовъ великой республики: „мы-де не хуже русскихъ; говоримъ съ вами однимъ языкомъ, хотимъ и пользоваться съ вами одними вольностями“.

*) Подробный очеркъ бывшихъ нашихъ Сѣверо-американскихъ колоній, по собраннымъ мною здѣсь свѣденіямъ и рукописямъ—будетъ помѣщенъ въ видѣ приложенія въ концѣ путешествія.

правды въ словахъ американской газеты, но вотъ что гласила она между прочимъ: «Акціонеры Россійской американской компаніи, слишкомъ ввѣрившись одному лицу, можетъ сами не подозрѣвая того, платятъ дорого за свою довѣрчивость. О прошлыхъ злоупотребленіяхъ умалчиваемъ, но о недавнихъ, считаемъ долгомъ поднять голосъ, высказать правду, передъ глазами акціонеровъ и всего свѣта. Злоупотребленія слишкомъ вопіющи и слишкомъ наглы, чтобы можно было умолчать о нихъ».

«Повѣренный Компаніи дѣйствовалъ не какъ довѣренное лице въ интересахъ довѣрителя своего, но— какъ полный собственникъ, — дѣйствовалъ не въ пользу компаніи, но въ свою собственную пользу:—злоупотребляя довѣріемъ и отвергая честь,—обманывалъ всѣхъ, и обманомъ пріобрѣтаетъ состояніе,—отвергая правду, подкупаетъ людей, для подачи ложной присяги. Конечно, все это дѣлалось въ полной надеждѣ и увѣренности, что въ Петербургѣ и въ Москвѣ никто объ этомъ не узнаетъ,—да какъ и узнать? Въ Аляскѣ нѣтъ газеты, которая могла бы слѣдить за дѣломъ, — а изъ Россіи нѣтъ корреспондентовъ на дальнемъ востокѣ Сибири, или въ какой нибудь Ситхѣ. Между тѣмъ, какъ въ Калифорніи и на востокѣ Соединенныхъ Штатовъ всякій знаетъ и говоритъ объ этомъ. Не говоря уже о томъ, что довѣренные Русско-американской Компаніи дурно управляли дѣлами, они требовали еще помощи, субсидіи отъ правительства; а вмѣсто развитія натуральныхъ богатствъ страны и увеличенія торговли, они считались на службѣ, единственно, чтобы получать ежегодную плату отъ компаніи и наживаться на счетъ ея. Они могли достигнуть послѣдней цѣли болѣе честнымъ путемъ, они могли бы работать добросовѣстно, для пользы Компаніи, и тогда Компанія была бы несмѣтно богата, и наживая

деньги,—не пожалѣла бы удѣлить главному правителю дѣлъ, кромѣ опредѣленнаго годоваго жалованья, извѣстный процентъ съ дѣла или изъ годовой прибыли. Фактъ, что дѣлами Компаніи худо управляли,—ясенъ изъ того, что территорія кромѣ убытковъ ничего не приносила Государству. Исключая административныхъ издержекъ, Русское правительство платило Компаніи каждый годъ извѣстную сумму денегъ,—между тѣмъ какъ владѣнія при хорошемъ управленіи не могли не приносить хорошаго барыша Компаніи. Акціонеры по нерадѣнію не занимались серьезно дѣломъ,—поручили его нѣсколькимъ десяткамъ прикащиковъ и во главѣ ихъ поставили человѣка, который обладалъ титуломъ, но больше ничѣмъ; и всѣ злоупотребленія его сдѣлались извѣстны акціонерамъ только въ недавнее время, благодаря переходу владѣній въ руки американцевъ и сочувствію къ правдѣ нѣсколькихъ лицъ, которыя рѣшились огласить ее. Эти печальныя открытія пробудили акціонеровъ,—хотя очень поздно—отъ ихъ глубокаго сна.

«Дурное управленіе дѣлъ Компаніи ясно изъ того уже, что американцы, не прося и не ожидая ни субсидій, ни привиллегій, начали торговлю и уже воротили часть суммы, заплаченной Россіи. Черезъ 2—3 года владѣнія будутъ вполнѣ оплачены. Американцы еще недавно вступили на почву Аляски и не успѣли сдѣлать многаго, но въ короткое время вывезли оттуда громадное количество мѣховъ, и—что довольно подозрительно—на здѣшнемъ рынкѣ, кромѣ сырыхъ шкуръ, появилось огромное количество сухихъ, которыхъ — сколько вамъ извѣстно — довѣренные Русско-Американской Компаніи не имѣли права продавать;—шкуры эти были проданы, конечно, безъ вѣдома аукцінеровъ, и понятно,—въ ущербъ ихъ интересамъ, и почемъ онѣ были проданы? Здѣшняя

фирма Гутчинсонъ и К°. купила все имущество Русско-Американской Компаніи въ Аляскѣ за 100,000 долларовъ, а между тѣмъ привезла въ Санъ-Франциско, по таможеннымъ книгамъ по 1-е іюля, шкуръ на 172 тысячи. Различнаго рода торговыми домами въ Санъ-Франциско привезено сухихъ и сырыхъ шкуръ, въ теченіи сего года, на сумму около милліона долларовъ; по этой цифрѣ можно судить о богатствѣ Русской Америки. До сихъ поръ, въ это короткое время, американцы не могли и не имѣли времени заняться разработкою другихъ продуктовъ, но скоро они обратятъ вниманіе на нихъ и займутся добычей минеральныхъ богатствъ: мѣди, золота и каменнаго угля. Съ каждымъ годомъ населеніе страны будетъ увеличиваться; обильныя угольныя копи, богатые мѣдные рудники, золото, найденное въ нѣкоторыхъ частяхъ страны, звѣриный и рыбный промыслы—изъ страны пустынной сдѣлаютъ населенную и богатую.

«Теперь страна продана и сдана, но сдана такъ, что вопросъ о сдачѣ можетъ возобновиться и—поднятъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, потому что фирмѣ, купившей у Русско - Американской Компаніи недвижимое ея имущество, главнымъ правителемъ были сданы предметы, не принадлежавшіе Компаніи и которые должно было бы сдать правительству Соединенныхъ Штатовъ.

«Сверхъ того, аукціонеры узнали, что фирмѣ Гутчинсонъ и К°, противно полученнымъ инструкціямъ, продано и то, что должно бы быть отправлено въ Россію, какъ собственность капиталистовъ Компаніи».

Окончивъ чтеніе газеты, изъ которой я сдѣлалъ эту выписку, полагая, что она будетъ не безъинтересна для

русскихъ читателей, я обратился снова къ Гончаренкѣ.

— Изъ этого документа, замѣтилъ я ему, можно судить только о злоупотребленіяхъ повѣреннаго нашей бывшей компаніи,—а между тѣмъ мнѣ желалось знать что нибудь о житьѣ-бытьѣ нашихъ земляковъ и туземцевъ тамъ,—прежде и послѣ продажи нашихъ американскихъ владѣній.

— Пожалуй, я познакомлю васъ и съ этимъ груст-нымъ житьемъ нашихъ братій тамъ! — Съ чего же начать?...

— Съ акта передачи ихъ американцамъ.

— Хорошо! Начну съ письма отъ 6-го сентября 1867 г. Управляющаго военнымъ департаментомъ въ Санъ-Франциско, генералъ-маіора Галлека, къ генералъ маіору І. С. Дэвису, назначенному командиромъ военнаго округа въ Аляскѣ, включая сюда всю Русско-Американскую область, уступленную нами Соединеннымъ Штатамъ за 7.200.000 дол. золота,—по договору 30-го марта 1867 г.

— Само-собою, изъ этого письма я вамъ представлю только извлеченіе могущихъ интересовать васъ мѣстъ его; вотъ сущность: 1) Главная квартира ваша (Дависа) назначается въ Ситхѣ. Впредь до дальнѣйшаго распоряженія вы подлежите вѣденію Военнаго департамента въ Санъ-Франциско, Калифорніи.

2) Въ непродолжительномъ времени вамъ будутъ высланы комиссаріатскіе запасы, бараки, гошпитали, магазины и пожарныя машины, съ употребленіемъ которыхъ ознакомьте вашихъ солдатъ.

3) Немедля, послѣ перемѣны флага, возьмите во владѣніе всѣ публичные участки, кварталы, праздныя земли, всѣ публичныя зданія, бараки, дома, и всѣ публичныя имущества, уступаемыя по договору намъ; впро-

чемъ на нѣкоторое время вы не стѣсняйте живущихъ тамъ русскихъ офицеровъ и солдатъ.

4) Возьмите во владѣніе укрѣпленія и принадлежащія вооруженія къ нимъ, — артиллерійскіе магазины, всѣ русскіе правительственные архивы, бумаги и документы; храните ихъ, потому что копіи съ нихъ, согласно договору, мы должны выслать русскому правительству.

5) Греко-Восточныя церкви—не трогайте: онѣ остаются неприкосновенною собственностью православнаго населенія Аляски

6) Помните, что по второму пункту договора, жители Аляски могутъ: или—возвратиться подданными въ Россію, въ теченіе трехъ лѣтъ, со дня договора,—или же принять гражданство нашей республики, и въ послѣднемъ случаѣ они, какъ цивилизованный народъ, получаютъ всѣ права и льготы гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, на волѣ наслаждаясь свободою, имуществомъ и религіею. Первымъ,—доставьте удобства къ ихъ возвращенію на родину; вторымъ,—изъявите официальное покровительство и одобреніе: Я завѣряю, что мы теперь и всегда будемъ имѣть уважительное и благосклонное вниманіе къ народу русскому.

7) Дикари-же, непросвѣщенныя племена этой страны, должны подлежать законамъ и уставамъ, какіе правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ допускаетъ относительно всѣхъ прочихъ непросвѣщенныхъ племенъ.

8) До сихъ поръ, торговля этихъ колоній была въ застоѣ, земледѣліе пренебрежено, и всеобщій прогрессъ—не замѣтенъ. Мы ближе, чѣмъ русскіе, къ Аляскѣ и

сдѣлаемъ свое дѣло въ ней! Порты новыхъ владѣній нашихъ будутъ открыты для всемірной торговли, съ подчиненіемъ только законному тарифу; почтовыя и телеграфныя сообщенія между Ситхою и Санъ-Францискомъ скоро устроимъ,—а отсюда соединимъ ее со всѣми портами Америки, Европы и Азіи. Жизненные припасы имъ будутъ подвозиться въ изобиліи.

При этихъ условіяхъ эта новая страна, какъ мѣстныя условія ея обѣщаютъ, должна сдѣлаться Новою Англіею на Тихомъ Океанѣ.

9) Черезъ извѣстный срокъ, согласно нашей конституціи цивилизованное населеніе этой страны получитъ и политическія права, (т. е. права голоса и участіе въ управленіи Соединенными Штатами). Имущества же ихъ личныя и общественныя неприкосновенны.

10) Что касается до дикарей,—исполняйте должность смотрителя надъ ними; защищайте ихъ отъ злоупотребленій, устраивайте порядокъ въ ихъ торговлѣ и отношенія съ нашимъ народомъ. Военные офицеры не имѣютъ права имѣть какія либо дѣла съ индѣйцами; вы тоже (безъ особыхъ на то распоряженій).

За дикими на Барановомъ островѣ, какъ за любящими войну и предательство, наблюдайте строго; воспретите имъ входъ въ лагерь и пребываніе ночью тамъ. Зарядите орудія, и направьте ихъ на селенія дикарей, чтобы подобною угрозою удерживать ихъ отъ нападеній на лагерь.

11) Строго наказывайте офицеровъ и солдатъ за нарушеніе миролюбивыхъ отношеній къ русскимъ, креоламъ или дикимъ; особенное обратите вниманіе, чтобы ваши подчиненные не нарушали обычаевъ или законовъ въ отношеніи правъ и обязанностей женъ туземцевъ.

12) Не одобряйте, ни подъ какимъ видомъ, ни старыхъ, ни новыхъ монополій.

13) Объясните дикимъ, что отъ нихъ требуется почтеніе къ правамъ гражданина Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ; въ противномъ случаѣ, если преступникъ выданъ не будетъ, все племя, а въ особенности голова его строго будутъ наказаны.

14) Такъ какъ населеніе страны состоитъ изъ 50 тысячъ дикихъ и только нѣсколькихъ тысячъ бѣлыхъ и креоловъ, то страною управляйте военнымъ образомъ, впредь до присылки сюда Правительствомъ Гражданскаго управленія.

Изъ этого письма видно, съ какою теплотою и заботливостью отнеслось новое правительство къ своимъ новымъ гражданамъ—русскимъ и креоламъ въ Аляскѣ. Но оффиціальныя инструкціи пишутся всегда очень гуманно, а меня интересовало, такъ ли гуманно исполненіе ихъ, и я спросилъ Гончаренко: согласили-ли Американцы дѣло съ словомъ?

— Несовсѣмъ, отвѣчалъ онъ. Военщина тамъ все таки позволяетъ себѣ возмутительныя вольности, достойныя варваровъ; они нагло выгоняли многихъ жителей изъ домовъ, били стекла въ ихъ жилищахъ,—внесли еще большій чѣмъ былъ прежде развратъ въ семейства ихъ,— а одинъ американецъ разрывалъ могилы алеутовъ и грабилъ что̀ могъ!... А сколько нашло туда иновѣрческихъ миссіонеровъ? Но это не проповѣдники истины, а волки въ овечьей шкурѣ!... Не о просвѣщеніи жителей они больше заботятся, а объ отвращеніи ихъ отъ православія, да чтобъ нажиться отъ денежныхъ сборовъ между американцами, въ пользу устройства мѣстныхъ школъ!...

— И это такъ отличаются свободные граждане Америки?

— Гражданская и политическая свобода несомнѣнно облегчаетъ возможность быть честнымъ и благороднымъ, отвѣчалъ мой хозяинъ, но не даетъ этихъ качествъ тѣмъ, въ комъ ихъ нѣтъ. И здѣсь есть исключенія..... Многіе американскіе генералы не годятся въ деньщики нѣкоторымъ европейскимъ!...

— Къ чему же назначило правительство сюда военное управленіе, когда страна мирная?

— Сперва, по причинѣ вакацій конгресса отложено было устройство гражданскаго управленія въ ней; потомъ разнесся слухъ, что губернаторомъ туда назначается Георгій Гибсъ. Всѣ этому порадовались, такъ какъ онъ человѣкъ добрый и образованный, и могъ бы поставить страну въ счастливое положеніе,—а теперь правительство обѣщаетъ въ самомъ непродолжительномъ времени смѣнить военное управленіе на гражданское... А пока оно еще старается лучше ознакомиться съ страною, съ нуждами населенія ея; но бѣда въ томъ, что не достигаетъ своей цѣли: посылаетъ туда людей, которые не могутъ понять нуждъ русской жизни, не понимаютъ и языка ихъ; въ свою очередь и ихъ никто изъ туземцевъ не понимаетъ.

— Мнѣ кажется, что всего лучше было-бы нашимъ избрать одного изъ среды своей и послать его делегатомъ на конгрессъ: онъ съумѣлъ-бы изъяснить правительству, что нужно для благоустройства Алясканской области.

— Оно такъ; а между тѣмъ наши тамъ, какъ не ознакомленные еще съ законами, обычаями, и прочими союзными порядками, и не думаютъ объ этомъ!.... За нихъ справляются выскочки изъ американцевъ, ищущіе отъ

нью-іоркской жары прохладныхъ мѣстъ въ Аляскѣ: многіе уже подали прошенія правительству на официальныя должности туда, а нѣкто г. Доджъ, искатель приключеній, даже пріѣзжалъ сюда собирать подписи на представленіе его въ Вашингтонъ делегатомъ отъ аляcканскихъ гражданъ!.... Само собою, всѣ эти непорядки — временны; когда же новые граждане ознакомятся съ установленіями новаго ихъ отечества, тогда они изберутъ правителя между собою, и кто знаетъ? можетъ быть какой нибудь русскій рыбакъ Иванъ или Петръ будетъ губернаторомъ у нихъ!.... Вѣдь въ республикѣ управители избираются выборно, Петръ—умный человѣкъ, съумѣетъ дѣлать порядки въ округѣ ихъ, ну,—подадутъ за него большинство голосовъ, вотъ и все тутъ! Въ Америкѣ у кого голова не пуста, тотъ—князь, тотъ и баринъ! А гласъ народа—гласъ Божій!.....

— Пока еще это будетъ, а теперь-то,—какъ вы сами говорите, многіе изъ нихъ безъ пристанища; американцы выгоняютъ ихъ изъ домовъ; пожалуй и земли имъ не даютъ?!

— Ихъ гонятъ не изъ собственныхъ домовъ, а изъ казенныхъ или кампанейскихъ, принадлежащихъ теперь правительству или Гутчинсону! Правда, и это не похвально! Но, что касается до земли, то каждый изъ аляcканскихъ гражданъ имѣетъ право отрѣзать себѣ 160 акровъ лучшей земли, что достаточно для четырехъ семей! Расчитайте: квадратная миля заключаетъ въ себѣ 640 акровъ, а англійская миля равняется слишкомъ полутора русскимъ верстамъ *). Слѣдовательно, они могутъ теперь устроиться лучше прежняго, и мало по малу

*) Англійская миля равняется 1 верстѣ 256 саж.

выйдти изъ подъ экономическаго гнета Гутчинсона; а вмѣстѣ съ тѣмъ загладить печальные слѣды произвола и злоупотребленій старой компаніи!...

— А развѣ преемники нашей компаніи слѣдуютъ по стопамъ ея?

— Отчасти да, но имъ не удается творить зло человѣчеству въ тѣхъ размѣрахъ, какими прославились наши правители, погубившіе Русскую Америку!

— Развѣ она была причиною продажи ея американцамъ?

— А вотъ послушайте исторію той и другой компаніи. Начну съ старой, а кончу новою. Но прежде прочтите вотъ это письмо ко мнѣ одного нашего креола изъ Кадьяка; оно хорошо охарактеризовываетъ личности, пріѣзжавшія изъ Россіи цивилизовать туземцевъ въ Русской Америкѣ!

Г. Гончаренко подалъ мнѣ почтовый листокъ слѣдующаго содержанія:

«Можетъ быть вамъ случится имѣть недоразумѣніе въ изъясненіи отношеній между русскими природными и туземцами въ колоніяхъ, а потому я постараюсь изъяснить ихъ вамъ.

«По рожденію я самъ креолъ; русскіе пріѣзжіе на насъ смотрѣли, какъ на собакъ, и вотъ почему я даю вамъ очеркъ ихъ.

«Отставные офицеры или кутилы чиновники, нанимаясь на службу Россійско-Американской компаніи на валовомъ контрактѣ, т. е., на 100 руб. въ годъ, эти люди, по приходѣ въ наши колоніи въ одной рубашкѣ, да купивши еще рукавицы,—начинали служить, то есть какъ нибудь проводить часы работы: въ сплетняхъ и брани; свободное же время посвящалось карточной игрѣ и пьянству. Вотъ что осѣдлые жители Аляски могли перенять

отъ пріѣзжихъ русскихъ!.... Нѣкоторые изъ нихъ предательствомъ ближняго домогались тепленькаго мѣстечка, и лишь только кто добился до него, то какъ Крыловскій мѣшокъ:

Завеличался,
Заумничалъ,
Зазнался.

«Вотъ къ какой категоріи принадлежатъ Русскіе, служившіе въ колоніяхъ!»

Креолъ Н. К.

— Если справедливо подобное заявленіе, то конечно можно повѣрить, что свои свое погубили! замѣтилъ я, прочитавши это письмо.

— Да! Эти люди, не исключая и бывшаго здѣсь набольшаго ихъ, топтали свою честь и совѣсть въ грязь, и вмѣстѣ съ тѣмъ губили туземцевъ,—погубили и компанію,—погубили и Русскую Америку!... Долго говорить о всѣхъ ихъ продѣлкахъ въ колоніяхъ,—разскажу вамъ только, какъ они разстались съ ними,—какъ они сдавали ихъ американцамъ; и этого довольно будетъ, для полнаго знакомства съ ними!.. Неистовствовалъ тамъ одинъ татаринъ, по прозванью М.; жилось ему привольно и сладко, а потому онъ на прощанье отблагодарилъ компанію, отблагодарилъ и людей, заслуживающихъ награды, чѣмъ только могъ. Пенсіонерамъ и вдовамъ, которымъ слѣдовало выдать жалованье за пять лѣтъ, выдавалъ только за три года, утѣшая ихъ милымъ словцомъ: «вѣдь все равно,—вы скоро помрете!» А между тѣмъ требовалось отъ нихъ росписываться въ книгѣ въ полученіи пенсіи сполна, за пять лѣтъ! Нѣкоторымъ, служившимъ компаніи отъ восьми до тридцати лѣтъ, не дали никакого вознагражденія. Рабочимъ, просившимъ какой нибудь награды, не выдавали дажс

и мѣсячнаго жалованья. Вообще, при сдачѣ колоній въ Кадьякѣ дѣйствовали варварски и деспотически!... Гг. П. и К-ль, тоже участвовавшіе при сдачѣ колоній,— правда взятокъ не брали, зато ничего и не дѣлали. При этомъ нужно замѣтить, что послѣдній все время въ Кадьякѣ былъ пьянъ... Да вотъ лучше всего прочтите вотъ этотъ протестъ жителей острова Ситхи, за подписью 110 человѣкъ.

Протестъ начинался такъ: «27-го мая, 1869 г.»

1) «... Заставляли каждаго изъ насъ, имѣющаго контрактъ, но не доконченный по сроку, подписывать одну бумагу, написанную адвокатомъ Вудомъ на англійскомъ языкѣ, содержаніе которой мы понять не могли. Подписывать эту бумагу онъ заставлялъ насъ съ угрозою— не дать слѣдуемаго разсчета, или просто лишить насъ всего, если мы не подпишемъ предложенной бумаги.

2) Не удовлетворили насъ въ претензіяхъ, которыя мы имѣли на компанію, и которыя намъ слѣдуетъ получить по уставу. Таковыя суть: морскія порціи,—положеніе провизіи, слѣдуемой каждому изъ насъ, то есть — женатому и холостому, независимо отъ общаго котла, на основаніи приказа по порту, отъ 30 марта, 1860 г., за № 51—по 23 руб. 50 к. ассиг. въ годъ. Ничего не дали также и по тѣмъ претензіямъ, которыя люди требовали за свои должности, согласно колоніальному штату.

3) Приказомъ по порту, отданномъ въ концѣ 1868 г., дѣлали вызовъ желающимъ отправиться на Амуръ будущею весною, т. е. въ 1869 г. на бригѣ «Шелиховъ», и, для того требовали письменныхъ заявленій; нашлись желающіе, но до сихъ поръ никто не отправленъ, и даже не выдано имъ дорожнаго содержанія до Амура.

4) Люди, которые были уволены отъ службы компаніи безъ всякаго разсчета, русскіе и креолы не получили даже ни одного гнилаго дома, въ которомъ бы могли жить; правда, ихъ помѣстили въ бывшую парусную мастерскую подъ № 56 (противъ клуба), увѣривъ что этотъ домъ предоставляется въ полное ихъ распоряженіе, но въ то же время продали его американцу Доджу, который варварски выгналъ всѣхъ людей черезъ нѣсколько времени, называя себя владѣльцемъ этого дома.

5) Тѣ изъ служащихъ, которые пожелали остаться въ Ситхѣ до весны, чтобы потомъ отправиться на Амуръ или въ другое мѣсто, не могли получить никакой квартиры отъ компаніи. Взамѣнъ квартиръ, навязывали намъ брать гнилые дома за дорогую цѣну, вычитая суммы стоимости ихъ изъ слѣдуемаго намъ разсчета; между тѣмъ въ выдаваемой купчей крѣпости опредѣляли стоимость ихъ въ 1 долларъ, а въ контору сообщалось списывать всю эту сумму въ торговый расходъ.

6) Креоловъ, которые служили безъ условій, разсчитывали какъ попало: одному выдавали 20 дол., другому—10 дол. и прочее; въ контору же посылали разсчетныя записки, гдѣ писалось вдвое да втрое противу выданнаго. Такъ какъ разсчеты дѣлались самимъ княземъ М., но не правителемъ конторы г. Ивановымъ, (который отдалъ ему даже всю кассу съ монетою) то и дѣлались на обумъ, произвольно, безъ конторскихъ книгъ, которыя хотя и были, но покоились въ пыли въ конторѣ. Даже и тѣ разсчеты, которые дѣлались конторою, были произведены неправильно. Самыя книги, которыя, по закрытіи конторы, слѣдовало бы послать въ Россію,—были оставлены въ Ситхѣ...

Въ Кадьякѣ и другихъ отдѣлахъ колоніи, князь М. никого не разсчиталъ, ни служащихъ, ни алеутъ; а у послѣдихъ даже отнялъ всѣ кредиты, которыхъ числилось къ 1-му іюля 1867 г. на сумму 32.360 руб. *).

7) Многіе изъ служащихъ желали пріобрѣсти себѣ, покупкою отъ компаніи, нѣкоторые товары съ уступкою въ цѣнѣ, а также были и такіе, которые желали взять за плату лѣсопильные заводы, мастерскія и пр. заведенія съ домами, но имъ предпочтены были американцы, потому что... (тутъ я не разобралъ, но кажется, рѣчь шла объ американской щедрости).

8) Въ колоніяхъ находилось много служащихъ, которые успѣли окружить себя семействами, и по смерти своей оставили свои семейства на попеченіе компаніи, надѣясь что начальство ея не забудетъ заслугъ умершаго и—ошиблись: множество вдовъ и сиротъ остались безъ всякой помощи; большая часть изъ нихъ и прежде мало получали отъ компаніи, а теперь они остались безъ куска хлѣба; между тѣмъ какъ ихъ отцы, мужья и

*) Въ нашихъ американскихъ колоніяхъ не было въ обращеніи ни звонкой монеты, ни кредитныхъ билетовъ, а содержаніе служащимъ и заработная плата рабочимъ производилась колоніальными марками, сдѣланными изъ пергамента, въ 10, 25, 50 коп., 1. 5, 10 и 25 руб. ассигнаціями, имѣющими цѣнность только въ колоніяхъ; такъ что все населеніе, не имѣя иныхъ денегъ, поневолѣ должно было покупать всѣ товары, какого бы они низкаго достоинства ни были, изъ компанейскихъ магазиновъ. Само собою, компанія отъ этого выигрывала много, но рабочему было очень убыточно: марки цѣнились здѣсь такъ мало, что ихъ расходовали гораздо болѣе, нежели дѣлали бы это, имѣя звонкую монету.

Служащіе и рабочіе, составившіе экономію, могли вносить марки въ контору, и затѣмъ экономія эта числилась кредитомъ за компаніею, которая впослѣдствіи должна была выплачивать имъ капиталъ съ процентами.

братья служили компаніи по десяти и двадцати лѣтъ съ усердіемъ. Мы знаемъ, что многія вдовы обращались въ послѣднее время съ просьбами къ М. о пособіи, ради малолѣтнихъ дѣтей, но всѣ онѣ получили отказъ. Семейство умершаго Татаурова, состоящее почти изъ калѣкъ, осталось безъ всякаго пріюта; отецъ этихъ бѣдныхъ калѣкъ служилъ компаніи около 40 лѣтъ.

Правда, награждали многія вдовьи семейства (но—повидимому—по особымъ соображеніямъ, такъ напримѣръ, г-жу Больманъ, мужъ которой въ теченіе своей службы въ колоніяхъ оставилъ долгу около 20,000 дол., которые и были списаны въ торговый расходъ). Г-жа Костромитинова, вдова, была награждена, потому что исполняла роль повивальной бабки въ семействѣ губернатора. Г-жа Недомолвина, вдова, не имѣющая никакого семейства, но получившая большой пенсіонъ отъ компаніи, благодаря расположенію къ ней двухъ холостяковъ — главныхъ правителей колоній. Между тѣмъ какъ оставшіяся вдовы бѣдныхъ мужей, напримѣръ: Линквистъ, Малютина, Старцева, Туфанова, Гусьева, Пелымская, Кнутилова, Ладыгина, Уксусова, Баркова и друг., должны жить своими собственными средствами, добывая себѣ насущный хлѣбъ самымъ тяжелымъ трудомъ. Мы не говоримъ о молодомъ женскомъ поколѣніи, которое уже окончательно развращено, по недостаточности средствъ своихъ родственниковъ. Наше православное духовенство еще ни разу не обратило вниманія на безнравственную жизнь туземцевъ, и никогда не спрашивало: откуда бѣдныя вдовы рождаютъ дѣтей, ежегодно увеличивая свои семейства, при такихъ скудныхъ средствахъ.

9) М. постоянно дѣйствовалъ въ ущербъ компаніи,

не принося никакой пользы ей; страна при немъ была въ печальномъ, мрачномъ положеніи. Его цѣль была—постоянно преслѣдовать дѣйствительно честныхъ людей, которые вынуждены были терпѣливо сносить всѣ обиды, дѣлаемыя имъ. Его татарскій характеръ постоянно былъ направленъ къ любостяжанію, и онъ въ теченіе пяти лѣтъ набилъ болѣе сорока сундуковъ драгоцѣнными пушными товарами, которые и отправилъ въ Россію. При передачѣ колоніи американцамъ, онъ первый сдѣлался компаніономъ Гутчинсонской компаніи. Въ послѣднее время своего пребыванія въ колоніяхъ, онъ не управлялъ ими, но грабилъ колоніи и служащихъ! Онъ разсчиталъ какъ слѣдуетъ только тѣхъ, которые помогали ему прямо или косвенно обирать безгласнаго человѣка. Были случаи, что онъ заводилъ процессы со служащими; г-нъ Головановъ первый подвергся этому несчастью, и ничего не получилъ, но еще долженъ былъ поплатиться своимъ; между тѣмъ какъ правитель конторы и бухгалтеръ подъ присягою показали, что Голованову слѣдуетъ выдать по контракту 1,060 дол. за нарушеніе его М-вымъ. Одновременники г. Голованова, прибывшіе въ колоніи въ 1867 г. на кораблѣ «Царица», были разсчитаны М-мъ въ высшей степени пристрастно и безалаберно, какъ-то:

1) Г. Робертъ получилъ 800 дол., долгу прощено ему 300 дол. Всего 1,100 дол.

2) Г. Гнидинъ получилъ 800 дол., долгу прощено ему 240 дол. Всего 1,040 дол.

3) Г. Родіоновъ получилъ 750 дол., долгу прощено ему 280 дол. Всего 1,030 дол.

4) Г. Сорокинъ получилъ 730 дол., долгу прощено ему 160 дол. Всего 890 дол.

Эти два послѣдніе пріѣхали на 100 руб. въ годъ.

5) Г. Поль тоже пріѣхалъ на 100 руб. въ годъ, но получилъ 720 дол., долгу прощено ему 200 дол., въ Санъ-Франциско выдано ему 300 дол., за то, что во время всѣмъ извѣстнаго въ Санъ-Франциско процесса князя Максутова съ жидомъ Шмидбергомъ, на которомъ этотъ послѣдній обругалъ перваго мошенникомъ, — г. Поль былъ свидѣтелемъ со стороны кн. М. въ американскомъ судѣ. Слѣдовательно Поль получилъ болѣе всѣхъ, а именно: 1,220 д.

Г. Головановъ пріѣхалъ па 300 руб. с. въ годъ, получилъ только всего 800 руб..».

Дальше протестъ гласилъ, что «преслѣдованія и гоненія людей М-ымъ были такъ велики, что мы поднимаемъ прошлое и выставляемъ здѣсь всѣ дѣйствія его со служащими, каковы: Гринбергъ, Голецкій, Степановъ, Черновъ, Гнидинъ, Овчинниковъ, Кадинъ, Петерсонъ, Бурцевъ, Голубинъ и другіе.

Г. Гринбергъ былъ помощникомъ правителя конторы у Линденберга, — завѣдывалъ запаснымъ и ромовымъ магазинами. Смѣнили Гринберга только тогда, когда вмѣсто Линденберга вступилъ Ивановъ—фаворитъ и сообщникъ М. Эти 2 человѣка побѣдили старыхъ служакъ до того, что Линденберга разбилъ параличъ, а Гринбергъ умеръ на дорогѣ къ Иркутску.

Голецкаго свергнулъ М. за то, что послѣдній, будучи экономомъ порта и — женатый человѣкъ, не захотѣлъ ходить въ домашній театръ, устроенный М.; а докторъ Марковскій въ это время былъ домашнимъ человѣкомъ, и — лазутчикомъ у М.; онъ-то и настоялъ удалить Голецкаго отъ должности эконома, потому что доктора обидѣла его жена.

Степановъ тоже былъ гонимъ за то, что не послалъ

къ М. и его фавориту — доктору, сухой оленины и соленыхъ гусей.

Чернова—насильно увезли изъ Уналашки на р. Амуръ.

Гнидина — выслали на кораблѣ «Царица»—въ Петербургъ за то, что не уважалъ татарина.

Кадинъ — потерялъ весь свой кредитъ, потому что долго служилъ на пароходѣ американской телеграфной компаніи!

Якутъ, П. Бурцевъ, 89 лѣтъ отъ роду, находясь на службѣ компаніи съ 1835 года, былъ посылаемъ въ экспедиціи въ Кенай и Михайловскій редутъ, — плавалъ по рѣкѣ Квичпакъ до озера Ментохъ, гдѣ скупалъ бобровыя и другаго рода шкуры, подвергаясь опасностямъ, и голодалъ по нѣскольку дней, питаясь одною юколою *). Главные правители колоній, К. и В., не заплатили ему даже за провизію, которую онъ покупалъ въ эти экспедиціи на свой счетъ. — Бурцевъ служилъ компаніи 33 года и М., при окончательномъ разсчетѣ, не далъ ему ничего.

Голубинъ тоже ничего не получилъ, потому что не хотѣлъ быть въ числѣ прислуги въ домѣ у М.

Съ управляющихъ отдѣлами М. бралъ взятки разными предметами, а американцевъ дарилъ бобрами, предоставляя имъ выбирать лучшихъ изъ всей партіи въ магазинахъ компаніи. Нѣкоторыхъ американцевъ дарилъ домами, мебелью и посудою, принадлежавшими компаніи. Адвокату Вуду онъ платилъ по 200 долларовъ въ мѣсяцъ за то только, чтобы тотъ присутствовалъ въ его кабинетѣ во время разсчетовъ со служащими, а также

*) Юкола—это сушеная рыба, употребляемая въ пищу туземцами, преимущественно же алеутами.

давалъ ему еще по 10 долл. за написаніе ложныхъ бумагъ о нарушеніи контрактовъ и проч.

10) Русскому посланнику было сообщено, что русскихъ въ Ситхѣ уже никого нѣтъ, а на повѣрку выходитъ, что ихъ живетъ здѣсь болѣе сотни, что доказываетъ этотъ протестъ.

Здѣсь мы привели только тѣ факты, которые преимущественно касаются однихъ служащихъ бывшей Р. А. Компаніи, ни мало не касаясь внутренней администраціи по дѣламъ ея.

Подписали: Болтановъ, А. Бартъ etc... слѣдуетъ 110 подписей.

Не знаю, имѣетъ-ли этотъ протестъ офиціальный характеръ и кому онъ былъ представленъ; хозяинъ мой не сказалъ мнѣ ничего, а я упустилъ изъ вида спросить его объ этомъ. Во всякомъ случаѣ документъ этотъ, по заключающимся въ немъ фактамъ, если даже и не всѣ они справедливы, показался мнѣ настолько интереснымъ, что я, хотя съ выпусками, счелъ не лишнимъ внести его въ дневникъ мой.

— Что? задумались!—отнесся ко мнѣ хозяинъ, когда я, прочитавъ этотъ протестъ, невольно опустилъ голову въ раздумьи. Правда, есть о чемъ и задуматься! Задумаешься о способности человѣка творить зло!... Невольно вспомнишь страшныя слова пѣвца смерти Леопарди, которому міръ казался громаднымъ союзомъ преступниковъ, преслѣдующихъ горсть праведныхъ безумцевъ!

— Впрочемъ прибавилъ онъ, не всѣ служившіе въ Р. А. Компаніи простились съ ней недовольными. Если для однихъ она была мачихой, то для другихъ—доброй матерью, вотъ напр. князь М. наградилъ себя на подорожную—8,000 дол., Ивановъ тоже получилъ на почтовыя не меньше 5,000 дол., а консулъ въ С. Франци-

ско—Клинкенстремъ, ужъ Богъ знаетъ какъ, выудилъ изъ компанейской казны 4,000 дол., да еще жалованья проситъ у нашего правительства!... Бѣдные, разоренные акціонеры Россійско-американской компаніи! Хотите еще фактовъ?

— Нѣтъ, уже довольно;—вѣдь новая пѣсня споется на старый, уже знакомый ладъ... Но, сказалъ я, вы охарактеризовали мнѣ только матеріальную сторону вопроса, теперь на очереди стоитъ духовная.

— Какая тамъ духовная сторона Старой Аляски?!.. Ея не было; зато тамъ былъ дѣятель по этой части изъ крупныхъ, который посвящалъ свои труды не паствѣ своей, а коммерческимъ дѣламъ; вмѣшивался въ дѣла компаніи, самъ выписывалъ разные товары изъ Японіи, Китая, Калифорніи и даже изъ Россіи и Европы. Всѣ эти товары сбывалъ онъ то въ компаніи, то посылалъ по отдѣламъ колоній для сбыта своимъ подчиненнымъ. Это былъ настоящій ярморочный торговецъ, какъ «Кулакъ» въ поэмѣ Никитина...

— Вотъ что дѣлали наши духовные дѣятели!... Князь М. у этого человѣка постоянно цѣловалъ руки: по праздникамъ всегда первый являлся къ нему съ поздравленіемъ... Много, много грязныхъ дѣлъ водилось за нимъ! Его страсть преслѣдовать своихъ подчиненныхъ превышаетъ всякую мѣру закона. Это—второй Іуда, со всѣми пороками алчности и продажности!... Живя въ колоніяхъ нѣсколько лѣтъ, онъ не пріобрѣлъ ни отъ кого добраго слова или воспоминанія, достойнаго его сана;— «Петрушка»—была ему кличка, постоянно звучавшая въ устахъ колоніальнаго населенія... Что же касается до подчиненныхъ этого крупнаго дѣятеля, то одни другаго стоятъ. Хотите имѣть хоть легкое понятіе о праведномъ судѣ, который творило ихъ правленіе?... про-

должалъ разговорившійся хозяинъ.—Слушайте: губернатору Ситхи сдѣланъ былъ доносъ о задушеніи полугодоваго младенца вдовою изъ креолокъ, которая прижила его вскорѣ послѣ смерти своего мужа. По этому случаю была наряжена коммиссія, которая и заподозрила въ участіи,—какъ въ рожденіи, такъ и въ убійствѣ вновь родившагося младенца, въ сообществѣ съ матерью, цѣлыхъ шесть человѣкъ. По окончаніи слѣдствія, коммиссія не могла рѣшить окончательно дѣла, такъ какъ оно подлежало болѣе закону духовному; а потому его переслали въ духовное правленіе, которое и рѣшило: признать виновнымъ какъ въ рожденіи, такъ и въ убійствѣ младенца содержателя колоніальной лавки Павла Гнидина, не ладившаго въ то время съ М., тогда какъ онъ показалъ коммиссіи, что былъ у этой вдовы только одинъ разъ. Прочихъ пять человѣкъ оправдали, тогда какъ они были со вдовою въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ!... Каковъ судъ?! а?...

— Все же, въ этомъ случаѣ, они поступили еще очень скромно; вѣдь одинъ передъ другимъ соревновалъ къ правдѣ?! А вотъ—разобрать бы ихъ каждаго отдѣльно, услыхали бы вы диковинныя штуки!.. Возьмемте хоть знакомаго вамъ О. Н. на сцену.

— Одна больная дама А. Г.... хотѣла исповѣдываться и причаститься, послала просить сего пресвѣтлаго мужа къ себѣ,—не пошелъ!.. Молъ, денегъ отчего не прислала?... Ну, можно-ли ожидать отъ подобныхъ миссіонеровъ чего либо полезнаго въ привлеченіи къ христіанству дикаго народа—колошъ?!.. Я знаю многихъ Ситхинскихъ индѣйцевъ, принявшихъ Св. крещеніе, но неумѣющихъ сказать: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа»,—этому ихъ еще не научили, но они допускаются къ Тайнамъ Христовымъ!... А между тѣмъ нѣкоторыхъ даже на

смертномъ одрѣ онъ не хотѣлъ напутствовать по христіански! Помнится мнѣ случай въ кажимѣ *) съ умирающей женщиною;—два раза она посылала къ нему съ мольбами придти исповѣдывать ее, два раза ей отвѣчали что духовникъ спитъ!... И она скончалась!... И такъ во всемъ, во всемъ онъ поступаетъ; а всѣ прочіе не лучше его!!...

— Слѣдоватетьно и къ просвѣщенію населенія они также безпорядочно относятся?—замѣтилъ я разскащику.

— Къ стыду нашему—да!... Вотъ еще недавно американцы подивились, а потомъ посмѣялись рѣдкому усердію и соревнованію нашего духовенства передъ ними. Въ концѣ Марта 1868 года протоіерей Новоархангельскаго собора К., съ разрѣшенія епископа Павла, сообщилъ колоніальному начальству воззваніе объ устройствѣ русскаго православнаго училища для мальчиковъ и дѣвушекъ. Вмѣстѣ съ этимъ присланъ былъ и пригласительный списокъ для записи пожертвованій на необходимые расходы при первоначальномъ устройствѣ училища. Дѣло это поручили одному младшему письмоводителю губернской канцеляріи, К. Бобровскому, который и собралъ, въ продолженіи одной недѣли, до 800 долларовъ. Деньги эти были препровождены въ духовное правленіе и, разумѣется, каждый изъ подписавшихся съ нетерпѣніемъ ожидалъ скораго открытія этого училища; но прошло болѣе 10-ти мѣсяцевъ, а объ устройствѣ школы и помину не было. Когда же американцы объявили о намѣреніи своемъ открыть свою школу, на которую уже было собрано около 3,000 долл., тогда и наши зашевелились, начали съ того, что архіерей отслужилъ моле-

*) Кажимъ есть родъ казармы, для женатыхъ простаго сословія, съ отдѣленіями посемейно.

бенъ съ водоосвященіемъ, окропилъ пустую комнату.... Потомъ уже начали ставить столы, а затѣмъ открыли это удивительное учебное заведеніе, подъ управленіемъ дьячковъ, вывезенныхъ изъ Нушагака и Михайловскаго редута; между тѣмъ въ программѣ устройства этой школы были назначены на должности учителей протоіерей К., но онъ отказался: ему было противно быть законоучителемъ въ такой ничтожной школѣ послѣ того, какъ онъ былъ учителемъ въ колоніальномъ училищѣ. Далѣе были назначены: священникъ Ковригинъ, семинаристъ Несвѣтовъ и др.... Но о. Ковригинъ, еще въ маѣ, отправился въ С. Франциско; семинаристъ же Несвѣтовъ былъ цѣлое лѣто въ отсутствіи съ архіереемъ, по отдѣламъ колоній. Оставшіеся здѣсь дьячки и пономари также ничего не дѣлали цѣлое лѣто, благодаря отлучкѣ архіерея... а школа?—школа стоитъ себѣ одиноко, печально, выглядывая разбитыми окнами по сторонамъ: не зайдетъ-ли кто въ нее поучиться хотъ азбучки?!.. А предполагаемая школа могла бы имѣть успѣхъ, такъ какъ Р. А. компанія пожертвовала отъ себя прекрасный домъ, который теперь отданъ въ наймы американцамъ, снабдила его мебелью для классовъ, разными книгами и библіотекою. Кажется, при этихъ средствахъ, можно было бы успѣшно приняться за дѣло, но,—нѣтъ; гдѣ же намъ, право, не славнымъ людямъ заниматься такими скучными дѣлами?!.. А американцы не зѣваютъ, пользуются неспособностью нашей:—въ Нью-Іоркѣ уже открыто нѣсколько комитетовъ для сбора денегъ на прозелитизмъ Аляскинскихъ жителей въ протестантство! Въ Ситхѣ одинъ насторъ уже имѣетъ теперь до 60 дѣтей Православной церкви, совращенныхъ въ лютеранство.

— Неужели же наши священники и миссіонеры такъ

таки ничего тамъ и не дѣлали?! — невольно вырвалось у меня. Впрочемъ мы, русскіе, не злопамятны; для руссо-американцевъ и алеутовъ настала теперь новая эра жизни, которая, мало по малу, залечитъ язвы стараго. ..

— Не пластыремъ-ли по Гутчинсонову рецепту? — желчно перебилъ меня Гончаренко. Гутчинсонъ!..... Гутчинсонъ! — Это продолженіе старыхъ злоупотребленій, подкуповъ и обмана!.... Но жиды не на той почвѣ стоятъ!.... Провалятся они, какъ только окрѣпнетъ русско-американскій умъ и духъ!.... Вотъ, возьмите, познайте ихъ,—Гончаренко подалъ мнѣ письмо одного кадьякскаго жителя, писанное еще въ первое время перемѣны флага; вотъ каковъ смыслъ его:

«Не новость вамъ пишу: пѣсня ужь знакомая... Когда управляла нами монополія Россійско-Американской компаніи, мы всѣ ее ругали, желали ей скорѣйшей гибели, и она—исчезла.... Воцарились здѣсь теперь жиды: компанія фирмы «Гутчинсонъ, Коглъ и К°», и вмѣсто того, чтобы заявить себя передъ нами съ хорошей стороны, чтобы пріободрить людей, замученныхъ старымъ правленіемъ, она варварски стращаетъ насъ, если мы осмѣлимся помимо ихъ продавать свои мѣха и прочіе товары постороннимъ лицамъ; она нагло объявляетъ всѣмъ намъ, что за это въ Америкѣ разстрѣливаютъ и вѣшаютъ; между тѣмъ, съ своей стороны, они продаютъ намъ жизненные продукты вдвое дороже, чѣмъ мы покупали у прежнихъ монополистовъ, хотя они одного достоинства. Не знаю, какъ эта жидовская компанія поступаетъ въ другихъ мѣстахъ колоній, но въ гавани Св. Петра, что на островѣ Кадьякѣ, я былъ свидѣтелемъ сообщенныхъ фактовъ.—Житель Кадьяка А. С.

— Вы видите,—заговорилъ Гончаренко, по прочтеніи

мною письма,—какъ началъ свои дѣла Гутчинсонъ въ странѣ, гдѣ всякій житель лично свободенъ, слѣдовательно имѣетъ право продавать свое добро кому хочетъ?!.. И до сихъ поръ еще онъ не прекращаетъ своихъ дикихъ домогательствъ!.... До сихъ поръ доносятся сюда вѣрные слухи, что наши преемники стараются увѣрить все населеніе Аляски, будто-бы они имѣютъ тѣ самыя права, какими пользовалась Россійско-Американская Компанія!—Но это неправда; обладательныхъ компаній тамъ уже не существуетъ; Гутчинсонъ и Когль никакихъ исключительныхъ правъ не имѣютъ; всякій изъ жителей имѣетъ одинакія съ ними права на торговлю!... Жиды завладѣли всѣми главными мѣстами торговли, пріобрѣли всѣ магазины, складочныя мѣста и товары старой компаніи,—и хотятъ еще вести дѣла одни, не давая никому хода!..... Они хотятъ забрать въ свои руки всю торговлю, хотятъ пользоваться, наживать, не давая возможности существовать другимъ; компанія эта, владѣя большимъ капиталомъ, имѣетъ на своей сторонѣ служащихъ, присланныхъ въ Аляску изъ Вашингтона; она, пользуясь покровительствомъ начальства и дѣлясь съ нимъ барышами, обогащается на счетъ бѣднаго населенія. Она злоупотребляетъ простотою его нравовъ, довѣріемъ его къ ней и своимъ исключительнымъ положеніемъ. Она продаетъ жителямъ Аляски товары свои по дорогой цѣнѣ, отчего наживаетъ большія деньги—долларъ на долларъ; а покупаетъ ихъ трудъ, продукты и мѣха по дешевой цѣнѣ и наживаетъ опять таки громадныя деньги. Она, пользуясь дружбою съ начальствомъ, торгуетъ водкою, а это строго запрещено; давая въ придачу къ условленной цѣнѣ за мѣха бутылку водки, она дѣлаетъ выгодную покупку. Компанія Гутчинсона обманываетъ во всемъ все населеніе новой страны:

она платитъ поденьщику въ день по 1 доллару, между тѣмъ какъ здѣсь, въ С.-Франциско, существующая поденная плата не меньше 5 долларовъ *); она угрозами и коварствомъ покупаетъ у нихъ мѣха почти въ четыре раза дешевле, чѣмъ они выручили бы, продавая ихъ С.-Францискимъ купцамъ!.....

— А какія цѣны на мѣха существуютъ здѣсь?—перебилъ я хозяина.

— Вотъ, возьмите себѣ этотъ листокъ—и онъ подалъ мнѣ объявленіе цѣнъ покупки и продажи разныхъ мѣховъ въ С.-Франциско.—Вотъ они:

Названіе мѣховъ.	Цѣны въ долларахъ. Покупка.	Продажа. въ С. Франциско.
Самый пушистый черный медвѣдь 1-й сортъ	3—4	5—6
„ „ „ „ 2-й „	1½	2½
Барсукъ	½	1
Американскій черный соболь 1-й сортъ	3	4½
„ блѣдный	2	2½
„ „ 2-й сортъ	1	1½
Серебристая лисица	5 - 20	6 - 25
Красная	1	1½
Бѣлая	1	1½
Сѣрая	⅓	½
Рысь	¾—1	1—1½
Каменная куница черная	3—4	4—6
„ „ блѣдная	1½—2½	2½—3¼
„ „ низшій сортъ	⅓	¾
Выхухоль	1/12	2/7
Морская выдра 1-й сортъ черная	30—40	50—60
„ „ „ серебристая	30—40	50—60
„ „ 2-й сортъ	20—30	30—40
„ „ „ черная	15—20	20—25
„ „ „ блѣдная	¼—3	½—5
Земноводная выдра 1-й сортъ / „ „ черная сѣверная	2—2½	3 -4

*) 5 долларовъ золотомъ въ Америкѣ равняются 1 англ. фунту стерлинговъ. т. е., по сегодняшнему курсу—8 русскимъ рублямъ на бумагу; 1 долларъ равняется 100 центамъ.

„ „ „ южная. . . . ,	1—1 1/2	2—2 1/2
„ „ низшій сортъ	1/8—1/6	1/5—1/4
Дикій котъ 1-й сортъ	1/7—1/5	1/4—1/3
„ „ 2-й „	1/8—1/6	1/5—1/4
Тюлень	2/3	3/4
Сѣверный боберъ	1/2—2/3	1—1 1/4
Южный боберъ.	1/2	3/4—1
Индѣйская оленья кожа копченая.	3/4	1—1 1/4
„ „ „ сырая	1/8	1/5—1/4
Большой волкъ.	1/4—1/3	1/2—3/4

По моей просьбѣ Г. сообщилъ мнѣ слѣдующія свѣденія о бобровомъ промыслѣ и пушной торговлѣ туземцевъ съ нашей компаніей и американцами:

Промышляютъ морскихъ бобровъ исключительно алеуты, и въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ—прочіе туземцы; русскіе же и креолы къ этому промыслу совершенно неспособны, такъ какъ привыкать къ нему нужно съ малыхъ лѣтъ. Онъ производится на байдаркахъ (челноки, обшитые кожею морскихъ животныхъ: сивуча или морскаго льва *), тюленя и пр.) и притомъ значительными партіями, чтобы не разогнать бобровъ; во избѣжаніе послѣдняго стрѣлять изъ ружей въ нихъ строго воспрещается, а бьютъ ихъ стрѣлами. По уставу, наша компанія имѣла право высылать алеутовъ на промыслы, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна была, для своей же личной пользы, и заботиться объ нихъ. Для снаряженія бобровыхъ партій, компанія отпускала алеутамъ безденежно: лѣсъ, кожу и прочіе матеріалы, для постройки байда-

*) Морской левъ есть сильнѣйшее и полезнѣйшее изъ морскихъ животныхъ; онъ удовлетворяетъ всѣмъ насущнымъ потребностямъ алеутъ: его мясо идетъ имъ въ пищу, кожа—для обшивки байдарокъ, желудокъ какъ посуда, горло для сапожныхъ голенищъ, а изъ кишекъ приготовляются рубашки, называемыя туземцами камлейками, предохраняющими ихъ отъ мокроты и сырости. Водятся они преимущественно у острововъ Прибылова.

рокъ, и на каждаго человѣка по 2 чарки рому и по $1^1/_2$ фунта табаку на все время промысла. Если ловля бобровъ происходила въ 150 и болѣе верстахъ отъ селеній алеутъ, то компанія на свой счетъ снабжала ихъ еще $7^1/_2$ фунтами муки на каждаго человѣка, и нужнымъ количествомъ юколы и жиру.

Въ первыхъ числахъ апрѣля всѣ партіи отправлялись къ мѣстамъ ловли, а въ первыхъ числахъ іюля возвращались обратно, привозя съ собою ежегодно среднимъ числомъ до 1,000 штукъ бобровъ, которыхъ они могли продавать только одной компаніи; эта же послѣдняя, взявъ въ разсчетъ расходы по снаряженію и продовольствію алеутъ на промыслахъ, и пользуясь ихъ беззащитностью, за самаго лучшаго бобра платила имъ по 15 р. сер.; за прочіе мѣха она вознаграждала ихъ также крайне дешево, а именно: за лучшаго соболя—30 к.; за чернобурую высокаго сорта лисицу—2 р. 50 к. сер., за лучшаго медвѣдя—1 р. 25 к. сер., за большаго выходнаго рѣчнаго бобра — 1 руб.

Кстати будетъ замѣтить, что въ настоящее время лучшими мѣстами для ловли бобровъ считаются: о-ва Шумшу, Атха, Качекмакская бухта, Кенайскій заливъ, о-ва Утурупа и Сахалинъ, мѣсто близь Катмайской одиночки *), по берегу собственно Аляски, а также у о-вовъ

*) Одиночка, это торговый дворъ или лавка, которыя наша компанія устраивала въ различныхъ мѣстахъ, населенныхъ независимыми туземцами, для мѣновой торговли съ ними. Въ мѣстахъ, болѣе отдаленныхъ и не безопасныхъ отъ внезапныхъ нападеній дикарей, на дружбу и миролюбіе которыхъ никогда положиться нельзя, эти посты укрѣплялись высокимъ тыномъ и бревенчатыми башнями, вооруженными двумя-тремя орудіями, и тогда они назывались редутами, защита которыхъ лежала на обязанности компанейскихъ

Алеутскихъ и по всему Сѣверо-Западному берегу Америки.

Для контраста я приведу цѣны, которыя платила компанія за тѣже мѣха независимымъ туземцамъ, напр. колошамъ: за лучшаго бобра 40 р. сер.; за лучшаго соболя 90 коп. и т. д. въ той же пропорціи.

Американцы же скупали тѣже мѣха у независимыхъ дикарей бывшихъ нашихъ колоній, нѣсколько дороже, или до невѣроятія дешево: такъ напр. колошамъ они платили за лучшаго морского бобра—9 одѣялъ на сумму 40 р. и разныхъ мелочей, какъ-то: пороху, пуль, киноварн, табаку, кремней, ножей и виски *) въ подарокъ на сумму 6 р., а всего—46 р. У малегмютовъ они мѣняли винтовку на высшаго достоинства чернобурую лисицу, а малегмюты въ свою очередь промѣнивали эту винтовку другимъ дикарямъ за 20 штукъ рѣчныхъ бобровъ. Хорошая выдра или сиводушка вымѣнивалась на 1 фунтъ пороху или за 40 пуль. А на дальнемъ Сѣверѣ, за ружье, стоющее 6 рублей можно получить отъ дикарей 20 соболей, а прежде тоже самое ружье стоило 100 соболей.

Изъ этого краткаго очерка вы можете заключить, какъ дешево стоили нашей компаніи и стоятъ теперь Гутчинсонамъ мѣха, а слѣдовательно, какіе громадные барыши берутъ они на нихъ.

— Но если, какъ вы говорите, Гутчинсоны на мѣстѣ покупаютъ мѣха такъ баснословно дешево, такъ почему же Аляска не продаетъ ихъ здѣсь?

— А потому, что они еще до сихъ поръ, какъ по-

служителей и рабочихъ. Одиночками завѣдывали прикащики, а редутами—управляющіе, назначаемые Главнымъ Правителемъ колоній.

*) Ромъ, замѣняющій здѣсь водку.

слѣ пожарища, это—разъ; а во вторыхъ—ихъ головы еще не окрѣпли, вѣдь только что помочи сняли съ нихъ!.. Впрочемъ, я думаю, что всему этому скоро придетъ конецъ; уже многіе частные купцы отправили корабли, для торговли съ ними, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше торговля будетъ шириться; товары подешевѣютъ, на мѣха будетъ больше покупателей, возрастутъ и цѣны на нихъ. Это развитіе торговли увеличитъ благосостояніе населенія Аляски, дастъ имъ средства улучшить свой домашній бытъ, дастъ имъ возможность заплатить за обученіе своихъ дѣтей, и вмѣстѣ съ тѣмъ стать твердо на ноги, сдѣлаться вполнѣ достойными гражданами великой республики!...

— Когда еще это будетъ, а теперь то что творится тамъ! замѣтилъ я.

— И эти грабители ищутъ еще сочувствія у правительства!? продолжалъ Г.

— Члены этой компаніи: Г. М. Гутчинсонъ, В. Когль, Луй Шлоссъ, А. Вассерманнъ, Л. Герстле, А. Босковичъ и пр. почти всѣ жиды... Луй Шлоссъ—самый богатый жидъ между ними—теперь находится въ Вашингтонѣ и тамъ проситъ на конгрессѣ о дарованіи имъ монополіи надъ Аляской въ теченіи тридцати лѣтъ.

Болѣе всѣхъ помогалъ Гутчинсонамъ, дѣлалъ зло и обманывалъ жителей Аляски главный агентъ Гутчинсона Иларіонъ Архимандритовъ. Этотъ уже изъ нашихъ.

Но я предупредилъ ихъ бѣдствіе; я сдѣлалъ протестъ въ Вашингтонѣ на конгрессѣ, его подписали болѣе 100 благородныхъ американцевъ, и ручаюсь, что они будутъ также свободны, какъ и всякій гражданинъ этой благословенной республики! Кто знаетъ, можетъ быть совре-

менемъ кто нибудь изъ нихъ будетъ избранъ президентомъ...

Въ самомъ скоромъ времени они будутъ имѣть гражданское управленіе, избранное изъ нихъ самихъ.

Я совѣтывалъ имъ не слушать болѣе проповѣдей во угожденіе и наживу жидамъ, какіе имъ говорилъ М. или говоритъ А.; они за деньги угождали и угождаютъ жидамъ...

— Вотъ видите, продолжалъ мой хозяинъ, утомившись долгою бесѣдой, свои своихъ губятъ во всѣхъ отношеніяхъ: одни помогаютъ закрѣпостить человѣка, а другіе мѣшаютъ ему устроиться получше; кстати я приведу вамъ примѣръ послѣдняго явленія русской жизни. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я вызвалъ вопросъ, что русскіе въ Аляскѣ имѣютъ право избирать себѣ между собой управителей; объ этомъ вопросѣ и американцы много разъ твердили намъ; но отъ самоуправленія мы оказываемся очень далеки; намъ нравится, чтобы иностранцы управляли нами. Встрѣчаясь съ русскими, я представлялъ имъ различныя имена русскихъ, для избранія кого нибудь въ управители себѣ, но не получилъ даже двухъ голосовъ въ пользу кого либо! Русскіе какъ то привыкли отзываться другъ объ другѣ худо, не только сами между собой, но и передъ американцами. Вотъ отчего американцы и называютъ насъ дикарями и издѣваются надъ нами! Вотъ почему, какъ они говорятъ, у насъ и возможны разные М-вы. Какъ то встрѣтился я съ американцемъ, нарочно путешествовавшимъ въ Аляску, чтобы собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о ней: «Смотрители — сказалъ онъ мнѣ — изъ островов увезены въ Россію, и я, несмотря на всѣ усилія, не могъ добиться, сколько чего продано Гутчинсону. «Ваши правители русскіе очень хитры»! наивно добавилъ онъ, не

зная того, что иной нашъ москвичъ перепродастъ американца 10 разъ, такъ же удачно, какъ недавно М. и Ком. перепродалъ акціонеровъ Р. А. компаніи! Вы ничего не слышали о пароходѣ «Константинъ»? Нѣтъ? Ну такъ я вамъ разскажу: Пароходъ «Константинъ», купленный Гутчинсоновой компаніей въ Ситхѣ за 25,000 дол., на пути оттуда въ Санъ-Франциско сѣлъ на мель. Капитанъ на немъ былъ Бенжаминъ, служившій въ нашей компаніи, но посадилъ «Константина» на мель американскій лоцманъ; слѣдовательно лоцманъ и виноватъ! Но М-въ и здѣсь выкинулъ штуку; онъ расходъ на починку парохода до 14,000 долларовъ сосчиталъ въ счетъ Р. А. компаніи, значитъ отличный пароходъ Константинъ былъ проданъ только за 11,000 дол...

— Всѣ сообщенные вами факты объ Аляскѣ, замѣтилъ я Гончаренкѣ, мнѣ понятны еще, такъ какъ это страна—отдаленная, преданная мраку и безпомощности, гдѣ удобно гнѣздились всякія насѣкомыя! Но здѣсь то, въ центрѣ Калифорніи, между—какъ вы говорите—благородными гражданами благословенной республики, какъ здѣсь то развелось гнѣздышко этихъ жадныхъ паразитовъ? Вотъ что достойно удивленія!..

— Не удивляйтесь! Ихъ совѣсть—это инстинктивный страхъ быть раздавленными людьми, а въ нихъ то здѣсь и чувствуется недостатокъ! Именно потому то они и боятся водворенія здѣсь хорошихъ русскихъ людей. Къ сожалѣнію, тотъ, кто бы долженъ былъ отстаивать, защищать здѣсь русскихъ, самъ помогаетъ Гутчинсонамъ и Ледяной компаніи, какъ членъ ихъ *). Вотъ вамъ нѣ-

---

*) Въ Соединенныхъ Штатахъ ледъ вошелъ въ большое употребленіе. Бостонская компанія, завладѣвшая ледяною торговлею на всемъ пространствѣ восточной части Америки, доставляла его и

сколько фактовъ этого: капитанъ барки «Меньшиковъ», Павловъ, договорилъ русскихъ матросовъ въ Ситхѣ, за десять дней до отплытія судна изъ порта, по 1 дол. 50 цент. въ день, для груза его; по пріѣздѣ въ Санъ-Франциско, владѣтели этого судна—Гутчинсоны, выдали матросамъ только по 50 центовъ, а одинъ долларъ изъ дневнаго жалованья, заслуженный тяжелымъ трудомъ рабочаго остался въ рукахъ богачей; слѣдовательно на 100 долларовъ увеличились неправедно пріобрѣтаемыя богатства компаніи Гутчинсона. Русскіе матросы обратились къ русскому консулу искать права, но какъ извѣстно, консулъ самъ участникъ въ этой компаніи, а потому обиженные русскіе ничего не выиграли; и утѣшились только тѣмъ, что не съ ними одними такъ поступаютъ, что алеутовъ еще лучше, безотвѣтно пощипываютъ въ Санъ-Франциско; напр. капитанъ барки «Каянъ» нанялъ въ Ситхѣ матросовъ алеутовъ съ усло-

въ Калифорнію, но по очень высокимъ цѣнамъ, а потому, съ 1852 г., т. е. съ того времени, когда народонаселеніе Калифорніи начало быстро увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась и потребность получать ледъ дешевле и скорѣе, нежели изъ Бостона,—американцы вошли въ сношеніе по этому предмету съ нашею бывшею компаніею, которая на первый разъ продала имъ въ Ситхѣ 250 тоннъ льду, по 75 долларовъ за тонну, между тѣмъ, какъ ей обходилась каждая тонна не больше 1 доллара. Вслѣдъ затѣмъ составилось, для торговли льдомъ смѣшанное товарищество, подъ названіемъ: „Американско-Россійской Ледяной компаніи“, которая получала ледъ на островахъ Ситхѣ и Кадьякѣ, съ условіемъ платить нашей компаніи по 7 долларовъ за тонну, а барыши отъ продажи его дѣлить пополамъ. Теперь же, когда наши колоніи перешли къ американцамъ, эта Ледяная компанія преобразовалась на новыхъ, болѣе выгодныхъ ей началахъ; зарабатывая громадные барыши, они вмѣстѣ съ тѣмъ заботятся о развитіи своихъ операцій по всѣмъ прибрежнымъ странамъ Тихаго Океана. Для заготовленія льда устроены еще нашею компаніей ледники на островахъ Ситхѣ и Кадьякѣ, изъ озеръ которыхъ и добывается ледъ.

віемъ заплатить за путешествіе отсюда въ Санъ-Франциско каждому изъ нихъ по 25 долларовъ, но вмѣсто того разсчиталъ ихъ по 20 дол.; эти же самые матросы одно воскресенье работали вмѣстѣ съ американцами; послѣдніе получили за этотъ день по 5 дол., а алеуты не получили ничего; и никто за нихъ не вступился, хотя здѣсь и живетъ офиціально поставленное на то лице!.. Но не всегда сходятъ съ рукъ Гутчинсонамъ ихъ продѣлки; кто поумнѣе изъ русскихъ, тотъ съумѣетъ самъ защититься отъ нихъ. Недавно капитанъ одного судна, Густавъ Сорманъ—по рожденію шведъ—договорилъ русскаго Семена Степанова—матросомъ къ себѣ на судно. Воображая, по наслышкамъ, что русскаго можно бить, онъ въ теченіе 38-ми дневнаго плаванія, каждый день усердно билъ линками Семена Степанова. По возвращеніи своемъ изъ экспедиціи въ Санъ Франциско, Степановъ бросился въ судъ, и Сорманъ, заплативъ всѣ издержки по суду, былъ еще оштрафованъ на 200 дол., которые и были употреблены на больницу бѣдныхъ матросовъ.

— Развѣ матросы тоже составили особо свое общество?

— Да они имѣютъ особо свое общество, а нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ еще къ другимъ обществамъ, имѣющимъ съ ними нѣчто общее по національности или религіознымъ взглядамъ. Отчего же Степановъ и выигралъ процессъ, какъ не отъ того, что онъ членъ разумно устроеннаго дружнаго общества матросовъ, которые не дадутъ своего въ обиду? Это вѣдь не похоже на наше «Греко-Славяно-Православное» и пр. и пр., гдѣ все и во всемъ пустота...

...... Впрочемъ, нѣтъ; молельня по воскресеньямъ биткомъ набита. А что они тамъ творятъ? Это иной во-

просъ, взгляните и—услышите странные глаголы, странные языки, а пожалуй и странныя и мышленія!.. О. Ковригинъ, не зная другаго языка, кромѣ русскаго, молится по русски; греки не понимаютъ его, за то милый старичекъ К.—протестантъ, разумѣетъ все... Славяне, разинувши рты, смотрятъ на него и тоже не разумѣютъ ничего...

Послѣ этого Гончаренко заговорилъ объ наклонности Ситхинскихъ обывателей предаваться пьянству, кто отъ бездѣлья, а кто—съ горя.

— Но русскіе въ Калифорніи я увѣренъ не подражаютъ имъ: бездѣльничатъ имъ не выгодно, а русскаго горя здѣсь все-таки нѣтъ!

— Нѣтъ, ничего себѣ, иные потягиваютъ изрядно... А о пріѣзжихъ изъ Аляски нечего и говорить. Вотъ одна русская барыня пріѣхала изъ Ситхи, остановилась въ самой лучшей гостинницѣ въ С. Франциско, и аккуратно каждый день приходитъ къ обѣду мертвецки пьяною, что даже удивило ничему не удавляющихся американцевъ!.. Но она пьетъ можетъ быть на радостяхъ, что славяне въ С. Франциско намѣрены основать славянскій журналъ?.. Вѣдь я тоже порадовался этому слуху: можетъ быть они наконецъ начнутъ учиться славянской азбукѣ, чтобы читать этотъ журналъ!.. Пошли Богъ,—пошли имъ Богъ это! А то—темь у нихъ въ головахъ, непроглядная темь... Какъ-то одинъ изъ сихъ почтенныхъ мужей, встрѣтившись со мною па улицѣ, посовѣтывалъ мнѣ не обращаться грубо съ священными предметами, такъ напр: пояснилъ мнѣ онъ глубокомысленно: «Вы безъ всякаго уваженія выражаетесь о князѣ М.; вѣдь княжескій титулъ—титулъ священный!» Вотъ какіе экземпляры водятся у насъ!.. А эта-то почтенная дама, что удивила американцевъ своимъ пьянствомъ, недавно удивила меня

и своею дикостью: по пріѣздѣ сюда, одинъ благородный русскій, у котораго она была въ гостяхъ, представилъ ей мою жену, и что жь вы думаете? При моемъ имени она отвернулась отъ нея...

— Ну а ваше общество? спросилъ я хозяина.

— Насъ хотя маленькій, но за то тѣсный, дружный кружекъ; и подъ этимъ послѣднимъ благотворнымъ условіемъ онъ современемъ долженъ развиться въ сильное, самобытное и прочное общество!.. Да, я вѣрю въ добрую будущность нашего общества, какъ въ будущія отношенія Калифорніи къ Сибири. Сибирякъ пойметъ американца, пойметъ общіе интересы къ прогрессу и благоденствію человѣчества!.. Уже съ прошлой весны начались между ними торговыя связи: много кораблей отправилось отсюда въ Сибирь.... Съ уступкой Соединеннымъ Штатамъ Русской Америки, наступило время, пробилъ часъ пробужденія Сибири. Американцы внесутъ въ новыя владѣнія свои—образованіе, справедливость и правду; разовьютъ торговлю страны, и займутся разработкою сырыхъ продуктовъ и минеральныхъ богатствъ, которыми такъ изобилуетъ Аляска. Съ увеличеніемъ торговли, будетъ увеличиваться число судовъ въ сѣверныхъ гаваняхъ, и не далеко то время, когда между С. Франциско и Аляской откроется правильное и постоянное пароходное сообщеніе.

Неужели сибиряки останутся хладнокровными зрителями развитія торговли и богатствъ страны? Подошедши такъ близко къ Сибири,—американцы не ограничатся торговлей въ новопріобрѣтенныхъ ими владѣніяхъ, они откроютъ сношенія и съ Сибирью! Теперь самый лучшій моментъ, самый удобный случай для начала самостоятельной торговой дѣятельности въ Сибири, для открытія русскими домами прямыхъ сношеній съ сосѣдней

Америкою. Сибирь найдетъ въ Америкѣ хорошіе рынки для своихъ минеральныхъ богатствъ,—а Америка снабдитъ сибиряковъ всѣми необходимыми мануфактурными произведеніями. По Амуру Сибирь можетъ сплавлять свои продукты, а въ Сахалинѣ, богатомъ углемъ, обработать копи и отправлять уголь въ С. Франциско, гдѣ нѣтъ хорошаго угля, гдѣ въ углѣ нуждаются, и куда принуждены привозить его кругомъ мыса Горна изъ Англіи. Значеніе Сибири во всемірной торговлѣ теперь должно ясно высказаться; но важность и размѣръ торговли будутъ увеличиваться съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ увеличенія прямыхъ сношеній между Америкой, Китаемъ и Японіей. Эта послѣдняя, въ недалекомъ будущемъ будетъ соединена телеграфомъ съ Соединенными Штатами.

Неужели русскіе сибиряки не примутъ дѣятельнаго участія въ этомъ прогрессѣ, не откроютъ торговыхъ домовъ, не учредятъ компаній и не начнутъ прямыхъ торговыхъ сношеній съ богатою Калифорніей?... Важнѣйшій городъ ея Санъ-Франциско, съ окончаніемъ желѣзной дороги чрезъ континентъ Америки, уже дѣлается главнымъ пунктомъ транзита въ азіатско-американской торговлѣ. Вскорѣ мануфактурные товары Восточной Америки въ громадномъ количествѣ будутъ приходить въ С. Франциско, а отсюда разсылаться на Китайскіе, Японскіе и Сибирскіе рынки. Послѣдніе же, въ свою очередь, будутъ снабжать Америку и Европу богатствами Азіи: дорогими матеріями, чаемъ, пряностями, шелкомъ, сѣменами шелковичныхъ червей и пр. и пр. Въ особенности чай и сѣмена шелковичныхъ червей предпочтутъ этотъ путь другимъ, такъ какъ онъ проходитъ по умѣренному климату Тихаго Океана, а слѣдовательно эти товары сохранятъ всѣ свои достоинства.

Въ великой будущности торговыхъ сношеній между Сибирью, и вообще между Азіею и Америкою нѣтъ сомнѣнія; нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что сибиряки во время примутся за дѣло и не отдадутъ всю торговлю въ руки иностранцевъ, не откажутся отъ громадной пользы прямыхъ сношеній, и поймутъ всю выгоду русской самостоятельной и независимой дѣятельности для великаго континента Сѣверной Азіи!...Пока мы въ зависимости насъ не будутъ уважать; пора доказать на дѣлѣ русскій умъ и энергію, — желаніе самостоятельности, умѣнье и возможность обойтись безъ иностранной помощи и ученья!... Будемъ же надѣяться на великую будущность Сибири, Россіи и всего человѣчества!!...

— Будемъ, будемъ надѣяться! вѣдь, безъ надежды бѣдному люду плохо жить! Но вспомнимъ же и нашу мудрую пословицу: «на Бога надѣйся, да и самъ не плошай». Такъ будемъ же не надѣяться, а твердо разсчитывать на свои силы духа, какъ-то дѣлаетъ великая республика!...

Я взглянулъ на часы,—было уже 12 ч. ночи; взглянулъ на маленькую итальяночку, что пріютилась тихо-тихо въ уголку дивана,—она грустно смотрѣла своими большими глазами на разговорившагося мужа, она не понимала его рѣчи, но постигала смыслъ ея; вѣдь она давно уже сжилась со смысломъ всей тревожной жизни его...

Поблагодаривъ Гончаренко за сообщенныя мнѣ свѣдѣнія, я дружески простился съ нимъ и его симпатичною женою...

Я внесъ разговоръ мой съ Гончаренкомъ въ дневникъ мой съ возможною полнотою. Многому изъ того, что онъ говорилъ мнѣ, я слышалъ потомъ подтвержденіе. Можетъ быть въ словахъ его было увлеченіе, можетъ

кое что онъ преувеличивалъ, но во всемъ, что говорилъ онъ—выражалась такая горячая любовь къ Россіи и русскимъ, что онъ невольно вызывалъ къ себѣ горячее сочувствіе...

Когда я вышелъ, движеніе по улицамъ уже прекратилось, огни магазиновъ были потушены, и только въ подвалахъ и погребахъ—сверкнетъ огонекъ, вырвется оттуда пьяный крикъ, и все опять замолкнетъ!...

Я думалъ объ Гончаренко. Въ какой дали отъ Руси, и какъ сильно, какъ чисто бьется по ней сердце одинокаго русскаго!!...

Газовый фонарь бросалъ сильный свѣтъ на громадную вывѣску подвала и магазина: здѣсь разныя лекарственныя водки! Здѣсь есть и господскихъ и богородичныхъ праздниковъ водка! Хоть сегодня и не праздникъ, но я выпилъ рюмку лекарственной—горька!...

Когда я воротился домой, хозяева мои уже спали. Я также хочу спать, но прежде чѣмъ уснулъ, рѣшилъ проститься завтра съ Калифорніей...

21 августа.—Сегодня или завтра ѣду отъ васъ, сказалъ я о. Николаю за утреннимъ чаемъ. Пойдемте къ консулу въ контору; я хочу посовѣтываться съ нимъ объ этомъ.

Черезъ часъ мы уже входили къ нему въ контору.

— Гдѣ-жъ это вы пропадаете? встрѣтилъ меня старикъ К. пѣтушкомъ. Ужъ я думалъ не уѣхали-ли вы?... Ну, что, — познакомились съ городомъ?.... Вотъ, дѣла, дѣла одолѣваютъ меня, а то бы я вамъ вездѣ сопутствовалъ.... А нельзя!.... Съ утра до ночи заваленъ работою!.. Вѣдь нужно же семейство содержать, — а жалованья я не получаю.... Ну, что новаго, батюшка? отнесся онъ къ о. Николаю.

— Развѣ повторить вамъ новости какого-то французскаго шутника?

— А что?—а что?.... Ну, ну, скажите, что онъ сообщаетъ?

— Онъ сообщаетъ, что Парижъ—болтаетъ, Марсель—поетъ, Ліонъ—работаетъ, Манчестеръ—покупаетъ, Мюнхенъ — пьетъ, Лейпцигъ — читаетъ, Мадридъ — куритъ, Римъ — молится, Константинополь — купается; а мы съ вами?

— Сооружаемъ?—подшутилъ я.

— А вы что? обратился ко мнѣ консулъ.

— Я у Гончаренки вчера былъ!

Старикъ К. почувствовалъ вдругъ, что сюртукъ на немъ сидитъ неловко; о. Николай неопредѣленно смотрѣлъ въ пространство, хоть для него эта вѣсть была не новостью

— Крѣпко бранится? а?!... Но его брань я считаю ниже своего достоинства, проговорилъ съ дурно-скрытой досадой консулъ.

— Онъ только и умѣетъ, что ругаться!... неискренно улыбнулся о. Николай.

— Онъ ничего не говорилъ объ васъ, успокоилъ я моихъ собесѣдниковъ, не желая усиливать ссору.

— А,—а!!... Вѣдь онъ—человѣкъ ничего себѣ; мы прежде съ нимъ были друзьями.... отозвался консулъ.

— Мы прежде ему помогали,—да теперь-то онъ въ брань пустился! замѣтилъ о. Николай.

— Когда вы ѣдете? спросилъ меня неожиданно консулъ.

— Завтра или послѣ завтра непремѣнно,—но только ..

— Поѣзжайте, поѣзжайте! Отлично дѣлаете, а то проживетесь здѣсь,—а путь-то дальній!

— Я пришелъ къ вамъ именно съ цѣлію побесѣдо-

вать о моей поѣздкѣ; у меня не хватаетъ на обратный путь 60 долларовъ; остается одно изъ двухъ: или продать лишнія вещи, — или телеграфировать въ Россію о высылкѣ мнѣ денегъ. Что лучше на ваше мнѣніе?

Консулъ въ волненіи заходилъ по конторѣ, — хватался за голову и махалъ руками по воздуху.... наконецъ придумалъ:

— Телеграмма отсюда въ Россію и обратно, да повѣрочныя еще по переводу—это расходъ на 100 долларовъ!

— Какъ! Неужели такъ дорого?!

— Вѣдь она пойдетъ извѣстнымъ путемъ на Нью-Іоркъ и черезъ Атлантическій океанъ въ Европу, это даль большая, — а другаго пути нѣтъ. Начали было строить телеграфъ на Сибирь, затратили большія деньги, да такъ и бросили дѣло! Не послушали опытныхъ людей! А я вѣдь говорилъ, что необходимо нуженъ телеграфъ на Сибирь! Вотъ-бы вамъ и телеграмма стоила дешевле, и ждать денегъ не пришлось-бы долго.... а теперь придется ждать ихъ, пожалуй, мѣсяцъ. А въ мѣсяцъ-то вы проживетесь, войдете въ долги, и опять таки не съ чѣмъ будетъ выѣхать! Работы же здѣсь не найдете никакой; нашествіе китайцевъ лишило хлѣба даже многихъ американцевъ. Бѣда да и только!....

— Бѣды для себя я не вижу никакой; остаться здѣсь я не намѣренъ. А если неудобно посылать телеграмму, такъ у меня найдется что продать!

— Это дѣло, дѣло! Пожалуй, я зайду вечеркомъ къ вамъ—куплю тамъ что нибудь.... Эхъ! жаль, не застали вы князя К., онъ только что передъ вами выѣхалъ въ Россію; вдвоемъ все было-бы лучше ѣхать!

— Этотъ князь—тоже путешественникъ?

— Какой тамъ путешественникъ! Любовныя дѣла, да ссора изъ-за нихъ съ отцомъ пригнали его сюда. Отецъ

не согласился на его бракъ съ одною бѣдною дѣвушкою, — вотъ онъ и пріѣхалъ сюда, какъ говоритъ, съ тѣмъ, чтобы своимъ трудомъ сдѣлать себѣ здѣсь большія деньги. Не зная языка,—какихъ онъ денегъ захотѣлъ, когда теперь и американецъ иной безъ нихъ сидитъ? Хорошо еще, что онъ запасся рекомендательными письмами отъ нѣкоторыхъ важныхъ особъ, да я ему помогъ; ну, кое-какъ онъ получилъ мѣсто клерка въ одной коммерческой конторѣ за 50 долларовъ въ мѣсяцъ. Не зная языка, онъ ничего не дѣлалъ тамъ, держали его только по протекціи... Недавно отецъ его самъ пріѣхалъ сюда за нимъ, согласился на всѣ требованія сына, лишь бы тотъ вернулся въ Россію. Ну, онъ, конечно, и воспользовался этимъ случаемъ. Вотъ бы съ нимъ вамъ ѣхать, да ужь поздно теперь...

— Такъ сюда часто-таки заглядываютъ русскіе?

— Часто, не часто, а случается, что и наѣзжаютъ. Недавно былъ здѣсь И—ъ. Пріѣхалъ онъ съ цѣлію ознакомиться съ постройкою американскихъ желѣзныхъ дорогъ; побылъ здѣсь короткое время и вернулся въ Россію, какъ говорятъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ приняться за сооруженіе желѣзныхъ дорогъ по дешевому американскому способу. Вотъ еще московскій купецъ А. Веретенниковъ, бѣжавшій отъ кредиторовъ, недавно пріѣхалъ сюда. Да этотъ впрочемъ и остался здѣсь: мы его помѣстили въ Гутчинсоновскую компанію на 200 долларовъ въ мѣсяцъ. Человѣкъ онъ хорошій и умный; черезъ 2—3 года навѣрное сдѣлаетъ себѣ большія деньги... Наѣзжаютъ, наѣзжаютъ русскіе сюда, да не всѣ такъ благополучно отъѣзжаютъ изъ Америки! Пріѣхалъ какъ-то сюда одинъ морской офицеръ съ ученою цѣлію, навезъ съ собою кучу разныхъ инструментовъ, книгъ, картъ,—а остался здѣсь чуть ли не въ одной сорочкѣ,

и нанялся матросомъ на судно, чтобъ какъ нибудь сбить себѣ деньгу, для возвращенія въ Россію...

— Что жъ съ нимъ приключилось?

— А то, что и съ вами, и съ каждымъ русскимъ можетъ приключиться въ этой безбожной странѣ. Когда онъ садился на пароходъ, чтобы ѣхать на Панаму, — зазѣвался, а вещи-то всѣ и ухнули: изъ подъ носу украли. Остался безъ всего, ну, и пошелъ матросомъ служить.

— Отчего же вы могли помочь Веретенникову, а ему не помогли?

— Какъ не помогли?! Я просилъ объ немъ Нью-Іоркскаго генеральнаго консула, и тотъ ему нѣсколько помогъ заимообразно... А матросомъ пошелъ онъ служить, чтобъ еще заработать...

— Меня и интересуетъ то, почему онъ пошелъ на такую трудную работу, когда могъ бы съ вашей помощью найдти болѣе легкую?

— Онъ морякъ, любитъ море, вотъ и пошелъ служить туда... Мнѣ, говоритъ, все равно, быть матросомъ или офицеромъ на суднѣ. Вы спрашиваете, отчего не помогъ я? Какъ не помогъ, когда я съ утра до вечера всѣмъ славянамъ здѣсь помогаю? Цѣлый день за работою: то одинъ придетъ—дайте то и то, помогите въ томъ-то и томъ; то другой—поищите работы мнѣ и т. д. И всѣхъ нужно устроить, всѣмъ нужно помочь! Вотъ и церковь здѣсь мы съ батюшкой соорудили, и общество. Я постарѣлъ здѣсь! Если только...

— Такъ вы будете у меня вечеромъ? перебилъ я словоохотливаго консула.

- Да, да, — буду! А теперь я заваленъ работою... постарѣлъ здѣсь. И если только ж...

Я поторопился проститься съ нимъ и вышелъ съ о. Николаемъ.

— Пойдемте по лавкамъ къ нашимъ славянамъ, предложилъ о. Николай.

— А чѣмъ они торгуютъ?

— Одними только фруктами; вѣдь народъ все бѣдный! А вотъ видите эту фруктовую лавчонку — здѣсь нашъ грекъ торгуетъ. Зайдемъ.

И мы зашли къ греку. О. Николай кое-какъ объяснилъ ему по англійски, что я русскій путешественникъ. Тотъ какъ то вяло, апатично взглянулъ на меня, подалъ мнѣ нѣсколько персиковъ, ужъ не свѣжихъ. При прощаньи, на вопросъ мой, что стоятъ эти персики?— запросилъ 25 центовъ, ровно въ 2½ раза дороже, чѣмъ я вчера заплатилъ въ одной американской лавкѣ, вѣроятно изъ тѣхъ же побужденій, которыми руководился Б. при присылкѣ мнѣ своихъ папиросъ.

— А вотъ это лавки слявянъ,—войдемъ!

— Богъ съ ними! Нѣтъ и охоты покупать что нибудь у своихъ земляковъ или единовѣрцевъ: дерутъ ужъ очень!

— Тотъ вѣдь грекъ, а это — славяне, они не такъ жадны къ деньгамъ, какъ греки!

Мы зашли въ двѣ, три лавчонки, набитыя разными фруктами въ большихъ корзинахъ. Тутъ же безпорядочно валялись разнообразнѣйшія раковины и кораллы, величиною въ маленькій кустъ, съ Тихаго Океана,—а внутренній дворикъ, виднѣющійся изъ лавки, былъ заваленъ цѣлыми горами кокосовъ, банановъ и сахарнаго тростника.

— Чтó стоятъ эти раковины?, указалъ я хозяину одной лавки на миленькую коллекцію отобранныхъ раковинъ.

— Выберите себѣ сколько и какихъ угодно, тогда я опредѣлю цѣну гуртомъ, а эти уже куплены.

И хозяинъ, не обращая на меня вниманія, занялся раскладкою фруктовъ, а я принялся рыться по всѣмъ корзинамъ и шкафамъ съ раковинами и отобралъ себѣ цѣлый ящикъ ихъ.

— Что стоитъ?

— Десять долларовъ.

— Возьмите меньше.

— Ни цента дешевле.

Я съ о. Николаемъ принялся торговаться и между прочимъ попросилъ напиться воды.

— Ѣшьте нарѣзанный арбузъ, указалъ мнѣ хозяинъ на огромный столъ, покрытый ломтями арбузовъ и дынь.

— Что стоитъ?

Онъ улыбнулся.—Ничего! Но ни одного цента не уступлю вамъ за раковины: онѣ намъ стоятъ не меньше 8 долларовъ, сказалъ онъ.

Нечего дѣлать, купилъ я и опять упрекнулъ о. Николая, что славяне порядкомъ дерутъ съ заѣзжаго славянина.

— Да это жидъ; славянскія лавки въ сосѣдствѣ будутъ. Пойдемъ туда.

Старичекъ чехъ встрѣтилъ о. Николая съ почтеніемъ, а узнавши отъ него, что я русскій путешественникъ, любовно всматривался въ меня, принесъ кокосовъ, банановъ, разныхъ фруктовъ, орѣховъ, и добродушно упрашивалъ меня попробовать ихъ. Онъ распилилъ маленькою пилою одинъ огромный кокосъ, — но въ виду изобилія прочихъ фруктовъ, я съѣлъ только кусочекъ нѣжнаго и вкуснаго зерна его. Бананы вкусомъ своимъ напомнили мнѣ константинопольскія душистыя дыни, но они нѣсколько нѣжнѣе и ароматнѣе ихъ. Длинные орѣхи

«Pea-nut» чрезвычайно вкусны; скорлупа ихъ очень тонка, такъ что безъ малѣйшаго усилія вы раздавливаете ее пальцемъ, и получаете 2 ядра, каждое величиною съ нашъ каленый орѣхъ. Всего этого добра наложилъ мнѣ хозяинъ въ корзину, а узнавши, что я очень дорого заплатилъ жиду за раковины, принесъ цѣлый ящикъ ихъ и просилъ взять отъ него въ подарокъ. Какъ мы съ о. Николаемъ ни уговаривали старичка взять за все это деньги, — онъ стоялъ на своемъ: «Нѣтъ, нѣтъ! не возьму ни копѣйки. Вы гость, а я хозяинъ. Дай Боже благополучія всѣмъ славянамъ»! Если денегъ не взялъ онъ, зато охотно принялъ отъ меня въ подарокъ золотую бездѣлку, и мы пріятельски простились.

— Пойдемъ дальше?

— Время ужъ домой: моя баба ждетъ насъ обѣдать.

За обѣдомъ о. Николай разсказывалъ мнѣ о прежней своей тяжелой жизни на о-вѣ Ситхѣ,—жизни, которая не разъ подвергалась опасности отъ дикихъ колошъ, такъ какъ онъ по обязанности миссіонера нерѣдко хаживалъ къ нимъ просвѣщать ихъ свѣтомъ истины.—Бывало, какъ только выйдешь за ворота Ново-Архангельска, такъ и ждешь вотъ—вотъ изъ за куста раздастся выстрѣлъ, или вѣроломный калюжъ ножомъ распоретъ тебѣ брюхо. Послѣ же обѣда, онъ, въ разговорѣ по поводу Гончаренки, котораго величалъ еретикомъ, сообщилъ мнѣ, какъ въ Калифорніи вообще, и въ Санъ-Франциско въ особенности, легко отдѣлываются отъ непріятныхъ людей: Стоитъ только сходить къ кладбищу, гдѣ каменьщики тешутъ камень, говорилъ онъ, условиться съ ними въ цѣнѣ, и за какіе нибудь 10—15 долларовъ вознагражденія вашъ противникъ отправится на небо!

— А слѣдствіе, а судъ по подобному дѣлу?

— Въ такихъ случаяхъ здѣсь производится слѣдствіе

только тогда, когда родственники убитаго горячо возьмутся за дѣло, да и то оно ничего не откроетъ, такъ какъ эти каменьщики,—ловкіе и опытные убійцы,—съумѣютъ тонко схоронить концы его.

— Однако я убѣжденъ, что К. не рѣшится на подобное средство побѣдить своего врага; а этотъ послѣдній не баранъ, чтобъ такъ легко разстаться съ жизнью!

— Безъ сомнѣнія, онъ не сдѣлаетъ этого. Я только высказалъ вамъ, что есть дѣйствительныя средства противъ этого нахала, но консулъ считаетъ дѣйствовать противъ него, такъ или иначе, ниже своего достоинства.

— Отчего вы не дѣйствуете противъ него тѣмъ же оружіемъ, съ какимъ онъ нападаетъ на васъ,—печатнымъ словомъ? Тогда бы выяснилась истина, а вы не страдали бы болью печени... т. е. я хочу сказать, что, при душевномъ спокойствіи, климатъ не такъ бы разрушительно дѣйствовалъ на ваши организмы.

— А гдѣ взять средства для этого? вѣдь шрифтъ не дешево стоитъ! Впрочемъ намъ обѣщали изъ Петербурга сдѣлать этотъ подарокъ, да до сихъ поръ еще не шлютъ *). Ну, положимъ, мы будемъ имѣть его, чтожъ мы подѣлаемъ съ нимъ противъ такого наглаго лжеца?

— Противъ лжи будете раскрывать факты, больше вамъ ничего и не нужно дѣлать!

— А онъ будетъ еще настойчивѣй лгать!

— Будто бы онъ такой закоренѣлый лгунъ? а?

— Все и всегда вретъ! отвѣчалъ рѣшительно о. Николай.

*) Послѣдняя корреспонденція изъ Санъ-Франциско извѣщаетъ, что обѣщанный шрифтъ уже доставленъ туда. Предполагаемый листокъ б детъ редактироваться о. Николаемъ и выходить 4 раза въ мѣсяцъ.

— Ну, а на счетъ военнаго управленія и Гутчинсоновъ въ Аляскѣ? И я, разсказавъ нѣсколько фактовъ, сообщенныхъ мнѣ Гончаренкомъ, напомнилъ, что и онъ самъ тоже не лучше отзывался о нихъ.

— Это-то все правда... американская военщина, пожалуй, ни въ чемъ не уступитъ европейской. Она окончательно развратила тамъ женщинъ и дѣтей!... Вотъ еще недавно тамъ было нѣсколько отвратительныхъ случаевъ. Одна женщина погибла жертвою безумія и остервененія пьяныхъ негодяевъ въ ужасныхъ мукахъ. Дѣвочки 10 лѣтъ уже окончательно развращены и продаютъ себя за рюмку водки и кусокъ хлѣба; теперь этимъ только и живутъ тамъ бѣдныя семейства русскихъ вдовъ!

— Разсказанные вами случаи еще рано приписывать американскимъ солдатамъ, слѣдствіе, какъ слышалъ я, сильно подозрѣваетъ въ томъ нашихъ. Такъ видите, вашъ бѣглый еретикъ на этотъ счетъ правъ; значитъ, онъ не такой ужасный лгунъ, какъ...

Въ это время раздался сильный звонокъ, пріѣхали гости: консулъ съ женою и старшею дочерью, г-жей К. Мы спустились внизъ въ гостиную, о. Николай вынулъ изъ кармана послѣдній № «Аляска Геральдъ», и предложилъ гостю прочесть то мѣсто журнала, гдѣ Гончаренко подаетъ благіе совѣты къ исправленію ихъ обоихъ.

— Прочти вслухъ! распорядилась жена его.

— Да, да, въ слухъ, поддержала ее M-me К.

Консулъ началъ тихо шамкать губами... бе ба ба.

— Читай же, сдѣлай милость, вслухъ! настаивала жена его.

— Папаша! Читай же громче! повторяла г-жа К.,

между тѣмъ какъ о. Николай, поглядывая на него, нетерпѣливо улыбался.

Пробормотавъ что-то невнятно, консулъ началъ громче... «а попъ въ умъ входитъ...»

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Что жь вы сначала-то пропустили? Читайте ужь все! замѣтилъ о. Николай.

— Да тамъ сначало-то ничего нѣтъ интереснаго... вздоръ одинъ, пустяки. Этотъ бѣглый... и консулъ продолжалъ читать опять себѣ подъ носъ: «а второго нужно посѣчь, какъ»...

— Дайте-ка, я самъ прочту! О. Николай быстро потянулъ журналъ изъ рукъ консула и началъ громко: «Русскій консулъ съ ума сходитъ, а... мм. мм...»

— Вы не пропускайте о себѣ-то, замѣтилъ консулъ о. Николаю, и обратившись ко мнѣ, продолжалъ:

— Ну, вотъ видите! Бѣглый-то такъ всегда...

«Русскій консулъ съ ума сходитъ»... повторялъ о. Николай, а дамы заливались хохотомъ.

— Да вы что жь это?! осердился тотъ на о. Николая. Русскій консулъ, русскій консулъ!! Читайте дальше!

«Русскій консулъ съ ума сходитъ,» а мм. мм...

— Мм.-ме-ме... передразнивалъ консулъ о. Николая и вырвалъ у него изъ рукъ журналъ. Дамы чуть оземь головами не стукались, такъ имъ было смѣшно отъ этой сцены.

— Ну, вотъ слушайте я все прочту! и консулъ началъ опять: «Попъ на умъ находитъ; мы желаемъ первому добра, а втораго слѣдуетъ посѣчь, какъ бурсака!...

— Стойте, стойте!... Тамъ этого нѣтъ; вы не такъ читаете! И о. Николай поправилъ консула.

«Русскій консулъ съ ума сходитъ,—а попъ въ умъ

входитъ. Мы желаемъ всѣмъ добра; первому совѣтуемъ приложить льду къ головѣ, а втораго нужно посѣчь, какъ бурсака!»

— А дальше еще что? спросилъ кто-то.

«Наборъ буквъ стоитъ денегъ, продолжалъ читать священникъ, отъ русскихъ въ Санъ-Франциско мы всего получили за прошедшій номеръ 10 центовъ (15 к.); весь же русскій наборъ стоитъ 10 долларовъ за каждый листъ.»

— Ну, вотъ видите, какимъ вздоромъ наполненъ журналъ... наставительно отнесся ко мнѣ консулъ.

— Ну, разумѣется, отъ Гончаренки другаго и ожидать нельзя! успокоивала его жена.

— Пойдемте-ка лучше къ вамъ... Гдѣ у васъ тамъ вещи? Я просмотрю и куплю что нибудь.

Мы поднялись на верхъ. Консулъ выбралъ себѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей на 50 долларовъ; еще не доставало мнѣ на дорогу пустяшной суммы.

— Нѣтъ ли у васъ тамъ чего нибудь посущественнѣе? заглядывалъ онъ въ мои саки.

— Возьмите гутаперчевое пальто, оно мнѣ не нужно; вотъ еще къ нему дорожную сафьянную шапку, она мнѣ усердно выслужила срокъ, а вамъ еще пригодится. Хотите, возьмите лакированные большіе сапоги, я еще ни разу не надѣвалъ ихъ.

— Давайте, давайте! Я попробую, впору ли будутъ мнѣ они? И консулъ преобразился: сапоги сидѣли на немъ хорошо, пальто было узко и коротко, рукава по локти, шапка кепи торчала на макушкѣ, но онъ, самодовольно поглаживая свою бороду, вертѣлся передъ зеркаломъ на каблукахъ во всѣ стороны, точно любовался на себя.

— Ну, хорошо, хорошо... я это покупаю!

— Ха, ха, ха!!. раздался сзади него громкій смѣхъ о. Николая и жены его...

— Ну, что̀, что̀? что вы смѣетесь? Хорошо вѣдь,—а?! Только пальто немного коротко, но это сойдетъ... Сапоги хороши?

— Сапоги хороши, согласился о. Николай.

— А пальто?

— Пальто снимайте скорѣй, а то жена на смѣхъ подыметъ!

— Ну, обратился онъ ко мнѣ, пальто вы оставьте у себя; оно вамъ въ дорогѣ пригодится... Батюшка! а шапка какова?

— Шапка? торчитъ на васъ, какъ ермолка!

— Вы говорите мнѣ—ермолка? Да, да, это пейдетъ мнѣ!... Вы ее возьмите тоже съ собою, пригодится! посовѣтывалъ онъ мнѣ; а сапоги что̀ стоятъ? Я сказалъ. —Ну, сапоги я беру у васъ; вѣдь здѣсь такихъ не купишь дешевле 12—18 долларовъ, товаръ очень дорогъ.

Консулъ своею покупкою, а я продажею остались очень довольны; вырученной мною суммы съ тою, что у меня въ карманѣ—я призанялъ еще подъ вексель—достаточно будетъ на обратный путь въ Россію. Я рѣшился ѣхать на эмигрантскомъ поѣздѣ въ Нью-Іоркъ завтра же.

— Отлично, отлично сдѣлаете; на полъ цѣны дешевле, а ѣхать такъ же удобно, какъ и въ почтовомъ поѣздѣ, поддерживалъ мое намѣреніе консулъ, прощаясь со мною.

Гости уѣхали, а я занялся укладкою своихъ вещей.

22 августа. Послѣ чаю о. Николай немедленно отправился со мною въ Орлеанскую гостинницу, гдѣ оставалось въ мытьѣ мое бѣлье, а въ починкѣ дорожное пальто. На просьбу о. Николая возвратить мнѣ мои вещи, аккуратненькій нѣмецъ, хозяинъ гостинницы, подсунулъ намъ связку бѣлья, на ярлычкѣ которой была

четко написана моя фамилія. «Нужно просмотрѣть», развязывая узелъ, тихо замѣтилъ о. Николай. Бѣлье оказалось старое, и не на мой ростъ.

— У этого джентльмена, обратился онъ къ нему, есть росписка ваша въ пріемѣ его бѣлья въ стирку. Оно помѣчено по русски начальною литерою его фамиліи, а на этомъ бѣльѣ мѣтки англійскія и нѣмецкія.... Нѣмецъ съ достоинствомъ отвѣчалъ, что вѣроятно въ прачешной по ошибкѣ наклеили мой ярлыкъ на чужое бѣлье, и торопливо вышелъ изъ конторы. Черезъ полчаса онъ вернулся, но уже съ моимъ бѣльемъ, и тутъ же подалъ мнѣ счетъ: 7 платковъ, 2 сорочки и 1 полотенце—1½ дол. золотомъ (2 руб. 63 коп.), а самая простенькая, шерстяная подкладка къ пальто 6½ дол. зол. (11 р. 38 к.).

— Ну, не по русски дерутъ! вырвалось у меня.

— Да, пріѣзжихъ и вообще вновь прибывшихъ обдираютъ здѣсь всѣ, какъ только можно; въ гостинницахъ при удобномъ случаѣ подадутъ аптекарскій счетъ, а вы обязаны заплатить по немъ, въ магазинахъ продадутъ вамъ вещь втрое дороже, чѣмъ мѣстному жителю...

— Какъ же онъ узнаетъ, что я пріѣзжій или нѣтъ?

— Съ перваго взгляда на васъ. Костюмъ, походка, манеры и пр., все въ васъ показываетъ, что вы недавній пріѣзжій изъ Европы, а такихъ-то здѣсь съ насмѣшкою называютъ «грюнъ» и какъ неопытныхъ покровительственно обдираютъ, какъ липку, или не скажу, чтобъ съ уваженіемъ относились къ нимъ!... Хорошо еще, что я пошелъ съ вами въ гостинницу, а то всунулъ бы вамъ въ руки хозяинъ свое старье, и былъ бы чистъ и правъ! Чѣмъ бы вы доказали, что это бѣлье не то самое, какое онъ принялъ отъ васъ? Да и съ судомъ-то возиться вы не стали бы!...

Въ этомъ мнѣніи о. Николая есть много правды. По-

мнится мнѣ, когда я ѣхалъ изъ г. Чикаго въ Санъ-Франциско, вагонъ нашъ преимущественно былъ набитъ нѣмцами; янки же было мало. Не разъ я обращалъ на себя вниманіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Ограничившись короткими вопросами: «откуда, куда, да зачѣмъ ѣду я», янки уже не безпокоили меня, и только слово «рюша», т. е. русскій, иногда достигало до моего уха. Ясно, что судилось объ русскихъ, но какъ судилось? Съ сострадательнымъ участіемъ объ васъ, что вы не принадлежите къ ихъ могучей, свободной семьѣ! Пришельцы же нѣмцы относятся къ вамъ иначе. Съ наглымъ самохвальствомъ передъ вами стараются они выказать свое политическое преимущество, забывъ о томъ, что дома у себя, ихъ земляки все еще пляшутъ подъ старымъ башмакомъ съ новой оторочкой! Объ Россіи они судятъ не иначе, какъ бы объ Азіи. Помню я одного акклиматизировавшагося нѣмца, который отозвался другому на мой счетъ: «этотъ русскій теперь хочетъ вернуться черезъ Японію въ Японію». Спустя же нѣсколько минутъ сей вольнолюбивый нѣмецъ уже сидѣлъ о бокъ со мною и прелюбезно разспрашивалъ: хорошо ли жить на Руси? какъ идетъ торговля у насъ? и пр. При этомъ онъ заявилъ о намѣреніи своемъ скоро поселиться въ Россіи. На всѣ его вопросы я отвѣчалъ ему настолько не охотно, что онъ предпочелъ присоединиться къ группѣ американцевъ и долго, долго иронически разглагольствовалъ между ними о Россіи. Янки, по своей привычкѣ, въ праздномъ разговорѣ отмалчиваться или отвѣчать коротко, изрѣдка только кивали головами и произносили протяжное «Yes». Это слово, какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ часто услышите вы: фактъ этотъ доказываетъ, что если между англичанами, и изрѣдка между американцами есть охотники безпутно болтать, то еще

*

больше найдется предпочитающихъ отмалчиваться и изъ вѣжливости только произносить спасительное «Yes». Гдѣ бы то ни было: на улицѣ, въ магазинѣ, въ вагонѣ, на пароходѣ или въ гостинницѣ за общимъ столомъ, янки вездѣ одинаковъ — серьезенъ и задумчивъ. Онъ очень рѣдко обратится къ вамъ съ вопросомъ и отвѣчаетъ коротко, но чаще улыбкой, наклоненіемъ головы и своимъ «Yes». Его голова вѣчно работаетъ, и хотя онъ, безцеремонно отплевываясь по сторонамъ, вѣчно жуетъ табакъ, но ему нѣтъ времени разговаривать съ вами. Вотъ почему онъ кажется скрытнымъ. Но въ сущности это добродушнѣйшій и великодушнѣйшій человѣкъ здраваго смысла, и при томъ человѣкъ на всѣ руки. Сегодня онъ дровосѣкъ, завтра президентъ Великаго Союза; вчера онъ произнесъ рѣчь на митингѣ, или въ судѣ блестящимъ образомъ выполнилъ свою роль даровитаго адвоката, а сегодня преважно изжаритъ вамъ окорокъ, построитъ мостъ... Онъ лавочникъ, извощикъ, банкиръ, государственный человѣкъ, проповѣдникъ, онъ—все.

Изъ гостинницы мы зашли за консуломъ и всѣ втроемъ отправились въ контору желѣзной дороги за билетами для меня.

— Идите въ контору, обратился къ намъ консулъ, а я забѣгу въ банкъ за деньгами.

Не успѣло пройти и двухъ минутъ, какъ онъ уже догналъ насъ, и вручилъ мнѣ деньги за вчерашнюю покупку у меня. Быстрота выдачи денегъ въ банкѣ, какъ видите, невѣроятная, но это фактъ!

Контора желѣзной дороги, гдѣ происходитъ выдача пассажирскихъ билетовъ, представляла обширную комнату, за длиннымъ прилавкомъ которой сидѣло два кассира. Толкотни, какъ у насъ, здѣсь не увидите, такъ какъ билеты выдаются не за часъ до отхода парохода

или поѣзда, какъ у насъ, а за день, за два, или передъ самымъ отъѣздомъ, когда вамъ вздумается, въ опредѣленные часы открытія конторы. Не встрѣтите здѣсь и этихъ длинныхъ, безобразныхъ вереницъ пассажировъ, томительно выжидающихъ своей очереди передъ маленькимъ окошечкомъ кассъ. Пассажиры стоятъ здѣсь, маленькими группами и торопятся одинъ передъ другимъ поскорѣе взять билетъ, изъ опасенія опоздать на поѣздъ. Если же кто опоздалъ, то садится въ вагонъ или на пароходъ безъ билета, а здѣсь уплачиваетъ что слѣдуетъ.

Я заплатилъ за эмигрантскій билетъ отъ Санъ-Франциско въ Нью-Іоркъ 50 долларовъ золотомъ; багажъ же мой, вѣсившій меньше 100 фунтовъ, былъ принятъ безплатно. Въ то время, когда я вынималъ золото изъ кошелька, нѣсколько любопытныхъ джентльменовъ подошли ко мнѣ, близко и нагло всматриваясь въ кошелекъ; консулъ шепнулъ, чтобы я припряталъ его подальше. «Вѣдь это—грабители! Въ Америкѣ никогда не слѣдуетъ вынимать кошелька и показывать сколько у васъ денегъ. Вы никогда не замѣтите, чтобъ американецъ вынималъ деньги изъ кошелька».

— Какъ же онъ разсчитывается?

— А вотъ—посмотрите на этого господина, что подошелъ къ кассиру.

И дѣйствительно, указанный джентльменъ кошелька не вынималъ, а ощупывалъ всѣ свои карманы и постепенно вынималъ изъ одного—двѣ монеты, изъ другаго—три и т. д.

— А если ему нужно имѣть съ собою большую сумму денегъ? поинтересовался я.

— Для этого у него есть сзади брюкъ скрытый кар-

манъ, куда не рѣшится запустить руки самый отъявленный плутъ!

— А помните, вмѣшался о. Николай, когда мы съ вами ѣхали на пароходѣ по Сакраменто, я читалъ только что полученное письмо изъ Аляски, а одинъ пассажиръ усѣлся около меня, наклонилъ свою голову къ письму и съ любопытствомъ вглядывался въ него. Я спрашиваю его: «все ли поняли, что здѣсь написано?» — «О, нѣтъ, я не понимаю на какомъ языкѣ оно писано!» «На русскомъ», объяснилъ я ему.—«Жаль, что я не понимаю по-русски, письмо должно быть интересное», погрустилъ наивно любопытный американецъ.

Часы показывали уже 2 часа, а въ три отходитъ пароходъ, и я простился съ консуломъ, напутствуемый его совѣтами: «быть осторожнымъ съ тонкими американцами», пожеланіями мнѣ добраго пути, и обѣщаніемъ пріѣхать на пароходъ, чтобъ посмотрѣть не встрѣтитъ ли онъ тамъ кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ, ѣдущихъ тоже въ Нью-Іоркъ, которымъ онъ могъ бы поручить меня. При этомъ онъ вручилъ мнѣ адресъ гостинницы въ Нью-Іоркѣ: «Presskot House Str. Broadway», гдѣ я могъ бы дешево и безопасно остановиться. Вернувшись домой, я съ о. Николаемъ наскоро отобѣдалъ и хотѣлъ уже проститься съ его женою, но священникъ остановилъ меня.

— Нѣтъ, ужь мы простимся съ вами по-русски.

Мы спустились въ гостиную, матушка-попадья скромно усѣлась на кончикъ стула, мужъ ея присѣлъ тоже, я послѣдовалъ ихъ примѣру. Вставъ чрезъ минуту, они перекрестились и, повернувшись ко мнѣ съ поклонами, пожелали добраго пути...

— Вотъ теперь съ Богомъ—въ дорогу!

О. Николай схватилъ одинъ сакъ, я—другой, и мы

направились къ пристани, гдѣ стоялъ тотъ самый пароходъ, на которомъ я пріѣхалъ изъ Сакраменто въ Санъ-Франциско. Сдавши вещи свои подъ чекъ въ кладовую, мы въ ожиданіи консула усѣлись на галлерею. Что за жизнь здѣсь въ гаваняхъ! Это не озлобленный крикъ и брань замореннаго голоднаго зипуна въ истоптанныхъ лаптяхъ, не заунывная наша пѣснь, вяло сопровождающая вялую работу! Здѣсь жжется жизнь: глаза горятъ отъ напряженной энергіи американца, который торопясь пожираетъ одну работу, чтобъ начать другую! Вѣдь здѣсь цѣна рабочему преимущественно по количеству произведенной имъ работы! Многіе изъ нихъ зарабатываютъ въ день болѣе установившейся въ Калифорніи поденной платы, болѣе 5-ти долларовъ золота, болѣе нашихъ 8-ми рублей.

Но вотъ и запыхавшійся консулъ съ нами. Но какъ онъ ни выглядывалъ своихъ знакомыхъ, которымъ могъ бы поручить меня, таковыхъ, къ его огорченію— не оказалось. Раздался второй звонокъ; консулъ еще разъ ругнулъ американцевъ и «бѣглаго»... и я простился съ оффиціальными представителями славянъ въ Калифорніи... По третьему звонку пароходъ двинулся къ Сакраменто. При осмотрѣ билетовъ, капитанъ замѣтилъ мнѣ, что я, съ эмигрантскимъ билетомъ, не имѣю права быть на галлереѣ 2-го класса, и мнѣ указали мѣсто между тюками и товаромъ, расположеннымъ на палубномъ этажѣ. Здѣсь было и душно и темно, а потому я, по примѣру прочихъ пассажировъ 3-го класса, вышелъ на воздухъ къ рулевому борту, который тоже назначается для эмигрантовъ. Около меня стоятъ два мальчика и одинъ здоровый, угреватый дѣтина. Посмотрите на этихъ дѣтей, имъ не больше, какъ 10—11 лѣтъ, а лица у нихъ совсѣмъ не дѣтскія: глаза блестятъ лихора-

дочно и плутовски, выраженіе лицъ—нахальное, вызывающее; на нихъ, какъ и на взросломъ, видна одна мысль: «гдѣ бы денегъ достать побольше, а какъ? все равно!» Они трутся, вертятся около меня; достану ли я носовой платокъ, табачницу или кошелекъ, глаза ихъ жадно впиваются во все, изъ любознательности, стоитъ ли тѣмъ или другимъ заняться въ свою пользу? На галлереѣ 2-го класса раздались рѣзкіе звуки скрипки и бубенъ. Грубый сосѣдъ мой—угреватый дѣтина, толкаетъ меня, чуть не на голову лѣзетъ мнѣ, чтобъ лучше разсмотрѣть путешествующихъ артистовъ—маленькихъ нѣмцевъ, дѣвочку и мальчика. Опасаясь его толкнуть, я отодвигаюсь подальше, а иначе онъ грубо меня разругаетъ, если не хуже того! Вѣдь онъ видитъ, что я иностранецъ! съ своимъ-то онъ, пожалуй, будетъ осторожнѣй...

Само-собою, было бы печально и несправедливо думать, что эти дѣти и этотъ дѣтина составляютъ общій типъ низшаго рабочаго американца, но они, какъ исключеніе изъ общаго, отъ неудачъ и неумѣлой жизни, отупѣли и огрубѣли. Ложно понимая значеніе широкой свободы, которую даетъ имъ лучшая конституція въ мірѣ, полагая, что свобода состоитъ изъ наглости и дерзости, въ правѣ обидѣть и ободрать физически слабѣйшаго, они пользуются ею оскорбительно-цинически.... Вотъ, взгляните на прочихъ пассажировъ-эмигрантовъ! Вы безъ труда отличите спокойнаго, гордаго, холоднаго янки отъ этихъ европейскихъ паразитовъ-пришельцевъ нѣмцевъ и проч. Чистокровный янки никогда не рѣшится безъ особенно сильныхъ побужденій быть грубымъ съ кѣмъ бы то ни было; эгоистъ же онъ на столько, на сколько и всякій хорошій человѣкъ!.. Если онъ замаранъ ложнымъ именемъ черстваго эгоиста и гру-

баго матеріалиста, то этимъ обязанъ гнусной натурѣ переселяющихся въ Америку нѣмцевъ, марающихъ конституцію и урожденныхъ гражданъ страны—янки...

Послѣ осмотра эмигрантскихъ билетовъ, пассажиры спустились въ подпалубный этажъ, въ общую маленькую комнату съ затхлымъ воздухомъ и деревянными скамейками, на которыхъ мнѣ не предвидѣлось возможности уснуть спокойно, а потому, розыскавъ стараго моего знакомаго—багажнаго смотрителя, я попросилъ его проводить меня въ залъ 2-го класса, за что предложилъ ему плату. Денегъ онъ отъ меня не взялъ, а въ залъ привелъ немедленно. Здѣсь я нашелъ старыхъ знакомыхъ, которые, какъ разсказано выше, подбирались къ моимъ деньгамъ во время проѣзда моего въ Санъ-Франциско на этомъ же пароходѣ. Наглый «хлыстъ» развязно вертѣлся передъ «солиднымъ пенсне», а нервное «пальто» и не узнать-бы теперь! Оно преобразилось въ бѣлыя короткія брюки, черный узкій сюртучокъ и въ высокій цилиндръ, прикрывавшій макушку и затылокъ нечесанной головы: такъ и видно, что все это только что недавно благопріобрѣтенное съ чужихъ плечь.. . Меня они не замѣтили; я былъ одѣтъ иначе, чѣмъ въ прошлый разъ и усѣлся въ кресло съ боку конторы, гдѣ былъ полумракъ, располагающій ко сну...

23 Августа. Пароходъ пришелъ въ г. Сакраменто въ 4 часа утра; а такъ какъ онъ простоитъ здѣсь еще 5 часовъ, то есть до прихода пассажирскаго поѣзда изъ Нью-Іорка, то пассажиры спокойно продолжали себѣ спать по каютамъ; я же, забравъ свои саки, сдалъ ихъ въ кладовую желѣзной дороги и отправился въ ближайшую лавочку напиться кофе. Здѣсь вы часто встрѣтите не вдалекѣ отъ пристани или вокзала расположенныя при мелочныхъ лавочкахъ отдѣльныя залы, гдѣ вы можете, какъ въ

гостинницѣ, пообѣдать и ужь непремѣнно найдете газету. Такъ какъ въ крошечномъ вокзалѣ Сакраменто пассажирской комнаты нѣтъ, то мнѣ пришлось до 4 часовъ по полудни, то есть до прихода сюда изъ Нью-Іорка товарнаго поѣзда, просидѣть на единственной скамейкѣ, стоявшей съ боку станціонной платформы. Однако вѣрно ѣзда въ эмигрантскихъ вагонахъ не завидна, если даже вотъ и эта толпа экономныхъ китайцевъ усаживается въ пассажирскій поѣздъ, за проѣздъ въ которомъ плата вдвое дороже эмигрантскаго. Но что это за возня поднялась между ними? Подхожу ближе и узнаю, что у старшаго кули этой маленькой артели пропали деньги. Угрожающими жестами и отрывистыми выкрикиваніями онъ собралъ ихъ въ кучу и началъ очень и очень безцеремонно ощупывать у нихъ даже тѣ мѣста, термины которыхъ неудобны для печати; иныхъ заставлялъ снять туфли, другихъ—блузы и шаровары, того толкнетъ, а этому кулакъ покажетъ, чуть даже не кусается, а толпа тощихъ и низменныхъ китайцевъ рабски слушается его... Глядя на нихъ, невольно вѣрится въ разсказъ о томъ, какъ десятокъ сибиряковъ отправились «Китай воевать», и уже тринадцать городовъ покорили, да дальше свои же помѣшали и тѣмъ только Китай былъ спасенъ. Американцы же, какъ видно, ни чему не удивляются: проходятъ мимо китайской сцены невозмутимо спокойно, и только рѣдко кто изъ нихъ апатично взглянетъ да плюнетъ на кучку сыновъ неба, и то вѣрно демократъ....

Но вотъ Нью-Іоркскій поѣздъ показался вдали; платформа наполняется любопытными зѣваками. Поѣздъ съ бѣлыми и темными пассажирами, но вѣроятно съ одними только бѣлыми надеждами ихъ на Калифорнію—остановился; толпа любопытныхъ иронически всматривалась въ глаза новыхъ искателей счастья въ прославленной

богатствами Калифорніи. Когда же пассажиры тѣсно смѣшались съ толпою горожанъ, то какъ изъ подъ земли выросли и безпокойно зашныряли между ними мои знакомцы: «пенсне», «хлыстъ» и «пальто», преобразившееся въ высокій «цилиндръ». Этотъ «цилиндръ» и «пенсне» право ни къ чему не годятся! Посмотрите на нихъ: пока еще глаза ихъ безпокойно блуждаютъ въ толпѣ, «хлыстъ» уже успѣлъ познакомиться съ моloденькимъ и приличнымъ джентльменомъ съ французскою бородкою; полюбуйтесь съ какою утонченною любезностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какимъ гордымъ сознаніемъ своихъ достоинствъ онъ овладѣлъ всецѣло «Грюномъ»! Послѣдній улыбается, жметъ ему руку, и вотъ они скрываются вдали. «Хлыстъ» такъ добръ, такъ любезенъ къ одинокому иностранцу, что охотно несетъ одинъ изъ его саковъ, что̀ побольше. «Пенсне» и «цилиндръ», махнувъ рукой на толпу, послѣдовали издали за счастливымъ пріятелемъ.

Но всматривайтесь попристальнѣй въ толпу! Вонъ тотъ изящный джентльменъ, который за часъ до приходомъ поѣзда такъ настойчиво добродушно предлагалъ мнѣ утолить жажду сочною грушей, вѣроятно по врожденной добротѣ своей! Ему теперь понадобился батистовый платокъ и онъ, беззаботно насвистывая американскій маршъ, ловко тянетъ его изъ раскрытаго сакъвояжа юно-довѣрчивой лэди.

А вонъ тамъ еще и еще копошатся эти изящные воры, которыхъ легко узнать по ихъ тусклымъ и безцвѣтнымъ глазамъ во время покоя, и загорающимся зеленымъ огонькомъ при видѣ добычи... Я, уже наученный опытомъ, принялъ за правило сухо отказываться отъ сочныхъ грушъ или грубо отмалчиваться на любезные вопросы джентльменовъ, настойчиво ищущихъ дорожныхъ

знакомствъ. Толпа, между тѣмъ, мало по малу разсѣялась. Къ товарному поѣзду прицѣпили два эмигрантскіе вагона, въ одинъ изъ которыхъ нетерпѣливо влѣзъ я, и былъ пріятно изумленъ: вагоны эмигрантскіе ни чуть не хуже нѣкоторыхъ второклассныхъ европейскихъ, какъ напр. французскихъ, а ужъ несравненно удобнѣе всѣхъ существующихъ въ мірѣ третьеклассныхъ. Чтоже касается до пассажировъ ихъ, то они наружно ни чѣмъ не отличаются отъ пассажировъ почтовыхъ или обыкновенныхъ поѣздовъ.

Ровно въ 5 часовъ мы двинулись по направленію знакомой уже вамъ станціи Промонтори. Проѣзжая о бокъ небольшой рѣченки, впадающей въ р. Сакраменто, вы видите множество маленькихъ плотовъ, раскинутыхъ по правому ея берегу на протяженіи нѣсколькихъ сотъ сажень; на этихъ плотахъ устроены прачешныя, гдѣ китайцы моютъ бѣлье, отлично гладятъ и крахмалятъ его, и тѣмъ избавляютъ свой прекрасный полъ отъ скучной работы! Вообще китаецъ—мастеръ на всякую работу, но при случаѣ предпочитаетъ женскую: иной изъ нихъ отлично исполняетъ обязанности горничной и кухарки; стряпаетъ, прислуживаетъ за столомъ, крахмалитъ и моетъ рубашки, безпощадно поплевывая на воротнички и рукавчики, что по его понятіямъ равносильно вспрыскиванію ихъ водою...

Дальше пошли виды, уже знакомые вамъ своею картинностью, и я предпочитаю уснуть, чѣмъ повторять одно и тоже; кстати уже 10 часовъ, и мои сосѣди соблазнительно храпятъ.

24 августа. Вотъ чѣмъ отличается устройство эмигрантскаго вагона отъ прочихъ пассажирскихъ. Онъ разбитъ на два отдѣленія: въ длину бо̀льшаго изъ нихъ расположены двѣ мягкія скамейки, обитыя клеенкою; на

каждомъ изъ этихъ дивановъ съ удобствомъ помѣщаются только 5 человѣкъ; печка помѣщается посрединѣ вагона, и топится каменнымъ углемъ, когда и кому заблагоразсудится. Другое же отдѣленіе ни скамеекъ, ни стульевъ не имѣетъ, а въ немъ устроены ватеръ-клозетъ и резервуаръ воды со льдомъ. Остальное устройство вагона схоже съ прочими: открытыя платформы, гдѣ располагаются винты тормаза и ступеньки или сходы.

Насъ, пассажировъ, пока только десять человѣкъ, а потому мы расположились на скамейкахъ свободно и удобно, не стѣсняя одинъ другаго. За исключеніемъ меня и двухъ объамериканившихся нѣмцевъ, всѣ прочіе янки демократы; двое изъ нихъ съ своими женами—красивыми, видными, здоровыми природными американками. Во всю дорогу онѣ весело хохочутъ и беззаботно болтаютъ между собою и съ пассажирами, подтрунивая надъ встрѣчающимися намъ дорогою китайцами, рабочими по ремонту желѣзнаго пути, между тѣмъ какъ ихъ мужья и прочіе янки рабочіе угрюмо молчаливы, серьезно-задумчивы, съ тревожною мыслью въ лицѣ: «гдѣ бы денегъ достать побольше?» Безъ сомнѣнія, смотря на ихъ почтенныя корзинки, набитыя банками съ пикулями, сардинами, окороками, галетами, вискою и прочими вкусными штуками, любуясь на ихъ свѣжія, здоровыя лица, на ихъ мускулистыя руки и плотный организмъ, одѣтый въ удобный и приличный костюмъ, видно, что всѣ эти рабочіе—люди достаточные; но они ярые демократы, и, по милости китайцевъ, бросили уже неблагодарный трудъ въ Калифорніи, чтобы поискать его за болѣе справедливое вознагражденіе въ другихъ мѣстахъ Америки. Къ женамъ своимъ, которыя, растянувшись на скамейкахъ, безъ умолку и непринужденно бесѣдуютъ со всѣми пассажирами, они относятся мягко,

любовно, но безъ той возмутительно приторной любезности и оскорбительной опеки, какая проглядываетъ въ отношеніяхъ европейца къ женщинамъ. Видно, что женщина въ Америкѣ стоитъ высоко; въ своемъ семействѣ и въ обществѣ она пользуется тою же широкою свободою, какъ и мущина, и кромѣ того гарантирована отъ оскорбленій мущины, отъ разныхъ случайностей, такъ чтобъ еслибъ ей пришлось ѣхать одной хоть по всей Америкѣ, или идти одной хоть въ темную ночь, ее никто не тронетъ. Эта гарантія состоитъ въ сросшемся съ жизнью каждаго американца благородномъ взглядѣ на женщину, какъ на слабаго, по своей физической природѣ, друга своего, нуждающагося въ покровительствѣ и заступничествѣ его. И дѣйствительно, женщина въ Америкѣ пользуется защитою каждаго мущины. Попробуйте-ка затронуть или оскорбить ее безпричинно? Если не сама она расправится съ вами, то ужъ навѣрно найдутся заступники, которые выругаютъ, осмѣютъ, а пожалуй изобьютъ тупаго нахала безпощадно! Америка—это рай для женщины, въ особенности въ этихъ, отрѣзанныхъ отъ всего міра пустынями и океаномъ Западныхъ Штатахъ, гдѣ на одну женщину приходится до десятка мущинъ; а это одна изъ важнѣйшихъ причинъ, почему ими здѣсь дорожатъ. Да вотъ, взгляните-ка къ намъ въ вагонъ: двѣ дамы рабочихъ янки заняли почти половину его, между тѣмъ какъ мы, 8 мущинъ, принуждены сжаться на другой... Юбка привыкла всегда здѣсь быть на первомъ планѣ, иногда не смотря даже ни на какія ваши права давности.

Однако эти демократы рѣзко высказываютъ при всякомъ удобномъ случаѣ свою ненависть и презрѣніе къ мелкому племени китайцевъ, какъ къ противникамъ ихъ интересовъ. Такъ на одной маленькой станціи вошла

къ намъ въ вагонъ китайская группа пассажировъ, съ своими исполинскими корзинами за спиною и шиньонами на бритыхъ затылкахъ. Пассажиры, а въ особенности двѣ дамы вдругъ злобно оживились, поднялся крикъ, брань, свистъ и гиканье:

— Іокогомо, Мокогомо!.. Вонъ, вонъ отсюда!!

Ошеломленные китайцы остановились среди вагона, въ нерѣшительности, что имъ дѣлать дальше, между тѣмъ какъ пассажиры дергали ихъ за косы и блузы. Они оборачиваются и тупо всматриваются въ оскорбителей ихъ священнаго украшенія.

— Ха, ха, ха! Го, го, го!... Іокогомо вонъ, вонъ отсюда!

И несчастныхъ выталкиваютъ изъ вагона. Входитъ кондукторъ.

— Мы не хотимъ китайцевъ! кричатъ ему дамы. Кондукторъ безотвѣтенъ, онъ вѣдь тоже демократъ.

— Гоните ихъ отсюда! Мы не хотимъ, не хотимъ китайцевъ! Вонъ ихъ!..

Подымается опять кошачій концертъ. Кондукторъ ведетъ китайцевъ въ другой вагонъ, но тамъ ихъ встрѣтили такимъ озлобленнымъ крикомъ, что китайцы въ страхѣ выпрыгнули на платформу. Но, однако, нужно же усадить и ихъ на поѣздъ, вѣдь они деньги заплатили. И кондукторъ рѣшилъ втиснуть кули въ маленькое отдѣленіе вагона, гдѣ не было даже скамеекъ, зато о бокъ расположенъ резервуаръ воды и ватеръклозетъ.

Пассажиры успокоились, но ненадолго; поѣздъ остановился на минутку около большой артели кули, работавшихъ на желѣзной дорогѣ; многіе изъ пассажировъ выбѣжали на платформу вагона.

— Эй, Іокогомо! хочешь яблоко? кричитъ одинъ изъ нихъ.

— Хотимъ, бросайте! отвѣчаютъ китайцы дурно по англійски и растопыриваютъ свои блузы, чтобъ поймать его; но не яблоки летятъ имъ въ голову, а щепки и каменья! Опять подымается свистъ, гикъ и взрывъ дьявольскаго хохота: «Въ Китай! вонъ отсюда! Ха, ха, ха!! Го, го, го!!» Поѣздъ двигается, китайцы, чувствуя себя теперь въ безопасномъ положеніи, начинаютъ огрызаться и махать по воздуху кулаками, угрожая пассажирамъ, все еще продолжающимъ швырять въ нихъ каменный уголь, щепки, брань и угрозы... Картина тѣмъ болѣе некрасивая, что дамы принимаютъ въ ней самое горячее участіе; одна изъ нихъ сильно обезобразилась отъ злости: на позеленѣвшемъ ея лицѣ показалась пѣна у рта. Я вышелъ на платформу вагона. Еще свѣтло, но уже чувствуется близость вечера въ горахъ: въ легкой прохладѣ воздуха слышится запахъ сосноваго бора.

Какъ здѣсь дышется легко, и какъ мягко, отрадно ложится вашъ взоръ на вечернюю картину «Сіерры Невады»! Поѣздъ летитъ узкою тропою, по крутымъ склонамъ высокихъ горъ, надъ нимъ высятся утесы, внизу, въ роскошной зелени, глубокое ущелье, куда съ гуломъ падаетъ горный ручей.. Начало свѣжѣть и сумерки покрыли этотъ чудный видъ.

Къ ночи прибавилось столько пассажировъ, что напрасно было бы думать не только о снѣ, но даже объ удобномъ сидѣньи; тѣснота страшная, а потому многіе пассажиры растянулись на голомъ и грязномъ полу, а кто дремалъ стоя, облокотившись о двери, между тѣмъ какъ лэди стойко удержали свою привиллегію на комфортъ...

25 августа. Въ биткомъ набитый нашъ вагонъ

ввалилось еще нѣсколько пассажировъ съ дѣтьми, но кондукторъ посадилъ ихъ въ другой вагонъ. Отъ тѣсноты и неудобнаго положенія тѣла, отъ безсонно-мучительной ночи и дневной жары, у меня сильно разболѣлась голова и часто идетъ кровь изъ носу. Вообще эта поѣздка чувствуется очень непріятно: медленная ѣзда товарнато поѣзда, съ которымъ мы ѣдемъ, постоянныя и продолжительныя остановки его на самыхъ ничтожныхъ станціяхъ или среди пустыни выводятъ меня изъ терпѣнія. Вотъ теперь, на маленькой станціи, мы простояли болѣе шести часовъ, поджидая пассажирскаго поѣзда изъ Сакраменто, къ которому насъ и прицѣпили.

Опять уныло потянулись безжизненныя степи и голыя скалы знакомыхъ уже намъ пустынь! И только на берегахъ рѣки Гумбольдъ, расширившейся и повеселѣвшей у станціи «Уйнемока», вашъ глазъ нѣсколько отдыхаетъ.

Въ этой мѣстности штата Невады кочуютъ дикія индѣйскія племена Digger и Snake (Деджеръ и Снаки), для которыхъ онъ служитъ громаднымъ полемъ охоты. По разсказамъ моего сосѣда, къ сѣверу отъ желѣзной дороги почти нѣтъ бѣлыхъ поселенцевъ, между тѣмъ, какъ къ югу эти обширныя пустыни заселяются успѣшно. Къ сѣверу правительство не построило еще ни одного форта, къ югу же ихъ нѣсколько; но такъ какъ они разбросаны другъ отъ друга на двѣ, на три и болѣе сотенъ миль, да притомъ же солдаты нѣкоторыхъ изъ нихъ нерѣдко старательно избѣгаютъ высовывать наружу носъ свой, то индѣйцевъ здѣсь не обезпокоиваетъ ничто, и они очень часто безнаказанно нападаютъ на бѣлыхъ купцовъ, эмигрантовъ и путешественниковъ. Вообще правительство, за рѣдкими исключеніями, не принимаетъ

и не принимало почти никакого участія въ тѣхъ отважныхъ предпріятіяхъ частныхъ людей, благодаря которымъ такъ быстро сформировались Западные Штаты. Терпѣніемъ, смѣлостью и искуствомъ прокладывали и прокладываютъ себѣ путь. торговцы и эмигранты съ Атлантики до Великаго Океана. Этотъ подвигъ совершается ими безъ всякой помощи со стороны какихъ-либо ученыхъ учрежденій или государства, а единственно цѣною крови и милліоновъ долларовъ своихъ... Но если правительство не измѣнитъ своей политики невмѣшательства, предоставляя только частной предпріимчивости прокладывать дороги въ этихъ степяхъ, то безъ сомнѣнія безпорядки на индѣйскихъ границахъ не скоро еще прекратятся.

Вонъ направо, на нависшей скалѣ мелькнула чья-то могилка, одинокая, осѣненная деревяннымъ крестомъ, а надъ нею высоко—высоко парятъ орлы. Кто успокоился въ ней? Убитый-ли кровожаднымъ Снакомъ отважный эмигрантъ, умершій-ли отъ изнеможенія пиллигримъ въ обѣтованную землю святыхъ мормоновъ, или же буйные молодцы большихъ дорогъ, не цѣнящіе ни въ грошъ свою и чужую жизнь, повѣсили товарища своего, послѣ пьяной ссоры? Можетъ быть, исторія ея извѣстна обывателю вотъ этой уединенной ранчи *), что весело взглянула къ намъ въ окно... Могилка еще свѣжа, а клочекъ пустыни, принявшей цвѣтущій видъ, какъ видно не первый годъ кормитъ труженика - обитателя своего: кукуруза, картофель, капуста да маленькій садикъ тѣнистыхъ деревъ, какъ отрадны вы въ этой обнаженной пустынѣ!

---

*) Грубо срубленные дома въ степяхъ западной Америки называются ранчами.

Вотъ что разсказывалъ мнѣ мой сосѣдъ о жителяхъ ранчи: желѣзная дорога, соединившая два океана, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на западѣ прошла въ томъ же направленіи, въ которомъ проходила эмигрантская почтовая; на этихъ-то послѣднихъ, какъ въ мѣстахъ, по которымъ идутъ караваны съ товарами и эмигрантами, жаждущіе быстро обогатиться, безстрашные молодцы устраиваютъ на скоро бревенчатые бараки или шалаши, съ цѣлью продавать путникамъ водку по 9 и 10 р. сер. за бутылку и пресованный табакъ по 14 и 15 р. сер. за фунтъ, а страстнымъ пьяницамъ индѣйцамъ тѣ же товары за буйволовыя и иныя шкуры. Если голова такого отважнаго барышника уцѣлѣетъ отъ ножа краснокожихъ или отъ револьвера буйныхъ удальцевъ большихъ дорогъ, то въ два, три года онъ наживаетъ большое состояніе. Но нерѣдко и иной разрядъ людей селится фермами и ранчами въ этихъ дикихъ мѣстахъ. Они такъ же, какъ и первые, предпріимчивы, неустрашимы, мало цѣнятъ кровь свою, но цѣли ихъ болѣе возвышенны, несравненно человѣчнѣе: въ надеждѣ укрѣпиться на незанятой еще землѣ и такимъ образомъ положить основаніе счастью своихъ дѣтей, они бодро ведутъ борьбу за существованіе со скудною природой и индѣйцами, живя въ крайнемъ лишеніи и постоянномъ трудѣ до тѣхъ поръ, пока трудъ ихъ не вознаградится достаточнымъ плодомъ....

Ну, вотъ и станція Гумбольдтъ, на которой усѣлись къ намъ два новыхъ пассажира. Одинъ изъ нихъ, джентльменски одѣтый, съ острою бородкой и орлинымъ носомъ, протиснувшись между мною и моимъ сосѣдомъ, немедленно всхрапнулъ; другой же, съ маленькими усами и роскошно вьющимися по плечамъ черными кудрями, прикрытыми мягкою широкополою шляпою, былъ одѣтъ въ охотничьи лосинные брюки, подпоясанныя кожаннымъ

поясомъ, въ высокіе сапоги и широкую суконную куртку, изъ подъ которой выглядывалъ револьверъ и большой охотничій ножъ; въ одной рукѣ онъ несъ ружье, а въ другой объемистый свертокъ, который швырнулъ въ уголъ вагона. Большая собака, вошедшая слѣдомъ за нимъ, бросилась къ свертку и облизываясь улеглась около него. Отдохнувъ немного, этотъ торжественный молодецъ подошелъ къ свертку и, развернувъ его, расправилъ нѣсколько индѣйскихъ скальповъ, подобныхъ тѣмъ, какіе я видѣлъ въ Санъ-Франциском музеѣ. Пассажиры поглядывали на охотника за индѣйскими волосами болѣе, чѣмъ съ уваженіемъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ, и онъ видимо чувствовалъ это, съ гордымъ презрѣніемъ и самодовольно поглядывая на насъ, невооруженныхъ и смирныхъ людей.

Эти, вырѣзанные съ кожей головные волосы человѣка онъ везетъ въ Чикаго, гдѣ, какъ я слышалъ, правительство прежде платило за нихъ хорошія деньги: за скальпъ взрослаго индѣйца 50 долларовъ, а за дѣтскіе и женскіе по 25 дол. Теперь уже этого нѣтъ, и Богъ вѣсть для какого употребленія онъ везетъ ихъ туда.

Мой же сосѣдъ продолжаетъ кивать шляпою во всѣ стороны; но вотъ его голова стукнулась довольно сильно о мою разъ, другой. Это невыносимо, и я подставилъ ему кончикъ трубки. Ну, вотъ теперь онъ пробудился, протеръ глаза и закурилъ сигару... У меня въ рукахъ англійскій самоучитель, который заинтересовалъ его; онъ долго всматривался въ него.

— Вы русскій? неожиданно отнесся онъ ко мнѣ по польски. Я порадовался рѣдкому здѣсь звуку славянскаго слова, хотѣлъ разговориться съ нимъ, но оказалось, что тотъ уже давно забылъ свой родной языкъ; бесѣда же между нами шла на смѣшанномъ, еще ни-

кому не вѣданномъ англо-французо-нѣмецко-польскомъ нарѣчіи.

— Вы вѣрно давно переселились въ Америку, если успѣли забыть родной языкъ? поинтересовался я.

— Съ 30 года; я еще былъ крошечнымъ ребенкомъ, когда политическія обстоятельства принудили моихъ родныхъ бѣжать въ Америку. Они уже давно умерли, я остался одинъ, а не встрѣчаясь здѣсь съ земляками, забылъ свой языкъ. Да онъ мнѣ и не нуженъ: я уже давно гражданинъ Америки! Что, въ Россіи не хорошо вамъ? неожиданно прибавилъ онъ.

Я кратко обрисовалъ ему настоящую Русь, едва нарождающійся прогрессъ и богатства земли ея.

— А я слышалъ, возразилъ онъ мнѣ, что въ Россіи жить не хорошо: очень холодно, торговля плоха, земляки ваши не умѣютъ ничего дѣлать..

— Посмотрите, продолжалъ онъ, посмотрите кругомъ себя. Великій, смѣлый духъ американца повсюду вноситъ съ собой прогрессъ. Давно ли живетъ республика наша? А нѣтъ въ мірѣ другаго народа, который бы такъ быстро развился, разросся!..

— Вижу, перебилъ я его, что вы крѣпко полюбили ваше новое отечество, но мнѣ въ немъ очень не нравится одно, это преобладаніе матеріальныхъ стремленій передъ всѣми прочими, грубая жажда американца къ золоту.

— Благодаря этой жаждѣ, мы и велики. Золото— это нашъ трудъ, энергія и предпріимчивость; оно намъ даетъ силу, независимость и комфортъ жизни! Гдѣ вы встрѣтите, чтобъ всѣ люди одного государства жили бы съ такимъ достаткомъ, какъ у насъ? У насъ нѣтъ поразительной вашей бѣдности, нѣтъ нищеты, потому что каждый изъ насъ любитъ золото, т. е. справедливо воз-

награждаемый трудъ, который и служитъ основаніемъ благосостоянія человѣка и общества... Мы любимъ золото потому, что оно помогаетъ нашему прогрессу, свободѣ и могуществу. Нищета ведетъ народы къ порокамъ, застою, рабству, вотъ именно къ тому, что̀ дѣлается у васъ въ Европѣ; хоть у васъ не меньше нашего любятъ золото, разница только въ томъ, что вы, какъ дѣти, не знаете что съ нимъ дѣлать; затрачивается оно у васъ вредно, непроизводительно для прогресса человѣчества.

— Ну, положимъ, вы правы, что въ Европѣ ради золота губятъ народъ, а вы любите золото для блага, для прогресса всего человѣчества; согласенъ и съ тѣмъ, что у васъ экономическія и пр. отношенія между собою болѣе справедливы, но какъ объяснить эту любовь къ золоту вашихъ дѣтей, этихъ скороспѣлокъ практической жизни? Они поражаютъ своею преждевременною возмужалостью!

— Объясненіе очень просто: они наши дѣти. Мы не выжимаемъ изъ нихъ силъ излишнею опекою, но даемъ развиваться имъ свободно. Вотъ почему въ Америкѣ мальчикъ 13—14 лѣтъ уже сформированъ для самостоятельной дѣятельности, и въ дѣлахъ житейскихъ проведетъ иногда любого европейца!

— Но если такой мальчикъ, при сильномъ развитіи матеріальной стороны своей натуры, получаетъ только элементарное образованіе, то тогда это можетъ гибельно отражаться на немъ въ нравственномъ отношеніи.

— А у васъ въ Россіи, вся масса высокообразованна?

— У насъ она совершенно безграмотна.

— Въ такомъ случаѣ всѣ эти люди безнравственны, порочны?

— Нѣтъ!

— Такъ значитъ нравственность человѣка зависитъ не отъ одного элементарнаго или неэлементарнаго образованія, а главное отъ воспитанія ребенка. А мы именно и воспитываемъ его въ этомъ направленіи, только несравненно шире и правильнѣй, чѣмъ у васъ.

— Но я встрѣчалъ и слышалъ столько примѣровъ! Я ему разсказалъ нѣсколько дорожныхъ приключеній со мною.

— Исключенія вездѣ и во всемъ существуютъ, нетерпѣливо перебилъ меня гражданинъ. Если ребенокъ вышелъ изъ среды порока, то онъ пойдетъ преимущественно по тому же пути. Нищета и роскошь рождаютъ порокъ, а у насъ нищета рѣдкое исключеніе, а безумная европейская роскошь была бы смѣшна, слѣдовательно и примѣры ваши—явленіе далеко не общее!.. А насъ винить нечего въ томъ, что дѣлаютъ здѣсь наѣзжіе европейскіе мошенники и дикари! Вы видите эту дорогу, что прошла безводныя и безлюдныя пустыни? Во время постройки отъ станціи «Промонтори» до Омахи она ежедневно обливалась кровью человѣческою; дня не проходило, чтобъ не было убито нѣсколько человѣкъ рабочихъ! Потому что строить ее шелъ, за малымъ исключеніемъ индѣйскихъ женщинъ, большею частью разный сбродъ, бездомники, европейскіе бродяги, преступники!

— Что же за причина подобнаго озлобленія другъ противъ друга?

— А послѣ вашихъ европейскихъ тисковъ, здѣсь на широкой свободѣ, въ степи, перепьются они, перессорятся, а отсюда недалеко до драки, а тамъ спьяна не задумавшись хватаются за ножи, револьверы... Такъ это не настоящіе граждане Америки, а только что переселившіеся сюда европейцы!

И онъ охарактеризовалъ мнѣ ихъ; въ особенности же не пощадилъ нѣмцевъ: «Послѣдніе, говорилъ онъ, въ большинствѣ невѣжественная, звѣрская натура, которая нагло оберетъ кого только можетъ, и въ тоже время рабски унижается передъ тѣмъ, кто сильнѣе его и въ комъ видитъ свой интересъ; онъ или грубый невѣжда, или уголовный преступникъ, бѣжавшій изъ Европы. Религія его—во что бы то ни стало обогатиться... Впрочемъ, я говорю о тѣхъ изъ нихъ, которые, какъ грязная накипь, выброшены за негодностью Европою на гостепріимные берега Америки». Характеризуя же мнѣ, китайцевъ, построившихъ желѣзную дорогу отъ станціи «Промонтори» до города Сакраменто, онъ прибавилъ: «Вотъ эти—такъ не любятъ ссориться между собою».

Я разсказалъ ему случай съ китайцами въ вагонѣ, и попросилъ объясненія его.

— Китайцы и настоящее правительство,—враги наши, а потому съ ними такъ и поступаютъ!

— Вы тоже демократъ?

— Теперь да, а въ послѣднюю нашу войну за освобожденіе негровъ принадлежалъ къ республиканцамъ и участвовалъ въ ней волонтеромъ.

— Какая же причина такой перемѣны знамени?

— Тогда республиканецъ требовалъ освобожденія человѣка, а теперь онъ хочетъ закрѣпостить его силѣ золота богачей. Демократы теперь правы, и я сталъ подъ ихъ знамя!

— Такъ вы участвовали въ великой войнѣ?

— Всѣ граждане, кто только могъ, безъ крайняго ущерба экономіи страны, шли волонтерами. Сотни тысячъ гибли, и новыя сотни тысячъ являлись на ихъ мѣста. Война дѣйствительно была велика, какъ по широкимъ принципамъ республиканцевъ, такъ и по громад-

нымъ жертвамъ съ обѣихъ сторонъ! Подъ стѣнами Ричмонда данъ былъ бой, бой, человѣчнѣе котораго міръ еще не видывалъ. Равноправность всѣхъ людей и святость труда побѣдили мракъ средневѣковаго рыцарства!

— А много являлось охотниковъ въ волонтеры?

— Много; всѣ были сильно возбуждены, а притомъ же волонтерамъ платилось въ годъ отъ 800 до 1,000 долларовъ жалованья.

Поѣздъ остановился у станціи Монументъ, гдѣ мой собесѣдникъ, простившись со мною, скрылся.

Степныя станціи, расположенныя здѣсь въ 10 — 15 верстахъ одна отъ другой, представляютъ мрачный видъ. Глазъ никого и ничего не встрѣтитъ, кромѣ кули, да одного, двухъ служащихъ американцевъ, снѣжные солончаки, да какъ бы выжженную пустыню съ голыми скалами вдали. Цѣны, въ единственной какой нибудь лавчонкѣ, не менѣе суровы: калифорнская слива, правда величиною съ яблоко, стоитъ 30 центовъ, а яблоко 40 центовъ. Видно, очень жутко пришлось мормонамъ, если они породнились съ такой убогою природой!

Вотъ и станція Промонтори, гдѣ мы простоимъ съ часъ времени. Промонтори, изъ всѣхъ степныхъ самая большая станція, раскинулась въ совершенно голой долинѣ, издали окаймленной съ трехъ сторонъ цѣпями скалистыхъ горъ, и напоминаетъ, множествомъ своихъ досчатыхъ и жестяныхъ балагановъ, палатками, фургонами пріѣзжихъ колонистовъ мормоновъ, и суетнею населенія своего, ярморочный таборъ нашихъ большихъ селъ.

Здѣсь есть школа, театръ и фотографія, рулетка и билліардъ... Стемнѣло, и я по примѣру спутниковъ моихъ вздремнулъ.

26 августа. Возня, шумъ и суетня разбудили меня; пассажиры собирали свои пожитки и выходили изъ ва-

гона. Чуть чуть еще свѣтало, и въ воздухѣ было очень свѣжо. Я послѣдовалъ примѣру прочихъ и вышелъ изъ вагона; осматриваюсь кругомъ, что такое? Не съ просонья-ли мнѣ мерещится? Но нѣтъ, глаза не обманываютъ меня; наши 2 эмигрантскихъ вагона одиноко стоятъ на той же станціи Промонтори, къ нимъ подъѣхала машина и увезла ихъ обратно. Гдѣ же почтовый поѣздъ, и чего мы ждемъ до сихъ поръ въ Промонтори? Я подошелъ съ этими вопросами къ пассажирамъ, сгруппировавшимся на платформѣ крошечнаго станціоннаго зданія. Оказалось, что пассажирскій поѣздъ, для облегченія себя бросивъ насъ, полетѣлъ одинъ въ Нью-Іоркъ, а мы должны дожидаться товарнаго поѣзда изъ Сакраменто, который придетъ сюда не раньше 10 часовъ утра! Дожидаться! Легко сказать!

На этихъ степныхъ станціяхъ нѣтъ пассажирскихъ комнатъ, а такъ какъ теперь ночь, то контора, лавки и ресторацін еще заперты. Куда же скрыться отъ страшнаго, пронизывающаго до костей утренняго холода этихъ пустынь? Некуда! И пассажиры, сознавъ сію печальную дѣйствительность, принялись кто дуть себѣ въ кулакъ, а кто выкидывать ногами разныя штуки, — что куда какъ не шло къ важнымъ янки. Вотъ они взялись за виску; дамы дружно ихъ поддержали, хотя сочли при этомъ долгомъ погримасничать.

Но вотъ, въ 9 часовъ пришелъ товарный поѣздъ, и поволокъ насъ тихо, тихо, по дикой пустынѣ въ направленіи къ городу Омаха. Но что же это? День близится къ концу, а поѣздъ ни разу еще сегодня не останавливался ни на одной станціи. Я страшно голоденъ! Ужъ не республиканцы-ли машинистъ съ кондукторомъ? Очень можетъ быть; а пассажиры вѣдь демократы, такъ въ отместку имъ они мучатъ голодомъ одного меня, неповиннаго ни

въ чемъ. У прочихъ то изрядныя котомки съ вкусными припасами, а у меня только англійскій самоучитель въ рукахъ! Этой пыткѣ злыхъ людей немало еще помогаетъ природа: солнце печетъ немилосердно, воздухъ мертвенно душенъ; сухой жаръ отравой проникаетъ въ кровь мою, между тѣмъ какъ теплою водой вагона нѣтъ возможности утолить жажды: ледъ въ резервуарѣ уже давно растаялъ. Кругомъ дикая Сахара: песокъ да камень, а по сторонамъ желѣзнаго пути блестящими полосками тянется плева соли, которую непривычный глазъ принимаетъ за снѣгъ или иней, но нѣтъ нигдѣ ни травки, ни куста; не ищите здѣсь источника чистой воды! Золотистый, наводящій уныніе паръ отъ жары обнимаетъ всю пустыню; страшное безмолвіе природы, словно безмолвіе смерти нарушается лишь поѣздомъ нашимъ... Ну, хвала Всевышнему! Теперь ровно 6 часовъ вечера, и мы остановились передъ укромной ресторацiей, устроенной въ единственной лавчонкѣ крошечной станціи, расположившейся вблизи большаго соленаго озера *). Какъ Грантъ, по выраженію спикера на митингѣ въ Санъ-Франциско, вцѣпился въ жирную Америку, такъ и я съ жадностью коршуна нѣмца бросился на хлѣбъ и чашку холоднаго чаю, потомъ еще и еще.... Такъ что мормонъ, хозяинъ гостиницы, добродушно рѣшилъ взять съ меня только одинъ долларъ за одинъ стаканъ холоднаго чаю и за двѣ крошечныхъ, черствыхъ булочки! Спасибо и за это.

Поѣздъ поплелся дальше по штату Утахъ, называемому святыми ея обитателями Дезеретомъ (страною пчелы).

Направо тускло синѣетъ поверхность большаго со-

---

*) Длина большаго соленаго озера — 226 верстъ, а ширина — 155 верстъ.

ленаго озера, надъ которымъ длинными вереницами высоко-высоко поднимаются цѣлыя стаи чаекъ и разной иной пернатой дичи, перелетающей то съ берега на берегъ, то съ одной прибрежной отмели на другія... Воздухъ сталъ свѣжѣе, и такъ прозраченъ, что отсюда виднѣются темными пятнами разбросанные по мертвому озеру островки: Церковный, Корингтонъ, Миллера и др.

Но вотъ показалась здѣсь жизнь иная, жизнь всемогущаго мормона, удивившаго весь міръ. Силою своей вѣры онъ изъ пустыни создалъ роскошный садъ, жилище, достойное человѣка. Мимо насъ тянутся колоніи, огороды и пашни; фруктовые сады и молодыя рощицы оттѣняютъ ихъ и украшаютъ собою маленькую часовню святыхъ послѣднихъ дней... По зеленому ковру луговъ раскинуты фургоны, пасутся лошади, разбрелся рогатый скотъ, а святые кто пашетъ, кто коситъ, кто сѣетъ. Каждый человѣкъ здѣсь дѣятельно занятъ, виски не пьетъ, табакъ куритъ рѣдко, и получаетъ большой доходъ съ земли, хотя она вчера еще была мертвою пустыней. Вотъ почему они сильны, и вы не увидите между ними ни пьяныхъ, ни нищеты, ни оборванныхъ. Трудъ для мормона, это его религіозная полемика съ міромъ, вотъ почему они благоденствуютъ тамъ, гдѣ другая жизнь погибла-бы. Почва здѣсь до того суха и безплодна, что со всей религіозною страстью къ труду—святой не въ силахъ воздѣлать болѣе четырехъ акровъ земли, между тѣмъ какъ въ иныхъ мѣстахъ республики одинъ человѣкъ легко обработываетъ до сорока и болѣе акровъ.

Опять пустыня! Жизнь миновалась быстро, царство смерти опять настало, и чѣмъ дальше ѣдемъ, тѣмъ больше и больше оно ширится и глубоко васъ гнететъ. Но недалекъ тотъ часъ, когда сила пара и трудъ человѣка воскресятъ его отъ глубокаго сна...

Тунелью, пробитой въ громадной скалѣ, подъѣзжаемъ къ станціи Тунель. Мѣстность здѣсь хоть и пустынна, но грандіозно величественна; направо и налѣво между гигантскими горами глубокія лощины пересѣкаются отвѣсными ущельями, по которымъ струятся ручьи; питающія ихъ снѣжныя залежи ярко бѣлѣютъ на солнцѣ. Вотъ еще и еще тунель. Проѣзжая послѣдней изъ нихъ, кто-то изъ пассажировъ въ темнотѣ, ради шутки, выстрѣлилъ изъ револьвера; общій взрывъ веселаго хохота былъ ему отвѣтомъ... Черезъ ручейки перекинуты легенькіе цѣпные мостики, а скалы въ выемкахъ такъ отвѣсны, иногда такъ нависли, что невольно думается: вотъ-вотъ рухнутъ онѣ, раздавятъ поѣздъ и дорогу заметутъ.

Черезъ узенькое ущелье со свистомъ вырвалась машина на широкую долину, гдѣ одиноко пріютился досчатый балаганчикъ. Это станція Огденъ, а не вдалекѣ отъ нея ферма мормона; видно, что она недавно вышла изъ дикой природы: садикъ при домѣ нескоро дастъ тѣнь и плодъ насадившему его, но крошечное поле ржи, на берегу маленькаго степнаго ручейка, уже давно созрѣло и прибрано; капуста и разныя другія овощи, я полагаю, не мало веселятъ душу святаго. Безволосая и лоснящаяся отъ жиру свинья роется въ землѣ, цыплята безтолково бѣгаютъ по маленькому дворику, гдѣ дѣвочка лѣтъ восьми съ голубыми глазами и свѣтлыми кудрями доитъ корову; краснощекій мальчикъ, не старше ея, возится съ лошадью: отецъ ихъ чинитъ фургонъ, а мать на крыльцѣ сидитъ за шитьемъ.... Всѣ за работою, хотя уже 8 ч. вечера; еще часъ проработаютъ они, и въ 10 ч., по своему обыкновенію, лягутъ спать, съ тѣмъ, чтобы завтра съ восходомъ солнца приняться вновь за трудъ, на который святой смотритъ, какъ на предназ-

наченную Богомъ жертву, очищающую человѣка отъ грѣха, черезъ что онъ достигаетъ вѣчнаго покоя.

Поѣздъ уже двинулся впередъ, какъ вскочилъ въ нашъ вагонъ громадный молодецъ въ высокихъ сапогахъ, перетянутый широкимъ кожанымъ поясомъ и въ измятой широкополой шляпѣ на мохнатой головѣ. Этотъ джентльменъ, пари держу, не изъ святыхъ; изъ кармана у него выглядывали двѣ бутылки доброй виски, а ноги его напрасно искали почвы подъ собой.... и онъ повалился... не на диванъ, а на спящую демократку. Та, протерши глаза, расхохоталась, а демократъ—мужъ ея, осторожно приподнялъ его и посадилъ на свободное мѣсто.... Поѣздъ пошелъ быстрѣе, чѣмъ возбуждалъ къ жизни пьянаго язычника: *) онъ кричалъ, свисталъ, грохоталъ и смѣялся, какъ безумный; приставая къ кондуктору и сосѣдямъ съ грубыми шутками, прикладываясь часто къ горлышку бутылки, онъ добродушно предлагалъ всѣмъ намъ попробовать его виски, но никто изъ пассажировъ не отвѣчалъ ему ни малѣйшимъ жестомъ или словомъ, и всѣ очень любезно, съ осторожностью опытныхъ людей, отклонялись отъ дикихъ выходокъ Невадскаго рудокопа. Иначе здѣсь въ пустынѣ и нельзя держать себя съ подкутившимъ буйнымъ молодцомъ, не дорожащимъ ни своею, ни чужою кровью; поссорьтесь съ нимъ, онъ въ припадкѣ бѣшенства не задумается воткнуть свой ножъ въ вашъ бокъ, а у этого гражданина былъ еще въ запасѣ и револьверъ! Какое право вы найдете противъ него въ этихъ, только что возникающихъ изъ дикихъ пустынь Западныхъ Штатахъ, когда нерѣдко передъ по-

---

*) Мормоны называютъ язычниками всѣхъ людей земнаго шара, за исключеніемъ только 500,000 послѣдователей Евангелія Іосифа Смита.

добными молодцами даже законъ Линча пасуетъ? Жизнь, полная тревогъ и приключеній, борьба съ природою и съ индѣйцами создала въ Западной Америкѣ разрядъ людей, не уступающихъ въ жестокостяхъ самымъ звѣрскимъ изъ индѣйскихъ племенъ. Что значитъ подобному молодцу застрѣлить васъ, если онъ способенъ, какъ я могу судить изъ разсказа объ нихъ, въ шутку содрать кожу съ индѣйца, распороть индіянкѣ грудь для того, чтобы вынуть сердце ея, какъ трофей своего удальства, или же открыто хвалиться, что варилъ и ѣлъ индѣйцевъ?! Подобные люди ужаснѣе индѣйцевъ Shoshones (Шошоновъ), живущихъ къ Сѣверу и Utahe (Утаховъ), блуждающихъ на Югѣ отъ Великаго Соленаго озера. Если Утахъ бьетъ свою жену до смерти, а Шошонъ предлагаетъ свою скво *) каждому путнику, заглянувшему къ нему въ вигвамъ **), такъ это происходитъ отъ ихъ взгляда на женщину, какъ на вещь, принадлежащую его шалашу и слѣдовательно ему. Но если предстоитъ какое-нибудь демонское дѣло, какъ напр. жечь на огнѣ пятки своему врагу, переломать суставы, вырвать ногти, вывертывать глаза ему, и пр. и пр.. индѣецъ никогда не унизитъ своего достоинства воина до степени инквизитора, а предоставляетъ производство этой чудовищной пытки своимъ женамъ.

Шошоны и Утахи принадлежатъ къ самымъ дикимъ и низкимъ племенамъ индѣйской расы, и пользуются особенною ненавистью западныхъ язычниковъ; но святые, хотя и смотрятъ на нихъ, какъ на отрасль еврейскаго народа, переселившуюся сюда изъ Палестины и находящуюся теперь подъ Божьимъ проклятіемъ, тѣмъ

*) Скво по индѣйски жена.

**) Вигвамъ древесный шалашъ индѣйцевъ.

не менѣе нашли болѣе выгоднымъ сблизиться и сдружиться съ ними, нежели воевать. Они покупаютъ за нѣсколько долларовъ дѣтей у Утаховъ и съ большимъ терпѣніемъ воспитываютъ ихъ. При всемъ томъ изъ этихъ волчатъ выходятъ преплохіе святые: труда они но любятъ, хоть и выучиваются отличать насѣкомыхъ и волчье мясо отъ пищи мормоновъ. Замѣчательно, что они отъ души ненавидятъ своихъ краснокожихъ собратьевъ.

Утахи, какъ и нѣкоторыя другія изъ сосѣднихъ имъ племенъ, вообще крайне лѣнивы (и по своему—горды). Они любятъ только краситься, пить да курить, вся же тяжесть работы взвалена на ихъ женъ. Такъ, во время постройки этой желѣзной дороги, нѣкоторые изъ краснокожихъ негодяевъ приводили своихъ скво на земляныя работы, а сами проводили цѣлый день въ ссорахъ, да въ пьянствѣ на зарабатываемые ихъ женами 75 центовъ въ сутки.

На станціи Бриджеръ пьяный рудокопъ слѣзъ; его замѣнили двое святыхъ. Свѣча въ вагонномъ фонарѣ потухла, никто не думаетъ зажечь ее: всѣ дремлютъ, спятъ и святые обитатели этой пустыни; и развѣ только ихъ друзья Шошоны, да Утахи, при дымномъ свѣтѣ костровъ, ведутъ теперь безконечные разсказы о своихъ хищническихъ бояхъ. Здѣсь граница Страны Пчелы: миновался оазисъ жизни, рожденный силою вѣры, труда и воли мормоновъ изъ камня, соли и мху, песку и черныхъ плѣшей, съ виду похожихъ на пепелъ.

27 августа. Страшная была сегодня ночь! Подъ наружнымъ спокойствіемъ всѣ были въ тревогѣ Кто ухватившись за двери и скамейки вагона стоялъ, а кто валялся по полу, но глазъ никто не смыкалъ. Или машинистъ пьянъ, что̀ въ Америкѣ рѣдкость, или же путь до крайности испорченъ... Но кѣмъ? Слова: Cheyennes!;

(индѣйцы Чiйенни) слышатся въ шопотѣ демократовъ, моихъ визави. Увѣряю васъ — это неинтересная опасность: тѣло страшно избито у насъ, ибо мы испытывали на сухомъ пути, въ теченіи цѣлой ночи, сильнѣйшую морскую качку, какъ въ бѣшено разгулявшійся штормъ. Она мнѣ нѣсколько напомнила траги-комическую тряску на желѣзной дорогѣ подъ Темешваромъ, что въ Венгріи, но эта американская будетъ погрознѣе; каждую минуту мы опасались за цѣлость костей своихъ; вотъ-вотъ поѣздъ опрокинется съ насыпи или слетитъ съ моста: такъ насъ бросало и крутило во всѣ стороны. Нѣтъ, если дешева, за то куда какъ не удобна эмигрантская ѣзда. Вѣдь сегодня я опять голодаю. . Какъ хотите, а мои соображенія вѣрны: два республиканца мстятъ демократамъ, а мой желудокъ—страдай. Только въ 5 часовъ вечера, я разомъ позавтракалъ, пообѣдалъ и поужиналъ пятью персиками и кускомъ бѣлой булки. Какъ видите, экономничаю не на шутку.

По дорогѣ къ станціи Чiйенни, ночная качка вновь возобновилась. По разсказамъ товарищей, это дѣло мстительныхъ индѣйцевъ могущественнаго племени Cheyennes; они все еще не могутъ простить бѣлымъ того, что тѣ свистомъ машины нарушили покой лосей и буйволовъ — обитателей этихъ дѣвственныхъ степей и луговъ.

Чiйенни обитаютъ къ югу отъ желѣзной дороги; въ особенности ими наполнены штаты Канзасъ и Колорадо, къ сѣверу же отъ дороги, въ штатахъ Небраска и Дакоты, кочуетъ звѣрское племя Дакотовъ или Сiуксовъ (Dakotos or Sioux), а по сосѣдству съ ними разбрелись Shyenne, Arapahoes и многія другія. Изъ нихъ Дакоты и Понiи страстно любятъ виски, любятъ ее болѣе жены и дѣтей Въ мирное время онъ попроситъ

милостыню у бѣлаго, онъ готовъ продать ему за огненную воду все свое семейство, всѣхъ своихъ военноплѣнныхъ, но когда онъ выходитъ на боевую тропу, т. е. нарушитъ миръ съ блѣднолицами, тогда нѣтъ пощады ни черепу хозяина, ни ядовитому его зелью, ни его копченымъ окорокамъ. Онъ съѣстъ съ жадностью волка все съѣдомое, упьется водкою, надругавшись ужаснѣйшимъ образомъ надъ бѣлою женщиною, уведетъ ее въ позорнѣйшую неволю, оскальпируетъ блѣднолицыхъ мужей или живьемъ изжаритъ лавочника, такъ они называютъ янки, и потомъ разрушитъ до тла его ранчи,—вотъ какъ эти демоны—Дакоты ведутъ борьбу съ ненавистными бѣлыми врагами. Они притомъ отъ души ихъ презираютъ, какъ малочисленныхъ, трусливыхъ и слабѣйшихъ, нежели они. Это послѣднее убѣжденіе индѣйца въ своемъ преимуществѣ надъ бѣлымъ никакими доводами и авторитетомъ не отнимешь у него и хотя бы даже ихъ Джоссакидомъ (пророкъ), передъ которымъ они рабски преклоняются, сталъ увѣрять ихъ въ могуществѣ блѣднолицыхъ, они его приняли бы, ни больше, ни меньше какъ за одержимаго злымъ духомъ. А вѣдь пророкъ у нихъ — великая власть. Они слѣпо повинуются ему не только какъ духовному владыкѣ, но и какъ доктору, ибо болѣзнь, по ихъ понятію, есть недостатокъ столько же физическій, сколько духовный, и излечивается только имъ, какъ имѣющимъ власть надъ грѣхомъ. Я пріобрѣлъ въ С.-Франциско маленькія, въ видѣ глухаго полушара, морскія раковинки, которыя они кладутъ въ носъ, въ ухо, вокругъ шеи и рукъ; онѣ служатъ имъ талисманами, имѣющими силу отгонять злыхъ духовъ, которые, какъ и добрые духи, по ихъ убѣжденію, кишатъ повсюду: въ облакахъ, рѣкахъ, горахъ и лѣсахъ. Онъ вѣритъ также, что есть духи звѣздъ, луны и солн-

ца, бурь, вѣтра и снѣга, но никогда не воздвигаетъ имъ храмовъ.

Онъ вѣритъ въ колдуновъ и вѣдьмъ,—въ ихъ силу превращать человѣка въ животныхъ и обратно, вѣритъ въ сны, какъ въ дѣйствительные факты. Загробную жизнь онъ надѣется раздѣлять съ своею любимою лошадью и собакой, служившими ему на землѣ во время его боевой и охотничьей жизни.

Воевать и охотиться, а въ свободное отъ занятій время, пить, курить, драться, да праздно проводить время, но никогда не работать, —вотъ, по убѣжденію разбойниковъ Дакотовъ, призваніе ихъ! Впрочемъ по понятіямъ Чійеновъ, ихъ южныхъ сосѣдей, индѣйецъ можетъ умереть отъ голоду или холоду, и этимъ не наноситъ безчестія своему племени, но работать своими руками онъ считаетъ ужаснымъ позоромъ. Для этого Великій Духъ создалъ женщину, положеніе которой въ этихъ племенахъ не лучше положенія раба. По всей вѣроятности, мужъ или похитилъ ее во время войнъ съ сосѣдями, или же купилъ ее за боченокъ водки или за старую винтовку, такъ что отъ его характера и силы привязанности къ ней будетъ зависѣть судьба ея. Онъ можетъ продать, прогнать или избить ее; онъ можетъ продать всѣ ея прелести любому гостю, но если же она окажется невѣрной безъ согласія мужа, обычай дозволяетъ ему отрубить ей носъ, или принудить ее къ такимъ безнравственнымъ дѣламъ, которыя унижаютъ ее въ глазахъ даже раздѣлившаго съ нею позоръ. Она вѣчно за работой: сушитъ кожу, содранную съ вражьихъ головъ, чинитъ вигвамъ, носитъ своихъ дѣтей во время похода, готовитъ пищу, иногда пашетъ, сѣетъ зерно,—короче сказать, она работаетъ, а мужъ охотится или дерется, да пьянствуетъ.

*

Впрочемъ не во всѣхъ индѣйскихъ племенахъ положеніе женщинъ такъ низко; мнѣ говорили, что у высшихъ изъ нихъ храбрые воины оказываютъ большое уваженіе своимъ женамъ и мягко обращаются съ ними. Эти племена вообще славятся и другими высокими добродѣтелями: презрѣніемъ къ страданію и смерти, уваженіемъ къ данному слову, великодушіемъ и гостепріимствомъ. У Могиканъ, Делаварцовъ, благородныхъ племенъ, теперь уже оканчивающихъ свое бытіе—индѣйская женщина пользовалась даже вліяніемъ и властью не только въ шалашѣ, гдѣ она занимала почетное мѣсто, но и въ общественной жизни. Она пользовалась даже правомъ присутствовать на собраніяхъ и обсуждать вопросы о мирѣ, войнѣ и охотѣ.

На станціи Чійенни, гдѣ поѣздъ простоялъ нѣсколько минутъ, я съ любопытствомъ всматривался въ группу индѣйцевъ —двухъ мальчиковъ и 16 лѣтняго юношу, одѣтыхъ далеко не въ романическій костюмъ. На старшемъ изъ нихъ, съ гордымъ недоступнымъ видомъ и лицомъ, цвѣта красной мѣди, была надѣта высокая въ формѣ усѣченнаго конуса съ широкими полями, хоть ветхая, но сверху до низу разукрашенная желтыми, красными и зелеными лентами и шнурками шляпа, изъ подъ которой некрасиво спадали на плечи черные, жесткіе, прямые волосы. Дырявый, грубаго сукна сюртукъ сидѣлъ на немъ какъ-то непринужденно-комично: талія свободно обхватывала то мѣсто, которое у охотниковъ носить пиджаки рельефно красуется,—потомъ что-то въ родѣ брюкъ по колѣна и громаднѣйшихъ башмаковъ. Дѣти въ такой же плохой одеженкѣ дико озирались на насъ, и когда я приблизился къ нимъ, начали пугливо ретироваться въ степь, а за ними тяжелою походкой послѣдовалъ и юный воинъ. Эта группа индѣйцевъ не-

только изъ мирныхъ, но уже и изъ прирученныхъ къ бѣлымъ. Правительство употребляло и употребляетъ немало усилій приучить этихъ дѣтей природы къ осѣдлой жизни; но затраченные на это многіе милліоны долларовъ не привели къ ожидаемымъ результатамъ: сынъ свободнаго воина никогда не осквернитъ своихъ рукъ работой, а доллары, данные ему правительствомъ и филантропами для осѣдлой жизни, издержаны имъ въ кабакахъ и другихъ притонахъ разврата. Впрочемъ, какъ я слышалъ, и здѣсь есть отрадное исключеніе: нѣкоторыя семейства изъ разныхъ племенъ живутъ уже колоніями по берегу р. Миссури, а также и въ нѣкоторыхъ уголкахъ Восточныхъ Штатовъ; они уже имѣютъ школы, церкви, занимаются ремеслами и земледѣліемъ; нѣкоторые изъ нихъ женятся на бѣлыхъ; нѣкоторымъ изъ нихъ даже предоставлены права гражданъ, слѣдовательно они могутъ подавать голосъ при избраніи президента, засѣдать присяжными и пр. и пр.

28 августа. Теперь 9 часовъ утра, а холодъ пустыни такъ силенъ, что хоть кутайся въ шубу! Благодаря вѣроятно этому обстоятельству, враждебный намъ кондукторъ остановилъ поѣздъ погрѣться на маленькой станціи Комо. У входа въ балаганчикъ ресторацій, на привязи бѣгаетъ большой черный медвѣдь, настолько ручной, что бросается на проходящихъ, но не съ тѣмъ, чтобы укусить, а по медвѣжьи поласкаться; однако любезностямъ его никто не довѣрялъ и его обходили подальше. Въ этихъ пустыняхъ, какъ говоритъ мой сосѣдъ, водится много волковъ, медвѣдей, попадаются и лоси, заглядываютъ и буйволы.

Вотъ еще два новыхъ пассажира вошли къ намъ въ вагонъ, по костюму не то рабочіе съ желѣзной дороги не то искатели приключеній съ большихъ дорогъ, судя

по выраженію ихъ лицъ. Я не пожелалъ бы вамъ знакомства или встрѣчи съ ними въ безлюдномъ мѣстѣ: при всемъ томъ они нагло лѣзутъ знакомиться.... не со мною, а съ моими саками. Я имъ положительно объявилъ по нѣмецки, что ни слова не говорю по англійски; они заговорили со мною по нѣмецки, я отказываюсь отъ знанія его, а они забросали меня вопросами по французски и по итальянски: «Кто я, да откуда и пр. и пр.» При этомъ, ощупывая мое шерстяное одѣяло, они покровительственно похвалили достоинство его; глаза ихъ быстро перебѣгаютъ съ одной моей вещи на другую, и какъ видно они остаются ими очень довольны, безцеремонно протискиваются и усаживаются по обѣ стороны меня.... Сидящая визави меня американка, сморщивъ лобъ, знаменательно указываетъ мнѣ на нихъ глазами. Смекнувъ въ чемъ дѣло, я почти полъ сутокъ не вставалъ съ своего мѣста, и упорно отмалчивался, зорко слѣдя за всѣми движеніями непрошенныхъ гостей. По вкрадчивому ихъ голосу, по мошеннически угонченнымъ манерамъ, наконецъ по знакомству ихъ съ полъ дюжиною европейскихъ языковъ, это вѣроятно встрѣтившіе неудачу искатели золота, наши русскіе Штали, а можетъ быть раззорившіеся купцы, промѣнявшіе честную работу въ розсыпяхъ или въ городѣ на опасности и легкіе барыши разбойнической жизни. Встрѣтьтесь съ ними въ лѣсу, въ горахъ или на большой дорогѣ, вы пропали; ихъ руки не дрогнувъ подымутся на всякаго, у кого есть хоть долларъ въ карманѣ; они страшнѣе Дакотовъ; всякія преступленія уже совершены ими, можетъ быть завѣдомо даже властямъ отдаленныхъ городовъ неустроившихся еще штатовъ. По разсказамъ, страхъ, внушаемый ими, такъ силенъ, что никакой бдительный комитетъ, дѣйствующій по законамъ Линча,

не въ силахъ противустоять имъ. Законъ Линча—это ужаснѣйшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ, кто знаетъ Америку, для нея нелишній законъ. Именно въ нѣкоторыхъ, а особенно въ западныхъ штатахъ разбои сдѣлались такъ часты и ужасны, что нѣкоторые лучшіе и энергическіе граждане, убѣдившись въ безсиліи закона, рѣшились сами положить имъ предѣлъ и избавить населеніе отъ паники. Съ этою цѣлью они организовали изъ себя тайный комитетъ или судъ. Судъ этотъ собирался въ тайныхъ мѣстахъ, въ нѣсколько минутъ клалъ заочное рѣшеніе и приговоръ быстро исполнялся.

Но вотъ прицѣпили къ поѣзду еще вагонъ, и добрые молодцы, видя, что отъ угрюмаго и упорно молчаливаго путешественника трудно будетъ чѣмъ нибудь поживиться, шумно отправились туда. Американка, сидѣвшая визави меня, опять знаменательно показала мнѣ глазами на удалявшихся друзей, но со мною вѣдь неразлученъ револьверъ, а биткомъ набитый вагонъ—не уединенное мѣсто въ глухую ночь.

Чтобы гарантировать себя на будущее время отъ наглыхъ сосѣдей, я попросилъ сѣсть подлѣ себя одного янки—добродушнѣйшаго старичка, который вотъ ужь третій день аккуратно, на усладу всѣмъ, а въ особенности дряблому своему тѣлу—затапливаетъ на ночь печь вагона. Въ мое отсутствіе, онъ и за вещами моими присмотритъ, а когда около насъ сильно загрязнится полъ, онъ и метелочку достанетъ подмести его. Скромный старикъ постоянно оставался доволенъ папиросами русскаго издѣлія, которыми я угощалъ его во всю дорогу. По другую сторону отъ меня усѣлись два итальянца. Одинъ изъ нихъ—плотный, здоровый, въ лосинныхъ бѣлыхъ брюкахъ и теплой фуфайкѣ; другой же—исхудалый, мертвенно-блѣдный, и сильно больной. Съ какою

братскою заботливостью относился первый къ своему земляку! Онъ везъ его на родину, по порученію «славнаго и лучшаго» во всей Калифорніи итальянскаго общества.

Часто произносится завѣтное имя «Гарибальди, и дѣйствуетъ на обоихъ ихъ живительно; и врядъ ли они когда нибудь вернутся обратно въ С.-Франциско. Они—такъ скромны и такъ любезны ко всѣмъ пассажирамъ, что тѣ снисходительно посматриваютъ на некрасивый ихъ саладъ, и только американка, мое визави, не можетъ примириться съ нимъ, гримасничаетъ и часто произноситъ съ легкою дрожью: «поръ». А саладъ ихъ дѣйствительно рѣдкихъ качествъ, и при отсутствіи въ нашемъ вагонѣ комическаго элемента вобуждаетъ веселый смѣхъ на утомленныхъ лицахъ пассажировъ. Вначалѣ ѣзды они ѣли скоромное масло съ хлѣбомъ и окорокъ, запивая это сильно разбавленною водою виски; теперь же, когда у нихъ запасы истощились, итальянецъ, въ лосинныхъ брюкахъ, сталъ доставать изъ котомки жестяную кружку, крошилъ въ нее лукъ, который изобильно поливался постнымъ масломъ, и очень скупо уксусомъ; лукъ съѣдался съ хлѣбомъ, послѣ чего остальная смѣсь выпивалась залпомъ. Но чѣмъ же все это запить? Виски вѣдь нѣтъ,—и вотъ находчивый итальянецъ наливаетъ въ кружку воды, усердно полощетъ ее, и этою лужею запиваетъ свой завтракъ. Оно — и масло не пропало даромъ, и кружка чиста,—разсчетъ вѣрный. Однако демократы отплевываются; итальянецъ же спокойно закуриваетъ свою трубочку и—обкуриваетъ ихъ...

Но все же жизнь въ вагонѣ, а взгляните-ка въ окно его: смерть, смерть кругомъ!.. Смерть царитъ въ этихъ дѣвственно дикихъ пустыняхъ и угрюмо обнаженныхъ скалахъ!..

Подъ вліяніемъ такой мрачной природы, васъ мучительно томятъ вопросы: Кому нужны эти пустыни? И къ чему живемъ мы, съ своею глупостью и злостью? Онѣ нужны могучему американцу, и вотъ онъ, силою своей свободы, уже будитъ ихъ отъ сна...

Но вотъ шагъ впередъ, повидимому подвинулись мы къ жизни.

Направо промелькнули три маленькихъ досчатыхъ барака, обтянутыхъ полотномъ; поодаль отъ нихъ стоитъ одиноко на пригоркѣ огороженная могилка,—по другую сторону дороги—резервуаръ; это горная станція, а степныя съ ними схожи. Здѣсь расположился лагеремъ маленькій отрядъ солдатъ въ защиту отъ набѣговъ индѣйцевъ. Теперь часъ отдыха ихъ, а потому одѣты они преимущественно въ цивильные костюмы, съ большимъ разнообразіемъ головныхъ уборовъ: на одномъ англійская шапочка, на другомъ испанская, или же своя родная шляпа; кто съ книгою, а кто съ газетою въ рукахъ... Двое изъ нихъ сѣли къ намъ въ вагонъ и во всю дорогу, задравши ноги, съ сигарами въ зубахъ, не отнимали глазъ отъ каррикатурнаго журнала «Jankee nations». Вотъ что сообщилъ мнѣ мой сосѣдъ объ участіи ихъ при выборахъ.

— Американецъ, поступая въ солдаты, сохраняетъ за собою всѣ права званія гражданина, а потому они также составляютъ свои политическіе митинги, и хотя президентъ республики есть вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій арміею, но солдаты подаютъ голосъ за того или другаго кандидата на президентскую должность.

— Не пострадаетъ ли дисциплина отъ того, что солдаты будутъ разсуждать? поинтересовался я.

Jankee выпучилъ глаза, пожалъ плечами и—не удостоилъ меня отвѣтомъ.

Вѣроятно въ моемъ вопросѣ онъ видитъ крайнюю нелѣпицу—подумалъ я, и поправился:

— Какже это подчиненные сами будутъ выбирать себѣ начальство?

Jankee, предварительно позабавившись на счетъ европейцевъ, удовлетворилъ моей пытливости разомъ:

— Представителей своихъ по всѣмъ отраслямъ отправленія общественной жизни, мы выбираемъ изъ лучшихъ своихъ гражданъ, и это гарантируетъ намъ прочность и прогрессъ нашихъ государственныхъ учрежденій. Что же касается до нашихъ солдатъ, то разумное пониманіе своихъ правъ и обязанностей возвысило ихъ надъ всѣми прочими солдатами земнаго шара. Пользуясь безусловною свободой въ правѣ слова, онъ обязанъ дѣлать только то, что требуетъ отъ него законъ, т. е. слово отъ дѣла разграничено.

Окончивъ бесѣду съ Jankee, я вышелъ на платформу подышать вечернимъ воздухомъ пустыни: было очень свѣжо, а машина ползла по высокой насыпи, набросанной изъ осколковъ скалъ; кругомъ же одно и тоже дико-безпорядочное, мертвое однообрззіе...

Черезъ полчаса, пустыня уже покрылась непроницаемымъ мракомъ, въ двухъ шагахъ — ничего не видно, хоть глазъ выколи, а холодно такъ, что хоть шубу надѣвай. Пора спать.

29 августа. Нѣтъ!—Не увѣрятъ меня, что республиканскіе принципы гуманны! Гдѣ-жь тутъ человѣчность: третьи сутки мучить русскаго гражданина—то бишь—столбоваго дворянина голодомъ?!. Не вѣрьте вѣроломной дружбѣ заатлантическихъ друзей нашихъ! Хороши пріятели! Какъ вчера утромъ напился кофе, такъ до сихъ поръ ничего въ ротъ не бралъ, а вѣдь ужь пятый часъ вечера! Спрашивается, почему бы этому злому

республиканцу-машинисту не останавливаться на станціяхъ, свободныхъ отъ поѣздовъ и вагоновъ? Что побуждаетъ его останавливать нашъ поѣздъ за 2 или за 3 версты отъ станцій,—а потомъ пролетѣть ихъ стрѣлою?.. Видимо, онъ имѣетъ покушеніе на жизнь демократовъ...

Ух-хъ какъ стонетъ желудокъ!.. А этотъ старый янки, злодѣй, какъ нарочно вынулъ большой кусокъ вкуснаго, превкуснаго черпаго хлѣба, ломоть сухой, но необыкновенно привлекательной ветчины, да сушоный буйволовый языкъ. Но хлѣбъ,—черный хлѣбъ—доставляетъ мнѣ двойную пытку: я еще нигдѣ не встрѣчалъ въ Америкѣ черпаго хлѣба, а люблю его, какъ россіянинъ, это разъ; а во вторыхъ, онъ такъ заманчивъ, а мой желудокъ такъ пустъ! Я началъ соображать. какъ бы ловче... Но, нѣтъ! самолюбіе мѣшаетъ... Проэктъ за проэктомъ, одинъ другаго хитрѣе, строило мое воображеніе... Кажется, вотъ этотъ планъ будетъ хорошъ: скажу этому хитрому старику: «вотъ вамъ 25 центовъ,—дайте мнѣ кусокъ хлѣба, я хочу накормить вотъ ту большую собаку, чтò уже давно визжитъ и облизывается на вкусные индѣйскіе скальпы». Ну, хорошо, онъ дастъ мнѣ кусокъ хлѣба,—гдѣ-жь я его съѣмъ? Въ другомъ отдѣленіи? Старика мучитъ постоянная жажда,—онъ часто бѣгаетъ туда; ну—и поймаетъ меня, меня—дворянина... Некрасиво будетъ! Но вотъ, со звукомъ и свистомъ подъѣхалъ поѣздъ къ убогой, станціи,—къ какой убогой? это рай земной!.. И я бѣгомъ пустился въ скромную ресторацію крошечной станціи.

— Дайте, пожалуйста, скорѣе обѣдать.

Привѣтливо поставили передо мной разомъ цѣлый обѣдъ: супъ, кусокъ мяса и чашку кофе. Я бросился на супъ—но это былъ не супъ, а холодныя помои, съ из-

обиліемъ луку и перцу; ни одной крупинки, ни одной картошки! Перецъ страшно жжетъ мнѣ ротъ, а лукъ вареный, кто-жъ его любитъ, кромѣ евреевъ?

«Но вѣдь еще впереди ждетъ тебя превкусный кусокъ мяса и кофе,» шепчетъ мнѣ воображеніе. Я отставилъ супъ, принялся за мясо,—но оно было такъ жестко и безвкусно, что оставалось только напуститься на кофе. Хлебнулъ его разъ-другой—очень ужь холодное; хлебнулъ третій глотокъ,—комъ чайныхъ листьевъ завязъ во рту.

— Дайте мнѣ кофе! Я просилъ кофе, а вы подали чай! протестовалъ я.

— Это кофе, а не чай!

— Посмотрите, — вотъ вамъ доказательство, что это чай! И я вытянулъ изъ чашки полную ложку листьевъ и поднесъ хозяину нѣмцу подъ самый носъ.

— Это здѣшній кофе, сухо возразилъ онъ мнѣ.

— А что стоитъ обѣдъ? Помните, что я ничего не могъ ѣсть.

— Одинъ дол. 50 центовъ.

Вотъ вамъ и рай земной,—а во всемъ виновато пылкое воображеніе! Я купилъ за 20 центовъ булку, съ жадностью съѣлъ ее, и угрюмо усѣлся въ углу вагона.

На этой станціи сѣлъ къ намъ въ вагонъ длинный и, какъ окорокъ добродушнѣйшаго моего сосѣда, сухой, молчаливый янки, у котораго сзади подъ сюртукомъ топырщился револьверъ. Поѣздъ двинулся, я вышелъ въ другое отдѣленіе вагона напиться воды, и возвратившись черезъ минуту, засталъ свое мѣсто уже занятымъ этимъ янки. Подостлавъ подъ себя мое пальто и облокотившись на подушку, онъ, не обращая вниманія на мой вопросительно-удивленный взглядъ, невозмутимо перелистывалъ знакомый уже вамъ самоучитель англій-

скаго языка. Я тихо дотронулся до его плеча, заявляя тѣмъ, что я, хозяинъ пальто, подушки, самоучителя и мѣста—самъ на лицо. Онъ молча приподнялся съ моею книгою и занялъ мѣсто лэди, моего визави. Я терпѣливо дожидался возвращенія самоучителя, и ровно черезъ два часа янки положилъ мнѣ его на колѣни, съ едва-едва скользнувшей по его лицу добродушною ироніей, причемъ примѣтивъ выглядывавшую изъ моего сака головную щеточку, вынулъ ее, повертѣлъ въ рукахъ, снялъ шляпу, и небрежно причесавъ свои волосы, положилъ ее не обратно, а на подушку. Потомъ закурилъ сигару и, помѣстившись опять на чье-то чужое мѣсто, во всю дорогу задумчиво молчалъ. Искренность этой американской безцеремонности мнѣ понравилась. У насъ пожалуй подобный поступокъ назвали бы, если не дерзкимъ, то ужъ конечно страннымъ или оригинальнымъ, но въ Америкѣ никто не понялъ бы подобныхъ жалобъ.

30 августа. Быстро приближаясь къ Омахѣ, наконецъ то миновали мы страну запада, рѣзко отличающуюся во всемъ отъ восточныхъ штатовъ. Мертвыя пустыни скрываются изъ глазъ, начинается жизнь природы. Параллельно желѣзной дороги, на сотни верстъ, тянется р. Плата, впадающая въ р. Миссури. Лѣвый берегъ ея —низменная луговина, покрытая высокою травой и широкими клумбами желтыхъ цвѣтовъ. Это наши подсолнечники, но далеко непохожіе на наши огородные, у которыхъ на стеблѣ сидитъ почти всегда одна головка. Здѣсь же большіе золотистые во множествѣ висятъ роскошными кистями на длинныхъ, достигающихъ иногда 14 ф. стебляхъ. Въ иныхъ мѣстамъ степей они ростутъ такъ густо, что весь пейзажъ принимаетъ горящій, золотистый оттѣнокъ. Изъ высокой травы выглядываютъ морды муловъ, а тамъ вдали на вол-

нистой равнинѣ виднѣются табуны лошадей, а еще дальше картина расширяется, и стада бѣлѣютъ на громадныхъ зеленѣющихъ пространствахъ. Начинаются и лѣса; воздухъ теплый, пахучій; благоуханіе степныхъ цвѣтовъ смѣшивается съ легкой прохладой утра; небо совершенно голубое. Станціи становятся веселѣй. На нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются такого незамысловатаго устройства дешевенькіе поворотные круги, что ознакомиться вамъ съ ними будетъ нелишнимъ. На американскихъ желѣзныхъ дорогахъ новѣйшаго устройства всѣ локомотивные сараи полукруглые; безъ сомнѣнія большое количество машинъ требуетъ передъ ними прочнаго металлическаго поворотнаго круга, которые при этихъ условіяхъ вездѣ и устроены. Но на нѣкоторыхъ маленькихъ станціяхъ, тамъ гдѣ нѣтъ сарая, но за то есть много запасныхъ вагоновъ, требующихъ постоянныхъ ранжировокъ, въ виду экономіи времени, устраивается въ серединѣ запаснаго пути деревянный поворотный кругъ—очень прочный и легкій. Машина въѣзжаетъ на этотъ кругъ, вращающійся около стержня на колесахъ, которыя ходятъ по рельсовому кругу, утвержденному на неподвижной деревянной платформѣ, плотно утвержденной въ землѣ. Сперва двое рабочихъ, а потомъ—одинъ, не болѣе какъ въ двѣ минуты, поворачиваютъ поворотный кругъ вмѣстѣ съ машиной въ оборотную сторону; кончивши работу, машина забираетъ вагоны и идетъ въ ту или другую сторону переднимъ ходомъ, но никогда не заднимъ.

Ну, вотъ и Омаха, куда мы въѣхали въ 2 часа по полудни. И такъ, въ восемь дней ѣзды мы протащились только половину всего пути; вотъ что значитъ эмигрантскій поѣздъ, тогда какъ на пассажирскомъ,

отъ Санъ-Франциско до Нью-Іорка, всего семь дней пути.

Омаха—маленькій, грязненькій городокъ, замѣчателенъ развѣ только тѣмъ, что царь Омахскихъ индѣйцевъ, недалѣе какъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, былъ торжественно похороненъ ими верхомъ на сосѣднемъ берегу. Вскорѣ послѣ смерти его эти краснокожіе потеряли свои права возсѣдать подъ ивовыми деревьями омахскихъ рощъ, потому что были вытѣснены своими врагами далеко на западъ. До 1850 года на этихъ громадныхъ и большею частію дикихъ пространствахъ, отъ рѣки Миссури до скалистыхъ горъ, не существовало еще «Западныхъ штатовъ».

Толпы разноплеменныхъ индѣйскихъ племенъ охотились здѣсь на обширныхъ равнинахъ за буйволами и лосями. Но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ массы предпріимчивыхъ поселенцевъ, переправившись черезъ Миссури, завладѣли ея крутыми берегами на довольно большомъ разстояніи, и огородивъ частоколомъ лучшіе участки земли, преимущественно по берегамъ ручьевъ, положили основаніе Западнымъ штатамъ и городамъ Омахѣ и многимъ другимъ. Съ этихъ поръ на всемъ этомъ пространствѣ началась кровопролитная борьба между бѣлыми и краснокожими, продолжавшаяся съ страшнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ почти до великой войны Сѣвера съ Югомъ, впрочемъ и теперь еще не прекращающаяся на нѣкоторыхъ пунктахъ индѣйскихъ границъ. Въ теперешнихъ стычкахъ между враждебными элементами существуетъ одно важное – не удобное для бѣлыхъ — преимущество на сторонѣ краснокожихъ: въ видахъ сближенія съ индѣйцами, утвержденъ законъ, по которому, какъ я слышалъ, бѣлый не можетъ первый стрѣлять въ индѣйца и только тогда имѣетъ право

защищаться противъ него, когда тотъ очевидно нападаетъ на него—гражданина Америки, т. е. прицѣлится и выстрѣлитъ въ него, или же ворвавшись въ его ранчу (домъ), сожретъ все съѣдомое и уведетъ съ собою его жену, дочерей и скотъ. Пожалуй, что это и гуманный законъ, сдерживающій звѣрскіе инстинкты нѣкоторыхъ бѣлыхъ, что онъ и раціоналенъ, но и повсемѣстное отсутствіе правосудія въ американской части краснокожей Индіи—фактъ слишкомъ ощутительный для бѣлыхъ. На западныхъ равнинахъ нерѣдко случается, что схваченнаго на мѣстѣ преступленія индѣйскаго убійцу, вмѣсто того, чтобы здѣсь же судить судомъ болѣе простымъ и быстрымъ, и тѣмъ заставить его уважать права американскаго гражданина, отсылаютъ на судъ въ Вашингтонъ, за нѣсколько тысячъ миль отъ сцены и свидѣтелей его преступленія, гдѣ даютъ ему для защиты хорошаго адвоката, и за недостаткомъ уликъ,. требуемыхъ сложной судебной теоріей, освобождаютъ. Возвратившись же домой со многими подарками отъ романически-филантропическихъ дамъ, онъ, какъ герой, нерѣдко получалъ званіе предводителя своего племени. Подобныя явленія суть слѣдствіе политики Восточныхъ Штатовъ постепеннаго и миролюбиваго стиранія краснокожихъ съ континента, политики, которая хотя и достигаетъ своей главной цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ выработала у индѣйцевъ ложный взглядъ на блѣднолицыхъ, какъ на слабѣйшихъ, достойныхъ полнаго презрѣнія. Они не стѣсняются нарушать трактаты и обязательства относительно правительства, они хищнически относятся къ бѣлымъ, даже безъ всякаго повода со стороны послѣднихъ. Несмотря на это, Восточные Штаты продолжаютъ смотрѣть на индѣйца съ романтической точки зрѣнія, не вѣря въ разсказы

объ ихъ чудовищныхъ качествахъ. Жители же западныхъ долинъ и степей, изъ которыхъ почти каждый имѣетъ родственника убитаго, или родственницу, похищенную этими романтическими демонами, смотрятъ на нихъ болѣе правильно: какъ на нищихъ, пьяныхъ бездѣльниковъ, убійцъ и грабителей, скальпирующихъ бѣлыхъ мущинъ и похищающихъ бѣлыхъ женщинъ. Вотъ почему Западные Штаты пренебрегаютъ вышеприведеннымъ закономъ, установленнымъ Восточными Штатами, нарушая его иногда открыто, и постоянно—втихомолку.

Послѣ этой краткой характеристики настоящаго состоянія Западныхъ штатовъ понятенъ будетъ и тотъ фактъ, что проѣхавши три тысячи верстъ отъ Санъ-Франциско до Омахи, во все время пути, на всемъ нашемъ поѣздѣ, я не видалъ, кромѣ моихъ двухъ визави демократокъ, ни одной женщины. Много ли женщинъ—кромѣ мормонокъ — рѣшатся поселиться въ этихъ только что начавшихъ колонизироваться степяхъ, пустыняхъ и горахъ, гдѣ на каждомъ шагу предстоитъ борьба съ природою и съ индѣйцами? Очень мало, потому что жить имъ въ сильно населенныхъ Восточныхъ штатахъ, несравненно удобнѣе, нежели здѣсь. Вотъ почему въ этомъ краѣ, не включая сюда царства святыхъ, — на одну женщину приходится—какъ я слышалъ—что-то слишкомъ десятокъ мужчинъ. Эта поразительная несоразмѣрность дѣйствуетъ гибельно на нравственность здѣшняго бѣлаго населенія; этимъ объясняется распущенность женщинъ въ Санъ-Франциско, — развратъ и болѣзни, внесенныя бѣлыми въ среду индіянокъ и негритянокъ.

На станцію желѣзной дороги, находящуюся на другомъ берегу Миссури, ѣдутъ въ омнибусѣ. Замѣчу здѣсь, что какъ въ Нью-Іоркѣ, въ Чикаго, въ Санъ-Фран-

циско, такъ вѣроятно и во всей республикѣ, — если вы сядете въ омнибусъ или въ желѣзно-конную карету, то нерѣдко испытаете на себѣ ощутительное неудобство ужасной тискотни, происходящей отъ того, что здѣсь не въ обычаѣ, какъ у насъ, впускать въ карету опредѣленное число пассажировъ, а въ нихъ садится столько, сколько влѣзетъ; въ Нью-Іоркѣ мнѣ часто случалось ѣздить въ желѣзно-конной каретѣ, биткомъ набитой дамами, мущинами и дѣтьми; на двухъ скамейкахъ садятся, а въ промежуткѣ между ними тѣсно стоятъ пассажиры. Но вотъ и Каукиль Блюфъ, станція, — пытка кончилась; кое какъ выкорабкавшись изъ омнибуса, я, убѣжденный опытомъ въ флегматическихъ качествахъ эмигрантскаго поѣзда, беззаботно расхаживалъ по крошечной станціи. Сильный свистъ машины подъ ухомъ заставилъ меня обернуться назадъ, — гляжу, а итальянцы и прочіе мои спутники спѣшатъ усаживаться въ только что пришедшій пассажирскій поѣздъ. Я — слѣдомъ за ними, — кондукторъ протягиваетъ руку къ моему билету. Оказывается, что по немъ уже кончилось мое право ѣхать вмѣстѣ съ моими дорожными пріятелями. Что-жь это такое? Положительно не понимаю этой путаницы! Итальянецъ съ сердитою миною усердно кричитъ мнѣ что-то по итальянски, кондукторъ безмятежно смотритъ на меня и — молчитъ, старикъ янки, выдѣлывая руками какія-то замысловатыя штуки, сердито машетъ мнѣ рукой по направленію конторы; самъ же я — въ непріятнѣйшемъ замѣшательствѣ: что все это значитъ?... Но вотъ торопливо подходятъ ко мнѣ калифорнская демократка съ мужемъ и толкуютъ, что здѣсь эмигрантскихъ вагоновъ нѣтъ, а потому нужно взять билетъ общаго класса и перемѣнить чеки на вещи... Но поѣздъ готовъ двинуться въ дорогу, и я навѣрно опоздаю. Нѣтъ, добро-

душная лэди не допускаетъ своего спутника до этого: она тянетъ меня за руку къ конторѣ, даетъ кассиру мой эмигрантскій билетъ, на которомъ тотъ отмѣчаетъ знакъ перомъ, я приплачиваю за 1-й классъ до г. Чикаго еще 5 долларовъ 40 центовъ бумагою, потомъ мы вмѣстѣ бѣжимъ къ вещамъ, и только что успѣлъ я перемѣнить на нихъ чекъ, какъ поѣздъ со звономъ двинулся впередъ.

Отъ недостатка пищи, сна и движенія я сталъ почти боленъ, но въ роскошномъ вагонѣ, на бархатномъ диванѣ вздохнулось мнѣ легко, а свѣжій видъ природы и быстрота ѣзды сгладили всѣ слѣды неудобства и приключеній прошедшихъ дней пути.

31 августа. На станціи «Десмонесъ», резервуаръ для воды устроенъ въ видѣ вѣтряной мельницы: механизмъ водокачанія приспособленъ къ крыльямъ ея.

Начиная отсюда, при каждой станціи невдалекѣ расположились колоніи, гдѣ найдется нѣсколько удобныхъ гостинницъ, гдѣ можно хорошо пообѣдать или закусить тридцатью центами дешевле, чѣмъ въ станціонной ресторацiи. Есть школы, магазины и фотографіи; эти колоніи могутъ посоперничать съ нашими лучшими уѣздными городами.

На станціи «Іова-Сити» вломилась к намъ въ вагонъ толпа новыхъ пассажировъ,—колонистовъ съ своими женами, и рабочихъ. Мущины одѣты въ длинныя, широкія парусинныя пальто, изъ подъ которыхъ у нихъ—несмотря на знойный день—выглядываютъ шерстяныя фуфайки. Колонистки, съ свѣжимъ румянцемъ здоровья на щекахъ, одѣты тоже въ парусину, но со вкусомъ, котораго можно бы отъ души пожелать моимъ соотечественницамъ. Руки этихъ Ladys доказываютъ, что у нихъ домашней работы немало, а вниманіе, съ которымъ онѣ принялись

за чтеніе газетъ и брошюръ, убѣждаетъ васъ, что онѣ не менѣе своихъ мужей и братьевъ слѣдятъ за политическою жизнію своей страны.

Но взгляните-ка, съ какою милою непринужденностью, какъ просто и естественно онѣ держатъ себя съ мущинами! Видно, что съ малыхъ лѣтъ онѣ дружно идутъ съ ними рука объ руку, и ужь конечно не считаютъ ихъ своими главами, а тѣ въ свою очередь не видятъ въ нихъ ни божествъ, ни хуже того — игрушекъ. При всемъ томъ, иногда вы подмѣтите у мущины нѣкоторое покровительственное отношеніе къ женщинѣ, какъ къ слабѣйшему существу, но отношеніе, сознательно проникнутое уваженіемъ къ ней.

А вотъ и знакомая уже намъ широкая р. Миссисипи, съ перекинутыми черезъ нея нѣсколькими мостами. Удивляешься, право, легкости построекъ мостовъ и мостиковъ на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ!

Да, вспомнишь при этомъ одну изъ нашихъ строющихся на югѣ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ я былъ очевидцемъ громадныхъ каменныхъ сооруженій въ такихъ насыпяхъ, въ которыхъ дѣло обошлось бы простою металлическою трубкой. Внѣшность-то красива и многоцѣнна, но прочности не ждите: камень заливался дешевенькою жидкою известкой! Послѣ этого не удивительна та масса несчастныхъ случаевъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, о которыхъ чуть-ли не ежедневно извѣщаютъ насъ газеты.

Отъ станціи «Беро» вплоть до станціи «Жоліетъ», то приближаясь, то удаляясь отъ глазъ, тянется по гладкой луговинѣ синяя полоска тиховодной рѣки Иллинойсъ, впадающей въ Миссисипи.

Здѣсь уже земля очень плодородна: жирная почва низменности омывается въ разныхъ направленіяхъ во-

дою—а потому эта мѣстность сильно колонизована; часто мелькаютъ нарядныя фермы, богатыя колоніи; широко раскинулись онѣ. Американскіе колонисты здѣсь не любятъ жаться, тѣсниться сосѣдствомъ, а поэтому вы видите вездѣ просторъ, какъ просторна ихъ свобода.

Поѣздъ остановился на красивенькой станціи, да и постройка ихъ пошла отсюда удобнѣе для пассажировъ: мущины и дамы въ большихъ вокзалахъ имѣютъ еще по отдѣльной комнаткѣ, уборной. Но когда вы выходите изъ вагона, совѣтую вамъ всѣ негромоздкія вещи забирать съ собою; или—еще лучше—не держите ихъ при себѣ, — сдавайте все въ багажъ; иначе легко можетъ случиться, что онѣ перейдутъ во владѣніе къ другому. Купилъ я славныхъ персиковъ и превкусную закуску. Когда аккуратный нѣмчикъ-лавочникъ складывалъ ихъ въ бумажный мѣшокъ, воображеніе мое рисовало премиленькую перспективу: съ какимъ наслажденіемъ все это пойдетъ мнѣ въ ротъ, какъ оно тамъ будетъ таять и пр. и пр. Чтобъ не вынимать постоянно изъ узла полотенца и щетки, я въ отдѣльномъ сверткѣ уложилъ ихъ въ этотъ же мѣшокъ, и сунувъ его на вагонную этажерку, отправился обѣдать. Возвращаюсь, закуска и прочее—все исчезло! Пари держу—мой сосѣдъ, добродушнѣйшій нѣмецъ, стащилъ, ибо только онъ одинъ оставался въ вагонѣ.

— Не видѣли ли вы, куда дѣвался мой свертокъ? спросилъ я его какъ можно любезнѣе.

— Машина толкнула вагоны и онъ упалъ въ окно.— Я взглянулъ туда,—закуски не было видно, да и упасть за окно она не могла, это было бы противно законамъ физики, потому что этажерка приходилась къ окну въ косвенномъ положеніи,—а вотъ къ широкому рту нѣмца—

прямо въ перпендикулярномъ. Ясно, что онъ стянулъ бывшее у меня наслажденіе.

— Вашъ ротъ, сэръ, очень смахиваетъ на окно, хотѣлось мнѣ замѣтитъ ему, но я былъ сытъ, и смолчалъ.

Въ пять часовъ вечера поѣздъ остановился у довольно обширнаго, изъ грубо-тесаннаго камня вокзала города Чикаго. Дальше отправимся не раньше 8 часовъ завтрашняго утра, на другомъ почтовомъ поѣздѣ. Измученный длинною и неудобною дорогою, я порадовался случаю переночевать здѣсь. Факторъ нѣмецъ, пригласившій насъ въ гостинницу, узнавъ, что я русскій, сообщилъ мнѣ о двухъ заѣзжихъ моихъ землякахъ, проживающихъ здѣсь безъ денегъ и безъ работы. Это заинтересовало меня такъ сильно, что я, не торговавшись съ нимъ, усѣлся съ нѣкоторыми эмигрантами на экспрессъ, который въ 10 минутъ и доставилъ насъ въ гостинницу «German».

Можетъ, здѣсь не излишне будетъ объяснить вамъ, что такое «эмигрантскій поѣздъ». Названіе это очень неточное: на немъ большею частью ѣздятъ изъ экономіи и городскіе джентльмены и колонисты. Рѣдко, рѣдко встрѣтите на немъ переселенцевъ изъ С.-Франциско въ другія мѣста Америки, но чаще только что пріѣхавшихъ рабочихъ изъ Европы въ Нью-Іоркъ, откуда они отправляются по разнымъ дальнимъ угламъ республики.

Какъ только привезли насъ въ гостинницу, больше смахивавшую на жидовскіе заѣздные дома нашихъ западныхъ городковъ, мои спутники: два итальянца и американка съ мужемъ—занялись чисткою своихъ особъ, а я попросилъ хозяина проводить меня къ русскимъ его постояльцамъ. Онъ побѣжалъ наверхъ узнать дома ли они, и черезъ минуту явился со однимъ изъ нихъ. Это былъ студентъ с.-петербургскаго университета А. Е. Я******, съ которымъ я радостно, какъ съ землякомъ,

поцѣловался. —Да, мы русскіе, въ Америкѣ такая рѣдкость, что завидѣвши соотечественника, вы въ немъ видите какъ-бы дорогую вамъ родню, и встрѣчаете его, какъ лучшаго друга вашего, послѣ продолжительной разлуки съ нимъ. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, было его истомленное, исхудалое, блѣдное лицо, въ которомъ отражалось много горькихъ минутъ, много тяжкихъ нравственныхъ пытокъ, перенесенныхъ имъ въ этой нѣмецкой трущобѣ, именуемой Чикаго, безъ средствъ къ жизни, и въ томительной неизвѣстности, что дальше будетъ? Мы выпили пива, и завязался разговоръ. Я..., которому остается еще 2 года пробыть въ университетѣ, воспользовавшись вакаціей, рѣшился, съ самыми скудными средствами, ѣхать въ Америку, чтобы, какъ онъ говоритъ: «Испытать жизнь американскаго рабочаго, и такимъ образомъ личнымъ опытомъ провѣрить состояніе человѣка въ самомъ тяжеломъ его общественномъ положеніи». Но, какъ я имѣю основаніе думать, его влекло сюда то же самое, что влечетъ и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ, это—взглянуть на могущественный организмъ политической и гражданской свободы, что я ему и высказалъ. Онъ согласился, что это желаніе тоже входило въ программу его поѣздки... и продолжалъ разсказъ свой:

— Я отправился въ Америку не одинъ; со мною поѣхали съ тѣми же цѣлями помѣщикъ Л—ъ и нѣкто Н—й. Первый, еще недавно богатый человѣкъ, лишившійся всего состоянія по несчастнымъ случайностямъ, но не промотавшій его, ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы здѣсь, трудомъ и энергіею, возвратить потерянное; второй же ѣхалъ взглянуть на жизнь американца, и—уже давно вернулся обратно въ Россію. По пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ, я и Л—ъ нашли работу на фермахъ одного бо-

гатаго янки, который ежедневно, съ утра до вечера, самъ работалъ съ нами на своихъ обширныхъ огородахъ, а поэтому работа кипѣла, но зато же и наше тѣло немало страдало. Отъ постоянно наклоненнаго положенія во время работы приходили мы домой измученные, съ страшною болью въ спинѣ; безъ всякаго аппетита съѣдали ужинъ, и мертвецки засыпали. Чуть свѣтъ, опять принимайся за этотъ тяжелый и изнурительный трудъ. Такъ какъ хозяинъ идетъ впереди насъ, а его, уже свыкшійся съ этою работою сильный организмъ, быстро справляется съ грядками, то и мы принуждены были напрягать всѣ наши силы, чтобъ не отставать отъ него, и наконецъ до того измучились, что бросивъ богатаго фермера, поѣхали въ Чикаго искать болѣе легкаго труда. Но здѣсь намъ положительно не повезло. Въ городѣ, который занимается только торговлею лѣсомъ, работы никакой; не потому, что я не знаю англійскаго языка, который не есть необходимость для грубаго физическаго труда, а потому, что населеніе города превосходитъ то количество рабочей силы, которое потребно для его коммерческихъ операцій. Это разъ; а во вторыхъ, здѣсь колонизація нѣмцевъ, которые поддерживаютъ только своихъ. Идите на набережную, и вы увидите тамъ много рабочаго люда, но не нѣмцевъ, а разныя другія національности, между прочимъ, и меня русскаго. По нѣскольку недѣль ждемъ мы работы, но ея нѣтъ и нѣтъ, а потому многіе безъ куска хлѣба. А вотъ придетъ зима, такъ и совсѣмъ не будетъ здѣсь работы! Кто что заработалъ лѣтомъ, проживетъ зимою. Ходилъ я по всѣмъ коммерческимъ конторамъ, но тамъ нигдѣ нѣтъ работы. Пожалуй—есть, да не угодно ли вамъ ѣхать за нѣсколько сотъ миль отсюда, куда-нибудь въ глушь, въ пустыню, на вновь строющуюся желѣзную дорогу, въ Минесоту

(Сѣверный штатъ Minnesota), или же, на лѣсопильни, на дикіе и далекіе берега озера Мичигана, вдаль отъ всякаго жилья!

— Хорошо вы сдѣлали, что не поѣхали на желѣзную дорогу: ножъ и револьверъ широко работаютъ тамъ.

— Да, объ этомъ я слышалъ, продолжалъ Я—въ. Но если я и не рѣшился идти туда, то по пріѣздѣ въ Чикаго съ Л—вымъ, мы были въ такомъ критическомъ положеніи, что нужда бросила насъ на трудъ, нелучшій того. Намъ предложили ѣхать за 180 миль отсюда, на лѣсопильню «Масонъ-Виль», на берегу озера Мичигана, принадлежащую одному богатому, но грубому янки. Нечего было дѣлать, когда чуть не умирали съ голоду. За 20 долларовъ въ мѣсяцъ, на хозяйскихъ харчахъ, мы отправились туда. Л—въ и теперь еще тамъ, но я, проработавъ полтора мѣсяца, измучился, заболѣлъ, и обворованный богачемъ янки, вернулся опять въ Чикаго.

Я просилъ Я—ова поразсказать мнѣ о его житьѣ на Мичиганской лѣсопильнѣ, и онъ продолжалъ:

— А вотъ какое тамъ славное житье! Окрестности одиноко стоящей мельницы покрыты дремучими дѣвственными лѣсами, наполненными звѣрьемъ и дикими индѣйцами-охотниками. Эти-то лѣса и снабжаютъ Чикаго тѣми горами бревенъ и досокъ, которыя вы видѣли на набережной. Насъ, рабочихъ, было до 60 человѣкъ, по крайней мѣрѣ пятнадцати разныхъ національностей: нѣмцы, шведы, французы, испанцы, итальянцы, китайцы и пр. пр., преимущественно же ирландцы. Дѣлились мы на 2 артели; дневная работала днемъ, а на ночь ее смѣняла другая артель. Дневнымъ рабочимъ, съ которыми работалъ и я съ Л—вымъ, хуже, чѣмъ ночнымъ. Намъ приходилось ежедневно, стоя по поясъ въ водѣ, нагружать тяжелый лѣсъ съ плотовъ на суда. Отъ этого у меня

начиналась опухоль ногъ; руки мои покрылись язвами и толстой корою мозолей, поясница нестерпимо болѣла. Ночные же работаютъ въ закрытыхъ зданіяхъ—лѣсъ пилять. Какъ видите, работа легче и удобнѣе, хотя тоже утомительна. Придешь съ работы, сядешь за ужинъ, ѣшь, но не чувствуешь, что такое? Только и ждешь минуты, когда можно будетъ прилечь уснуть, дать отдыхъ до нельзя разболѣвшемуся тѣлу!

— А хорошо кормили васъ?

— Кормили хорошо и вдоволь; 4 раза въ день кофе или чай, говядина, солонина, картофель, бѣлый хлѣбъ, а иногда—оленина, лоси и дичь.

— Откуда же получали вы эти свѣжіе припасы?

— Индѣйцы привозили мѣнять ее у нашего хозяина на виски, или, какъ они называютъ, «огненную воду», и табакъ, до которыхъ они большіе охотники. Хозяину отъ этого была большая выгода; бутылку, двѣ виски онъ иногда вымѣнивалъ на цѣлаго лося. Точно такъ же онъ поступалъ и съ нами. Пользуясь тѣмъ, что мы здѣсь вдали отъ всего живаго, онъ позволялъ себѣ многія мерзости. Табакъ, виски, обувь и пр. закупитъ онъ въ городѣ гуртомъ, по дешевой цѣнѣ, а намъ продаетъ втридорога. Негдѣ взять здѣсь, ну и покупаешь у него. Это выносимо еще, а то вѣдь какъ грубъ: рабочихъ нерѣдко билъ!

— Что же это за люди были, если въ Америкѣ позволяли бить себя?

— Люди?! Это былъ такой же грубый и безнравственный сбродъ, какъ и хозяинъ ихъ! Недавно переселившись изъ Европы, оборванные и порочные нищіе, они не умѣли сплотиться настолько, чтобы дать отпоръ произволу хозяина, а своими вѣчными ссорами и драками между собою помогали ему! Рабочіе же изъ нѣмцевъ прислуживались,

унижались и подличали передъ янки, и имъ было нѣсколько вальготнѣй: они и жалованья больше получали, и работали меньше...

— Значитъ, плата не всѣмъ рабочимъ здѣсь одна?

— Силачу, гиганту, который справляется съ работою за трехъ такихъ, какъ я, и платится въ три раза дороже. Со мною работали такіе геркулесы, что вдвоемъ справлялись съ громадными бревнами, для нагрузки которыхъ на суда, насъ, среднихъ силъ, требовалось не меньше 8 человѣкъ. Слѣдовательно общей платы не могло существовать. И я того убѣжденія, что одинаковая плата безразлично всѣмъ рабочимъ, это экономическая ошибка, внесшая въ жизнь много зла. Она скрадываетъ трудъ и энергію у способнаго, или физически сильно развитаго человѣка.

— Но отчего-жь такой контрастъ въ заработной платѣ здѣсь и въ Калифорніи? Тамъ поденная плата установилась на пяти и выше долларахъ.

— Потому что капиталисты тамъ до сихъ поръ были въ зависимости отъ стачекъ сильныхъ рабочихъ обществъ; а здѣсь на мельницѣ нѣтъ общества, а есть разношерстная стая европейскихъ пролетаріевъ, которымъ приходится выбирать между голодною смертью, или предложеніемъ условій жаднаго спекулятора. Впрочемъ, я вамъ уже говорилъ, что плата здѣсь по количеству труда; есть рабочіе, которые заработываютъ до 70 и болѣе долларовъ въ мѣсяцъ; есть и нѣмцы, зарабатывающіе не столь усерднымъ трудомъ, сколько успѣшною подлостью и шпіонничествомъ, до 50 долларовъ въ мѣсяцъ.

— Какъ видно, злою мачихой была для васъ жизнь на лѣсопильнѣ!

— Да; не могъ я вынести физической и нравственной пытки и потребовалъ разсчета. Вмѣсто слѣдуемыхъ

по условію 20 долларовъ, безсовѣстный богачъ заплатилъ мнѣ за полтора мѣсяца работы только 8 долларовъ! На нихъ то я вернулся опять въ Чикаго, а здѣсь жду, жду, ищу, ищу работы, и какъ видите, бѣдствую безъ нея.

— Отчего вы не пожалуетесь на обманъ и насилія богатаго негодяя?

— Языка не знаю! денегъ не имѣю!.. Во всякомъ случаѣ, это была бы сложная процедура, которая, пожалуй, ни къ чему не приведетъ.

— Ну, чтожь вы намѣрены дѣлать? вамъ нужно, во что бы то ни стало достать денегъ, и немедленно вернуться въ Россію, или же пріискать себѣ какую бы то ни было работу и уже навсегда осѣдлаться въ Америкѣ. Середины нѣтъ! Вначалѣ вамъ здѣсь трудно будетъ; вы видите, что мы передъ американцами маленькіе ребятишки, и нужно родиться въ Америкѣ, или по крайней мѣрѣ сжиться съ нею долгими годами, чтобы стать въ уровень съ ними! А лучше поѣзжайтека обратно въ Россію. Для грубаго физическаго труда, какой вы здѣсь съ трудомъ нашли, тамъ есть много пустопорожнихъ мѣстъ, а для васъ найдется что нибудь получше! Посмотрѣли Америку,—провѣрили книжныя знанія о ней собственнымъ опытомъ, ну и довольно!

— Да; это такъ, и я уже писалъ въ Вашингтонъ нашему посланнику письмо, съ просьбою о высылкѣ мнѣ заимообразно ничтожной суммы, которая бы вытащила меня изъ настоящаго безвыходнаго положенія и дала возможность возвратиться мнѣ на родину. Но вотъ его отвѣтъ, читайте!

Посланникъ отвѣчалъ коротко и сухо, что у него нѣтъ суммъ на подобные случаи. Я посовѣтывалъ ему написать нашему генеральному консулу въ Нью-Іоркѣ,

барону Остенъ-Сакену, обѣщая не только передать письмо это, но и лично просить его о немедленной помощи ему.

Предложеніе мое нѣсколько обнадежило Я—ва и онъ тотчасъ же написалъ ему письмо.

Хозяинъ напомнилъ мнѣ, что ужинъ давно уже на столѣ. На мое предложеніе поужинать со мною вмѣстѣ, Я—овъ наотрѣзъ отказался:

— Нѣтъ и нѣтъ; не просите, не хочу!

— Но отчего же? Впрочемъ, я понимаю побужденіе вашего отказа, но право оно ложно.

— Не ложно, и вотъ почему: за безденежьемъ, я уже цѣлую недѣлю питаюсь одними булками, отъучился обѣдать и ужинать, а потому не хочу вашимъ ужиномъ на одинъ моментъ раздражать своего аппетита!

— Но, почему-жь бы вамъ не условиться съ хозяиномъ о дешевыхъ харчахъ? Если живете здѣсь, могли бы и ѣсть здѣсь?

— Видите ли: хозяинъ мой хоть и нѣмецъ, но человѣкъ добрый; когда я задолжалъ ему три доллара, онъ ихъ не требовалъ, и не стѣснялъ меня. Эта-то деликатность и заставила меня, подъ предлогомъ, что я нашелъ занятіе, гдѣ будто-бы и провожу цѣлый день, просиживать все время на набережной, въ ожиданіи работы, питаться тремя булками въ день, и приходить въ гостинницу только на ночь. Само собою, онъ повѣрилъ бы мнѣ въ кредитъ обѣды, но задолжавъ, я долженъ буду уплатить ему за нихъ, а гдѣ я возьму денегъ, когда все мое имущество состоитъ теперь изъ теплаго пальто и покрытаго плесенью пустаго кошелька? Все, что имѣлъ,—продано уже давно за безцѣнокъ! Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Европы на эмигрантскомъ пароходѣ, я уже свыкся съ лишеніями.

— Что это за эмигрантскіе пароходы? Я ничего объ нихъ не слыхалъ. Знаю, что есть обыкновенные пароходы съ третьимъ классомъ, который съ продовольствіемъ до Нью-Іорка стоитъ 25 дол. золотомъ.

— Это особенно; а я ѣхалъ на пароходѣ, который спеціально занимается перевозкою однихъ эмигрантовъ, т. е. переселенцовъ изъ Европы въ Америку. Билетъ съ продовольствіемъ стоитъ не болѣе 30 руб. Но за то ужь здѣсь не встрѣтите удобства: тѣснота, грязь и рубища кругомъ васъ. Кормятъ отвратительно гадко и грязно; я видѣлъ своими глазами, какъ прислуга выносила соръ въ жестянкахъ, въ которыхъ подаютъ намъ кофе. Когда пассажиры пожаловались на это капитану, онъ прехладнокровно утѣшилъ ихъ: «Ничего, вымоются, опять чисты будутъ.»

— Послѣ всѣхъ этихъ лишеній, — право не дурно было бы вамъ поужинать со мною вмѣстѣ. Идемъ! а?!

— Да нѣтъ же; не пойду!

Отъужинавъ въ обществѣ итальянцевъ и американки, я предложилъ Я—ву пройдтись по городу; — а вечеръ былъ чудо какъ хорошъ: мягкій воздухъ, тихій свѣтъ луны такъ и тянутъ меня понѣжиться лѣнивою прогулкой. Въ нѣмецко-американскихъ городкахъ въ полномъ смыслѣ уличная жизнь: всѣ на воздухѣ, и дѣти и взрослые; все это суетится, толкается и снуетъ по всѣмъ направленіямъ города. Двери магазиновъ, лавокъ, ресторацій и домовъ настежъ; въ окна гостинницъ, кофеенъ и многочисленныхъ пивныхъ видно, какъ отъ дневной суеты отдыхаетъ усталый людъ за картами, пивомъ и газетой. У дверей парикмахерскихъ и галантерейныхъ лавокъ нерѣдко встрѣтите цвѣтную парочку: разфранченнаго щеголя негра, — непремѣнно съ золотыми перстнями на рукахъ, и его черную красавицу.

— Вотъ эта уличная и пивная жизнь, да театръ съ грубыми фарсами, въ духѣ здѣшняго нѣмецкаго населенія,—составляютъ всѣ наши общественныя удовольствія, заговорилъ Я—въ.

— Но вѣроятно праздники чѣмъ-нибудь лучшимъ разнообразятся? спросилъ я его.

— Праздники здѣсь скучнѣе будня. Всѣ больше сидятъ по домамъ. А если слишкомъ разгуляются,—такъ неожиданно является какой-нибудь проповѣдникъ-джентльменъ, почувствовавшій въ себѣ призваніе свыше, карабкается на возвышенное мѣсто и начинаетъ громить гражданъ за ихъ прегрѣшенія. Въ прошлое воскресенье много народу прогуливалось въ городскомъ саду. Является плотный господинъ,—кажется одинъ изъ зажиточныхъ мясниковъ,—взлѣзъ на дерево, и оттуда пустилъ тьму раскаленныхъ стрѣлъ въ мирныхъ гражданъ: «Богъ седьмый день назначилъ для себя; вы должны воскресенье посвящать ему, а вы, грѣшите, гуляете и проч. и проч.» И вѣдь убѣдилъ слушателей. Большая часть гуляющихъ разошлась по домамъ пиво пить! И будни иногда тоже разнообразятся, продолжалъ Я—овъ.—Является какой нибудь ученый, и читаетъ на улицѣ лекціи. Толпа собирается большая и поучается мудрости безплатно, или за доброхотное даяніе. Недавно пріѣзжалъ сюда астрономъ съ разными инструментами, объяснилъ народу, скопившемуся на улицѣ, ходъ небесныхъ свѣтилъ, и уѣхалъ просвѣщать дальше ..

— Для здѣшнихъ жителей это не безполезно. Сколько я замѣтилъ, они, какъ отдаленные мѣстностью отъ центровъ американской умственной жизни, хоть практично и развиты, но не могутъ похвастаться своимъ научнымъ образованіемъ.

— Это правда. У насъ въ Россіи, перебилъ меня

Я—овъ, гимназистъ средняго класса больше научно свѣдущъ, чѣмъ здѣсь какой-нибудь богачъ, имѣющій право быть мэромъ, судьею или президентомъ даже. Онъ знаетъ читать да писать, — вотъ и все тутъ, но грубъ, и не имѣетъ понятія, что такое уваженіе къ другой личности, что такое разумная свобода!

Въ это время Я—овъ получаетъ сильный толчекъ съ одной стороны,— а я съ другой.

— Однако-жь, что за нахалы здѣсь! обратился я къ нему. Вотъ уже пятый сильный, и какъ видно, умышленный толчекъ мнѣ отъ прохожихъ! Какъ вы объясните это?

— Да тѣмъ же самымъ недостаткомъ образованія, о которомъ мы сейчасъ только толковали! Въ особенности здѣсь въ Чикаго: большинство грубо, невѣжественно и нахально! Васъ толкнули, чтобъ этимъ вызвать на ссору,—а потомъ на драку, которую здѣсь постоянно встрѣтите на улицахъ!... Пощелкать одинъ другого, это ихъ удовольствіе,—забава...

— А такъ какъ я плохой боксеръ, да притомъ уже поздно,—то пойдемъ лучше спать!

На обратномъ пути Я—въ сообщилъ мнѣ, что Чикаго, кромѣ изобилія нѣмцевъ, еще замѣчателенъ тѣмъ, что большинство его населенія находится въ сношеніяхъ съ загробномъ міромъ, и тому подобныя диковины.

— И практическій американецъ мирится съ дичью ученія спиритовъ? невольно вырвалось у меня.

— Въ Америкѣ, какъ въ странѣ широкой свободы совѣсти, мысли и слова, спиритизмъ, подобно множеству другихъ ученій, нашелъ себѣ изобильную почву. Въ ней насчитываютъ до четырехъ милліоновъ послѣдователей спиритизма, во главѣ котораго стоятъ сотни замѣчательныхъ людей: адвокатовъ, литераторовъ и ученыхъ.

Они имѣютъ свои спеціальныя и элементарныя школы, свою религіозную службу, свои празднества, пикники и митинги; они издаютъ множество книгъ о спиритизмѣ, свои катехизисы и газеты; у нихъ есть немало пророковъ и пророчицъ, ясновидящихъ и медіумовъ; докторовъ, а въ особенности лекарокъ, которыя вылечатъ чрезъ посредство духовъ хоть какую немощь тѣла, даже души вашей, и всего вѣдь только за 2, за 3 доллара. Нѣкоторые изъ нихъ одарены даромъ говорить на всѣхъ мертвыхъ и живыхъ языкахъ и творить чудеса.

— Стойте!.. Стойте!.. Вотъ это кстати намъ, крикнулъ я въ восторгѣ, теперь незачѣмъ и писать вамъ къ посланнику о деньгахъ: вотъ возьмите у меня долларъ,— отправимся вмѣстѣ къ какому нибудь чудодѣю и попросимъ его изцѣлить чахотку нашихъ кармановъ; онъ за одинъ нашъ долларъ вознагражденія отсыплетъ намъ по тысячѣ ихъ и мы...

— А, такъ вы сомнѣваетесь въ сверхъестественныхъ свойствахъ спиритовъ? Такъ вотъ вамъ доказательства!..

И Я—въ, вынувъ изъ боковаго кармана связку бумагъ, вручилъ мнѣ изъ нея нѣсколько печатныхъ объявленій отъ сонма Астрологовъ и Маговъ, Ясновидящихъ, Медіумовъ и прочей бѣснующейся братіи, готовой за приличный гонорарій прочесть прошлую жизнь не только вашу, но даже какого угодно допотопнаго животнаго. Эти мудрые мужи и жены поистинѣ всевѣдущи. Они предскажутъ вамъ будущее, откроютъ вашему взору врата ада и рая, покажутъ вамъ тѣни умершихъ пріятелей вашихъ: первыхъ враговъ при жизни, и излечатъ васъ въ нѣсколько минутъ; если пожелаете—даже въ ущербъ своему здоровью — они привлекутъ вашу болѣзнь на себя. И все это за какіе-нибудь 2—3 доллара. Въ сущности болѣе доллара имъ за эти штуки давать

не слѣдуетъ, ибо по ученію спиритовъ, наша медицина съ своими дорогими микстурами вредна, а имъ, т. е. медіумамъ, стоитъ только возложить руку на страждущаго субъекта, какъ изъ этой руки снизойдетъ цѣлительная сила. Если же вы не въ силахъ возстать отъ одра недуговъ своихъ, или проживаете за 20 тысячъ верстъ отъ сихъ благодѣтелей человѣчества, и такимъ образомъ не въ состояніи излечиться непосредственнымъ прикосновеніемъ къ медіуму, то въ такомъ случаѣ высылайте ему деньги по почтѣ, а онъ изцѣлитъ васъ по телеграфу!!.. Каково?!..

Получивъ такимъ образомъ понятіе о Чикагскихъ спиритахъ, я упрекнулъ Я—ва за то, что онъ заподозрилъ меня въ сомнѣніи... ибо я отнюдь не сомнѣвался въ нагломъ шарлатанствѣ подобныхъ утонченныхъ негодяевъ, эксплуатирующихъ легковѣрныхъ глупцовъ...

— Но не всѣ же спириты принадлежатъ къ этой категоріи гнусныхъ мошенниковъ, перебилъ меня Я—въ. Достойнѣйшіе изъ нихъ краснѣютъ за своихъ собратій, обратившихъ это ученіе въ источникъ своихъ грѣшныхъ доходовъ, или смотрящихъ на него пошло, узко, только какъ на нѣчто заманчивое своею мистичностью. Первая категорія спиритовъ—это мошенники, цивилизованные подражатели краснокожихъ—этому первобытному источнику спиритизма, шаманы или иные священнослужители которыхъ, съ неподражаемымъ даже для Давенпортовъ искусствомъ, умѣютъ вызывать души умершихъ грѣшниковъ и всякую бѣсовщину, т. е. другими словами—нагло морочить вздорное стадо невѣждъ. Вторая категорія—это невѣжественная, полная предразсудковъ толпа безсмысленно вѣрующихъ, какую вы найдете вездѣ. Третью категорію спиритовъ составляютъ собственно медіумы, которыхъ, въ отличіе отъ шарлатановъ

медіумовъ, можно было бы назвать добросовѣстными медіумами, служащими несчастнѣйшими жертвами эксплуатаціи первой, или идіотизма второй категоріи. Это по большей части еще молодыя, но болѣзненно-нервныя натуры, съ крайне возбужденнымъ воображеніемъ. Онѣ походятъ на сумасшедшихъ, которыхъ слѣдовало бы лечить, чтобы разсѣять созданный ихъ больнымъ мозгомъ призрачный міръ, въ которомъ онѣ вѣчно живутъ. Между тѣмъ какъ сеансы ведутъ ихъ къ окончательному умопомраченію, а отсюда къ преступленіямъ и нерѣдко самоубійству. Наконецъ, четвертая группа спиритовъ— это тѣ, о которыхъ я уже выразился, какъ о людяхъ честныхъ и умныхъ, краснѣющихъ за своихъ собратій, принадлежащихъ къ тремъ первымъ категоріямъ. Они стремятся къ высокимъ цѣлямъ доставить счастье человѣку и сдѣлать изъ него человѣка, достойнаго своего призванія. Они стараются внести въ жизнь основы строжайшей честности, высшей нравственности и лучшаго управленія. Исходя изъ основанія своего новаго завѣта двойственности природы божества, т. е. признавая въ Творцѣ—Отца и Мать, соединенныхъ въ одномъ лицѣ Бога,—они выводятъ отсюда равенство правъ обоихъ половъ, и провозглашаютъ, что честный и равный трудъ какъ мущины, такъ и женщины, долженъ получать равное и справедливое вознагражденіе, которое доставляло-бы работающему люду достаточно средствъ и времени для воспитанія, образованія и удовольствія.

— Ну, перебилъ я Я—ва, съ этимъ еще можетъ помириться здравый смыслъ, но что вы скажете вообще объ ученіи ихъ?

— Ученіе ихъ, проповѣдующее, что люди съ утонченными чувствами могутъ входить въ сношенія съ кишащими повсюду въ воздухѣ душами умершихъ, и про-

чими тому подобными бреднями, вышедшими изъ болѣзненно-религіознаго иступленія бѣднаго странствующаго сапожника Андрея Девиса,—сходно во многомъ съ ученіемъ Шекеровъ, и безъ сомнѣнія не выдерживаетъ критики, но тѣмъ неменѣе четыре милліона спиритовъ на американской почвѣ — фактъ многозначущій. онъ можетъ сильно вліять на общественную и нравственную жизнь республики, точно также какъ Чикагское общество спиритовъ вліяетъ на жизнь здѣшняго населенія. Припомните мой разсказъ о мясникѣ. Жаль, что вы уѣзжаете завтра, а то можно было бы побывать на ихъ интересныхъ засѣданіяхъ, куда стекаются не только люди во плоти, но и души умершихъ, а ангелы стоятъ на порогѣ зала засѣданія. Глаза смертныхъ какъ-то дико блестятъ, лица ихъ блѣдны: они—и только они одни—видятъ и слышатъ мертвыхъ, къ которымъ нерѣдко обращаются съ рѣчью...

Я предложилъ было Я—ву отправиться вмѣстѣ на сеансъ къ кому нибудь изъ астрологовъ медіумовъ, но часъ уже поздній, и вѣроятно всѣ маги заняты теперь исключительно пивомъ.

—Да и не стоитъ ходить на эти гнусные и пошлые сеансы, добавилъ Я—въ. Эти мастера—безжалостные идіоты и шарлатаны—иногда додурачиваются до позорнѣйшаго преступленія. Иные же изъ нихъ производятъ свое дѣло такъ неумѣло, неискусно и глупо, что невольно вызываютъ улыбку на лицахъ скептиковъ.

Было уже 12 часовъ ночи. Я торопился домой.

—Зайдемъ только сюда,—я куплю себѣ ужинъ, прервалъ бесѣду Я—въ и на моментъ юркнулъ въ нѣмецкую булочную. Я еще разъ упрекнулъ его за отказъ отъ моего предложенія поужинать со мною вмѣстѣ, но

Я—въ, въ отвѣтъ мнѣ, молча принялся пережевывать свой только что купленный хлѣбъ всухомятку.

1-го сентября 1869 года. Рано поднялись мы. Въ Чикаго встаютъ почти съ восходомъ солнца и въ 6 часовъ уже сидятъ за утреннимъ чаемъ, съ изобильною мясною закуской.—До отхода поѣзда остается еще два часа времени, которымъ я воспользовался, отправившись съ Я—вымъ бродить по городу, полному дѣятельной жизни. Здѣсь всѣ заняты, -всѣ улицы уже покрылись суетливымъ людомъ: всѣ спѣшатъ, бѣгутъ къ своимъ работамъ. Свистъ машинъ съ пароходовъ, фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ неумолкаемо носится въ воздухѣ; съ фабрикъ высоко тянутся въ высь темные столбы дыма. У парикмахерской лѣниво грѣется на солнцѣ хозяинъ ея—негръ, съ быстрыми глазами, одѣтый по послѣдней чикагской модѣ: въ темный пиджакъ, свѣтлыя брюки и шерстяныя туфли на босу ногу; мы зашли къ нему. Не успѣлъ усѣсться я на стулѣ, какъ ловкая на бритье рука его уже скользила по моей щекѣ, а черезъ минуту, наслаждаясь бесѣдой и сигарой, мы уже продолжали съ Я—вымъ прогулку.

—Какъ видно по этому негру,—обратился я къ своему собесѣднику,—чернокожіе умѣли воспользоваться завоеванною для нихъ Сѣверомъ свободой?

—Да, почти всѣ парикмахерскіе и галантерейные магазины здѣсь въ ихъ рукахъ. Они очень трудолюбивы, любятъ деньги и умѣютъ наживать и беречь ихъ. Они добродушны, проворны, опрятны, понятливы, стремятся къ образованію и заботятся о хорошемъ воспитаніи дѣтей своихъ. Вообще они способны достигнуть высшей степени гражданской жизни и идутъ къ ней быстрыми шагами. Между ними и теперь есть не мало богатыхъ и ученыхъ людей, крупныхъ землевладѣльцевъ и даже

капиталистовъ, проповѣдниковъ, адвокатовъ и докторовъ. А со временемъ они можетъ быть добудутъ себѣ силу и власть, безъ сомнѣнія не на Сѣверѣ, гдѣ ихъ очень мало, но на Югѣ—въ этой полутропической странѣ республики, гдѣ съ бѣлымъ дѣлается отъ жары дурно, а черный—благоденствуетъ! Въ такихъ штатахъ, какъ Алабама и Южная Каролина, гдѣ они теперь превосходятъ бѣлыхъ только своею числительностію, современемъ возьмутъ надъ ними перевѣсъ и въ экономическомъ отношеніи, и тогда немудрено имъ будетъ забрать и власть въ свои руки... Можетъ быть какой нибудь вотъ изъ этихъ маленкихъ Патриковъ, идущихъ съ такими серьозно набожными минами въ школу—современемъ будетъ губернаторомъ или сенаторомъ своего штата.

—Но прежде нужно воспитать, образовать и вообще подготовить его къ этому, замѣтилъ я Я—ву.

—Негръ хорошо понимаетъ, что его дѣти безъ образованія и воспитанія не пойдутъ дальше него, потому не жалѣетъ денегъ на это. Въ каждомъ густо населенномъ неграми городѣ, въ школѣ между бѣлыми вы встрѣтите и черныхъ, а пето они устраиваютъ свои школы, въ которыхъ вы найдете болѣе или менѣе достаточныя принадлежности учебнаго заведенія. Учителя въ нихъ бѣлые, но случаются и негры, и мулаты. Болѣе достаточные изъ нихъ отправляютъ дѣтей своихъ въ высшія, спеціальныя школы, а нерѣдко увидите и старика за азбукою; но какъ тѣ, такъ и другіе учатся прилежно, съ настойчивой рѣшимостью побороть всѣ трудности и достичь знанія... Смотрите! Смотрите!.. неожиданно прервалъ разговоръ Я—въ, указывая мнѣ на мимо насъ проходящую, обнявшуюся цвѣтную парочку. Вы замѣчаете,—продолжалъ онъ,—что они, не обращая

вниманія на прохожихъ, нѣжничаютъ, какъ бы у себя въ комнатѣ. Этотъ повидимому ничтожный фактъ говоритъ —на сколько улучшилось положеніе негра послѣ войны. Прохожіе видятъ въ немъ теперь такого же человѣка, какъ и они, такого же какъ и они джентльмена, но только—цвѣтнаго, и имъ теперь нѣтъ дѣла до его сердечныхъ изліяній. Но еслибъ это случилось до войны, то пожалуй, его подняли бы на смѣхъ, а не то камнемъ бы швырнули въ него, какъ въ проклятую черную собаку или въ проклятаго подлеца,—такъ ихъ величали плантаторы прежде, когда негръ считался вещью, скотомъ, но не человѣкомъ, а потому не имѣлъ права ѣздить въ омнибусѣ, на конно-желѣзныхъ дорогахъ и вообще въ городскихъ экипажахъ и пр. и пр.—Теперь же, когда война рѣшила всѣ споры о немъ —ученые и своекорыстные, негръ, насвистывая маршъ Вашингтона, надменно усядется въ вагонѣ, рядомъ съ блѣднолицею лэди, разстегнется, сниметъ сапоги и углубится въ газету, или же войдетъ въ церковь и сядетъ молиться на одной съ ней скамейкѣ... А чернокожіе—люди набожные, любятъ все возвышенное, а потому преимущественно слѣдуютъ ученію методистовъ епископальныхъ...

– Уже время ѣхать вамъ!—кричитъ толстякъ-хозяинъ гостинницы, завидѣвъ насъ издали.

Ночлегъ, ужинъ и утренній чай съ закускою стоилъ мнѣ въ этой гостинницѣ 1½ доллара, что сравнительно не дорого; такъ зато ужъ далеко все это было и некрасиво. Мы, пассажиры-эмигранты, въ сопровожденіи Я—ва, взгромоздившись на саки и узлы, переполнившіе собою экспрессъ, потянулись шажкомъ къ вокзалу. Такъ какъ насъ было очень мало, а эмигрантскихъ вагоновъ на лицо не было, кондукторъ же вѣроятно былъ ярый демо-

кратъ, то и усадилъ онъ насъ въ 1-й классъ. Какъ видите, за полцѣны, мы только полпути проѣхали неудобно, другую же половину его проѣдемъ съ тѣмъ же комфортомъ, съ какимъ заплатившіе полную цѣну. Въ этомъ отношеніи выигрышъ эмигрантовъ полный! — Я съ Я—вымъ отправился въ багажную кладовую перемѣнить чеки на вещи, но мои саки такъ безпощадно, безжалостно швырялись съ мѣста на мѣсто, пока достигли моихъ рукъ, что я, въ уныніи опустивъ голову, чуть не забылъ даже о чекахъ... И какъ было не грустить мнѣ?! Еще недавно новенькіе, русскіе саки разлѣзлись, расползлись, какъ старая ермолка жида фактора. Замки всѣ давно уже отлетѣли. А во всемъ виновата безцеремонность этихъ варваровъ американскихъ нѣмцевъ! Но я новичекъ: иначе, я поступилъ бы съ вещами своими какъ дѣлаютъ опытные туземцы, т. е. упряталъ бы ихъ въ крѣпкіе сундуки съ прочною желѣзною оковкою, обтянутые въ толстое полотно. Машина двинулась, и мы разстались съ Я—вымъ...

Только что отъѣхали мы версты двѣ отъ Чикаго, какъ поѣздъ остановился. Меня заинтересовала причина этой неожиданной остановки внѣ станціи. Взглянувъ въ окно, я увидѣлъ подбѣжавшую и быстро прыгнувшую къ намъ въ вагонъ молоденькую дѣвушку, съ корзинкою въ рукахъ. Это она остановила поѣздъ, который немедленно и пошелъ дальше [1]). Новая пассажирка стала лихорадочно развязывать свои узелки, достала оттуда печатныя афиши и раздала ихъ по всѣмъ вагонамъ

---

[1]) Я слышалъ, что въ Америкѣ каждый прохожій, желающій ѣхать, можетъ остановить проходящій мимо его поѣздъ или пароходъ. Только что разсказанный мною фактъ въ частности подтверждаетъ этотъ слухъ.

каждому пассажиру. Ея исхудалое и блѣдное личико дышало американскою энергіей и жизнью и чуть чуть бороздилось замѣтнымъ волненіемъ то надежды, то безнадежности: удачная или нѣтъ будетъ сегодня торговля произведеніями маленькаго: «общества токарокъ дѣвушекъ въ Чикаго», агентомъ котораго была,—какъ значилось въ объявленіи,—эта худенькая и гибкая какъ ива дѣвушка. Послѣ раздачи афишъ, она подносила каждому пассажиру свою корзинку, наполненную разными женскими бездѣлками и украшеніями, выточенными изъ моржовой кости,—и вѣрно сегодня день задался ей! Я началъ покупку, сосѣди послѣдовали моему примѣру, и она съ одного нашего вагона выручила продажею 9 долларовъ. Послѣ чего обошла всѣ остальные и скрылась на слѣдующей станціи, гдѣ поджидался поѣздъ изъ Нью-Іорка.

Нашъ же поѣздъ стрѣлой летитъ туда, но уже не по тому направленію, по которому я ѣхалъ въ С. Франциско, а по болѣе населеннымъ, старымъ мѣстамъ штатовъ Индіаны, Огіо и Пенсильваніи.—Быстро одинъ за другимъ мелькаютъ колоніи и города, съ ихъ богатою природою. Вотъ проскользнулъ чистенькій городокъ «Варшава»,—дальше—«Фортъ Уайне»,—а тамъ обширный «Мансфіельдъ», и мы въѣхали въ Пенсильванію.—Что за роскошь—сторона здѣсь! Но мы уже говорили въ началѣ нашего дневника о ней и ея населенности. За двѣ станціи до г. «Питтсбурга»—къ намъ въ вагонъ сѣлъ хоръ военныхъ музыкантовъ въ бѣлыхъ мундирахъ и красныхъ штанахъ. Они, какъ и прочіе граждане, разстегнулись, и съ сигарами во рту, весело болтали между собою и съ пассажирами, которые относятся къ нимъ съ щепетильною любезностью.

Поѣздъ остановился на Питтсбургской платформѣ. Хоръ

Марса на прощанье съ нами удачно выполнилъ нѣсколько пьесъ и скрылся въ городской темнотѣ.

2-го сентября. Въ 5 ч. утра кондукторъ, осматривая пассажирскіе билеты, разбудилъ меня.—Чудная картина природы утромъ еще свѣжѣй! Скользя по орошеннымъ утренней росой рельсамъ, быстро несется нашъ поѣздъ, и вамъ кажется, что лѣса, рѣки, фермы и поля мчатся мимо васъ куда-то вдаль. Людъ просыпается на новую работу. Вотъ и въ вагонѣ начинается горячая дѣятельность. Бремзеръ торопится предложить каждому пассажиру все, чѣмъ наполненъ сундукъ его: газеты и персики, конфекты и афиши гостинницъ, фотографическіе снимки живописной Пенсильваніи и вкусные бутерброды. Еще лихорадочнѣе зашагалъ онъ по вагону—сейчасъ конецъ торговлѣ.

—Пять центовъ одинъ персикъ — очень дорого! замѣчаетъ ему моя сосѣдка—американка.

—Не дорого! разсѣянно возражаетъ онъ ей и взглянулъ въ окно: мы уже въѣзжали въ городъ. Конецъ, конецъ торговлѣ! И съ европейскимъ форсомъ щеголь бремзеръ безплатно вываливаетъ полъ корзинки персиковъ въ передникъ американки. Та смѣется, и пріятельски угощаетъ ими всѣхъ знакомыхъ пассажировъ.

Въ 8 часовъ утра мы остановились у большаго вокзала, широко-раскинувшагося по берегу р. «Сускегана» города «Гарисбурга».—Здѣсь, пересѣвъ опять на свѣжій поѣздъ, помчались прямо въ Нью-Іоркъ по мѣстности еще картиннѣй: въ зелени рощъ и луговъ, города и колоніи тянутся непрерываемою шпалерой, у подножія которой вьются синія ленты водъ, а вверху зеленый вѣнецъ изъ лѣсистыхъ горъ.

Здѣсь, въ старой Америкѣ, уже легче отличить колониста отъ Нью-Іоркскаго джентльмена, бездомника и

пролетарія отъ крупнаго собственника. Хотя они и сидятъ рядомъ, но маперы, физіономіи и костюмы ихъ —рѣзко отличаются. Одни — чистокровные американцы, другіе—недавніе пришельцы изъ Европы. И женщина здѣсь далеко не похожа на калифорнскую: грація, умъ и скромность отражаются во всей внѣшности ея.

Я убѣжденъ, что если бы вамъ пришлось побесѣдовать съ этими лэди о научныхъ предметахъ, литературѣ и политикѣ, то ихъ знанія и начитанность поразили бы васъ своею основательностью и обширностью.

Чувствуется близость Нью-Іорка; не успѣлъ глазъ оторвать отъ раскинувшагося по рѣчкѣ «Делаверъ» г. Остона, какъ уже мелькнулъ широкій и старый «Елизабетъ» и мы въѣхали на плавучій мостъ, перекинутый черезъ узкое мѣсто Нью-Іоркскаго залива, по направленію къ г. Нью-Іорку. Подъ тяжестью еле двигающагося поѣзда большія суда и широкіе плоты моста чуть чуть погружаются въ воду: мѣстами рельсы скрываются, а колеса вагоновъ полощатся въ ней: здѣсь у васъ чувство любопытства въ борьбѣ съ легкимъ трепетомъ боязни, но на случай несчастія, вблизи понтоннаго моста стоятъ дежурный пароходъ и ялики.

Но вотъ поѣздъ, какъ-бы встрепенувшись отъ страха, стрѣлой пролетѣлъ окрестности широко, широко раскинувшагося Нью-Іорка и въ 3 часа по полудни остановился у вокзала, расположеннаго близь пристани. Пароходъ, биткомъ набитый пассажирами съ машины и окрестностей, незамѣтно, но быстро понесся по широкому Гудзону къ Нью-Іорку. Облокотившись о бортъ, я думалъ о завтрашнемъ возвращеніи въ Европу. Вдругъ подходитъ ко мнѣ тучный джентльменъ съ вопросомъ: «Куда ѣдете?» —Въ Гамбургъ, отвѣтилъ я. Тотъ молча махнулъ рукою здоровому атлету съ мѣдной бляхой на рукѣ, и

указалъ ему головою на меня. «Дайте сюда чеки на вещи ваши, вотъ вамъ карточка». И атлетъ вручилъ мнѣ карточку: «общества перевозки пассажирскаго багажа съ пароходовъ и жел. дорогъ». Я вручилъ ему чеки свои, и просилъ свезти вещи въ гостинницу Миллера «Deutsches Haus», гдѣ совѣтовалъ мнѣ остановиться Я—въ. Пароходъ присталъ къ берегу, и вотъ я опять въ Нью-Іоркѣ!.. Атлетъ, взваливъ себѣ на плечи мой багажъ, привелъ меня въ расположенное близь пристани отдѣленіе конторы одного изъ множества здѣшнихъ пароходныхъ обществъ. Тутъ изъ разговора оказалось, что пароходъ въ Гамбургъ отплылъ только сегодня, а въ Бременъ пойдетъ дня черезъ два. Нечего дѣлать, приходится ждать здѣсь. Я попросилъ проводника указать мнѣ гостинницу Миллера; черезъ пять минутъ мы уже входили въ залъ скромнаго заѣзднаго дома, надъ дверями котораго красовался золотой лебедь, съ надписью надъ нимъ: «Gasthaus zur Goldnenen Shwann, von W. Bauer». Беззубая лэди и глуховатый на правое ухо мужъ ея пріятельски встрѣтили атлета, поднесли ему стаканъ виски, который онъ морщась выпилъ съ наслажденіемъ, и, обращаясь ко мнѣ, внушительно проговорилъ: «На всей набережной это лучшая гостинница; будете довольны!»

— Я васъ не сюда просилъ проводить меня; къ чему этотъ обманъ?—Но хозяинъ съ хозяйкою принялись увѣрять меня, что здѣсь дешевле и лучше, чѣмъ у Миллера.

— А какая цѣна въ сутки?

— За полтора доллара мы вамъ дадимъ отличную комнату, утренній кофе, завтракъ, обѣдъ и ужинъ.

Признаюсь, обстановка этого заѣзда далеко не понравилась мнѣ: залъ, гдѣ мы бесѣдовали, напоминалъ своими дырявыми стульями, клеенкой обитымъ столомъ и стой-

кою съ пивомъ, водкою и виномъ, наши постоялые дворы. Но отчего жъ и не остановиться мнѣ здѣсь на какой-нибудь день, другой? По крайней мѣрѣ въ экономіи останется нѣсколько долларовъ, и я ознакомлюсь съ характеромъ посѣтителей скромной гостинницы. Я остался, и просилъ показать мнѣ комнату.

Мнѣ показали: не понравилась она мнѣ,—ну, да вынесу денька два въ ней!

Хозяйка и атлетъ вышли изъ залы для интимныхъ переговоровъ, а я попросилъ хозяина помочь мнѣ снести вещи въ нумеръ.

— Громче! озлился онъ, подставивъ свое ухо къ моему рту.

— Помогите снести вещи! громко повторилъ я мою просьбу.

Дженльменъ хозяинъ иронически улыбнулся и сдѣлалъ мнѣ знакъ рукой, чтобы я самъ несъ ихъ.

— Мнѣ одному тяжело!

— Здѣсь нѣтъ прислуги; если нужно, несите ихъ сами!—И онъ отвернулся отъ меня. Нечего дѣлать; съ трудомъ снесъ я ихъ на верхъ въ отведенную мнѣ крошечную и вонючую комнатку, глядѣвшую одинокимъ косымъ окошечкомъ своимъ на окруженный со всѣхъ сторонъ высокою постройкою тѣсный дворикъ. По лужамъ его бѣгали босыя и грязныя дѣти, а на веревкахъ болтались развѣшанныя лохмотья и сильно штопанное бѣлье. Ясно, что я попалъ теперь въ кварталъ, гдѣ обитаетъ Нью-Іоркская бѣдность, а можетъ быть и порокъ, нерѣдкій спутникъ ея.

Меблировка комнатки моей хоть не роскошна, но, какъ увѣряетъ беззубая лэди хозяйка, «со вкусомъ», и вся въ трещинахъ отъ тяжкой жизни. Ветхая кровать, съ кускомъ грубаго полотна вмѣсто одѣяла, помѣщалась въ

одномъ углу ея; къ другому пріютился о двухъ съ половиною ножкахъ крошка-столикъ, хоть и грязный, но не очень ужь.... Печь и табуретъ занимали оба остальные угла.

Самъ же я, пробившись съ трудомъ къ центру комнаты, рѣшалъ нелегкій вопросъ: какое бы мѣсто украсить багажемъ моимъ? И швырнулъ его подъ кровать, какъ единственное еще свободное мѣсто.

Съ сверткомъ чистаго бѣлья я спустился въ залъ, гдѣ пили чай важный джентльменъ-хозяинъ, въ низенькой, круглой шляпѣ на бекрень, старая лэди, жена его, красивенькая, но съ холодно-безцвѣтными глазами, взрослая дочь ихъ и шестилѣтній братъ ея Іоганъ.

— Теперь будете чай пить? встрѣтила меня беззубая лэди, между тѣмъ какъ мужъ ея, оттопыривъ указательнымъ пальцемъ правое ухо свое, силился разслушать отвѣтъ мой.

— Теперь я приму ванну, а послѣ напьюсь чаю. — Далеко ли отъ васъ баня?

— Вотъ здѣсь, близехонько!.... Іоганъ, проводи джентльмена къ геръ N.... да кланяйся ему.

Дѣйствительно, геръ N живетъ близехонько; спустя 2 минуты ножницы этого гера уже быстро скользили по волосамъ моимъ, послѣ чего онъ впустилъ меня въ боковую дверь, ведущую въ ванну, въ которой на этотъ разъ воды горячей не оказалось.

— Геръ N.! Гдѣ же у васъ горячая вода? кричалъ я изъ ванны.

— Вся вышла! Теперь тепло! Холодная ванна для здоровья полезна! громко убѣждалъ меня изъ залы геръ N.

Нечего дѣлать, принялъ холодную ванну; послѣ чего спросилъ о стоимости этого удовольствія.

— За стрижку—25 центовъ, за ванну—50 центовъ,

съ развязною любезностью удовлетворилъ моей любознательности геръ, вполнѣ счастливый наглостью, съ которою онъ содралъ съ меня 50 центовъ за неисправную ванну.

— Ну, усну же я сегодня, послѣ дальней и мучительной дороги, да послѣ холодной ванны! ложась въ постель, съ наслажденіемъ мечталъ я, и въ ту жъ минуту уснулъ.

Ухъ, страшно же кусаются, неужто клопы?!... Да быть же не можетъ, чтобъ въ Америкѣ водились они! спросонья ворчалъ я; но нѣтъ, уснуть не могу. Зажигаю свѣчку, — волдырь за волдыремъ покрывали и жгли мое тѣло. Нѣтъ больше сомнѣнія, что и здѣсь... Ну,— такъ и есть! поймалъ одного, другаго... А вотъ еще и еще! Всѣхъ казнилъ ужасною смертью. Успокоившись страшною местью, я потушилъ огонь. Сонъ сильно клонитъ,— мучусь уснуть, какъ бы не такъ? Опять зажигаю свѣчку, смотрю подъ подушку, взглянулъ на стѣну... О, боги! Цѣлая армія тучныхъ клоповъ заполошилась, засуетилась, нѣкоторые въ попыхахъ валятся на меня. Въ ужасѣ вскакиваю я съ постели и полуодѣтый, стрѣлой сбѣгаю внизъ. Часы показывали, что я спалъ только десять минутъ. Варвары же не спали еще; я набросился на нихъ.

— О, Боже сохрани, чтобъ у насъ въ домѣ водились эти животныя! Это мошки кусаютъ, убѣждала меня вѣроломная лэди.

— Какое мошки! клопы! Собственными руками трехъ казнилъ! Помилуйте, я покажу вамъ цѣлыя гнѣзда ихъ! И я потащилъ старуху наверхъ; а дженвльменъ въ круглой шляпѣ заливался чистосердечнымъ смѣхомъ:

— Какъ можно мошки за клоповъ принимать! Ха, ха, ха!!.. Это мошки, мошки кусаютъ! Въ цѣлой республикѣ не найдете ни одного клопа! Они водятся только

въ Россіи, а это мошки! Между тѣмъ лэди своими глазами и носомъ убѣждалась, что это дѣйствительно были клопы, не русскіе, а чистокровные американскіе клопы,—ужасные клопы и проч. и проч.

— Пойдемте,—я вамъ дамъ другую комнату.

Она провела меня въ чистенькую, окнами на улицу, комнату. «Ну, говорила она—здѣсь ужъ нѣтъ клоповъ! Держу пари—нѣтъ клоповъ».

Держитъ пари, что здѣсь нѣтъ клоповъ, это успокоило меня и дѣйствительно здѣсь ничто не нарушало покоя моего, но ненадолго.

3-го сентября. Стукъ въ двери въ 6 часовъ утра пробудилъ меня отъ крѣпкаго и сладкаго сна. – «Идите же завтракъ ѣсть. Я уже въ третій разъ бужу васъ...» проговорилъ молодой женскій голосъ за дверью. Нечего дѣлать, нужно покориться уставамъ этого монастыря, когда залѣзъ въ него! Какъ оказывается теперь, этотъ заѣздъ имѣетъ спеціальнымъ назначеніемъ принимать въ лоно свое только бѣдныхъ эмигрантовъ—рабочихъ изъ Европы, да матросовъ, дневная дѣятельность которыхъ начинается чуть-свѣтъ. А потому, когда я спустился въ столовый залъ, который былъ ничто оное, какъ сырой подвалъ, тамъ за грязнымъ столомъ уже кончали завтракъ свой трое рабочихъ. Они бѣгло взглянули на меня, и съ усмѣшкою перешептывались, полагаю—на тему: «Какъ это джентльменъ попалъ къ намъ въ трущобу?» Чай, сваренный съ молокомъ, оказался настолько дуренъ, что болѣе двухъ глотковъ я не смогъ выпить; жаркое—не мясо, а сухая подошва, щедро посыпанная лукомъ и перцемъ, тоже пришлось мнѣ не по вкусу, зато съ апетитомъ съѣлъ я ломоть хлѣба съ масломъ, и тѣмъ заключилъ мой завтракъ. Послѣ этого замѣчательно некрасиваго брекфаста, поднявшись въ залъ, я былъ сует-

ливо встрѣченъ хозяиномъ, который убѣждалъ меня взять мѣсто на пароходѣ непремѣнно третьеклассное: «Вы сохраните въ карманѣ—говорилъ онъ—пятьдесять долларовъ, и получите полный комфортъ: ѣсть даютъ много, и есть гдѣ спать. Но убѣжденный, что палубные пассажиры на пароходѣ пользуются не лучшимъ комфортомъ, какимъ снабдилъ меня «Золотой Лебедь», я изъявилъ свое желаніе ѣхать во второмъ классѣ...

— Идите сейчасъ въ контору и купите билетъ третьяго класса, третьяго класса!!! Іоганъ васъ проводитъ. Іоганъ! Ха, ха, ха... Не хочетъ въ третьемъ классѣ ѣхать! Комфортъ!.. Іоганъ! Іоганъ, поди сюда. Богъ вѣсть изъ за чего горячился геръ Бауеръ, напяливъ шляпу на затылокъ.

Вошелъ Іоганъ.

— Ну вотъ... Идите! Іоганъ, проводи джентльмена въ контору къ мистеру Н...

— Подождите, я одѣнусь.

— Не надо, не надо. Такъ хорошо, идите!.. И хозяинъ, удивленно пожавъ плечами, пріятельски похлопалъ меня по плечу.

— Но вѣдь я въ туфляхъ; не хорошо же такъ идти..

— Ха, ха, ха!.. Не хорошо! Здѣсь Америка! Идите такъ... Онъ взялъ меня за руку и дружески фамильярно потянулъ на крыльцо.

Въ сопровожденіи маленькаго Іогана, я, одѣтый въ новое пальто, шляпу, въ нижнемъ бѣльѣ и туфляхъ отправился въ контору, подозрительно озираясь по сторонамъ, не принимаютъ ли меня прохожіе за сумасшедшаго? Ничуть не бывало: никто и не смотритъ на меня; да притомъ же на встрѣчу мнѣ попадаются не мало джентльменовъ не только что въ туфляхъ, но даже безъ

сюртуковъ, въ высокихъ цилиндрахъ на головѣ и съ распущенными зонтиками отъ солнца. Всѣ они, не глазѣя по сторонамъ, куда-то спѣшатъ, всѣ они отличаются такими непринужденными манерами, которыя у насъ назвали бы оригинальными, и некогда имъ: эти джентльмены спѣшатъ въ конторы, аудиторіи, на фабрики и пр. и пр.

Въ конторѣ, куда привелъ меня Іоганъ, мнѣ повторили то же самое, что уже сообщила мнѣ контора, куда водилъ меня атлетъ-багажный въ первую минуту моего пріѣзда въ Нью-Іоркъ, т. е. что пароходъ въ Европу отплываетъ послѣзавтра. Возвратившись въ гостинницу, я торопился одѣться, чтобы идти въ консульство съ письмомъ Я—ва.

— Распорядитесь,—кричалъ я на ухо хозяину,—чтобъ мнѣ почистили сапоги!

— Почистите сами! Или за 5 центовъ почистятъ вамъ ихъ на улицѣ! неистово шумѣлъ онъ въ отвѣтъ, полагая, что я тоже глухъ.

— Ну, такъ велите подать мнѣ въ комнату умыться!

Важный джентльменъ иронически улыбнулся, покровительственно взялъ меня за руку, и привелъ въ общую умывальную комнату, на одной стѣнѣ которой висѣло корыто, а надъ нимъ находился кранъ для холодной воды. «Мы, сухо объяснялъ онъ, всѣ моемся въ этой уборной; а вотъ полотенце, щетка и гребенка!»

Но все это было въ такомъ видѣ, что мнѣ пришлось воспользоваться въ «общей уборной» только водою. Одѣвшись, я попросилъ хозяина проводить меня въ контору нашего генеральнаго консула.

— Я занятъ! Я не имѣю времени! отмахивался онъ руками, бѣгая по комнатѣ и пяля шляпу себѣ на затылокъ.

— Такъ пусть вашъ Іоганъ проводитъ; за время я заплачу.

— Іоганъ? Іоганъ теперь въ школѣ! Пожалуй подождите; онъ скоро вернется домой!

Но ждать мнѣ было некогда, и я съ помощью адреса: «Exchange Place, № 52,» а главное—полисменовъ, которые любезно провожали меня по своимъ дистанціямъ—добрался до конторы. Хотя ярлычокъ на дверяхъ ея и гласитъ, что консулъ принимаетъ посѣтителей отъ 11—2 часовъ; но несмотря на 12 часовъ дня, его еще не было. Въ комнатѣ висѣлъ портретъ Государя, стоялъ письменный столъ и 2 кресла и находился одинъ служащій, вѣроятно, клеркъ, любезно предложившій мнѣ нѣмецкую газету. Клеркъ русскаго консульства, повидимому, человѣкъ очень порядочный и бойко объясняется по англійски, по нѣмецки и по французски, но... по русски ни слова не понимаетъ.

— Вотъ и баронъ! произнесъ онъ тихо, въ то время, какъ я закуривалъ сигару.

Передо мной вопросительно стоялъ худенькій, съ жиденькими баками и усами господинъ. Я отрекомендовался ему и вручилъ письмо Я—ва. Пробѣжавъ его, онъ безпокойно заговорилъ: «намъ никакихъ, положительно никакихъ суммъ на подобные случаи не отпускается! И я не знаю, какъ тутъ быть!

Я подробно обрисовалъ ему положеніе Я—ва въ Чикаго.

— Я.... я подумаю объ этомъ.... и.... и полагаю, надѣюсь, что....

Въ это время въ контору вошелъ, со шляпою на головѣ, молодой джентльменъ и вызвалъ барона по своимъ личнымъ дѣламъ.

— Извините, пожалуйста, важныя дѣла, но я подумаю, и.... и думаю, что помочь ему будетъ можно....

*

Онъ простился со мною.

Выходя изъ конторы, я на клочкѣ конверта написалъ: «прошу барона не забыть объ обѣщанной помощи Я—ву». Клеркъ обѣщалъ вручить эту записку г. Сакену.

Возвратившись въ гостинницу, я написалъ Я—ву письмо о своемъ визитѣ консулу, спустился въ залъ, гдѣ бѣгалъ маленькій Іоганъ, а хозяинъ, заложивши руки за спину, задумчиво стоялъ передъ стаканомъ виски.

— Ну вотъ, вашъ Іоганъ вернулся; не пойдетъ ли онъ со мною въ городъ? Нужно письмо отдать на почту, да кстати запастись билетомъ на завтрашній пароходъ.

— Я самъ пойду съ вами!

— А это еще лучше!

— По русски «вудка»? указывая на виски съ сдержанною улыбкою, спросилъ онъ меня, послѣ короткой паузы.

— Вудка по польски, а по русски—водка.

— Вотка, ватка, вутка, вутка, твердилъ хозяинъ.

— Откуда вы научились этому слову?

— Я по русски знаю немного говорить.

— Что жь вы еще знаете, кромѣ «вудка»?

— Еще знаю... знаю.... И онъ жмурилъ глаза, смотрѣлъ въ потолокъ, и чесалъ за ухомъ... знаю... вудка, а дальше забылъ.... Джентльменъ надутымъ пѣтушкомъ заходилъ по комнатѣ, хлебнулъ изъ стакана виски, и подбоченясь предо мною, началъ выкрикивать:

— Я... Я былъ прусскимъ солдатомъ!... Потомъ я, я!.. служилъ въ американскомъ войскѣ!... Вотъ смотрите!.. указалъ онъ на висѣвшій въ рамкѣ дипломъ, гдѣ значилось, что Бауеръ дѣйствительно былъ унтеромъ въ американскомъ войскѣ.

— Я? Я былъ въ Мексиканской экспедиціи! продолжалъ шумѣть воинъ. Тамъ и оглохъ отъ выстрѣловъ. Пуфъ, пафъ, пифъ, подъ самымъ ухомъ!

— Гдѣ жь вы по русски выучились?

— А когда нашъ флотъ стоялъ въ Кронштадтѣ! Русскіе матросы пьютъ хорошо, и мы пьемъ хорошо. Весело было въ Кронштадтѣ! Куда ни придешь, вездѣ вудка, вудка, ватка. Такъ вѣдь? Въ Россіи весело жить: много вудка.

И джентльменъ изъ унтеровъ широко растопырилъ руки, вытянулъ физіономію и нагнулся корпусомъ впередъ, показывая, какъ въ Россіи много водки.

— И вудка хорошая! Только бьютъ тамъ крѣпко Сѣкутъ каждый день поочереди. Да?

— Теперь уже перестали! успокоивалъ я его, но джентльменъ недовѣрчиво глядѣлъ на меня.

Мы отправились вмѣстѣ въ городъ, но передъ выходомъ я попросилъ спрятать его мою пѣнковую трубку. (Это обстоятельство будетъ имѣть связь съ дальнѣйшимъ разсказомъ).

Въ главной конторѣ пароходнаго общества «Сѣверо-Германскій Ллойдъ», (North German Lloyd) за билетъ 2-го класса до Бремена я заплатилъ 72 доллара золотомъ.

Солнце печетъ сильно, жажда мучитъ невыносимо; мнѣ пришла фантазія утолить ее ананасами, очень дешевыми здѣсь, и мы направились къ фруктовымъ рядамъ, что у набережной. Хозяинъ молчалъ; я глазѣлъ.

— Вотъ! торжественно указалъ онъ головой на мальчика, вооруженнаго щетками и ваксою.

Сапожный чистильщикъ подошелъ ко мнѣ: «У васъ, серъ, сапоги грязны. Желаете? я чищу хорошо».

— Ну, начинайте. Мальчикъ схватилъ мою ногу, положилъ ее къ себѣ на колѣни, и щетка заерзала по сапогу. Невдалекѣ сидѣлъ и пыхтѣлъ на тумбѣ толстый джентльменъ изъ нѣмцевъ; тутъ же вблизи сухой и

длинный важный янки спиной оперся о стѣну дома. Ихъ ноги такъ же, какъ и мои, были въ полномъ распоряженіи чистильщиковъ.

— Хорошо зарабатываете вы? спросилъ я своего мальчугана.

— Два-три доллара въ день.

— Этимъ занимаются только дѣти, или также и взрослые?

— Только дѣти, серъ.

— А много ли васъ?

— Насъ 60 человѣкъ. Мы составили свое общество. Все, какъ слѣдуетъ: президентъ, кассиръ. Въ банкѣ нашихъ денегъ до 5 тысячъ дол. Когда выростемъ, уже стыдно будетъ заниматься этимъ ремесломъ, мы купимъ себѣ земли; фермы или мастерство заведемъ.

— Сколько слѣдуетъ вамъ за чистку?

— 10 центовъ, серъ.

Я взглянулъ вопросительно на хозяина.

— Дайте, дайте ему 10 цен., распорядился тотъ.

— А это что̀ за паяцъ? спросилъ я его, указывая на проходящаго мимо насъ толстаго джентльмена въ высокомъ цилиндрѣ, во фракѣ, съ привѣшанными сзади и спереди большими вывѣсками, на которыхъ красовались цѣны разнымъ предметамъ.

— Паяцъ! Это гражданинъ! строго нахмурился на меня хозяинъ.

— Согласенъ, это гражданинъ. А вотъ тѣ двое, что стоятъ на углу улицы, право смахиваютъ на шутовъ!

Сердитый джентльменъ взглянулъ туда и пробормоталъ:

— Одѣты они такъ, чтобъ привлечь вниманіе прохожихъ. Въ одинъ день весь городъ можетъ узнать цѣны,

коммерческія новости, или объявленія о городскихъ удовольствіяхъ!

Дѣйствительно, на головѣ у одного гражданина была надѣта исполинская шляпа, кругомъ обклеенная объявленіями; между тѣмъ какъ другой, одѣтый арлекиномъ, какихъ встрѣчаете вы въ маскарадахъ, держалъ въ рукахъ разныя афиши. Прохожіе останавливались, читали ходячія новости, и торопливо бѣжали дальше.

А вотъ черезъ широкую улицу съ крыши на крышу переброшенъ канатъ, на которомъ виситъ громаднѣйшая вывѣска. За сотню сажень вы прочтете ее. А вотъ на протяженіе цѣлаго квартала тянется деревянный заборъ, буквально весь залѣпленный разными каррикатурами, объявленіями и театральными афишами.

Въ Нью-Іоркѣ, вы не увидите узкихъ улицъ, какія часто встрѣчаются въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и другихъ европейскихъ большихъ городахъ. Здѣсь просторъ, а потому и воздухъ городской незараженъ, — чему въ особенности помогаетъ близость океана, а отчасти и парки и сады, раскинутые внутри города, которыхъ до двухсотъ.

Нью-Іоркскіе обыватели не любятъ по вечерамъ толкаться по улицамъ, не хотятъ понять европейскаго шика и удовольствія ѣзды въ собственныхъ экипажахъ, а потому вы здѣсь не встрѣтите ни вечернихъ бульваровъ Парижа, ни Невскаго проспекта при газѣ, ни роскошныхъ дамъ, разъѣзжающихъ днемъ въ пышныхъ колясках. Кому нужно, тотъ ѣдетъ въ омнибусѣ, не смотря на то, что иногда онъ биткомъ набитъ. Мнѣ случалось видѣть до 40 пассажировъ въ одной такой каретѣ. Разумѣется половина изъ нихъ стояла не двигаясь, а другая, сжавшись до смѣху и боли, сидѣла. Городскія желѣзныя дороги служатъ не только для

ѣзды омнибусамъ, но и прочимъ частнымъ экипажамъ. Ходъ этихъ послѣднихъ большею частью устраивается по ширинѣ желѣзнаго пути, и нѣтъ надобности въ массивныхъ и неуклюжихъ европейскихъ каретахъ и колясках. Исключеніе составляютъ экспрессы, служащіе для перевозки клади. Экипажи частныхъ людей здѣсь красивы и легки, колеса ихъ не толще, какъ въ два пальца; желѣза и дерева въ нихъ столько, сколько потребно minimum для прочной ѣзды, т. е. какъ разъ на половину меньше, чѣмъ въ европейскихъ. Несмотря на то, что почти всѣ экипажи ѣздятъ по желѣзнымъ путямъ, толкотни не видно; при встрѣчѣ съ омнибусомъ, дается дорога ему. По вечерамъ рѣдко-рѣдко гдѣ попадается экипажъ. Встрѣтите развѣ только омнибусъ, да изрѣдка прогремитъ экспрессъ. Но что бросается вамъ въ глаза, такъ это то, что днемъ вы не встрѣтите мущинъ вмѣстѣ съ дамами. Прогуливаться днемъ американцу нѣтъ разсчета; онъ занятъ своими дѣлами: онъ или разговариваетъ о своихъ фабрикахъ, дорогахъ, коняхъ и о внутренней политикѣ, или же, всецѣло поглощенный дѣломъ, задумчиво торопится, бѣжитъ въ банкъ, на митингъ и пр. Женщина также занята своимъ дѣломъ, она не проводитъ цѣлаго утра въ бездѣльнической болтовнѣ да въ прогулкахъ: ей нужно спѣшить въ школу учить дѣтей, или въ мастерскую и пр. Мы проходили мимо цѣлыхъ горъ мусора отъ разрушенныхъ домовъ.

— Пожаръ или землетрясеніе разрушили эти дома?

— Ха, ха, ха! Пожаръ, землетрясеніе. Богачи, милліоны! Цѣлый кварталъ закупили богачи! Все долой! Большіе желѣзные дома здѣсь будутъ строить! Новую улицу проложатъ! Видите, вонъ тамъ высокій желѣзный домъ? Здѣсь такихъ много!

— Хорошо ли въ нихъ жить?

— Тепло, вѣчны, и пожару не боятся.

— Зайдемте мимоходомъ теперь въ табачную.

Зашли. Изъ любопытства я спросилъ здѣсь цѣну сотни наилучшихъ Гаванскихъ сигаръ.

— Самый высшій сортъ? Сотня стоитъ 100 долларовъ, но ихъ рѣдко здѣсь найдете, охотниковъ мало; въ Европу больше отсылаемъ.

— А въ 10 долларовъ хороши?

— Очень хороши. Въ большомъ ходу въ Нью-Іоркѣ.

— Дайте десятокъ. Не найдется ли у васъ мнѣ сдачи серебромъ?

— Нѣтъ; теперь въ ходу однѣ бумаги, начиная съ 5 центовъ и дальше. Золото рѣдко встрѣтишь, а серебра ужъ давно не видали мы.

— Такъ дайте мѣди.

— Мѣдныхъ денегъ у насъ нѣтъ совсѣмъ.

— А это что? И я показалъ ему монету въ 1 центъ.

— Это не мѣдь, а смѣсь разныхъ металловъ: никеля, цинка, и пр., изъ которыхъ чеканятъ равныя по формѣ и величинѣ, но достоинствомъ отъ одного до пяти центовъ монетки.

— У васъ вообще звонкой монеты что-то не видно. Каковъ курсъ на нее?

— Сегодня металлическія деньги на 24% дороже бумажныхъ.

Мой хозяинъ нетерпѣливо завертѣлся, и мы пошли дальше. Да вотъ и длинный фруктовый рядъ начался!

Разнообразнѣйшую зелень и фрукты продаютъ приличные джентльмены; кто изъ нихъ разлегся, кто сидитъ съ газетою, съ сигарою. Продавцы большею частью изъ нѣмцевъ. Янки очень мало, а лэди или, по нашему, бабъ-торговокъ, совсѣмъ здѣсь не встрѣтите. Въ это время

года трудно найдти ананасы: привоза свѣжаго еще не было, а потому мы съ полчаса ходили по базару, пока не наткнулись на желанные фрукты; за 15 центовъ я съѣлъ солидную порцію ихъ.

Пройдя полторы версты по набережной, сплошь застроенной различными морскими сооруженіями, мы остановились у пристани, къ которой приближался маленькій пароходъ, тащившій на буксирѣ судно, имѣвшее видъ громаднаго дома въ три открытыхъ этажа; на немъ можно было различить усердно выплясывающій людъ, дамъ и джентльменовъ, подъ веселые звуки вальса. Это увеселительное судно; ихъ здѣсь много, и за 1 долларъ, по воскресеньямъ и средамъ, вы можете съ 6 ч. утра и до 10 ч. вечера танцовать до упаду, кататься по живописнымъ берегамъ Атлантическаго Океана, и сойдти съ него на великолѣпно нарядный Губернаторскій островъ. Съ этимъ пароходомъ, какъ видно, приключилась какая-то бѣда, и онъ преждевременно возвращается въ городъ, чтобъ смѣниться на другой.

Невдалекѣ отсюда завидѣлся нашъ зеленый «Goldener Schwan» (Золотой Лебедь), вернувшись куда я подарилъ хозяину за услуги, какъ провожавшему меня по городу, золотой ключикъ къ часамъ, которымъ онъ остался очень доволенъ, и въ отвѣтъ поднесъ мнѣ стаканъ виски; но какъ отъ «Огненной воды», по выраженію индѣйцевъ, такъ и отъ гадкаго, грязнаго обѣда я отказался, хотя за послѣдній, по условію, мнѣ и придется платить деньги. Нечего дѣлать! Нужно идти обѣдать въ другую гостинницу; вотъ и непредвидѣнный расходъ!

Нѣтъ, совѣтую останавливаться всѣмъ въ порядочной гостинницѣ. За 3 доллара въ день вы будете имѣть и чистенькую комнату, и вкусный столъ; а остановитесь въ дешевой, она обойдется вамъ дороже дорогой, и вы

испытаете большія неудобства, да познакомитесь еще съ обществомъ клоповъ, если еще не хуже съ чѣмъ.

Отдохнувъ, я уже безъ обладателя Зеленаго Лебедя отправился обѣдать въ одну порядочную гостинницу. Роскошный табль-д'отъ, въ 5 перемѣнъ, совершенно во вкусѣ нашихъ лучшихъ гостинницъ, обошелся мнѣ $1^1/_2$ доллара бумагой. Въ столовой суетилось съ десятокъ премиленькихъ дѣвушекъ, не уступавшихъ граціей и вкусомъ скромнаго костюма своего тѣмъ молчаливымъ лэди и сдержаннымъ миссъ, которымъ онѣ прислуживали. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности вонъ та роскошная брюнетка, часто подбѣгаютъ къ чужимъ столамъ, хотя у каждой изъ нихъ есть свой. Чтоже ихъ тянетъ? А вотъ наблюдайте: брюнетка подбѣжала къ молодому джентльмену, безъ галстука и запонки на шеѣ, который сидитъ противъ меня. Славно она ему улыбнулась и залепетала что-то на ухо, а вслѣдъ затѣмъ незамѣтный, тихій поцѣлуй... другой и третій. Видѣли ли вы, когда хорошенькій ребенокъ ежится, хохочетъ, если легонько пощекотать его? Молодому джентльмену было такъ сладко. Блаженство сіяло на лицѣ его. Миссъ служанка это знала, и не упуститъ случая еще и еще пощекотать друга своего. Но никто не замѣчаетъ этого; каждый и каждая изъ посѣтителей заняты своимъ обѣдомъ. Что имъ за дѣло до счастливой четы? Это все такъ натурально и нравственно, такъ обыкновенно, это— они сами.

Достойнѣйшій мистеръ Морицъ, нѣкогда руководившій меня, увѣрялъ, что эти миссъ, по своимъ честнымъ отношеніямъ къ избраннымъ ими мущинамъ, могутъ служить примѣромъ европейскимъ замужнимъ женщинамъ!

Да, пріятно, когда вамъ прислуживаетъ чистенькая

миссъ, очень пріятно, но не правда ли, крѣпко скучно, когда обѣдающее общество молчаливо до педантизма: не услышите здѣсь веселаго говора, да и никакого. За то челюсти, руки въ полномъ ходу. Не увидите на столахъ здѣсь ни вина, ни пива: перемѣны блюдъ запиваются водой со льдомъ, а весь обѣдъ—чаемъ, кофеемъ или молокомъ; а о томъ уже и говорить нечего, что вы не встрѣтите здѣсь табачнаго дыма или газетъ. Для этого есть особая комната.

Впрочемъ существуютъ и въ Нью-Іоркѣ первостатейныя ресторацiи, гдѣ вы можете курить, пить, читать и ѣсть по порціямъ; но сюда дамы не показываются; по крайней мѣрѣ я не встрѣчалъ.

Изъ гостинницы пошелъ я прогуляться по лучшимъ улицамъ Нью-Іорка. Вотъ и сумерки спустились на него. Зажегся газъ фонарей, которые расположены на бо̀льшіе, чѣмъ у насъ интервалы, а поэтому хоть вечеръ и чудный, но еще роскошнѣй кажется онъ въ полумракѣ. Гуляющихъ мало, джентльмены спѣшатъ... Они вѣдь вѣчно торопятся куда-то. Лэди прогуливаются, но такъ скромно, съ такимъ достоинствомъ и свободой, что самый отъявленный ловеласъ съ Невскаго проспекта не рискнулъ бы приволокнуться за ними. Я говорю здѣсь объ лучшихъ улицахъ города, но не объ набережной и сосѣднихъ съ нею, въ родѣ Гринвича, и прочихъ улицахъ, гдѣ охотятся акклиматизировавшіяся здѣсь красавицы изъ Германіи, а то и туземки, только цвѣтнокожія.

Ну вотъ я и дома. Мнѣ кажется, что промелькнувшія передо мной нижеописанныя сцены въ трактирѣ зеленаго Золотаго Лебедя могутъ нѣсколько характеризовать нравы обамериканившихся европейцевъ, а потому постараюсь представить съ возможною подробностью сегодняшній вечеръ, проведенный мною въ американско-

нѣмецкой трущобѣ, харчевнѣ, куда я попалъ какъ въ ловушку.

На крыльцо, передъ трактирными дверями, маленькій Іоганъ выноситъ два стула. Вечеръ, какъ я сказалъ уже, чудный вечеръ въ полумракѣ. Зато хозяинъ мой, по случаю сильной выпивки, стоитъ злобно мрачный передъ своей стойкою; жена его сидитъ съ дочерью на стулѣ, а я прошу у него мою трубку, отданную ему мною утромъ на сохраненіе. Мистеръ Бауеръ ищетъ ее, но не находитъ; трубка моя исчезла куда-то.

— Жена! Гдѣ трубочка его? спрашиваетъ онъ свою половину.

— О, мой Боже, почему жь я знаю? Іоганъ! Іоганъ! поди сюда!

— Что̀ вамъ?

— Гдѣ трубочка джентльмена? Ты одинъ былъ здѣсь, когда отецъ твой ходилъ съ нимъ въ городъ.

— А-а-а?! Такъ это ты, Іоганъ? кричитъ яростно мрачный геръ Бауеръ, стремительно выскакиваетъ изъ-за стойки и ловитъ Іогана за ухо. Тотъ кричитъ: «Не я... не я!» вырывается и убѣгаетъ. Миссъ улыбается какъ-то нехорошо, сухо; мать качаетъ въ упрекъ ему головой; самъ геръ, угрожая бѣглецу, мечетъ въ воздухѣ кулаки. Мать съ дочкою встаютъ, шарятъ подъ стойкою; удравшій Іоганъ скромно входитъ снова въ залъ и садится въ уголъ.

— Іоганъ!

— Что, папаша?

— Сейчасъ трубочку!... а то! Папаша грозитъ ему кулакомъ; Іоганъ шаритъ подъ шкафомъ, достаетъ оттуда трубочку и подаетъ ее отцу; тотъ, схвативъ его за чубъ, усердно треплетъ; мальчикъ плачетъ, вырывается и садится опять въ уголокъ.

— Вотъ возьмите вашу трубку! Геръ шагаетъ въ волненіи по комнатѣ, миссъ холодно улыбается, а я иду къ себѣ наверхъ; но черезъ пять минутъ возвращаюсь въ залъ. Тамъ все по старому.

— Хозяйка! Я вашего чаю пить не хочу. Вотъ вамъ мой чай, приготовьте пожалуста.

— Съ молокомъ варить?

— Нѣтъ, нѣтъ! чистый!

— Лизхенъ! Мы отпили уже, гдѣ жь воды возьмемъ?

— Пусть мистриссъ Бауеръ сходитъ въ трактиръ; я заплачу.

— О, мой Боже! Я знаю, что вы заплатите! Но...

— Маменька! я пойду... Іоганъ не скоро... Миссъ уходитъ, но въ тотъ же моментъ возвращается обратно къ столу, нюхаетъ чай мой, и передаетъ его обнюхать матери; та, найдя его «очень ароматнымъ», задумчиво качаетъ головой:

— Русскій чай хорошъ!

— Да, да!... Вудка и чай хороши тамъ, но... язвительно говоритъ геръ, «сѣкутъ въ Россіи крѣпко!» (показываетъ жестами какъ сѣкутъ въ Россіи, и, подпрыгивая наноскахъ, подражаетъ плачу: ай! ай! ой-ой-ой). А здѣсь этого нельзя!

И вдругъ онъ злобно швыряетъ палку въ дверь. «Мяу, мяу!» послышалось оттуда. Іоганъ подпялъ брошенную палку, и подалъ ее отцу.

— Постой же, ты! Я... я тебѣ! У-у-у! кричитъ мистеръ Бауеръ ненавистной кошкѣ, о которой еще утромъ онъ говорилъ мнѣ не шутя, что она крадетъ у него виски, чего, говорилъ онъ съ гордостью, въ Россіи не бываетъ.

— Лизхенъ, пойдемъ па крыльцо... Что-то Карла не видать! заговорила мать послѣ продолжительной паузы.

Онѣ уходятъ; за ними Іоганъ, а геръ наливаетъ себѣ еще виски и выпиваетъ залпомъ.

— А мой чай когда же?

— Почемъ я знаю! Спросите у дочери! Лизхенъ, джентльменъ чаю хочетъ.

— Ахъ, мой Боже! Мы и забыли. Іоганъ бѣги за водою, да кланяйся тамъ всѣмъ! Мальчикъ, съ жестянымъ чайникомъ, бѣжитъ за водою въ сосѣдній трактиръ, а я иду къ себѣ на верхъ. Минутъ черезъ десять раздается легкій стукъ въ дверь: «Идите, чай готовъ!»

— Это вы, миссъ?

— Да!

Отворяю двери — никого нѣтъ; спускаюсь по лѣстницѣ—стрѣлой летитъ миссъ сверху, со смѣхомъ хватаетъ меня за плечи, опережаетъ и скромно садится на стулъ у крыльца.

Напившись въ одиночествѣ приготовленнаго наконецъ чаю, я также вышелъ на крыльцо. Какъ хорошъ нью-іоркскій вечеръ! Онъ напоминалъ мнѣ лучшіе вечера южнаго берега Крыма.

— О, Боже мой, какъ хорошо здѣсь! Іоганъ, принеси джентльмену стулъ. А въ Россіи бываютъ такіе вечера? спрашиваетъ мистриссъ Бауеръ.

— Въ Россіи? Кхе-кхе... въ Россіи холодно, отвѣчаетъ за меня мужъ ея. Тамъ всѣ по домамъ сидятъ въ шубахъ теперь.

Мистриссъ, сомнительно качая головой, снова обращается ко мнѣ:

— Такъ холодно? О, Боже мой! Какъ тамъ можно жить!

Миссъ улыбается. Мимо проходитъ тучный полисменъ. Геръ Бауеръ оживляется, поправляетъ свои усы и машетъ руками полисмену: — Мистеръ К.! Мистеръ К.

подходитъ къ намъ, слегка киваетъ дамамъ головой и поднимаетъ глаза къ небу; геръ Бауеръ тоже всматривается туда, указываетъ палкою на звѣзды и что-то таинственно шопотомъ объясняетъ ему по англійски—O, jes! O, jes!.. соглашается полисменъ и медленно идетъ дальше. Изъ сосѣдняго трактира слышится пискъ скрипки съ флейтой, мимо его проходитъ группа хорошенькихъ, но бѣдно одѣтыхъ дѣвушекъ; однѣ съ боязливымъ любопытствомъ заглядываютъ въ дверь, а иныя смѣло входятъ туда.

Въ десяти шагахъ отъ зеленаго «Золотаго Лебедя» сбѣгается другая группа мальчиковъ. Они шумно собираются играть въ чехарду.

— Джемсъ!.. Становитесь вы козломъ! раздается голосъ изъ толпы ихъ.

— Я стану!.. Нѣтъ, я — я! несутся голоса имѣющихъ сильное желаніе стать козломъ, хотя Джемсъ уже давно и съ рѣдкимъ упорствомъ выставляетъ пухлую часть своего тѣла... Подбѣгаетъ къ нему толстый мальчуганъ: «Пустите!... Ступайте, я стану!» Но Джемсъ непоколебимъ, нагибается еще ниже... «Вотъ вамъ!...» съ злымъ смѣхомъ щиплетъ его толстый мальчуганъ; тотъ въ отвѣтъ лягаетъ его ногой... Крики и смѣхъ въ толпѣ сильнѣй и сильнѣй. Между тѣмъ мистеръ Бауеръ неутомимо продолжаетъ борьбу свою съ неизвѣстнымъ ему звѣремъ.

Группа дѣвушекъ скромно проходитъ мимо разъ, другой, третій.

— Однако, ужъ 11 часовъ, спать пора! Спокойной ночи, геръ Бауеръ!—Но геръ Бауеръ не удостоиваетъ меня отвѣтомъ, и грозится кому-то палкой... «У-хъ-хъ!.. Поймаю же!»

— Геръ Бауеръ, дайте мнѣ ключъ отъ комнаты, въ которой я спалъ сегодня.

— Что за ключъ? заревѣлъ онъ на меня грозно, ключъ, ключъ! Не дамъ, спите въ своей комнатѣ!

— Вѣдь тамъ клоповникъ! Спать нельзя!

— Мошки тамъ, а не клопы!.. Кхе-кхе... Баронъ русскій!.. Ха-ха-ха!.. Русскій баронъ! Здѣсь не Россія!

— Я тамъ спать не буду! Если не дадите мнѣ ключа, я сейчасъ же переѣду отъ васъ къ Миллеру! Слышите?

— Ха-ха-ха! Слышите? Русскій баронъ! Къ Миллеру, къ Миллеру! Такъ чтожь, вы хотите одинъ весь отель у меня занять?

— Вотъ, вмѣшалась миссъ съ холодными глазами, возьмите ключъ, только заплатите намъ за два нумера...

— За два нумера я не заплачу! Вамъ ничего не слѣдовало бы платить, чтобы вы обманомъ не затаскивали меня въ свой клоповникъ!

— Тамъ нѣтъ клоповъ, это мошки; а деньги за 2 нумера заплатите! вперши въ меня свой холодный взглядъ, тихо проговорила она твердымъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ, я иду къ Миллеру, и сейчасъ же переѣзжаю отъ васъ!

Швырнувъ имъ ключъ, я вышелъ на улицу по направленію Гринвича, гдѣ была Миллера гостинница. Кромѣ двухъ-трехъ накрахмаленныхъ германскихъ дѣвъ, да полисменовъ янки, никто не встрѣчается мнѣ.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ здѣсь гостинница Миллера?

— Пойдемте! И полисменъ подводитъ меня къ полуоткрытымъ дверямъ булочной, гдѣ толстый джентльменъ, съ засученными рукавами, возился у печки.

— Добрый вечеръ, мистеръ Миллеръ!

— Добрый вечеръ, мистеръ N.!

— Этотъ джентльменъ имѣетъ къ вамъ дѣло.

— Да это булочная, а не гостинница! замѣчаю я полисмену.

— Булочная?! а вамъ какого Миллера нужно?

— Содержателя гостинницы.

— Этому джентльмену нужно видѣть Миллера, содержателя гостинницы, объясняетъ полисменъ Миллеру.

— Я мистеръ Миллеръ булочникъ, а мистеръ Миллеръ содержатель отеля, третій домъ отсюда!

Полисменъ, проводивши меня до самой стойки буфета гостинницы Миллера, удалился; а я, разсказавъ Миллеру о томъ, какъ обманомъ завели меня въ трущобу зеленаго «Золотаго Лебедя», гдѣ вмѣсто комнаты отвели мнѣ клоповникъ, а вмѣсто обѣда даютъ помои, просилъ его сейчасъ же распорядиться переноскою моихъ вещей сюда. Миллеръ далъ мнѣ въ проводники фактора изъ поляковъ, который настойчиво потребовалъ у обладателя «Зеленаго Лебедя» мои вещи, но тотъ объявилъ рѣшительно, что теперь, ночью, вещей моихъ онъ не отдастъ, а что завтра утромъ я могу переѣзжать куда мнѣ угодно.

— Но джентльменъ желаетъ немедленно переѣхать отсюда; джентльменъ поручилъ мнѣ взять его вещи изъ вашей гостинницы. Я требую ихъ сейчасъ же, иначе самъ возьму! горячился мой проводникъ.

— Не дамъ! Теперь ночь! Завтра приходите, серъ, завтра, а теперь не дамъ! И хозяинъ сталъ съ палкою у дверей трактира, готовый дать отпоръ въ случаѣ нападенія своего противника.

— Еще пожалуй,—мелькнуло у меня въ головѣ—разыграется ночью скверная исторія! А потому я прошу раскипятившагося поляка отложить дѣло до утра, совсѣмъ забывъ о томъ, что завтра я ѣду въ Европу.

— Ну, пожалуйста, идите домой! Оставьте хозяина; теперь ночь, и я не хочу ссоры. Завтра переѣду.

Проводникъ нехотя удаляется, а геръ Бауеръ, сознавъ, что «русскій» не однимъ только пивомъ способенъ угощать его (что было днемъ), принимаетъ видъ «оконфуженнаго достоинства», и великодушно вручаетъ мнѣ ключъ отъ чистаго нумера; но уже поздно: не желая платить за 2 нумера, я отказываюсь отъ апартамента, и покорно иду въ свой клоповникъ, гдѣ устраиваю на полу, изъ пальто и одѣяла, нехитрую постель.

4-го сентября.—Идите чай пить! стучала въ дверь миссъ съ оловянными глазами; просыпаюсь, но молчу.

— Идите ѣсть завтракъ! спустя часъ слышится металлическій голосъ той же восковой миссъ; я укладываю вещи и молчу.

Въ 9 ч. спускаюсь въ общую умывальню, миссъ идетъ мнѣ на встрѣчу, и какъ бы мимоходомъ, тихо отчеканиваетъ: «Завтракъ ужъ давно на столѣ!»

— Я ни чаю, ни завтрака не хочу.

Въ 10 часовъ я спускаюсь внизъ.

— Дайте счетъ! обращаюсь я къ хозяину. Хозяинъ ощупываетъ себѣ карманы, заглядываетъ подъ стойку, топчется на мѣстѣ, откашливается и вообще представляетъ растерянный видъ человѣка, суетливо приготовляющагося къ какому-нибудь сложному дѣлу; хотя въ сущности дѣло было очень просто: по условію—за 2 дня ему слѣдуетъ получить съ меня 3 дол. бумагой.

— Кхе - хе! Іоганъ, кхе... Іоганъ! Іоганъ... Здѣсь нужно.... Нужно вѣрный счетъ.... Я не знаю!... Іоганъ, позови мать; скажи: счетъ для джентльмена.

Входитъ старая лэди, горячится, съ карандашемъ въ рукахъ, поминутно сусля его во рту.

— Мнѣ слѣдуетъ вотъ что. А сколько тебѣ слѣдуетъ,

я не знаю, объясняетъ она мужу, тыча пальцемъ сперва въ исписанную каракулями бумажку, а потомъ въ воздухъ.

— Вотъ!... Заплатить нужно всего только.... Кхе-кхе! У васъ золото?

— Нѣтъ, бумага.

— Только 8 долларовъ.

Полагаю, что на лицѣ моемъ изобразилось непріятное удивленіе, потому что хозяйка поторопилась прибавить къ мужнинымъ 8 долларамъ, увѣреніе мнѣ, что «это очень, очень недорого».

— Дорого или нѣтъ, этого я не хочу и знать, а помню наше условіе, по которому вамъ слѣдуетъ за все 3 дол., то есть по полтора доллара въ день! Не забудьте и о томъ еще, что я ничего не ѣлъ у васъ.

— Но мы готовили на васъ! улыбается деснами старуха, между тѣмъ какъ хозяинъ нетерпѣливо барабанитъ пальцами по стойкѣ, да изрѣдка испускаетъ неопредѣленные звуки въ родѣ: «Э!... Кхе!... У-у!»

— Право, недорого! повторяетъ лэди съ масляными глазами кошки, которая крадется теперь мимо дверей къ кухнѣ.

— Дайте 8 долларовъ, — вотъ и все тутъ! кричитъ хозяинъ.

— Восьми долларовъ я вамъ не дамъ, а вотъ возьмите ваши три.

— Три! Ха, ха, ха! Три!—Мистеръ У.! привѣтствуетъ онъ входящаго мистера У.,—того самаго, съ глазами на выкатѣ, атлета, что поселилъ меня въ Зеленомъ Лебедѣ.

Мистеръ Бауеръ оживленно заговорилъ съ нимъ по англійски. Мистеръ У.—ирландецъ, другихъ языковъ не понимаетъ. Когда наклонившійся къ нему корпусомъ впередъ мистеръ Бауеръ, съ горькою насмѣшкой негодо-

ванія и упрека, тычетъ въ воздухъ на меня пальцемъ,— онъ, засусливая сигару во рту, тупымъ взглядомъ быка измѣряетъ меня съ ногъ до головы.

Изъ всей массы желчи мистера Бауера до меня долетаютъ только маленькія брызги: — Вкусный чай съ закускою.... Въ аппартаментѣ чистая постель.... Обѣдъ— четыре блюда.... какъ въ лучшемъ отелѣ,—при чемъ по временамъ мистеръ Бауеръ злостно высовываетъ свой языкъ, а ирландецъ качаетъ головой въ мою сторону.

— Дайте мнѣ мои два доллара, глухо рычитъ онъ, медленно подходя ко мнѣ.

— Хозяйка! Объясните мнѣ, за что ему дать два доллара!

— Что онъ говоритъ? спрашиваетъ атлетъ хозяйку. Та объясняетъ ему, и обратясь ко мнѣ увѣряетъ, что 2 доллара ему слѣдуетъ за переноску сюда съ парохода вещей моихъ, что «это очень и очень недорого».

Мистеръ-же У, сдавивъ сигару въ зубахъ, засовываетъ руки въ оба кармана, молча шаритъ тамъ, вынимаетъ два доллара и указывая мнѣ глазами, тычетъ въ нихъ пальцемъ, объясняя тѣмъ, чтобы я далъ ему два такихъ же доллара.

— Его трудъ стоитъ не больше 50 центовъ и онъ получитъ не больше этого!..

— Что онъ говоритъ?

Хозяйка передала ему.

— Дайте мнѣ мои два доллара! толкаетъ онъ ладонью меня въ плечо.

— Да у васъ здѣсь не гостинница, а разбойничій притонъ! Отъ парохода сюда не больше десяти шаговъ, за чтожь ему 2 доллара, когда экспрессъ стоитъ только полъ доллара!? И почему онъ не расчитывался тотчасъ

же, когда привелъ меня сюда, а теперь, передъ самымъ отъѣздомъ? Это умышленный, расчитанный гребежъ!

— Что онъ говоритъ?—Хозяйка объяснила ему съ улыбкой, поощряющей грубаго ирландца къ дальнѣйшей дѣятельности.

— Дайте мнѣ мои 2 доллара, опять тычетъ онъ ладонью мнѣ въ плечо.

Терпѣніе мое лопнуло, съ величайшимъ трудомъ я однако сдержалъ себя и ограничился тѣмъ, что оттолкнулъ руку наглеца.

— Такъ какъ я не говорю по англійски, обратился я къ хозяйкѣ, и положительно не понимаю вашихъ наглыхъ требованій, то сейчасъ же ѣду къ консулу, и съ его участіемъ каждый изъ васъ получитъ столько, сколько слѣдуетъ.... А этому наглецу передайте: если онъ осмѣлится еще разъ толкнуть меня въ плечо, то я крикну сюда полисмена!

Мистеръ У., подносившій въ это время ко рту поданный хозяиномъ стаканъ виски, вопросительно поворачиваетъ голову къ старой лэди,—та объясняетъ ему суть дѣла.

— Ха!.... ха! Полисмена! Полисмена! Ко мнѣ въ отель?! Ха! Русскій баронъ! злобствуетъ, блѣднѣя, опьянѣлый хозяинъ, между тѣмъ какъ мистеръ У. глотаетъ залпомъ виски, и скорчивъ гримасу отплевывается.

— Мои два доллара, протягиваетъ онъ ко мнѣ руку, а другою зажигаетъ сигару, и опять прехладнокровно отплевывается.

— Я сейчасъ вернусь сюда съ консуломъ. Онъ расчитаетъ...

— Эге—эге! Русскій баронъ! Консула? Консула!?

— Два доллара мои! съ налитыми кровью глазами, глухо рычитъ мистеръ У., дергая меня за плечо.

— Полисменъ! завидѣвъ въ окно полисмена, крикнулъ я, но тотъ вѣроятно не слышитъ, проходитъ мимо.

— Полисмена?.. У меня?! въ отелѣ! бѣгаетъ разъяренною собакой мистеръ Бауеръ, грозя въ мою сторону кулаками, и нервно хватаясь то за ножъ, то за бутылку.—Я арестую его сейчасъ... Іоганъ, Іоганъ, бѣги, зови полисмена!

— Мои два доллара! настойчиво лезетъ ко мнѣ носильщикъ и снова протягиваетъ руку, чтобы опять схватить меня за плечо; на этотъ разъ я уже не въ силахъ былъ больше сдерживать себя, ударилъ его по рукѣ и объявилъ хозяйкѣ, что не поѣду сегодня въ Европу, но не оставлю такъ подобной наглости:—Возьмите мой билетъ! сказалъ я, швыряя ей пароходный билетъ. У васъ здѣсь притонъ разбойниковъ, а не гостинница! Не поѣду,—останусь тутъ, и потребую васъ всѣхъ къ суду! Негодяи!

— Что онъ говоритъ? спросилъ мрачный ирландецъ. Хозяйка объясняетъ ему, и взволнованнымъ, уже умоляющимъ голосомъ, проситъ его уйдти. Тотъ бросаетъ свой тусклый взглядъ на меня, и пошатываясь выходитъ изъ залы вопъ; хозяинъ глупо мычитъ что-то себѣ подъ носъ, размахивая руками, и тычетъ въ висящій на стѣнѣ портретъ Скотта, главнокомандующаго войсками въ мексиканскую экспедицію, въ которой онъ оглохъ.

— Возьмите, возьмите билетъ вашъ, начинаетъ уговаривать меня хозяйка. Я взялъ обратно билетъ, и тотчасъ отправился въ контору нашего консульства, гдѣ засталъ одного только клерка.

Отъ сильно душившаго меня волненія, я съ трудомъ объясняю, зачѣмъ пришелъ, рѣшительно объявивъ ему, что въ Европу не поѣду, и хочу немедленно видѣть консула.

Но консулъ оказался гдѣ-то въ дальной отлучкѣ по своимъ дѣламъ, и клеркъ привелъ меня къ вице-консулу Н., нѣмцу, съ широкимъ въ веснушкахъ лицемъ, и съ большимъ брильянтовымъ перстнемъ на пальцѣ. Тотъ, выслушавъ клерка и мое рѣшеніе остаться въ Нью-Іоркѣ, чтобъ начать дѣло судебнымъ порядкомъ, флегматически отвѣчалъ мнѣ: «Я здѣсь сдѣлать ничего не могу,—это дѣло полиціи»...

— Но я—какъ русскій путешественникъ—ищу защиты въ русскомъ консульствѣ! Я прошу помочь мнѣ арестовать ихъ!—Онъ тихо заговорилъ съ клеркомъ, потомъ обратился ко мнѣ: - Это дѣло полиціи. Да и зачѣмъ вы такъ къ сердцу принимаете эту исторію? Вы вѣрно попали въ какой нибудь скверный трактиришко для рабочихъ; да притомъ же вамъ пришлось имѣть дѣло съ пьяными негодяями, которые и въ трезвомъ видѣ очень грубы, за что не слѣдуетъ обижаться.

Я стоялъ на своемъ. Нѣмецъ, сперва посовѣтовавшись съ клеркомъ, отнесся ко мнѣ:

— Что вы хотите: чтобы у васъ украли десять долларовъ, т. е. заплатить людямъ то, что они требуютъ, или же потерять нѣсколько сотъ долларовъ?

— Да дѣло тутъ не въ долларахъ, а въ грубыхъ выходкахъ ихъ противъ меня,—въ оскорбленіи меня!

— Что касается до оскорбленія васъ, повторяю—оно мнимо: грубый рабочій толкаетъ васъ спьяна, что жь тутъ оскорбительнаго? Никто здѣсь этимъ не обидѣлся бы, а тѣмъ болѣе процессъ заводить не сталъ бы.... Такъ вотъ, что хотите: или чтобъ у васъ украли 10 долларовъ, или же потерять нѣсколько сотъ долларовъ, т. е. прожить ихъ въ Нью-Іоркѣ, пока будетъ тянуться дѣло судебнымъ порядкомъ?

— Развѣ жь такое несложное дѣло потребуетъ такъ много времени?

— Да;—пока найдете свидѣтелей, представите улики... а еще можетъ случиться, что ни тѣхъ, ни другихъ не найдется у васъ—тогда....

Практическая мудрость вице-консула отрезвила меня.

— Мнѣ кажется, что вы правы. Во всякомъ случаѣ, я буду просить кого нибудь изъ русскихъ при консульствѣ проводить меня на пароходъ.

Нѣмецъ, посовѣтовавшись съ клеркомъ, объявилъ, что это мое желаніе будетъ удовлетворено.

— Приходите въ контору въ 12 часовъ; васъ будетъ ждать тамъ одинъ русскій, служащій съ нами, добавилъ клеркъ; и я, простившись съ ними, отправился въ ближайшую ресторацію на ул. «Broadway»: вѣдь съ самаго утра ничего не ѣлъ еще.

За длиннымъ буфетомъ разставлены всевозможныя закуски и холодныя блюда; въ одномъ углу стойка, гдѣ продаются высшаго сорта сигары, а въ другомъ—резервуаръ воды со льдомъ. Ледъ въ Америкѣ встрѣтите вездѣ; въ восточные штаты доставляется онъ Бостонскою компаніею, а западные снабжаются другою, доставляющею его изъ Аляски; продается онъ на фунты. Когда я послѣ закуски выбиралъ себѣ сигары, изящно-солидный джентльменъ, продававшій ихъ, съ любезною улыбкою вглядывался въ меня:

— Если не ошибаюсь, вы русскій, заявилъ онъ свое заключеніе о моей особѣ по нѣмецки.

— Вы не ошиблись, но какъ узнали вы это?

— Я жилъ когда-то короткое время, въ Петербургѣ. И гдѣ бы ни встрѣтилъ я русскаго, мнѣ кажется, что всегда узнаю его: русскаго легко узнать.

Однако уже 12 ч. Я поторопился въ контору; тамъ

встрѣтилъ меня молодой господинъ, недавно пріѣхавшій изъ Петербурга сюда на службу, баронъ Д., съ которымъ мы немедленно же отправились въ зеленый «Золотой Лебедь».

— Что это за зеленый «Золотой Лебедь»? Я разсказалъ ему.—Да вы вѣрно попали въ какой нибудь дрянной трактиришко, гдѣ останавливаются эмигранты, и пьянствуютъ матросы? говоритъ мнѣ Д., уже слышавшій отъ клерка объ моей исторіи.

— Ну, такъ и есть! вскричалъ онъ, когда мы вошли въ «Лебедь». Хорошо еще, что васъ не ограбили здѣсь. Цѣлы ли ваши вещи? Я сбѣгалъ на верхъ,—вещи были въ порядкѣ. Въ залѣ, еще недавно шумной, кромѣ Іогана, теперь никого не было; мы послали его позвать отца или мать. Съ поклонами появилась беззубая лэди, и кошачьи заискивающимъ тономъ спросила барона, чему она обязана удовольствію видѣть его. Онъ попросилъ счетъ мой.

— Съ нихъ слѣдуетъ намъ 4½ доллара.... Да еще 1 долларъ носильщику за доставку сюда ихъ вещей.

Какъ видите,—новый счетъ почти вдвое меньше прежняго. Мошенники разсчитывали, что мнѣ не будетъ времени съ ними возиться передъ отъѣздомъ, и—крѣпко ошиблись! Хоть новый счетъ былъ тоже невѣренъ, но пароходъ скоро уплываетъ..... И я уплатилъ по немъ, а Д. взялъ у старой лэди росписку въ полученіи.

— Съ ними иначе нельзя, объяснялъ онъ мнѣ. Это вѣдь не янки, питающіе высокое уваженіе къ данному слову, а выкидыши Европы. Эти мошенники часто обираютъ вновь пріѣзжихъ: получатъ деньги, но не дадутъ росписки, а потомъ требуютъ вторично — выходитъ исторія....

По нашей просьбѣ Іоганъ сбѣгалъ за кочемъ. Коренастый нѣмецъ—кучеръ коча, пользуясь благопріятными

обстоятельствами, запросилъ съ меня до парохода 3 доллара.

— Ни цента меньше! объявилъ онъ рѣшительно. А пароходъ сейчасъ вѣдь отходитъ!

— Э-е-е... сильно пошатываясь, ввалился съ улицы на сцену мистеръ Бауеръ, и прямо полѣзъ къ Д.

— Вотъ! принялся онъ дружески пощелкивать барона по плечу, злобно указывая рукой на меня. Д. слегка освободился отъ его пьяной руки.

— Г-е-е!... Мой отель!? Этотъ русскій... баронъ изъ револьвера, ножемъ хотѣлъ убить меня! Я-жъ.... Я его арестую....

Между тѣмъ кучеръ уже вносилъ мои вещи въ кочъ.

— Слушайте, слушайте!... Этотъ русскій баронъ.... продолжаетъ пьяную рѣчь Бауеръ, схватываетъ и трясетъ опять Д. за плечо.

— Я сейчасъ попрошу.... И Д. указалъ обладателю Зеленаго трактира на мимо проходящаго полисмена.

— Что-о-о?. Я!... Меня?... И Бауеръ показалъ языкъ.

Ну, я теперь успокоился! Вице-консулъ былъ правъ, говоря, что здѣсь никто не сердится, если кого такой пьяный негодяй медвѣжьей лапой поласкаетъ по плечу. «Вѣдь вы не сердитесь, баронъ?»

— Я не считаю себя обиженнымъ его поступкомъ, а иначе стоитъ мнѣ только указать на него полисмену, и онъ въ ту жь минуту будетъ арестованъ. Вѣдь голосъ европейскихъ консуловъ здѣсь силенъ и уважается. По первому слову консула полисменъ арестуетъ виновнаго.

— Однакожь для меня вы ничего не могли сдѣлать!

— Еслибъ консульство захотѣло только, вы могли бы спокойно себѣ ѣхать въ Европу, и при всемъ томъ негодяи эти были бы арестованы и оштрафованы.

— Въ такомъ случаѣ, это говоритъ не въ пользу на-

шихъ консуловъ! Чтожъ, они вѣрно всецѣло поглощены своими личными дѣлами, если имъ некогда удѣлить нѣсколько минутъ тѣмъ, представителями которыхъ они служатъ; за что они получаютъ отъ правительства громадное содержаніе?

— Я? Я?.. русскій баронъ! продолжалъ шумѣть все тотъ же геръ; но мы уже усѣлись въ карету и покатили къ пароходу «Rhein». Оглянувшись назадъ, я въ послѣдній разъ увидѣлъ бѣснующагося обладателя зеленаго лебедя «Goldner Schwan» на крыльцѣ смрадной трущобы въ преуморительной позѣ: гражданинъ изъ прусскихъ дезертировъ, наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, показывалъ вслѣдъ намъ свой пьяный языкъ и двѣ пляшущія фиги.

— Однако я доволенъ приключившеюся со мною исторіей: она познакомила меня съ дурною стороной Америки!..

— Вы, пожалуйста, не судите объ американцахъ по этимъ негодяямъ и преступникамъ, бѣжавшимъ сюда изъ Европы отъ преслѣдованія правосудія! Настоящіе янки, это честный, добродушный, умный, гостепріимный и вѣжливый народъ! Вы замѣтьте, что, по статистическимъ свѣдѣніямъ, частыя убійства и вообще преступленія совершаются здѣсь преимущественно вновь переселяющимися сюда выходцами изъ Европы....

Мы приблизились къ рѣкѣ Гудзонъ, отдѣляющей въ этомъ мѣстѣ Нью-Іоркъ отъ города Гобокена (Hoboken), и незамѣтно въѣхали въ каретѣ на крытый пароходъ, который быстро, но безъ малѣйшаго колебанія, перевезъ насъ на противуположный берегъ. Шибко несется карета по улицамъ Гобокена, но вотъ и крытая, обширная пристань, гдѣ поджидаетъ путниковъ въ Европу винтовой пароходъ-исполинъ «Rhein». Я далъ 3 доллара расплатиться съ извощикомъ.

— Еще 30 центовъ! заревѣлъ грубый нѣмецъ, схвативъ одной рукой барона за руку, а другой—мой саквояжъ.

— Мы условились за 3 доллара; вотъ—берите ихъ, тихо возразилъ ему баронъ.

— За переправу экипажа на пароходѣ я уплатилъ 30 центовъ, вы должны мнѣ вернуть ихъ! кричалъ нѣмецъ.

— У насъ такого условія не было! возразилъ Д., и потянулъ отъ него мой чемоданъ, но тотъ дерзко и упорно наступалъ на него.

— Да вы порвете мой чемоданъ! крикнулъ я, и принялся изо всей силы колотить его зонтикомъ по рукѣ; но джентльменъ этотъ какъ бы и не чувствоввлъ ударовъ его; съ злою физіономіею приставалъ онъ съ своимъ требованіемъ къ Д.; на этотъ шумъ подошелъ полисменъ съ просьбою прекратить его. Не стоило бы изъ за 30 центовъ подымать новую исторію, но это была не наша вина.

Когда вещи были уже втащены въ каюту, и мы, закуривъ папиросы, усѣлись на палубѣ, я весело замѣтилъ барону.

— Ну! двѣ исторіи съ вами вполнѣ мирятъ меня съ моей.

— Въ Америкѣ всѣ—люди, а съ людьми нужно быть осторожнымъ! Въ Америкѣ грубіянъ можетъ быть выбранъ въ конгрессъ и въ президенты!

Но вотъ второй звонокъ, онъ простился со мной, и въ половинѣ третьяго часа по полудни, тяжело дыша, «Рейнъ» тронулся въ путь, длинную дорогу, сопровождаемый съ берега шумными пѣснями пьяныхъ нѣмцевъ и прощальными криками американцевъ. Прощай, прощай, Америка! Прощай, великая республика!.. Не въ силахъ сдѣлать ты всѣхъ гражданъ своихъ хорошими людьми, но ты дала возможность всѣмъ быть ими. Ты, какъ природа, каждому даешь свободу, но кто какъ вос-

пользуется ею, это не въ твоей волѣ. Я же счастливъ и тѣмъ, что хоть немного, какъ бы вскользь, взглянулъ на тебя.

Пароходъ въѣхалъ въ Нью-Іоркскій проливъ, отдѣляющій «длинный островъ» (Long island) отъ живописныхъ береговъ штата «Нью-Джерсея»; прощальное маханіе платковъ и шапокъ еще виднѣлось. Начало темнѣть. Прелестный Губернаторскій островокъ окутался въ туманъ. Вдали показалось свѣтлое пламя бенгальскихъ огней, и вслѣдъ за тѣмъ воздухъ разрѣзался сигнальными ракетами. Это пароходъ, идущій изъ Европы въ Америку, привѣтствуетъ выходящаго отсюда въ Европу собрата, который на привѣтствіе отвѣтилъ тѣмъ же огнемъ и ракетами. Послѣ вечерняго чая съ закусками, утомленный приключеніями дня, я крѣпко уснулъ на мягкой и чистой постели моей койки.

5-го сентября. ...Да, задумаешься надъ будущимъ Америки, когда въ ея тѣло, годъ отъ году, все глубже и больше впиваются нѣмцы, несущіе съ собой изъ Европы, съ полезными ремеслами и знаніями, всѣ недостатки и пороки ея, которые здѣсь, на широкой свободѣ, разростаясь какъ бурьянъ, пускаютъ все шире и глубже вредные корни свои! Въ какой уголокъ Америки ни заглянете вы, такъ и подуетъ на васъ нѣмецкою наглостью и эгоизмомъ опошленной натуры. Вотъ нѣмецкая закваска для будущей нѣмецкой Америки! И дѣйствительно, если Америка сдѣлалась великою и достойною удивленія для европейца, то она достигла этого, благодаря тѣмъ сильнымъ и чистымъ натурамъ англо-саксонской крови, которыя ее основали; а кто теперь преимущественно переселяется сюда? Негодный слой Европы, зараженный всѣми грѣхами и болѣзнями, ея нѣ-

мецкій слой, который рано или поздно, изъ американской свободы сдѣлаетъ Америку рабынею!...

Уже и теперь, какъ я слышалъ, издается какая-то газета: «Имперія въ Нью-Іоркѣ», съ зачумленными европейскими принципами роялизма! не выдаю этого извѣстія за фактъ, такъ какъ самъ я не видалъ этой газеты, но знаменательно уже и то, что ходятъ по Америкѣ подобные слухи...

Да, крѣпко призадумаешься надъ будущимъ Америки, когда рядомъ съ честнымъ и разумнымъ пользованіемъ свободою, стоятъ толпы невѣждъ, оплевывающихъ, осмѣивающихъ ее ложнымъ своимъ отношеніемъ къ ней, когда рядомъ съ послѣдними выводами науки, съ самыми драгоцѣнными завоеваніями мысли, идутъ систематическія школы разныхъ ученій, нерѣдко противныхъ законамъ природы и здравому смыслу.

Возьмемъ хоть г. Чикаго, одно изъ главныхъ гнѣздилищъ «Спиритовъ», новый Іерусалимъ которыхъ, городокъ Покипси, на рѣкѣ Гудзонѣ, пріютилъ ихъ главнаго пророка. Если незамѣтное меньшинство изъ послѣдователей этого ученія ратуетъ за честность труда и справедливое вознагражденіе его, зато большинство выработало себѣ господъ на подобіе средневѣковыхъ астрологовъ и маговъ, которые печатными афишами объявляютъ темному люду о сверхъестественныхъ знаніяхъ своихъ, о готовности, за приличный гонорарій, производить эксперименты надъ желающими. На своихъ собраніяхъ и сеансахъ въ Чикаго, эти шарлатаны и идіоты дурачатся надъ несчастными медіумами до степени гнуснаго преступленія, кто изъ какихъ побужденій. Отуманивая свои головы до умопомѣшательства, они убѣждаютъ другихъ и себя, что бесѣдуютъ съ душами умершихъ и въ тому подобномъ вздорѣ! Къ этой школѣ, какъ слыхалъ я, принадлежитъ

много людей, считающихся учеными Америки. Дальше идутъ мормоны, во главѣ съ Брайамомъ Юнгомъ—ихъ папою, царемъ и пророкомъ, черезъ уста котораго Богъ ежедневно передаетъ свои желанія святымъ. Если съ одной стороны ученіе ихъ возвело въ догматъ святость труда, то съ другой стороны, подчинивъ волю всѣхъ одному авторитету, оно посреди свободнаго народа образовало деспотическое государство. За ними стоятъ шекеры, вѣрующіе въ совершившееся уже второе пришествіе Христа, во образѣ основательницы этого ученія Анны Ли. Если ея послѣдователи нашли въ ея ученіи общій трудъ, довольство и душевный покой, то безбрачіе, этотъ важный принципъ ихъ, не нарушаетъ ли коренной законъ всякой органической жизни? Ноесъ, Люси Стонъ и пр. открыто требуютъ равенства правъ половъ, а Элиза Фаригамъ пошла еще дальше: она проповѣдуетъ полное подчиненіе мужчины женщинѣ, какъ высшей организаціи, а за нею, въ высшемъ кругѣ изнѣженныхъ лэди, распространяется ученіе о дѣтоубійствѣ въ зародышѣ. Не вдаюсь въ подробности обо всѣхъ этихъ школахъ, такъ какъ онѣ не безъизвѣстны вамъ. Но вотъ рядомъ съ ними стоитъ новое, болѣе отрадное явленіе Перорекціонистовъ или Библейскихъ комунистовъ, основатель которыхъ Джонъ Гумфрей Нойесъ живетъ теперь въ Нью-Іоркѣ, а послѣдователи его, большею частью хорошіе огородники и ремесленники, поселились общинами, въ 300 человѣкъ каждая, между Вашингтономъ и Нью-Іоркомъ. Эти общины устроены на общихъ комунистическихъ началахъ: общій трудъ, общій плодъ труда, общія жены, которыя, какъ слышалъ я, обладаютъ секретомъ производить на свѣтъ ограниченное число потомства, дабы не умножить слишкомъ общины и тѣмъ не повредить ей. Нойесъ, въ видѣ

опыта, ограничилъ каждую общину 300 членовъ, и они въ настоящее время процвѣтаютъ. Новыхъ послѣдователей принимать сюда не будутъ, а охотниковъ есть не мало. Были, какъ слышно, и изъ русскихъ...

Но я совсѣмъ забылъ пароходъ! А онъ быстро рѣжетъ волны океана и разсѣкаетъ налегшій на него густой туманъ. Въ воздухѣ чувствуется свѣжесть; къ 1 часу нѣсколько потеплѣло. Пассажиры, и малые и старые, всѣ на палубѣ; вездѣ слышится, преимущественно нѣмецкій языкъ. 4—5 американцевъ, 2 француза, 1 итальянецъ, да я—русскій, вотъ исключенія изъ немалаго числа пассажировъ—нѣмцевъ, большею частью уже обамериканившихся, по крайней мѣрѣ, внѣшностью.

6-го сентября. Со мной въ каютѣ 2 сосѣда, хотя въ ней 4 койки, да еще бархатный диванъ. Одинъ изъ сосѣдей — американецъ, польскаго происхожденія, съ малыхъ лѣтъ переселившійся изъ Познани въ Новый Орлеанъ, а потому совершенно забывшій свой родной языкъ. Онъ аптекарь, очень образованъ, съ виду очень приличный, съ французскою бородкой. Онъ везетъ въ лондонскій зоологическій садъ маленькаго крокодила въ подарокъ. Другой мой сосѣдъ—глуповатая фигура, вся окутанная, какъ въ сильный морозъ, но человѣкъ хорошій, по прозванію геръ Глупманнъ. Да о немъ послѣ.

— Какъ неудобно въ этихъ тѣсныхъ каютахъ; нѣмцы во всемъ скрадываютъ комфортъ у человѣка, а берутъ не дешево! обратился ко мнѣ Красинскій.

— Вы правы. Начиная съ этого мраморнаго рукомойника и кончая устройствомъ парохода, пассажирамъ нѣтъ ни въ чемъ удобства; рукомойникъ заваленъ коробками для туалетныхъ принадлежностей, но не только мыла, беззубаго гребешка не найдете здѣсь. А каютъ-компанія,

которая служитъ намъ столовою, цѣлый день въ полумракѣ.

— Да иначе и быть не можетъ; надъ нами каюты 1-го класса, слѣдовательно мы во второмъ этажѣ, подъ палубой; а столовое зало помѣщается между спальными кабинетами, такъ что свѣтъ въ нее проникаетъ только черезъ 4 угловыхъ илюмината.

— Есть ли здѣсь по крайней мѣрѣ мѣста, гдѣ можно курить?

— Для этого 1-й классъ имѣетъ крошечную рубку, а 2-й классъ еще меньшую комнатку, рядомъ съ кухнями и обширными помѣщеніями для служащихъ, которые занимаютъ почти половину перваго этажа всего парохода; внизу же трюмы и разныя кладовыя.

Здѣсь кстати будетъ сообщить еще нѣкоторыя подробности о Бременскихъ пароходахъ. Пассажиры 3-го класса помѣщаются на нихъ гдѣ попало. Объ удобствахъ слѣдовательно нечего и говорить, да и продовольствіе пассажировъ 3-го класса, ѣдущихъ за 25 долларовъ зол. отъ Нью-Іорка до Бремена, ниже всякой посредственности. Оно грязно и гадко: въ жестяной посудѣ даютъ имъ старую солонину, да картофель, скверный кофе, да овсяный супъ. Наибольшій комфортъ, какъ я слышалъ, доставляютъ англійскіе пароходы, содержащіе сообщеніе между Ливерпулемъ и Нью-Іоркомъ; потомъ бременскіе, принадлежащіе компаніи «North German Lloyd».

На гамбургскихъ же «братьевъ Хендерсонъ» хуже, зато цѣны билетамъ двухъ первыхъ классовъ дешевле, а именно: первый классъ стоитъ 105 дол., 2-й классъ 90 дол., а третій 35 долларовъ на бумагу; между тѣмъ какъ на бременскихъ пароходахъ—1-й классъ 120 дол., второй —72 дол., а третій—25 дол. золотомъ.

Слѣдовательно, при курсѣ на золото 25%, билетъ 3-го

класса на бременскомъ стоитъ всего 31 дол., 25 центовъ, т. е. дешевле гамбург каго. И вобще какъ въ устройствѣ и ходѣ, такъ и въ прочихъ отношеніяхъ бременскіе пароходы лучше гамбургскихъ. К° «Ллойдъ» имѣетъ 11 громадныхъ желѣзныхъ винтовыхъ пароходовъ новой конструкціи, которые отъ пяти до семи разъ въ мѣсяцъ содержатъ непрерывное сообщеніе съ Нью-Іоркомъ; каждый изъ нихъ—неменьше, какъ въ 3,000 тонъ и въ 700 лошадиныхъ силъ.

Желая познакомиться съ размѣрами этихъ пароходовъ, я, по предложенію Красинскаго, поднялся съ нимъ на палубу. Кстати, было холодно, и мы принялись шагать по ней; оказалось, что пароходъ «Рейнъ» имѣетъ длины 360 фут. (53 сажени), ширины—45 фут. (6½ саж.), а высоты приблизительно—до 4 сажень. Кромѣ того, какъ оказалось, пароходъ «Рейнъ» имѣетъ еще грубо-выточенную желтую массу — плотнаго капитана Мейера, и буфетчика, въ которомъ замѣчательнѣе всего былъ большой брилліантовый перстень. Красинскій ушелъ полоскать въ умывальной чашкѣ своего, заключеннаго въ тѣсномъ жестяномъ пеналѣ, крокодила.

Теперь ровно 12 часовъ; звонокъ зоветъ къ обѣду, который оказался очень плохимъ: супъ, кусокъ плохаго жаркого, да дурно при отовленный пуддингъ; зато въ изобиліи картофель и соусъ изъ сливъ и яблоковъ, и опять картофель и картофель. Вина, какъ на нашихъ черноморскихъ или дунайскихъ «Ллойда» пароходахъ, не дается. Хотите выпить пива? заплатите за бутылку 60 к. Кромѣ обѣда насъ кормятъ еще завтракомъ съ кофе въ 7½ часовъ утра,—опять кофеемъ въ 3 часа дня, зато за обѣдомъ не даютъ его, а въ 7 часовъ вечера вечерній чай съ солеными закусками и картофелемъ. По средамъ и воскресеньямъ, какъ значится

*

въ росписаніи, полагается еще дессертъ изъ однихъ орѣховъ.

Послѣ обѣда, застаю я на койкѣ своей тучную массу моего сосѣда—геръ Глупманна, что̀ нѣсколько непріятно удивило меня.

— Геръ Глупманнъ, зачѣмъ же вы на мою койку легли.

— Я боленъ, а меня тамъ качаетъ, просопѣлъ онъ.

Въ такомъ случаѣ, къ чему же эта формалистика, въ силу которой каждому пассажиру отводятъ койку по нумеру билета и мѣсто за столомъ, если ее будутъ нарушать Глупманны? думалъ я. Положимъ, на англійскихъ пароходахъ тоже отводятся койки и мѣста за столомъ, но тамъ никто и не позволитъ себѣ нарушить этого правила.

Впрочемъ, осмотрѣвшись кругомъ, а остался доволенъ, конечно не Глупманномъ, а его койкою, потому что койка, висѣвшая надъ нею была незанята, слѣдовательно въ моемъ распоряженіи очутился цѣлый бокъ каюты, а главное илюминатъ. Я сей часъ же попробовалъ отворить его, не тутъ-то было!—Онъ крѣпко запертъ на ключъ и отпирается только по распоряженію плотнаго капитана Мейера.

Иду писать, но къ четыремъ часамъ уже совсѣмъ темно въ столовой залѣ. Вспомнивъ, что на англійскомъ пароходѣ «The Queen» мнѣ давали, кромѣ лампы, еще свѣчу, я обращаюсь съ тою же просьбою къ смотрителю второклассной каюты,—бѣлокуренькому, вѣчно въ форменной шапкѣ, скромно пишущему счеты нѣмчику.

— На цѣломъ пароходѣ свѣчнаго огарка не найдете! отвѣчаетъ онъ. Посмотрите правило.

— Въ чемъ дѣло-то? Нельзя что ли?

— Свѣчей на пароходѣ жечь нельзя. Какъ свѣтиль-

ный матеріалъ, употребляется здѣсь масло. Подождите немного: въ 5 часовъ зажгутъ лампы.

— А раньше?

— Это было бы противъ правила.

Я заглянулъ въ правило, гдѣ между прочимъ заявлялось, что:—въ 10 час. вечера, въ столовой, кромѣ одной только лампы, тушатся всѣ огни; а въ 11 час. огни должны быть потушены даже въ спальныхъ каютахъ, въ ватерклозетахъ и вообще на всемъ пароходѣ, за исключеніемъ дежурныхъ мѣстъ; а пассажиры обязаны ложиться спать. Никто изъ пассажировъ не имѣетъ права ни въ какое время зажигать свѣчей или лампъ своихъ, и пр., пр. Само-собою, эти и многія другія предосторожности принимаются во избѣжаніе пожара.

Отправляюсь на палубу,—а херъ Глупманнъ уже тамъ: ему вѣрно не спалось на моей койкѣ, и онъ успѣлъ овладѣть вниманіемъ двухъ, трехъ снисходительныхъ слушателей. Херъ Глупманнъ человѣкъ хорошій; въ остальномъ онъ своевременно отрекомендуется вамъ. Я же добавлю только, что херъ Глупманнъ аккуратно брѣется, носитъ выпуклое брюхо, короткіе штаны, и самъ онъ коротенькій, съ вѣчно окутанною толстымъ шарфомъ толстою шеею. Рѣдкіе, невыразимаго цвѣта волосы свои чешетъ отъ лѣваго уха къ правому безъ пробора, отчего, если всмотрѣться тщательно, вамъ кажется, что голова его небрежно вымазана какою-то бурою массой.

Теперь же, по случаю путешествія, подбородокъ, верхняя губа и щеки его покрылись красноватою, рѣдкою щетиной. Въ такомъ видѣ онъ, не сходя съ палубы «Рейна», въ теченіи дня, неоднократно прокатывается по Америкѣ, Азіи, Африкѣ и Европѣ.

— Изъ Берлина въ Гамбургъ, слышится на весь

пароходъ его сиплый голосъ, изъ Гамбурга въ Вѣну, изъ Вѣны въ Гамбургъ, изъ Гамбурга въ Нью-Іоркъ, изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско, изъ Санъ-Франциско въ Пекинъ, изъ Пекина въ Африку...

— Какъ же вы изъ Пекина попали въ Африку? замѣчаетъ ему Красинскій...

— О нѣтъ, я не попадалъ изъ Пекина въ Африку! Я выѣхалъ изъ Гамбурга въ Вѣну, изъ Вѣны въ Гамбургъ, изъ Гамбурга въ Нью-Іоркъ, изъ Нью-Іорка въ Филадельфію. А на слѣдующій годъ поѣду изъ Нью-Іорка въ С. Франциско; изъ С. Франциско въ Пекинъ, изъ Пекина попаду въ Африку, изъ Африки...

— Что же вы будете тамъ дѣлать?

— Сукна рекомендую. Хе, хе, хе!.... покосившись на меня, добродушно расхохотался онъ. Этотъ русскій по нѣмецки говоритъ плохо, а по Германіи путешествовалъ! И его лицо изобразило знакъ удивленія.

— Я съ нимъ говорилъ по нѣмецки, замѣтилъ ему Красинскій, и онъ объясняется на этомъ языкѣ не дурно.

— Ну да, да! Всѣ русскіе варвары считаютъ первымъ долгомъ своимъ говорить по нѣмецки!... О, нашъ языкъ въ цѣломъ свѣтѣ первый! Вотъ этотъ русскій путешествовалъ по Германіи, по Америкѣ, а нѣмецкаго языка не знаетъ!

— Гэръ Глупманнъ, право вы заблуждаетесь; я по нѣмецки понимаю все.

— Хе-хе-хе! Ну да, ну да!.... Я знаю, что русскіе прежде всего научаются говорить по нѣмецки. Это хорошо, хорошо!... А я, началъ онъ снова высчитывать на пальцахъ, изъ Берлина въ Гамбургъ, изъ Гамбурга...

— Слышалъ, слышалъ уже о вашей поѣздкѣ! отмахиваюсь я руками.

— А на слѣдующій годъ поѣду: изъ Гамбурга въ Нью-

Іоркъ, изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско, а изъ Санъ-Франциско въ Пекинъ.

— Сукна продавать?

— Ну да, ну да, сукна рекомендовать..... Поѣдемъ вмѣстѣ? а?

— Хорошо! А какъ же я отыщу васъ?

— О! меня хорошо знаютъ въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Бременѣ, Вѣнѣ... и онъ, насчитавъ множество городовъ будущей Германской Имперіи, гдѣ его теперь хорошо знаютъ, суетливо спросилъ:

— А вы знаете какъ меня зовутъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну да, ну да, это ничего: только спросите въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Бременѣ, Вѣнѣ... Спросите въ купеческихъ конторахъ, сей моментъ укажутъ.

— Хорошо, хорошо, поѣдемъ; а теперь кажется лампы зажгли; пойду внизъ пока.

Спустя часъ, въ одномъ углу залы Глупманнъ опять прокатывался: изъ Гамбурга въ Нью-Іоркъ, изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско....

— Вотъ этотъ русскій путешествовалъ, раздавался его голосъ уже вблизи меня,—по всѣмъ цивилизованнымъ странамъ: въ Германіи, Франціи, Англіи, Америкѣ былъ, а теперь возвращается въ свою Японію.... Хе-хе-хе!

— Россія — не Японія! перебилъ его Красинскій. И во всякомъ случаѣ не должно относиться такъ о Россіи въ присутствіи русскаго: онъ слышитъ, онъ понимаетъ...

— Ну да, ну да! Россія не Японія! Въ Россіи нѣмецкій языкъ всѣ хорошо знаютъ; но у насъ въ Пруссіи есть очень хорошая конституція, а Россія управляется такъ же, какъ Турція!

Красинскій отошелъ отъ Глупманна, а геръ Глупманнъ потащился, врядъ-ли сконфуженнымъ, на палубу, кататься

по Африкѣ.... Если Глупманнъ, думалось мнѣ, какъ глупый человѣкъ и невѣжественный бюргеръ, ложно судитъ о настоящей Россіи, то это еще извинительно; но какъ объяснить, что во время путешествія моего по Америкѣ, мнѣ нерѣдко слышалось слово «русскій», произносимое нѣкоторыми американцами тономъ какого-то оскорбительнаго сожалѣнія, чтобы не сказать еще хуже? Неужели мы, русскіе, заслуживаемъ этого отъ нашихъ заатлантическихъ друзей? Скажу только, что я, какъ видите, на Глупманна не разсердился, а американцы заставляли меня горько и злобно задумываться!

Къ вечеру холодъ усиливается; закутанный въ два пальто, я вышелъ на палубу. Рѣзкій вѣтеръ покачиваетъ пароходъ больше влѣво.

7-го сентября. Въ 7 часовъ утра гармоническіе звуки духовной музыки: «Коль славенъ...» пробудили меня отъ сна Что-то сладкое, давно остылое уже, встрепенулось во мнѣ... Я сильно, сильно любилъ этотъ мотивъ, когда былъ еще дитею!

Сегодня воскресенье. Сегодня празднично смотритъ природа. Пышно сіяетъ солнце и проливаетъ на насъ теплоту свою. Въ безбрежномъ, подернутомъ легкою зыбью океанѣ отражается ясное небо, а птички, что пріютившись на мачтахъ ѣдутъ съ нами въ Европу, охотятся теперь за рыбками вдали вокругъ корабля. Какъ отрадно увидать здѣсь, кромѣ человѣческой жизни, еще жизнь иную. Но черезъ часъ опять вчерашняя картина: тучи скрыли солнце, лазурь океана измѣнилась въ темный цвѣтъ свинца, въ воздухѣ начало свѣжѣть. Погода не хороша, но пассажиры всѣ на палубѣ.

Я познакомлю васъ еще съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Вотъ сидитъ на скамейкѣ мертвенно блѣдный, молодой еще господинъ; онъ безпомощно боленъ. Лѣтъ де-

сять тому назадъ онъ бодрымъ пріѣхалъ въ Америку, съ веселой надеждой нажиться, а нажилъ себѣ тамъ чахотку, и ѣдетъ теперь въ Европу умирать.

А вотъ другой, съ длинною, узкою, какъ у старыхъ козловъ, бородкой,—впрочемъ и онъ ужь не молодъ,—съ голосомъ сильно охрипшимъ, съ вѣчно раскрытымъ для вѣтра желудкомъ, кашляетъ страшно. Онъ пруссакъ, а жена его молодая американка, съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ, глядитъ иногда на мужа съ глубокимъ презрѣніемъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, съ смѣлой надеждой на счастье, онъ бросилъ свою родину; но въ эти двадцать лѣтъ, отъ пива и пустаго крика, успѣлъ только охрипнуть, и ѣдетъ теперь въ Штеттинъ къ богатому брату свой вѣкъ доживать. А здѣсь, у борта стоятъ двѣ хорошенькія миссъ, изъ американскихъ жидовокъ; одна изъ нихъ безпрестанно ахаетъ, другая же все плюется. За столомъ онѣ сосѣдки мои и превеселыя: едва миссъ «Тьфу» улыбнется, какъ миссъ «Ахъ» ужe громко хохочетъ. У нихъ я замѣтилъ пока двѣ страсти: первая, это адскій аппетитъ, въ особенности къ картошкѣ съ ветчиной и къ горчицѣ съ колбасой. За столомъ, если миссъ «Тьфу» попроситъ у миссъ «Ахъ» передать ей колбасы съ горчицей, то мой сосѣдъ, смазливенькій французикъ, охотно услуживаетъ ей... Когда же миссъ «Ахъ» изъявитъ миссъ «Тьфу» желаніе свое отвѣдать ветчины съ картошкой, то при этомъ навѣрно ужь блеснетъ золотой перстень буфетчика, который замѣтно пользуется расположеніемъ милыхъ миссъ... Миссъ «Тьфу» и миссъ «Ахъ», рожденныя въ Америкѣ жидовки, а въ Европу ѣдутъ онѣ лечиться, отъ какой болѣзни—не знаю, но судя по цвѣтущему ихъ виду, думаю, что названье ея: желаніе составить себѣ карьеру.

А тамъ вонъ у рубки сидитъ пожилой отецъ боль-

шаго семейства. Тяжелымъ, усидчивымъ трудомъ онъ собралъ не мало деньжонокъ и теперь съ спокойною душой возвращается въ Европу воспитать своихъ дѣтей. На палубѣ же знакомые вамъ Красинскій и Глупманнъ, который разсказываетъ свой маршрутъ другому нѣмецкому человѣку; тотъ одобрительно киваетъ ему головою въ отвѣтъ. Этотъ другой нѣмецкій человѣкъ, ну, хоть Шнапсманъ, съ золотыми очками на длиннѣйшемъ носу, нажившися въ Америкѣ, какимъ путемъ не знаю, возвращается подъ сѣнь австрійской конституціи, доживать остатокъ дней своихъ. Пассажиры обозвали его «Шнапсманомъ» недаромъ. Каждый день, передъ обѣдомъ, закускою и ужиномъ, онъ аккуратно посвящаетъ по часу времени на бесѣду съ водкой и селедкой; а въ удобные моменты страстнымъ взоромъ преслѣдуетъ миссъ «Ахъ».

Между пассажирами рельефно выступаетъ на видъ длинный, чистокровный янки съ маленькимъ сыномъ Чарли; задумчиво поглядывая вдаль океана, онъ ходитъ по палубѣ непринужденно-важно, и никогда изо рта не выпускаетъ сигары.

Не шумно бесѣдуя, дамы сидятъ больше парами; пересудамъ и сплетнямъ, я такъ думаю, мѣста здѣсь нѣтъ. Головы ихъ закутаны въ капюшоны красивыхъ плащей, на мой взглядъ болѣе удобные и красивые, чѣмъ башлыки нашихъ дамъ.

На палубу вышли опять музыканты; они же исправляютъ на пароходѣ 'должность лакеевъ: за столомъ прислуживаютъ намъ. Играютъ они каждый день два раза: вечеромъ въ залѣ втораго класса, а послѣ обѣда въ первомъ классѣ.

Теперь досужій часъ для поварской тяжелой службы; и въ этотъ часъ главный поваръ, въ щегольскомъ пид-

жакѣ, но непремѣнно въ бѣломъ колпакѣ, любитъ побесѣдовать на палубѣ. Онъ выходитъ, а къ нему, положивши руку съ перстнемъ на животъ, навстрѣчу ужъ идетъ нашъ знакомый, буфетчикъ, безъ шапки. Начинается разговоръ о политикѣ, и поваръ, какъ будто нашелъ силы въ его перстнѣ, вдругъ разразился на Наполеона страшною бранью. Да! Наполеонъ положительно не пользуется расположеніемъ нашего главнаго повара; безпощадно бранить Францію составляетъ въ немъ такую же варварскую страсть какъ закармливать насъ вѣчною картошкой.

Заслышавъ музыку, третій классъ выползъ тоже и приблизился къ ней. Одни слушаютъ стоя, другіе усѣлись или разлеглись на голой палубѣ. Дамы этого класса, кто съ чулкомъ, кто съ груднымъ ребенкомъ, тихо бесѣдуютъ между собой, не мѣшаясь съ дамами другихъ классовъ.

Дѣти шумною толпой бѣгаютъ повсюду, а матросы съ довольными лицами, въ туфляхъ, заняты кто чѣмъ. Дѣти составляютъ по крайней мѣрѣ треть пассажировъ.

Мнѣ нравится ихъ вѣчный шумъ и гамъ, бѣготня и смѣхъ, но только если это не въ каютѣ. Мнѣ нравятся ихъ смѣлыя дѣтскія лица, ихъ американскій костюмъ: немного ниже колѣнъ панталоны застегиваются въ обхватъ, курточка въ видѣ рубашки заходитъ въ панталоны и пристегивается къ нимъ пуговками, потомъ шляпа, чулки и высокія ботинки; и какъ идутъ эти ботинки особенно къ дѣвочкамъ! Не нравятся мнѣ только иногда ихъ «дѣтскія шалости». Пятилѣтній Гарри, заложивъ ручонки за спину, внимательно слушаетъ музыку; къ нему подкрадывается Чарли, мальчикъ лѣтъ десяти и шалунъ большой руки. Онъ тихо прикалываетъ иголкою Гарри пониже спины бантъ изъ мочалки, послѣ чего

ехидно вступаетъ въ бесѣду съ нимъ. Въ невѣденіи, Гарри садится на скамейку, и затѣмъ —крикъ отъ боли, и слезы. Бѣдняжка Гарри! Иголка на половину вошла ему въ тѣло, а кругомъ хохотъ, шумъ. Проказникъ Чарли невозмутимо самъ вынимаетъ иголку, съ тѣмъ, чтобъ повторить тоже самое съ другими, болѣе взрослыми шалунами.

Но вотъ звонокъ, а спустя нѣкоторое время раздаются бубны; звонокъ—насъ, а бубны—первый классъ сзываютъ къ вечернему чаю. Палуба опустѣла, да ужь и темно стало на ней! Спустимся и мы въ каюту.

Сѣли за столъ, но картофель, картофель, картофель, сельди, колбаса и ветчина, мясо, картофель и картофель,—да это совсѣмъ отнимаетъ аппетитъ. А вотъ интересенъ также порядокъ: на всѣхъ сорокъ пассажировъ, для питья воды подается только пять стакановъ, остальные же пьютъ ее изъ рюмокъ! Непонятенъ мнѣ этотъ безтолковый нѣмецкій расчетъ; вѣдь есть же стаканы, въ которыхъ подается намъ кофе и чай!

Послѣ ужина я усѣлся было писать—невозможно; шумъ, говоръ, музыка.... Вотъ носатый геръ Шнапсманъ, налившись пивомъ, медвѣдемъ подходитъ къ миссъ «Ахъ», обхватываетъ ее за талію, — она непрочь; и онъ, подъ звуки веселаго вальса, неуклюже вертитъ ее въ узкомъ проходѣ между столомъ и каютами. Аплодисменты бодрятъ стараго бюргера; онъ повалилъ свою веселую даму на диванъ и цѣлуетъ ее. Чтожь, она обидѣлась? Ничуть не бывало; граціозно подобравъ свой шлейфъ, она звонко хохочетъ.... Мнѣ хочется отмѣтить въ дневникѣ мои впечатлѣнія, и я хоть съ трудомъ — да пишу; музыка мнѣ не мѣшаетъ, начавшаяся качка не вредитъ, но ватага дѣтей - это настоящая пытка! Ихъ цѣлый легіонъ; шумятъ, кричатъ, свистятъ подъ ухо, чуть не на голо-

ву лѣзутъ вамъ, и столъ, за которымъ усѣлись играть въ карты, сильно толкаютъ. Нѣтъ возможности писать связно!... О, вы не знаете этихъ дѣтей,—дѣтей американскихъ колонистовъ! Это стая чертенятъ: не отчураешься отъ нихъ ни чѣмъ! Я очень полюбилъ ихъ; но только не въ эту минуту. Въ особенности этотъ маленькій злодей Чарли! Но вотъ его отецъ, серьезный янки, идетъ ко мнѣ на помощь.

— Чарли! убирайтесь отсюда, не мѣшайте джентльмену.

Чарли въ отвѣтъ показалъ папашѣ кукишь....

— Я васъ за....

И длинный папаша протянулъ руку, чтобъ схватить сынка; тотъ ударилъ его по рукѣ и проворно задалъ тягу. Янки только съ улыбкою покачалъ головой. А Чарли въ это время ужь успѣлъ къ длинному пальто папаши прицѣпить мочалку, чѣмъ тотъ повидимому остался вполнѣ доволенъ и отправился на палубу курить сигару.

— Они мѣшаютъ вамъ? подошелъ ко мнѣ Красинскій.

— И очень сильно.

— Чарли, и вы Гарри, и вы, и вы.... уходите всѣ отсюда играть на другой конецъ залы! замѣтилъ онъ имъ.

— Зало для всѣхъ, грубо крикнулъ Чарли и принялся толкать столъ еще сильнѣе.

— Чарли! Чарли! пойдемте на другой конецъ! уговаривали его дѣвочки. Вотъ ихъ-то онъ послушалъ, а за ними и вся ватага шумно разбрелась по залѣ.

Какъ рано въ Америкѣ развиваются дѣти. Большею частью и лица у нихъ совершенно не дѣтскія. Нѣтъ у нихъ здороваго румянца, нѣтъ того наивнаго вида, что у нашихъ дѣтей изъ достаточныхъ семействъ. Всмотритесь въ нихъ внѣ игръ: блѣдныя и задумчивыя лица какъ бы изнурены отъ постоянной умственной работы или тя-

желаго физическаго труда; иногда жь на нихъ промелькнетъ смѣло вызывающій видъ. Насъ, европейцевъ, это поражаетъ; но они преждевременно развиваются потому, что матушки ихъ не слѣдятъ за ними шагъ за шагомъ, не пріучаютъ ихъ, какъ у насъ, къ постоянной опекѣ, но даютъ имъ полную свободу дѣйствій, поощряютъ ихъ къ этому,—вотъ что готовитъ ихъ къ самостоятельной жизни! Посмотрите на палубу, загляните въ каюты. Дѣти четырехъ, и пятилѣтнія—совершенно безъ родительскаго присмотра: они карабкаются на перила корабля, кувыркаются по спастямъ, перевѣшиваются черезъ бортъ, вездѣ бѣгаютъ и падаютъ, кричатъ, рѣдко плачутъ, а смѣются, бѣснуются цѣлый день; ихъ никто не остановитъ ни въ чемъ; вѣдь гувернантокъ и гувернеровъ, нянюшекъ, дядекъ и боннъ въ Америкѣ нѣтъ, какъ у насъ. Имъ никто не замѣтитъ: «Ты этого не дѣлай! Ты не кричи! Да зачѣмъ ты тамъ лазишь! Да это не хорошо!» Здѣсь даютъ полный просторъ живой натурѣ дитяти. Молодымъ человѣкомъ въ 17—18 лѣтъ онъ уже борется съ жизнію и нерѣдко побѣждаетъ! Все это хорошо, но тѣмъ не менѣе близкое сосѣдство шумныхъ игръ сильно мѣшаетъ мнѣ писать.

Въ 9 часовъ вечера попутный вѣтеръ подулъ намъ, и мы летимъ на всѣхъ 16-ти парусахъ....

8-го сентября. Утромъ воздухъ такъ холоденъ, что пронизываетъ васъ, какъ въ зимнюю сильную вьюгу, до костей. Но вотъ спустился густой туманъ; паровая труба ежеминутно подаетъ сигнальный ревъ. Вслѣдъ за туманомъ заморосилъ осенній, скучный дождь, но стало нѣсколько теплѣй. Видъ палубы такой печально-грязный, что злость беретъ. Спустился въ столовую; но здѣсь такая темень, что не только писать—читать нельзя, а за-

жечь свѣчу не позволяется. Въ пять часовъ зажгли лампы.—Слава Богу!

Сѣлъ писать, но нѣтъ, нельзя! Чѣмъ бы отъ нихъ отъ этихъ безпощадныхъ дѣтей откадиться? Ба! — придумалъ.

— Чарли, дайте ваши карты, говорю я.

— Зачѣмъ? Не дамъ, я фокусъ показываю, отвѣчаетъ онъ. Дѣйствительно маленькій Чарли показывалъ крошечному Гарри, съ бѣльмомъ на глазу, хитрый фокусъ:

— Гарри, берите изъ колоды карту, да не показывайте ее мнѣ; я самъ узнаю.

Гарри, мальчикъ уморительно наивный, притомъ же видитъ только одгимъ глазомъ; когда онъ проноситъ карту мимо глаза съ бѣльмомъ, Чарли хорошо ее видитъ; когда же онъ здоровымъ глазомъ замѣчаетъ свою оплошность, то быстро закрываетъ карту обѣими руками и торжественно объявляетъ:

— Угадывайте же, Чарли, какая карта у меня? Ой, не угадаете вы, Чарли!

Чарли начинаетъ бормотать какія-то непонятныя заклинанія, произноситъ магическія слова. Гарри смотритъ на него не то съ любопытствомъ и удивленіемъ, не то съ почтительнымъ страхомъ.

— Гарри! таинственно важно произноситъ громко Чарли: — Гарри!.. У васъ въ рукахъ дама!

Гарри смотритъ на свою карту,—дѣйствительно дама. И Гарри пренаивно удивляется, проситъ Чарли еще и еще повторить ему этотъ хитрый фокусъ.

— Чарли,—дайте же ваши карты, будете довольны! повторяю я.

— А что вы съ ними сдѣлаете? спрашиваетъ онъ, недовѣрчиво, но смѣло глядя на меня.

— Я вамъ покажу такую штуку, что вы,—сколько

васъ здѣсь есть, только ахнете отъ удивленія. Ну—давайте же!

— Дайте, дайте ему, Чарли! — зашумѣло десятка полтора голосковъ...

Чарли даетъ мнѣ карты, и я показываю имъ одинъ математическій, но въ сущности такой же простой, какъ 2+2=4, фокусъ; впрочемъ, кто его не знаетъ, станетъ въ тупикъ отъ него.

Всѣ пятнадцать ртовъ разинулись разомъ, и 30 глазъ смотрѣло на меня съ пріятнымъ удивленіемъ, какое—удивленіемъ! съ почтеніемъ и страхомъ къ моимъ глубокимъ знаніямъ. Я полагаю, что они меня приняли за всевѣдущаго чародѣя, потому что отношенія ихъ ко мнѣ вдругъ измѣнились къ лучшему.

—Ну, Чарли, теперь забирайте вашу ватагу, и уходите играть въ другое мѣсто! А послѣ я вамъ еще другую диковинку покажу.

Чарли, покорно и охотно забравъ всю свою компанію, удалился съ нею. Съ этихъ поръ между нами завязались самыя дружескія, самыя прочныя отношенія; отнынѣ мой голосъ имѣетъ надъ ними силу, меня полюбили и побаиваются.

9-го сентября.—Дождь цѣлую ночь грязнилъ палубу, да и теперь еще изъ тумана выжимается онъ туго,—что впрочемъ не мѣшаетъ моимъ маленькимъ друзьямъ кувыркаться и возиться тамъ. Скоро однако усилился дождь,—подулъ порывистый вѣтеръ справа, началась сильная качка. Писать трудно, да и темно. Пошелъ бродить по каютъ-компаніи. Отсюда можно заглянуть во всѣ каюты, и дамскія и мужскія;—мужья съ женами занимаютъ семейные кабинеты, тѣснота тамъ ужасная. Заглянулъ къ миссъ «Тьфу» и «Ахъ»; онѣ еще нѣжатся въ койкахъ. Прошелъ мимо кухни,—поваръ, поругивая

Францію, небрежно чиститъ картошку. Въ курильной— вѣчный преферансъ, но азартныхъ игръ не видать. Волненіе усиливается: на ногахъ трудно стоять. Музыкальные лакеи покрываютъ обѣденные столы гнѣздами, въ которыя ставятся приборы, для предохраненія ихъ отъ ударовъ сильной качки.

Сѣли обѣдать; но едва принялись за вассеръ-супъ, какъ начался штормъ. Качнуло разъ, другой... бу-у-хъ, бухъ, бухъ! Тарелки съ супомъ, стаканы съ пивомъ льются по стóлу и обливаютъ пассажировъ. Третій ударъ еще сильнѣй: бухъ! и все летитъ на полъ съ трескомъ и бьется со звономъ...

Въ залѣ подымается крикъ, смѣхъ и охи. Неудачный же обѣдъ! Но съ палубы, куда поднялся я полюбоваться разбѣсившимся океаномъ,—картина чудно хороша!.. Волны вздымаются высокими холмами; съ гривами изъ бѣлой пѣны, набѣгая одна на другую, онѣ разбиваются въ миріады брызговъ. Вдали на горизонтѣ, черезъ тонкую пелену тумана чуть виднѣется силуэтъ корабля, который кидаетъ во всѣ стороны, какъ щепку. Нашъ же пароходъ успѣшно борется съ ними: прорѣзывая себѣ путь впередъ, онъ то погрузится, то всплыветъ наверхъ. то съ боку на бокъ стремительно качнется. Всѣ матросы на ногахъ, но еле-еле держатся на нихъ. Крѣпко ухватясь за перила, взрослому стоять на палубѣ еще можно, но дѣтей такая качка часто срываетъ.

Спустившись внизъ, я попробовалъ было писать, но такое занятіе теперь настоящая пытка; писалось только по три слова чрезъ каждыя пять минутъ, въ моменты, когда волны, какъ бы уставшія въ борьбѣ съ пароходомъ, отдыхали, запасаясь новою силой. Нó вотъ одинъ за другимъ опять пошли толчки; сильно швыряютъ они дѣтей и посуду; шумно летятъ и та и другія по залѣ,

съ одной стороны на другую. Еще новый толчекъ сильнѣй, и самъ я стремглавъ лечу къ стѣнѣ. Смотрю, весь локоть у меня въ крови; спѣшу идти дѣлать перевязку. Между тѣмъ штормъ разыгрывается все злѣе и злѣе. Илюминаты не только втораго, но и перваго класса полощутся водой, волны которой по временамъ заливаютъ палубу. Наклонъ парохода будетъ градусовъ 40, такъ что высокій бортъ его чуть-чуть не хлебаетъ съ океана. Со штормомъ наступилъ сильный холодъ, на палубѣ нѣтъ возможности болѣе стоять, и я опять спускаюсь внизъ. По каютамъ тихо; уже не раздается веселый смѣхъ милыхъ миссъ «Тьфу» и «Ахъ»; закутавшись съ головами, онѣ попрятались въ койки и вѣрно молятъ боговъ.

Обѣ смѣны матросовъ на ногахъ, но облитые водою, они вялы, какъ мухи, скользятъ по палубѣ и нерѣдко съ шумомъ падаютъ, а канаты валятся изъ рукъ ихъ.

Ухватясь за перила, весь мокрый, я наслаждался видомъ грознаго шторма; сперва онъ былъ мнѣ страшенъ своими зыбкими холмами—теперь же ничего: я уже присмотрѣлся къ опасной игрѣ парохода съ могучими волнами. Одиннадцать часовъ ночи. Пошелъ дождь,—потемнѣло, но буря все таже. Всѣ пассажиры улеглись, но долго не спалось имъ: въ койкахъ вѣдь лежать трудно; бросаетъ васъ съ боку на бокъ, колѣни и локти отъ ушибовъ страшно болятъ. Однако морскою болѣзнью страдающихъ нѣтъ. Къ тремъ часамъ утра сонъ овладѣлъ напуганнымъ людомъ.

10-го сентября. Штормъ продолжается съ тою же силой! Отъ ночныхъ ушибовъ все тѣло болитъ у меня.

Къ семи часамъ вечера подулъ сильный вѣтеръ и разразился штормомъ грознѣе прежняго. Нельзя ни стоять, ни ходить, ни лежать даже, не держась за спинку при-

винченныхъ къ полу дивановъ. Вѣтеръ сильно надулъ паруса;—но вотъ его порывистый вздохъ, и на одномъ изъ нихъ съ трескомъ лопнули веревки... Раздался сигнальный свистокъ; матросы ужь всѣ за работой, но не успѣли они справиться съ однимъ, какъ вновь порывъ вѣтра оборвалъ другой парусъ. Матросы измучены, давно уже не слышно оживленнаго говора людей. Даже дѣти пріутихли; собравшись въ одномъ уголкѣ каютъ-компаніи, они чуть слышно болтаютъ о чемъ-то, но только не о бурѣ. Ко мнѣ они ужь попривыкли и ласкаются теперь. Въ особенности дѣвочки лѣзутъ съ распросами о томъ и о семъ; какъ могу, по англійски я объясняюсь съ ними, и онѣ понимаютъ меня.

Прежде чѣмъ лечь спать, я еще разъ поднялся на верхъ. Ночь страшно темная, но какой волшебный видъ имѣетъ ночью бичуемый штормомъ океанъ! Вдали, какъ бы множество костровъ освѣщаютъ его мѣстами фосфорично-блѣднымъ пламенемъ; а взгляните за бортъ,—вотъ хлынула изъ подъ кормы огненная рѣка и долго—долго льется она свѣтлою струей по океану, и вашъ взоръ устаетъ наконецъ слѣдить за нею. А надъ вами и между кострами лежитъ черная—черная темь.

11-го сентября. Взошелъ я на палубу и сладко вздохнулъ полной грудью. Небо ясно, воздухъ тихій и теплый. На палубѣ идетъ чистка да починка: матросы сгоняютъ слѣды двухдневнаго шторма. Явились кельнеры съ трубами и, какъ бы въ видѣ благодарственнаго гимна Эолу за пощаду парохода, съиграли нѣсколько пьесъ. Палуба полна народу. Буфетчикъ съ перстнемъ снова и уже явно ухаживаетъ за миссъ «Ахъ»; то булку не въ пору поднесетъ ей, то на ухо что-то нѣжно пошепчетъ, а она отвѣчаетъ ему благосклонной улыбкой. Вотъ онъ осклабясь подноситъ ей пива, но вдругъ тол-

чекъ, и буфетчикъ съ перстнемъ и пивомъ летитъ на нее; пиво обливаетъ роскошный шиньонъ, лицо и плечи милой миссъ. Штормъ возобновился.

12-го сентября. Отъ ужасныхъ ударовъ его ночью всѣ пассажиры пробудились. Океанъ реветъ. Могучими волнами бросаетъ онъ пароходъ въ объятія свои: вотъ, вотъ «Рейнъ» сдѣлается жертвою его, погрузится въ холодную, бездонную пропасть... Но нѣтъ; напрягши силы искусства, изъ влажныхъ объятій могучей силы природы вырывается онъ, и рѣжетъ высокіе холмы его, скользя по ихъ крутымъ бедрамъ.

Настало утро, такое же безотрадное! Порывы вѣтра быстро гонятъ темныя тучи, покрывающія все небо свинцовыми пятнами. Волны моютъ палубу, гдѣ кромѣ команды никого уже нѣтъ: страхъ загналъ всѣхъ пассажировъ въ каюты; даже смѣльчаки дѣти попрятались туда же. Въ столовой темно, какъ ночью, хотя и день теперь; но все же я вижу на многихъ блѣдно-синія лица. Скучая внизу, я опять вышелъ на палубу. Пароходъ лѣвымъ бокомъ своимъ глубоко погрузился въ волны разъ... другой, какъ по темпу. Въ третій разъ меньше, а въ четвертый—идетъ ужь спокойно. Черезъ минуту опять повторяются два страшные темпа, и опять настаетъ моментальный покой, а дальше все такъ же. Въ эти моменты покоя, дѣти шумною толпой выбѣгаютъ на палубу, но застигнутыя въ расплохъ качкой, скользятъ по наклонной поверхности палубы, съ крикомъ хватаясь одинъ за другаго, падаютъ разомъ, въ страхѣ пищатъ и потомъ со смѣхомъ убѣгаютъ въ каюты. Только птичкамъ-рыболовамъ хорошо живется въ это бурное время: омывая въ волнахъ свои крылья, онѣ ищутъ маленькую рыбку, и хватаютъ ее на лету.

Вотъ и ужинъ. Штормъ нѣсколько смягчился, но все

же онъ зло подшутилъ надо мною: сильнымъ толчкомъ опрокинулъ въ тарелку съ закуской мой стаканъ чаю. Залъ нѣсколько оживился: пассажиры повеселѣли, музыка играетъ, бюргеры пьютъ пиво, а буфетчикъ съ хорошенькой служанкой, тутъ же за общимъ столомъ, наливаются чаемъ.

13-го сентября. Послѣ бурной и неспокойно проведенной ночи, настало отрадное утро; весело выглядывая изъ за легкихъ облачковъ, солнце грѣетъ воздухъ, сушитъ палубу и паруса. Обрадовавшись погодѣ, шумно собрались пассажиры на верхъ.

— Изъ Санъ-Франциско въ Пекинъ, изъ Пекина въ Африку, изъ Африки въ Гамбургъ. О, нѣтъ, изъ Африки черезъ Суэцкій каналъ въ Вѣну. Девяносто талеровъ пятнадцать зильбергрошей! слышится въ одномъ концѣ парохода.

— Мэри, догоните меня! кричитъ Гарри, успѣвшій уже прицѣпить болтню съ иголкою мальчику 3-хъ лѣтъ.

А вотъ промелькнула голова безъ шапки, и перстень заблисталъ. Картина вамъ уже знакомая.

— Земля! земля! объявляетъ торжественно геръ Шнапсманнъ, указывая вдаль рукой.

Дѣйствительно, въ 5 часовъ вечера, около парохода весело закувыркались дельфины, а это признакъ близости берега. Да вотъ и маленькій островокъ съ маякомъ на немъ, а невдалекѣ еще несовсѣмъ успокоившіяся волны весело играютъ рыбацкимъ судномъ и лодками, какъ съ мышками расшалившійся котъ.

Труба парохода сильно раскалилась, и онъ остановился на полчаса, чтобъ дать время остыть ей. Уже поздно вечеромъ въѣхали мы въ каналъ «Ламаншъ». Отрадное чувство овладѣло всѣми; всѣ пили пиво, всѣ смѣялись, всѣ подтрунивали надъ только-что минувшею опасностью,

и всѣ волновались близкимъ концемъ дальняго пути. Въ воздухѣ тепло и тихо.

11-го сентября. Опять гармоническіе звуки: «Коль славенъ....» пробудили меня въ 7 часовъ утра. Выхожу на палубу, мы плывемъ по Ламаншу вблизи англійскихъ береговъ, то крутыхъ и обрывистыхъ, то низменныхъ и покрытыхъ растительностью...

Да, отрадное чувство охватываетъ при видѣ зелени и земли, послѣ долгаго плаванія по безбрежному, грозящему вамъ смертью океану!

Французскихъ береговъ еще не видно, и только цѣпь судовъ и кораблей, чернѣющая точками по горизонту направо, указываетъ на близость ихъ. Въ 7 часовъ утра, на пароходѣ поднялась суматоха: достаютъ багажъ пассажировъ, ѣдущихъ черезъ англійскій приморскій городъ Сутгамптонъ въ Англію и Францію. Въ 8 часовъ утра показался островъ «Уайтъ». Нашъ пароходъ выставилъ на главной мачтѣ англійскій флагъ, а на другихъ—компанейскій (N. D. Lloyd), почтовый и прусскій флаги. Отъ скалистыхъ береговъ Уайта къ нашей сторонѣ отдѣлились три отвѣсныя скалы; у подножія передней изъ нихъ стоитъ маякъ, о стѣны котораго съ брызгами и шумомъ разбиваются волны. А отъ береговъ Англіи, узкая полоска воды отдѣлила обширную песчаную отмель, на которой высится среди волнъ маленькое и красивое какъ игрушка укрѣпленіе, съ высокимъ маякомъ надъ нимъ. Далѣе по берегамъ живописно разбросаны села и города, укрѣпленія и фермы, всѣ они въ зелени и лѣсахъ;—видъ картинный! У береговъ разсыпаны суда, между которыми змѣйкой вьется одинъ-другой пароходикъ. Берега Уайта не уступаютъ красотой и жизнью берегамъ Англіи; вездѣ цвѣтутъ поля, зеленѣютъ рощи и луга; вездѣ, вездѣ разбросаны фермы и села съ

высокими шпицами кирокъ. При выходѣ изъ пролива, отдѣляющаго отъ него собственно Англію расположены сильныя укрѣпленія. Пароходъ нашъ остановился противъ гавани «Каустъ» (Cowst), мѣстечка, живописно раскинувшагося по склонамъ лѣсистыхъ горъ.

— Ну, прощайте! — протягиваетъ мнѣ руку Красинскій.

Онъ, какъ и всѣ пассажиры, ѣдущіе въ Лондонъ, доѣдетъ туда на пароходахъ этой же компаніи. Вонъ изъ Кауста подходитъ къ намъ маленькій пароходикъ. Ѣдущіе во Францію и Англію пересядутъ на него, онъ доставитъ ихъ въ гор. Сутгамптонъ, а отсюда они сядутъ на другіе пароходы, идущіе уже прямо въ Лондонъ и Гавръ.

Мы простились, и маленькій пароходикъ двинулся къ виднѣющемуся въ туманѣ г. Сутгамптону. Нашъ пароходъ провожалъ отъѣзжающихъ прощальными криками и звуками музыки, намъ отвѣчали шумными же криками и маханьемъ платковъ. Компанія Ллойда доставляетъ пассажировъ въ Лондонъ и Гавръ за туже цѣну, что и въ Брeменъ. Изъ Европы въ Нью-Іоркъ она беретъ съ 3-го класса пятнадцатью долларами дороже, чѣмъ изъ Нью-Іорка въ Европу. Для 1-го и 2-го класса цѣны въ оба конца тѣже. Если же взять билетъ изъ Европы въ Америку и обратно, съ промежутками неопредѣленнаго времени, то Ллойдъ дѣлаетъ маленькую уступку: первый классъ обойдется въ 225 дол., 2-й—въ 135, а 3-й—въ 61 дол. Вѣроятно таковы же условія и для пути изъ Америки въ Европу и обратно.

Спустя полчаса «Рейнъ» поплылъ дальше. Во всѣхъ пассажирахъ видно оживленіе, радость скораго свиданія съ родиной... Чѣмъ дальше подвигаемся мы впередъ, тѣмъ больше и больше туманъ скрываетъ отъ глазъ Англію, а Франція виднѣется яснѣе. Вотъ и вращающійся

съ разноцвѣтными огнями маякъ «Кале». Еще разъ у города Дувра выглянула Англія и скрылась изъ глазъ, и показались плоскіе берега Франціи. Вечеръ славный, тихо и тепло. Попутный вѣтеръ сильно надулъ паруса; пыхтитъ густо дымящаяся труба; изъ-за снастей выглядываетъ полная луна. Пассажиры стоятъ больше въ группахъ; а дѣти кто бѣгаетъ, кто чѣмъ-то торгуетъ: «пенни, зильбергрошъ, талеръ, центъ», слышны отрывочныя слова. Эти же звуки нерѣдко несутся и отъ взрослыхъ. Но вотъ, черная тучка заволокла луну, надъ каналомъ и палубой воцарился густой мракъ. Картина измѣнилась. Пароходъ оставляетъ за собою широкую, тѣнистую струю фосфорическаго свѣта, гдѣ виднѣется множество блестящихъ большихъ точекъ. Это инфузоріи. Въ спокойномъ состояніи пролива ихъ не видно, но лишь только онъ заколышется или воды его прорѣжетъ судно, — миріады огоньковъ зажгутся и сейчасъ же погаснутъ, а на мѣстѣ ихъ появится множество новыхъ огней.

Въѣзжаемъ въ Нѣмецкое море. Вонъ вдали на лѣво показались двѣ огненно красныя точки: это идетъ въ Америку пароходъ компаніи «Ллойда». Двумя ракетами и бенгальскими огнями мы привѣтствуемъ его; онъ отвѣчаетъ намъ тѣмъ же.

15-го сентября. Идемъ по открытому и нѣсколько волнистому Нѣмецкому морю; береговъ его не видно. Въ 10 часовъ утра показались берега Голландіи, то бугристыми отрывками, то низменными полосками.

За обѣдомъ шла подписка музыкантамъ... За ужиномъ отбирались подписныя деньги. Не меньше, какъ по 1 доллару далъ каждый пассажиръ; одинъ лишь мой сосѣдъ Глупманнъ, не только что отказалъ, но еще разсердился на нихъ за то, что мѣшаютъ ему ѣсть.

— Я изъ Гамбурга въ Нью-Іоркъ, изъ Нью-Іорка въ...

вездѣ ѣздилъ и никогда не бывало, чтобы кельнеръ просилъ у меня денегъ!

— Они вѣдь каждый день играли! Вонъ янки—такъ тѣ по два, по три доллара дали имъ, замѣтилъ я ему послѣ обѣда.

— То — янки, а я не слушалъ! Пусть янки даютъ имъ. Я не просилъ ихъ играть! Я, (пошли Гамбургъ, Нью-Іоркъ и т. д.)... И нигдѣ, нигдѣ, кромѣ какъ за пиво, обѣдъ, ужинъ и комнату я не платилъ ни копѣйки!

Въ 6 часовъ вечера всѣ матросы горячатся за работою: кто, ползая по снастямъ, снимаетъ паруса, кто складываетъ и тащитъ ихъ спрятать; этотъ чиститъ палубу, тотъ несетъ канаты. Знакъ, что скоро конецъ пути. Поднялся сильный вѣтеръ; небо заволоклось тучками и въ 8 часовъ пароходъ остановился.

— Геръ Глупманнъ, шучу я, какъ же вы доѣдете до Пекина, когда съ нашимъ пароходомъ что-то приключилось?

— О! это ничего. Пароходъ остановился оттого, что воды мало, теперь отливъ, и онъ будетъ ждать здѣсь до двухъ часовъ ночи, пока не начнется приливъ.

Я недовѣрчиво отнесся къ его толкованію; причина остановки «Рейна» меня сильно интересовала.

— Что за причина? спрашиваю я у помощника капитана парохода.

— Теперь очень темно и сильный вѣтеръ, а потому намъ трудно войти въ узкій фарватеръ устья рѣки Везера, въ которомъ есть большія отмели.

— Ну, это причина основательная; а то, тотъ жирный лгунъ увѣряетъ, что въ Нѣмецкомъ морѣ воды не достало!

— Хоть дѣйствительно теперь отливъ, и вода упала

больше, чѣмъ на 16 футовъ, но вѣдь и глубина Нѣмецкаго моря не мала: хватитъ на проходъ парохода.

Въ два часа ночи начался приливъ, а въ 3 уже показался разсвѣтъ и Рейнъ двинулся дальше.

16-го сентября. Сегодня уже двѣнадцатый день пути по Океану; сегодня съ шести часовъ утра всѣ пассажиры уже на ногахъ: кто укладываетъ вещи свои и выноситъ ихъ на палубу, кто занялся по праздничному своимъ туалетомъ. Праздникъ сегодня, праздникъ! Праздничныя лица, праздничные костюмы, и суета! Матросы изъ трюмовъ вытаскиваютъ багажъ и разную кладь, а кто скоблитъ перила, кто чиститъ мѣдь. Показались уже и песчаныя отмели, а вблизи ихъ рыбацкія суда. На малыхъ интервалахъ, съ десятокъ въ рядъ плывутъ они, а тамъ за ними—другой и третій такіе же ряды.

Въ 8 часовъ утра входимъ въ широкое устье мутноводной рѣки Везеръ. Здѣсь по лѣвому его берегу лежатъ земли Ольденбурга, на право же — Ганноверская держава, покончившая нынѣ со своей независимостью. Берега Везера очень оживлены: вездѣ жилье и зелень, но теперь все это еще прикрыто легкою пеленой утренняго тумана. Вдали видно уже то мѣсто, гдѣ мы должны проститься съ Рейномъ.

Въ эту минуту палуба полна народу: пассажиры, матросы и служащіе—всѣ на ней стоятъ группами, спорятъ, надѣются, вслухъ мечтаютъ, или солидно бесѣдуютъ; другіе молча сидятъ на скамейкахъ или ходятъ безпокойно. Больной кашляетъ кажется еще страшнѣй. Дѣтей принарядили и они весело смѣются и бѣгаютъ. Однѣ лэди, съ тревожною думою на лицахъ, бесѣдуютъ тихо, урывками: а иныя—нескрытно ужь веселы. Появился, толстый поваръ въ модномъ пиджакѣ и бѣломъ, какъ снѣгъ, колпакѣ, трактуя что-то о Ганноверѣ, вну-

шительно тычетъ онъ пальцемъ въ воздухъ. Ораторъ и слушатель—оба довольны, и оба спускаются въ буфетъ пить пиво за здоровье своего короля. Буфетчикъ съ перстнемъ егозитъ и ерзаетъ въ туфляхъ все больше тамъ, гдѣ дамъ побольше. Прощаясь съ миссъ «Ахъ» онъ нѣжно жметъ ей руку, а миссъ «Тьфу» указываетъ на прелесть картины природы и при этомъ машетъ перстнемъ, довольный болѣе имъ, чѣмъ роскошью природы.

Капитанъ Мейеръ, въ позѣ вопросительнаго знака, снисходительно слушаетъ бѣдную даму третьяго класса. И долго, долго слушаетъ онъ; она уже перестала говорить, а онъ все еще слушаетъ ее.

Въ третьемъ классѣ меньше возни; женщины сидятъ одною группою съ дѣтьми; тихо бесѣдуя между собой, онѣ невесело поглядываютъ вдаль. Принарядившіеся же мужья ихъ тоже тихо тянутъ виски изъ горлышка бутылки, закусывая ее колбасой, которая переходитъ изъ рукъ въ руки. Здѣсь дѣти молчаливѣе.

Въ 9 часовъ утра остановились мы передъ великолѣпной набережной Бремергафена; отъ гавани подъѣхали къ намъ два маленькіе парохода. На одномъ усѣлись пассажиры, другой забралъ нашъ багажъ, и мы, подъ звуки прощальной музыки и криковъ съ Рейна, черезъ три минуты высаживались уже на европейскій берегъ.

Отъ Бремергафена до Бремена только что окончена постройка желѣзной дороги, ѣзда по которой разумѣется быстрѣе, чѣмъ на пароходѣ; вотъ чему обязаны мы, что поѣдемъ до Бремена по ней, а не водою.

Одинъ изъ городскихъ каналовъ непосредственно касается желѣзнаго пути еще неоконченной станціи, такъ что пароходы и суда стоятъ тутъ же у поѣзда, отчего перегрузка тяжестей выходитъ удобна и дешева. Пути станціи тщательно выложены булыжникомъ, а потому

долго не потребуютъ ремонта: впрочемъ хорошая балластировка пескомъ будетъ также прочна. Въ Бремергафенѣ, т. е. на первомъ же шагу по выѣздѣ моемъ изъ Америки. сильно повѣяло на меня форменною Европой, въ особенности нѣмецко-прусскимъ ея элементомъ. Явились въ прусской формѣ ганноверскіе кондукторы, бремзеры и т. п.; явилась и нѣмецкая, бѣсящая донельзя медленность во всемъ: мы уже усѣлись въ вагоны, а ихъ не думали еще ранжировать, и только черезъ часъ двинулся поѣздъ въ Бременъ.

Городокъ Бремергафенъ красивенькій, чистенькій, съ высокими узкими домами и хорошо вымощенными улицами, походитъ на множество другихъ маленькихъ нѣмецкихъ городковъ. Низменныя окрестности его покрыты, не скажу чтобъ богато, зеленью и огородами. Дальше пошли деревушки съ низенькими каменными домами, крытыми высочайшими соломенными крышами, весьма оригинальнаго вида.

Сосѣди мои 7 ганноверцевъ, то есть столько, сколько по нѣмецкой табели слѣдуетъ быть въ узенькомъ отдѣленіи второкласснаго прусскаго вагона съ французскимъ устройствомъ, хотя сосѣднія отдѣленія почти пусты. Впрочемъ, это неудобство нѣсколько умалялось для меня тѣмъ, что, кромѣ одного, всѣ прочіе нѣмцы сосѣди оказались людьми упорно серьезными. Одни изъ нихъ безмолвно сосредоточивали самое глубокое вниманіе на носкахъ своихъ сапоговъ, другіе неопредѣленно глядѣли въ пространство, а третьи глубокомысленно, но съ легкимъ посвистомъ кивали въ воздухъ носами; тотъ же, который составлялъ исключеніе между ними, хоть повидимому былъ человѣкъ и очень сообщительный, но тоже не терзалъ меня: симпатичнымъ голосомъ онъ разсказывалъ

мнѣ о прусскихъ порядкахъ въ Ганноверѣ и о высокомъ достоинствѣ ганноверскаго пива.

— Честное слово ганноверца, одинъ зильбергрошъ бутылка! (3 к. сер.)

— А на станціяхъ?

— Одинъ зильбергрошъ большой стаканъ въ полъ пивной бутылки!

Поѣздъ остановился у красивенькой станціи. Собесѣдникъ мой пошелъ пить ганноверское пиво, а я залюбоватся одною, при станціи, постройкой; славно отдѣлана она: все зданіе кирпичное, но весь эффектъ его въ томъ, что нижній этажъ выкрашенъ въ красный цвѣтъ, между тѣмъ, какъ верхній карнизъ, балконы и всѣ детали подъ цвѣтъ дерева.

Ну, Ганноверъ не можетъ похвастаться богатствомъ земли своей! Онъ напоминаетъ собою самыя убогія губерніи нашей широкой Руси; почва его требуетъ большихъ затратъ труда и постоянныхъ унавоживаній, чтобъ отблагодарить только скуднымъ урожаемъ труды земледѣльца, зажиточности котораго повидимому нельзя позавидовать.

Все пространство Ганновера, по которому проходитъ желѣзная дорога, это громадная низменность съ болотистымъ, кочковатымъ, песчанымъ или глинистымъ грунтомъ, и только изрѣдка покрыта она лѣсочками, большею частью искуственно разведенными, жиденькими и низенькими; да кое гдѣ встрѣтится засѣянное поле, съ валяющейся на немъ неуклюжею, допотопной конструкціи бороною.

Въ 2 часа по полудни пріѣхали мы въ Бременъ. Американскіе пассажиры немедленно гурьбой отправились кто куда; иные въ гостинницы, которыхъ понастроено множество вблизи вокзала желѣзной дороги; другіе пошли

блуждать по городу. Они и меня тащили съ собою, но я предпочелъ, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, тутъ же пообѣдать и тутъ же въ залѣ дожидаться вечерняго поѣзда въ Берлинъ. Закуска изъ двухъ, очень приличныхъ блюдъ, съ виномъ, водкою и кофе обошлась мнѣ только 12 зильбергрошей; эта неслыханная дешевизна расположила меня къ старому Бремену, и я, сдавъ свои вещи на сохраненіе багажному, отправился посмотрѣть городъ. Старикъ оказался однако очень скромнымъ и ни въ чемъ особенно не замѣчательнымъ; чистенькій, хорошо вымощенный, съ постройками больше во вкусѣ старины, т. е. съ узенькими, но высокими, въ 3—4 этажа, домами, съ тѣнистыми и старыми садами, по прудамъ которыхъ плаваютъ лебеди и полосатыя утки, а по песочнымъ аллеямъ скромно стоятъ деревянныя, зеленыя скамейки; на одной-то изъ нихъ я и пріютился. Все здѣсь напоминаетъ близость русскихъ мѣстъ; ихъ осенній бабьяго лѣта теплый воздухъ, съ летающею по немъ безпокойною паутиной, владѣльцы которой, безсовѣстно спускаясь вамъ на лицо, производятъ пренепріятнѣйшее ощущеніе; широкая акація, вѣтвистый кленъ и старыя липы; весело летающія въ воздухѣ дѣтскія змѣйки, и казенныя лица прусскихъ солдатъ; ихъ красныя воротники на синихъ казакинахъ; сумка за спиной возвращающагося домой школьника; надменныя своимъ нарядомъ дамы; нянюшки съ вялыми дѣтьми ихъ, короче сказать, здѣсь въ Бременѣ впервые почувствовалъ я что-то знакомое уже мнѣ, это близость форменно-сѣренькаго Питера, имѣющаго много общаго во внѣшности съ Нѣметчиной, хотя внутренніе міры ихъ никогда не сойдутся между собою.

Въ 7 часовъ вечера я возвратился въ вокзалъ; багажный увѣряетъ, что до отхода поѣзда остается еще два

часа времени, и я снова отправился осматривать Бременъ. Когда я проходилъ мимо ряда гостинницъ, настроенныхъ при вокзалѣ, нѣсколько ручонокъ схватили меня за пальто съ оглушительнымъ дѣтскимъ крикомъ: «Сей! Сей!» (Слово «сей», это нѣчто въ родѣ нашего: «Ей! Смотри! Послушай»!) Я оглянулся, меня окружали маленькіе друзья мои съ парохода; они наперерывъ лѣзли здороваться со мной. А вотъ показались въ дверяхъ и папаши ихъ; они тоже дружески протягиваютъ руки и обнимаютъ меня. Многіе изъ нихъ тоже сегодня ѣдутъ въ Берлинъ вмѣстѣ со мною. Чтобъ не прозѣвать поѣзда, я направился изъ города къ чистенькому садику, расположенному противъ самаго вокзала. Я сѣлъ на жесткую скамейку и задумался о всемъ, что̀ оставилъ за собою и что ждетъ меня впереди...

Въ 9 часовъ вечера касса продажи пассажирскихъ билетовъ открылась. Нѣмецкая касса схожа съ русскою: то же крохотное окошечко, черезъ которое дается пассажирамъ билетъ, тѣмъ же гуськомъ, дожидающимся своей очереди. Право некрасивъ да и неудобенъ какъ-то этотъ русско-нѣмецкій гусекъ, и порядка все же нѣтъ. Вотъ напримѣръ, еще недавно веселая миссъ «Тьфу» теперь крѣпко огорчена чѣмъ-то; она кого-то ищетъ.

— Кого вы ищите? спрашиваетъ кто-то изъ гуська.

— У этихъ варваровъ вѣдь есть здѣсь кто нибудь какой нибудь смотритель! говоритъ она сердито.

— А вамъ зачѣмъ его?

— Хочу искать защиты отъ грубаго обращенія вонъ этого грубаго ганноверца.

Вмѣсто защиты, посыпались на нее наглыя насмѣшки мужчинъ, и пошло злыя улыбки женщинъ; она заплакала пуще прежняго. Кассиръ вѣдь также ганноверецъ, и также нѣмецко-формально-пошло-грубъ: онъ безцеремон-

но толкаетъ пассажировъ, подходящихъ къ окну не въ очередь, и какъ злой песъ изъ подворотни, докучливо покрикиваетъ изъ окошечка своего на медленность въ уплатѣ денегъ. Кто ѣдетъ изъ Бремена въ Берлинъ, тому выдается билетъ только до Ганновера. Заплативъ за него полтора талера, я спросилъ у багажнаго свои вещи.

— Въ таможенной залѣ онѣ: тутъ же, съ кассой рядомъ. Пойдемте!

Большая команда таможенныхъ суетилась въ залѣ, тщательно перерывая чемоданы, саки и узлы.

— Право, напрасно вы такъ усердствуете, — только всѣ вещи мнѣ помяли; у меня нѣтъ контрабанды, замѣтилъ я ретивому нѣмцу.

— Иначе нельзя: мы нѣмцы — народъ аккуратный!..

Ровно въ 10 часовъ поѣздъ двинулся въ г. Ганноверъ.

Устройство третьеклассныхъ вагоновъ схоже съ второклассными, только перегородки отдѣленій сдѣланы не на глухо, а какъ въ лошадиныхъ стойлахъ; само собою разумѣется вездѣ — голое дерево; помѣстилось же насъ ровно десять человѣкъ, то есть столько, сколько по соображенію администраціи слѣдуетъ, чтобъ не задушить насъ совсѣмъ.

— Одно утѣшеніе, что до Ганновера не длинная ѣзда, со вздохомъ успокоиваетъ насъ одинъ изъ пароходныхъ моихъ друзей.

— А другое, что кромѣ одного, всѣ прочіе здѣсь американскіе пассажиры, поддерживаетъ его нѣмецъ, ѣдущій къ брату свой вѣкъ доживать.

Супруга этого гера, не смотря на свѣжесть ночи, сидитъ въ одномъ холстинковомъ платьицѣ. Маленькая дочь ихъ, бѣдняжка, больна, ей сильно хочется спать, но — холодно, — а съ собою въ вагонъ, по американской привычкѣ, ничего теплаго они не взяли: все упрятали

въ багажъ. Я далъ имъ свое пальто, чтобы укрыть ребенка.

— Я васъ прошу къ себѣ на завтракъ въ Штеттинъ, сильно закашлявшись, протягиваетъ мнѣ, въ знакъ своей благодарности, руку папаша.

— Хорошо, хорошо. А какъ же я васъ найду тамъ?

— О, мой братъ — знатный господинъ; его всѣ тамъ знаютъ! У него вы спросите обо мнѣ.

— Вотъ такъ колбаса! раздается въ другомъ концѣ вагона голосъ нѣмца изъ Америки, который уже лѣтъ десять не ѣлъ нѣмецкой колбасы; и онъ сердечно удѣляетъ всѣмъ пассажирамъ по кружечку родной колбасы, и всѣ пробуютъ ее, и всѣ ее хвалятъ.

— О, да! о, да! Бременская колбаса — лучшая на всемъ земномъ шарѣ! слышался патріотическій возгласъ ея владѣльца.

Ровно въ часъ мы пріѣхали въ Ганноверъ.

Полусонные пассажиры, спотыкаясь и не ловко суетясь, выползали изъ вагоновъ.

— Русскій! Русскій! кричалъ мнѣ одинъ пароходный джентльменъ, съ которымъ я и слова не сказалъ еще. Берите скорѣй билетъ! Машина запоздала, сейчасъ дальше идетъ.

Въ кассѣ мнѣ сказали, что если я хочу ѣхать дальше, то бралъ бы билетъ 1-го или 2-го класса, 3-й пойдетъ завтра утромъ.

Заплативъ за билетъ втораго класса семь талеровъ 2 зильбергроша, я едва успѣлъ взять свои вещи съ прежняго поѣзда и здать ихъ на новый. Между тѣмъ на платформѣ шла сонная толкотня и раздавались пьяные крики. Ганноверскій офицеръ, въ русскомъ военномъ сюртукѣ, усаживался въ вагонъ; шумною толпой провожаютъ его товарищи. Но что за лица! Какъ широки глотки

ихъ! Лица неуклюже казенныя, бритыя, съ шапками на бекрень, какъ прежде носили у насъ въ арміи, и съ длинными трубками въ зубахъ, трубками, ужъ чисто нѣмецкими! Упившіеся пивомъ и шнапсомъ, закопченные кнастеромъ и казармою, они не кричали, а ревѣли, не смѣялись, а грохотали, молодецки оглядывая сонныхъ дамъ.

Въ половинѣ втораго часа ночи, поѣздъ двинулся дальше; а въ 5 часовъ утра мы въѣхали въ городъ Магдебургъ съ его старою крѣпостью, которая, подъ покровомъ густаго тумана, еще крѣпко спала. Засну и я.

17-го сентября. Мы на пути къ Берлину. Здѣсь на большія пространства поля обработаны и лѣсоводство правильное; лѣсъ вырубается малыми участками, засѣваемыми снова, такъ что можно легко прослѣдить постепенный ростъ дерева въ годичный его промежутокъ. Попадаются намъ на встрѣчу города и деревни, поселяне и дѣвушки — ихъ дѣти: они идутъ въ поле на работу. Мелькаютъ мимо насъ фермы и дачи, съ загородными садами для любителей погулять; зелень здѣсь больше искуственная. Пошли красивыя деревушки, гдѣ дома съ высокими крышами на низкихъ, въ одинъ этажъ, стѣнахъ; при нихъ огороды разнообразнѣйшихъ овощей и фруктовые садики съ клумбами красивыхъ цвѣтовъ. Ручейковъ, маленькихъ прудовъ — бездна; теперь все это покрыто утреннею росой. Но вотъ показались и предмѣстья Берлина, гдѣ дома большею частью во вкусѣ нѣмецкой старины, а въ половинѣ восьмаго часа утра поѣздъ остановился у скромнаго дебаркадера его. Я высматривалъ на платформѣ кого нибудь изъ багажныхъ, какъ предсталъ предо мною умнѣйшій геръ и заговорилъ на «русско-нѣмецкомъ» языкѣ. Признаюсь, я и этому, какъ голодный куску хлѣба, очень обрадовался. Русскій языкъ

въ Берлинскомъ вокзалѣ въ устахъ служащаго пруссака!

— Ви—руски? допрашивалъ онъ меня въ начальническомъ тонѣ.

— Да.

— О! и я тоже пиль Петербуркъ.

— Скажите, кому бы поручить взять мои вещи и нанять экипажъ въ Штеттинскій вокзалъ?

— О! я — швейцеръ... косподинъ сдѣляйтъ вамъ. И онъ кликнулъ одного багажнаго съ бляшкою. Пока тотъ получалъ мои вещи, геръ швейцеръ, который пиль Петербуркъ, продолжалъ со мной бесѣду:

— Я пиль при дворъ у косподинъ Шуллеръ, вашный косподинъ въ Петербуркъ!

Короче сказать, онъ былъ два мѣсяца помощникомъ подпомощника дворника въ большомъ домѣ, принадлежавшемъ богатому нѣмцу Шуллеру, приходившемуся ему шестиюроднымъ или нѣсколько больше братомъ. Но такъ какъ геръ швейцеръ ѣхалъ въ Петербургъ съ полною надеждою получить тамъ мѣсто танцовальнаго учителя или воспитателя русскихъ отроковъ, а въ крайности, попасть хоть камердинеромъ къ какому нибудь барину, то безъ сомнѣнія его гордая натура не могла вынести грубыхъ шутокъ бородатаго дворника Ивана, и онъ, бросивъ Петербургъ, вернулся въ Берлинъ, гдѣ состоитъ въ настоящее время швейцаромъ, или попросту сторожемъ при этомъ вокзалѣ. Багажный объявилъ мнѣ, что уже все «фертигъ». Нечего дѣлать, пріятное знакомство вдругъ безжалостно оборвалось. Такъ какъ Штеттинскій вокзалъ отъ Бременскаго расположенъ далеко, почти на противуположномъ концѣ города, то я во время переѣзда моего въ извощичьемъ фаэтонѣ имѣлъ возможность хорошо постичь сущность таксы, прибитой къ сидѣнью

экипажа, и хоть поверхностно, но все-таки ознакомиться съ внѣшностью Берлина. Первая гласила, что за одинъ конецъ ѣзды по городу платится 5 зильбергрошей съ одной особы, если ѣдутъ двое, то—6 зильбергрошей; загородныя же цѣны нѣсколько выше. А что касается до наружности города, то и она нѣсколько напоминаетъ собою Питеръ. И берега канавъ, и рѣки также одѣты въ гранитъ.

Но вотъ этого ужъ не увидите въ нашихъ столицахъ: по угламъ улицъ разбросаны маленькіе домики для нуждъ обѣихъ степеней; а тамъ вонъ собачки, небольше нашихъ дворняшекъ, въ упряжи, тащутъ тележки или тачки, наполненныя овощами, молокомъ и прочими предметами, идущими на потребу человѣку; часто собачкѣ помагаетъ такой же маленькій, какъ и она, мальчикъ, а иногда и самъ большой повелитель ея.

Едва-едва поспѣлъ я въ вокзалъ; не было даже времени протестовать на требованіе извощика заплатить ему какъ разъ вдвое противъ таксы. Пассажирскій поѣздъ уже трогался въ Штеттинъ и я, схвативъ сунутый мнѣ кассиромъ билетъ 2-го класса (стоющій отъ Берлина до Штеттина 3 талера 10 зильбергрошей)—бросился въ вагонъ. Было ровно 9 часовъ утра.

Вдоль полотна желѣзной дороги тянутся тѣнистыя аллеи, а дальше, на песчаномъ грунтѣ, ростетъ ель да сосна. Русью пахнетъ.

На станціяхъ пошли опять остановки, звонки, форменныя лица и прочій европейскій вздоръ.

Теперь мы въѣхали въ старую Бранденбургію; мѣстность ея болѣе открытая, и голая—волнистая. Но вотъ чаще и чаще встрѣчаются поля, старыя деревушки и замки съ башнями глубокой старины. Чѣмъ больше подвигаемся къ Штеттину, тѣмъ живописнѣе видъ мѣстности.

Вдали завидѣлся лѣсъ мачтъ судовъ и пароходовъ; это Штеттинъ на рѣкѣ Одерѣ, куда и въѣхали мы въ половинѣ двѣнадцатаго часа утра. Изъ газеты, подсунутой мнѣ въ вокзалѣ багажнымъ, видно, что пароходъ пойдетъ отсюда въ Петербургъ въ пятницу т. е. ровно черезъ два дня. Эти два дня придется пробыть въ грязненькомъ Штеттинѣ, — не то, чтобъ ужь очень грязненькомъ, а такъ себѣ, нѣсколько почище нашихъ губернскихъ городовъ. Улицы его не широки, зато всѣ мощены булыжникомъ. Набережная его хоть немного грязна, зато одѣта въ гранитъ и вся завалена грузами да товаромъ. Здѣсь по р. Одеру стоитъ множество барокъ, судовъ, пароходовъ; тутъ же и бабій базаръ: въ судкахъ продается рыба живая, въ корзинкахъ — копченая, фрукты и зелень, молоко и хлѣбъ; увидите и здѣсь собакъ, запряженныхъ въ тележки.

Вечеромъ тишь кругомъ, какъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ; и только пивные подвалы да табачныя, наполненныя серьезно веселящимся людомъ, слегка нарушаютъ благочиніе Штеттина...

18-го сентября. Гостинница Берлинъ, гдѣ остановился я, чиста, недорога и кормятъ въ ней прилично. На стѣнѣ виситъ печатная табличка съ обозначеніемъ цѣнъ за нумеръ, обѣдъ и чай, за прислугу, свѣчку и постель. Въ нумерахъ прислуга женская, за столомъ — мужская, а на ночь укрываньемъ вмѣсто одѣяла служитъ пуховикъ, что нѣсколько неудобно по моему. Берлинъ расположенъ у набережной, тутъ же вблизи и контора пароходства, куда я иду теперь взять билетъ до Петербурга. Оказывается, что мнѣ прійдется ѣхать на грузовомъ пароходѣ, пассажирское пароходное сообщеніе прекратилось. Подраздѣленія на классы на этомъ пароходѣ не существуетъ. Устроено только пять кабинетовъ въ

рубкѣ, и такое мѣсто съ продовольствіемъ стоитъ 20 тал. Палуба постоянно завалена грузомъ и на нее рѣдко кого принимаютъ. Нечего дѣлать взялъ билетъ; отъ меня, между прочимъ, отобрали паспортъ.

19-го сентября. Недорого стоили мнѣ два дня жизни въ Штеттинѣ; три талера и 10 зильбергрошей—дешевизна рѣдкая!

Въ 12 часу дня пароходъ «Петербургъ» еще нагружался. А нѣмцы вѣдь народъ аккуратный: по объявленію, ровно въ 12 часовъ пароходъ долженъ быть уже въ пути! Насъ, пасссажировъ, на немъ всего семь человѣкъ съ половиной. Въ кабинетахъ: два нѣмца изъ Пермской губерніи, и съ ними—третій, который только что ѣдетъ обруситься тамъ. Еще русская семья, состоящая изъ мужа, и мальчика «Попи», да я—вотъ и всѣ шесть кабинетныхъ особъ; седьмая же третьеклассная особа—глубокомысленный пруссакъ: онъ помѣстился не на палубѣ, а на яблокахъ, грушахъ и картофелѣ въ мѣшкахъ, которыми она вся была завалена. Наконецъ-то въ половинѣ втораго часа дня мы двинулись по Одеру, мимо Штеттинской крѣпостцы. Оттуда несутся звуки сигналовъ и маршей на рожкѣ. Вокругъ виды картинные! Каютъ-компанія, куда я спустился изъ рубки, тѣсна и служитъ намъ столовой залой. Здѣсь шумно идетъ бесѣда на русскомъ и русско-нѣмецкомъ языкѣ,—невольно прислушиваешься къ ней. (Замѣтьте, меня принимаютъ, ну, покрайней мѣрѣ, за англичанина, непонимающаго русскаго языка. Да какъ же и могло быть иначе? Вѣдь я еще ни слова ни съ кѣмъ изъ нихъ не сказалъ)!

Передъ толстенько-короткою дамой, еще не дурной и моложавой лежитъ книга съ рисунками цвѣтовъ; тутъ же съ боку мамаши сидитъ нечесанный маленькій ея

«Поня»; не думаю, чтобъ внимательно онъ слушалъ свою мамашу.

— А вотъ прелесть, что за рисунокъ! Но это что такое? Какао, изъ котораго дѣлаютъ шоколадъ, но я какао еще никогда ни видала.

— А я ѣлъ его, мамаша?

— Какъ же душечка,—ѣлъ, ѣлъ и очень часто.

— А я такъ видалъ его! отозвался пухленько-низменный мужъ ея. Въ Милютиныхъ лавкахъ есть! Это фруктъ большой; изъ коры дѣлаютъ шоколадъ, а внутренность вся черная-пречерная; ее выбрасываютъ вонъ.

— Выбрасываютъ! Вотъ такъ? И Поня махнулъ рученкой.

Разговоръ перешелъ къ путешествіямъ.

— Ѣзда на пароходахъ — прелесть что такое! Это идеальная ѣзда! восторгается единственная наша дама.

— А вотъ по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга до Москвы тоже ѣзда идеальная! Заграницей я никогда не встрѣчалъ такихъ неудобствъ. А спальные вагоны какіе у насъ! Нѣтъ, что ни говори про насъ...

— Та, та. У найсъ въ Россіи все корошо, корошо! съ патріотическимъ пламенемъ въ глазахъ перебиваетъ пермскій нѣмецъ.

— Но Италія, Италія! Это чудо что! Это божественная страна! восклицаетъ дама.

— А ви изволійтъ быть дольхо въ Итали?

— О, нѣтъ; мы Италію проѣзжали ночью. Какъ жаль!

— Это тамъ, мамаша, гдѣ я купался?

— О, нѣтъ! Ты купался, въ Швейцаріи, душечка.

Какъ видите, скучно здѣсь и я поднялся въ рубку. Съ нами ѣдутъ еще два важныхъ таможенныхъ унтера при грузѣ, съ обязанностью наблюдать до Свинемюнде, чтобъ пароходъ не принялъ гдѣ нибудь контрабанды. А тамъ

они слѣзутъ, такъ какъ присмотръ ихъ будетъ ужь лишнимъ: пароходъ войдетъ въ открытое море.

Одеръ ширится все больше и больше, образуя много разныхъ островковъ; одни изъ нихъ покрыты густой, сочной травою,—другіе жь—деревнями, фермами съ высокими крышами. А тамъ вдали изъ за лѣсовъ высятся острые пирамидальные шпицы, увѣнчанные пѣтушкомъ.

Въ 3 часа пополудни входимъ въ широкій заливъ съ зеркально спокойной поверхностью. Трудно смотрѣть на блестящую лазурь ея: солнце сильно разыгралось на ней, а небо—совершенно голубое. Въ воздухѣ же, какъ въ весенній вечеръ, тихо, мягко и сладко.

Къ шести часамъ заливъ съузился двумя островами; на одномъ изъ нихъ, Узедомѣ—стоитъ городъ Свинемюнде, гдѣ мы, запасаясь водою и углемъ, простояли нѣсколько минутъ, а въ половинѣ седьмаго выходили уже въ открытое Балтійское море. Вечеръ теплый, но темный: звѣзды попрятались за черныя тучи, и только вдали какъ звѣздочки мерцаютъ огоньки кораблей и судовъ. Въ 9 часовъ погода измѣнилась: началась маленькая качка.

20-го сентября. Я спалъ крѣпко, ничего не слыхалъ, но русскіе нѣмцы увѣряютъ, что ночью была сильная качка: О! такъ сильна, што мы на палуба на картофль спаль, и косподинъ Скотгольдъ чуточка тошниль.

Въ 8 часовъ спустился туманъ; а къ 10 похолоднѣло: подулъ рѣзкій вѣтеръ. Вотъ уже 11 часовъ дня, мы давно отпили кофе, сидимъ теперь за вкуснымъ и изобильнымъ завтракомъ, а русская семья все еще спитъ, крѣпко спитъ, и грезится ей идеальная ѣзда на семъ пароходѣ. А и дѣйствительно нашъ пароходикъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошъ: онъ винтовой, бѣгъ его быстрый; курить въ залѣ и въ крошечныхъ спальныхъ каютахъ, устроенныхъ только

на 2 койки, можно хоть ночью; кормятъ насъ хотя не роскошно, но хорошо. Одно только: хоть въ спальныхъ вагонахъ и висятъ лампы, но ихъ никогда не зажигаютъ, за то по вечерамъ въ залѣ горитъ не только что одна лампа, но и стеариновыя свѣчи.

Въ 7 часовъ блеснулъ огонекъ Готландскаго маяка. Слѣдовательно мы идемъ хорошо,—съ пути не сбились, какъ случилось съ однимъ пароходомъ, встрѣтившимся съ нашимъ въ Свинемюнде: тринадцать сутокъ пропутешествовалъ онъ отъ Петербурга до Свинемюнде! Въ 8 часовъ вечера спустился густой туманъ и подулъ сѣверный вѣтеръ, прогнавшій всѣхъ насъ въ каюту. Въ 12 часовъ стала такая темь, что пароходъ принужденъ былъ простоять цѣлый часъ на одномъ мѣстѣ, пока небо нѣсколько не прояснилось.

21-го сентября. Съ двухъ часовъ ночи холодный вѣтеръ N сильно разгулялся: поднялась буря. Волны бросали нашъ маленькій пароходъ съ такою силой, что всѣ пассажиры, пробудившись отъ сильныхъ толчковъ, уже не спали цѣлую ночь; нѣтъ возможности лежать въ койкѣ— васъ положительно выбрасываетъ изъ нея вонъ.

Въ 6 часовъ утра вхожу я въ залъ; пассажиры сидятъ надъ чашками и мучатся тѣми ужасными спазмами желудка, припадками сильной морской болѣзни, противъ которыхъ медицина еще безсильна. Русскій пассажиръ, какъ оказалось генеральскаго ранга, сидѣлъ теперь за столомъ въ одномъ нижнемъ костюмѣ и тяжко стоналъ. Дама же, запершись въ каютѣ, постоянно прибѣгала къ помощи лимоновъ, что вызывало еще большую рвоту.

Я вышелъ въ рубку, но принужденъ былъ немедленно опять спуститься внизъ: сильно-морозный вѣтеръ и качка парохода, который былъ теперь жалкою игрушкой волнъ,

перебрасывавшихся черезъ бортъ, прогнали меня. Въ каютѣ все таже печально-смѣшная картина.

Желудокъ мой началъ тоже сильно страдать, но никакихъ приличныхъ обстоятельствамъ результатовъ отъ того не происходило, а подобное состояніе—мучительно скверно.

— Да не хотите ли кофе? сострадательно спрашиваетъ насъ блѣдный буфетчикъ.

Его Превосходительство начинаетъ негодовать на него:

— А-ахъ! о-охъ! Боже мой! Здѣсь спазмы, а онъ, а онъ... Спазмы, а онъ съ своимъ кофе!

Черезъ часъ я уже былъ настолько здоровъ, что могъ изрѣдка высовывать свой носъ изъ каюты, но все же цѣлый день чувствовалъ себя очень и очень скверно. Никто ничего не ѣлъ; до ѣды ли было намъ, когда всѣ мы, сильно страдая, только охали? Да притомъ намъ ничего и не готовили; не только кастрюлямъ въ печкѣ, но и поварихѣ на толстыхъ, какъ тумбы, ногахъ не было возможности устоять отъ сильныхъ толчковъ.

Въ 5 часовъ вечера, при входѣ въ Финскій заливъ, буря постепенно стихала, но въ воздухѣ все еще холодно, какъ бы зимой. Къ вечернему чаю всѣ, кромѣ русской семьи, повыползли изъ коекъ въ залъ и поужинали. за весь день голоданья, съ большимъ аппетитомъ. Пермскіе нѣмцы, подшучивая надъ только что испытанною ими морской болѣзнью, горюютъ теперь о томъ, что не поѣхали изъ Берлина прямо въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ: — уже давно были бы тамъ, да и путь стоилъ бы дешевле, а обошелся бы безъ этихъ приключеній. Но, какъ оказалось, всѣмъ захотѣлось посмотрѣть Балтику,—вотъ за это и приплатили.

Несмотря на зимній воздухъ, въ 8 часовъ вечера я вышелъ въ рубку:—чудная, нѣжно-ясная лазурь неба

покрылась миріадами блестящихъ звѣздъ. Въ девять же часовъ снова чуть-чуть начало качать, но я, измученный прошлою безсонной ночью и безпокойнымъ днемъ, улегся на узенькую койку узкой каюты и крѣпко уснулъ.

22-го сентября. Въ 4 часа ночи мы прошли мимо г. Ревеля. Въ 7 часовъ, когда я поднялся въ рубку, пароходъ быстро разсѣкалъ успокоившіяся воды Балтики. По ея чуть колыхающейся поверхности, надутые паруса несли маленькія рыбацкія лодки, смѣло переплывающія заливъ съ остзейскаго его берега на финскій. Если рыбаки рѣшились на этотъ опасный въ бурю путь, то не знакъ ли это, что сегодня пройдетъ для насъ день спокойно?

Въ 12 часовъ мы прошли между мало обитаемымъ островомъ Гохландомъ и маякомъ, расположеннымъ невдалекѣ отъ него, на малой скалѣ среди волнъ. У подножія ея до сихъ поръ виднѣется скелетъ недавно погибшаго Любекскаго парохода, пассажиры съ котораго, какъ говорили мнѣ, всѣ были спасены. Отсюда хорошо видѣнъ гористый островокъ Гохландъ съ его обрывистыми берегами, покрытыми рѣдкимъ и уже пожелтѣвшимъ лѣсомъ; кое-гдѣ торчитъ на немъ бѣдная избушка пастуха, или маленькая деревушка съ высокимъ шпицомъ кирки съ пѣтушкомъ... то болѣе возвышенныя части берега Финскаго залива. Наконецъ въ 9 часовъ показались огни маяка и судовъ, стоящихъ у Кронштадта. Пароходъ, уменьшивъ ходъ, остановился. Къ намъ подъѣхалъ лоцманъ и проводилъ его на рейдъ, гдѣ мы, за темнотою ночи, будемъ ночевать.

23-го сентября. Сегодня послѣдній день пути! Не праздникъ ли это?

Уже съ пяти часовъ утра пассажиры суетятся, а пароходъ только въ 6 часовъ двинулся съ рейда дальше.

Пассажировъ мало, но не всѣ они оживлены близкимъ свиданіемъ съ родиной. Русскіе нѣмцы и нѣмецъ, что ѣдетъ обрусѣть къ намъ, очень довольны:—смѣются, хохочутъ, считаютъ.... и на Россію навѣрняка бьютъ.

Мы всѣ сидимъ въ каютъ-компаніи; въ рубкѣ теперь еще очень холодно.

— Хи, хи, хи!... подходитъ ко мнѣ пермскій нѣмецъ;—ви знайтъ, пассажіеръ нѣмецъ-кальбасникъ, штой на палубѣ ѣхайтъ... Ха-ха-ха!... Въ качька онъ приг-нуль до погрибъ: цѣль день и цѣла ночь билъ тамъ... Матроси не взнайтъ, штой тамъ преталься нѣмицъ-кальбасникъ, взели на погрибъ кортофля съ мѣшкамъ положиль!

— Вы говорите, что пассажиръ, ѣдущій на палубѣ, пробылъ цѣлый день вчера въ погребѣ?

— Нуй-та! Ха-ха-ха! Отъ качька преталься на погрибъ!

— Развѣ-жъ матросы не знали, что онъ тамъ. Зачѣмъ же они его заложили мѣшками?...

— Взнай ли?! О, нѣтъ, не взнай ли!—И картофля съ мѣшкамъ на погрибъ положиль... Ха-ха....

— Вы по русски умѣете говорить! пріятно удивляется мнѣ единственная наша дама.

— Я русскій.

— А мы считали васъ за иностранца!.. Помнишь, душенька? обратилась хорошенькая дама къ своему мужу. Помнишь? Это похоже на встрѣчу въ Италіи... Помнишь въ вагонѣ того русскаго итальянца, который все время молчалъ?

— Мм... Да-да... не поднимая глазъ съ французской книги, мурлычитъ душенька, который сегодня что-то сильно не въ духѣ.

Пароходъ нашъ остановился противъ Кронштадта.

Вотъ подъѣхалъ къ намъ на лодкѣ морякъ офицеръ и, провѣривъ наши паспорты, возвратилъ ихъ обратно всѣмъ намъ, кромѣ г. Скотгольда.

— Господинъ Скотгольдъ, вашъ паспортъ просроченъ,—обратился онъ къ пермскому нѣмцу.—Я его отдамъ таможенному унтеръ-офицеру, для передачи въ Петербургскую таможню, гдѣ вы, уплативъ по положенію пять рублей за первую просрочку, получите его обратно.

— Какъ же, душечка? обратилась наша дама къ мужу;— вѣдь мы по заграничному паспорту жить въ городѣ не можемъ? Нужно взять нашъ... Вѣдь теперь нужно... Дворникъ...

— О-охъ, Боже! Я сказалъ тебѣ разъ, что въ Экспедиціи...

— Хорошо, но дворникъ......

— Въ Экспедиціи, въ Экспедиціи! О-о-хъ! Охъ Боже! Убьетъ она меня...

— Ну, погоди же, ваше Превосходительство. Пріѣдемъ мы въ Петербургъ! Пріѣдемъ! Дома ты всегда говоришь мнѣ, что ты ничего не знаешь, не хочешь ни во что мѣшаться... А теперь ты вотъ какъ?! Хорошо же, ваше Превосходительство, хорошо!

Въ это время вошелъ къ намъ таможенный чиновникъ; взявши у капитана парохода свидѣтельства на грузъ, онъ отправился съ таможенными солдатами исполнить нѣкоторыя формальности. Вслѣдъ за нимъ, на маленькомъ винтовомъ пароходѣ подъѣхалъ къ намъ таможенный штабъ-офицеръ. Лоцманъ изъ вольныхъ, ловкій Ѳома, съ трогательною миной помогъ и его туловищу перекатиться на нашъ пароходъ, что̀ невольно умилило меня до слезъ. Черезъ минуту начальникъ, съ благоговѣйною помощью того же Ѳомы, уѣхалъ, а мы, въ сопровожденіи таможеннаго унтера, двинулись дальше, осторожно ла-

вируя между множествомъ судишекъ, идущихъ изъ Питера въ порты Финскаго залива, а можетъ быть и дальше. Между тѣмъ, спустившійся на заливъ туманъ принялся выжимать изъ себя тотъ скучный и долгій дождь, который осеннею порой бываетъ хорошо знакомъ Петербургскимъ жителямъ.

Быстро приближаясь къ Петербургу, мы проѣзжаемъ теперь смертные останки двадцати судовъ, погибшихъ отъ бури на прошлой недѣлѣ—передъ самымъ носомъ столицы. Наконецъ-то, въ 10½ часовъ утра, нашъ пароходъ въѣхалъ въ р. Неву; отсюда, какъ на ладонѣ Питеръ,—все мѣста давно знакомыя.

Ну, путь конченъ! Мы остановились у таможенной пристани, гдѣ вещи наши подверглись законному осмотру.

Голодная кляча ваньки повезла меня въ гостинницу, по осеннему Петербургу, съ его сѣренькимъ небомъ, скучнымъ дождемъ и казенными лицами, напомнившими мнѣ нѣметчину, какъ та, въ свою очередь, напомнила мнѣ Петербургъ.

